

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

Электронный научный журнал

Главный редактор – Трифонов Андрей Евгеньевич, заместитель главного редактора – Вербина Валерия Николаевна.

Редакционная коллегия: Гаевская Екатерина Юрьевна, доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук; Глазырин Валерий Алексеевич – доцент кафедры философии и социологии, доктор социологических наук; Гончаров Максим Владимирович – доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук; Григорьев Иван Владимирович – доцент кафедры трудового права, кандидат юридических наук; Дикусар Яна Сергеевна – доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук; Новикова Наталья Александровна – доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук; Сергеев Андрей Михайлович – доцент кафедры предпринимательского права, кандидат экономических наук; Файзрахманов Рафаил Андреевич – доцент кафедры теории государства и права; Шамсумова Эмма Файсаловна – доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук; Шерпаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории государства и права, доктор политологических наук.

Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. с. 607.

**Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-75805
ISSN: 2687-007X**

Адрес редакции:

ул. Колмогорова, д. 54, каб. 117А, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620034

Е-mail: iustitia.quastio@gmail.com

Тел. / факс: +7 (343) 367-40-91

Учредитель:

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
ул. Комсомольская, д. 21, Екатеринбург, Свердловская обл., Россия, 620137

Тел. / факс: +7 (343) 374-43-63.

Е-mail: rektorat@usla.ru

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы российской юстиции», допускается только с разрешения редакции.

РУБРИКА 23.00.00 ПОЛИТОЛОГИЯ

Батиева Элина Измаиловна, Шаравина Диана Александровна. ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА..... 8

РУБРИКА:12.00.00. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Велиева Ксения Микаиловна. ПРОСТУПОК, ПОРОЧАЩИЙ ЧЕСТЬ СОТРУДНИКА ФССП РОССИИ..... 17

Глебкин Сергей Александрович. ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ В ПЕРВОЙ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 24

Даровских Кирилл Игоревич. ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ..... 38

Орлов Богдан Андреевич, Матилян Роланд Овикович. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ..... 45

Саитбаталова Дина Маратовна. ЗЕМЕЛЬНЫЙ СЕРВИТУТ В РИМСКОМ, РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ И СОВЕТСКОМ ПЕРИОДАХ..... 50

Харитоновна Тамара Александровна. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ..... 58

Эмирбеков Фарид Язибекевич. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФССП РОССИИ И ФСИН РОССИИ ПО ВОПРОСАМ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА 65

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

Заманова Айгуль Ниязовна. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 77

Исаченкова Евгения Сергеевна. КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ..... 85

Руф Владислав Сергеевич. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	92
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО, КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО	
Ануфриева Анастасия Дмитриевна, Жукова Полина Сергеевна. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ	99
Волкова Ирина Юрьевна. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ.....	109
Воробьев Кирилл Сергеевич. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БАЗ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ. .	121
Гокунь Юлия Сергеевна. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ».....	135
Демина Дарья Александровна, Панков Никита Сергеевич. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)..	148
Дубровина Анастасия Николаевна. К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАСЛЕДНИКОВ ДОЛЖНИКА И ПОРУЧИТЕЛЯ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ ПЕРЕД КРЕДИТОРОМ.....	155
Жигулина Дарья Михайловна. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРОВ КРЕДИТА И ЗАЙМА В РАЗНЫХ ГОСУДАРСТВАХ	160
Злыгостев Евгений Сергеевич. НЕПОИМЕНОВАННЫЙ И СМЕШАННЫЙ ДОГОВОРЫ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	168
Кравченко Дарья Евгеньевна. К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧРЕДИТЕЛЯ ИЗ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	176
Кротов Максим Сергеевич. ПРЕДЕЛЫ ОСПАРИВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ (ДЕЙСТВИЙ) ДОЛЖНИКА В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ.....	184
Кряжевских Ксения Александровна. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА О ПЕРЕДАЧЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ	202
Метелицкая Юлия Викторовна. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ	208

Осокин Александр Владиславович. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТОП-МЕНЕДЖЕРОВ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ.....	220
Пашук Елена Олеговна. РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ КАК УГРОЗА ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	232
Подолинский Илья Александрович. ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА СУДОМ ПРИ СУЩЕСТВЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КАК ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА.....	239
Поздеева Виктория Сергеевна. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	249
Скорик Ксения Александровна. ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ	261
Тимофеева Виктория Владиславовна. К ВОПРОСУ О ДОСРОЧНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА В СВЯЗИ С ЕГО НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕМ.....	269
Тимофеева Виктория Владиславовна. КРЕДИТНЫЙ ДОГОВОР: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	281
Тяhti Валерия Егоровна. ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ	294
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	
Кулагина Анна Владиславовна. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ РАБОТНИКОВ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ).....	300
Кушнарeв Александр Сергеевич, Мецлер Валерия Эдуардовна. К ВОПРОСУ О СОВМЕСТИТЕЛЬСТВЕ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	311
Николаев Алексей Сергеевич. МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ, И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ.....	316
Шовдра Дарья Ивановна. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ	329
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	

Кременец Марина Юрьевна. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ОБЛАСТИ ПРОФИЛАКТИКИ СИБИРСКОЙ ЯЗВЫ.....	339
Молчанов Максим Дмитриевич. ЗЕЛЕННЫЕ ТАРИФЫ.....	346
Орищенко Анастасия Сергеевна, Спицин Кирилл Олегович. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ИЗМЕНЕНИЯ ВИДА РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА.....	360
Рассказов Александр Александрович. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	374
Чернигова София Андреевна. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗЕМЕЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ	382
 УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА	
Аристархов Артем Павлович. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ УВЕДОМЛЕНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ	401
Говорухин Данил Андреевич. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 127.1 УК РФ	410
Огородникова Арина Евгеньевна. К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	428
Рыбакова Татьяна Игоревна. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	436
Солоненко Кристина Михайловна. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	450
Туркина Диана Андреевна. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	457
Фам За Хюи. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО ВЬЕТНАМА: ПРИНЦИПЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	465

Фам Ньы Хан. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ВО ВЬЕТНАМЕ, КАКИЕ ТИПЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДАННЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ?.....479
Фатьянов Антон Андреевич. ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗЪЯТИЕМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА 487

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Орлова Татьяна Евгеньевна. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ 497

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Тихонин Иван Алексеевич. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ОКАЗАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ТЕРРОРИЗМУ 513

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Исаев Илья Денисович. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....520

Парнякова Светлана Алексеевна, Раевская Анастасия Евгеньевна. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ТРУД ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ.....530

Смирнова Светлана Александровна. ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ТРУД ОСУЖДЕННЫХ.538

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Балмашнов Егор Александрович, Питиримова Анна Олеговна. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ КРИПТОВАЛЮТЫ, ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ.....548

Глухова Ксения Дмитриевна, Корогод Анастасия Викторовна. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ДОСУДЕБНОГО ПОРЯДКА ДЛЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ 555

Зубровская Влада Любомировна. МЕДИАЦИЯ КАК ОСНОВА БАЛАНСА ЦЕННОСТНОГО ПРАВОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ.....	565
Кряжевских Ксения Александровна, Родионов Лев Игоревич. К ВОПРОСУ О НЕАРБИТРАБЕЛЬНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ.....	577

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Казакевич Екатерина Игоревна. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ: ИСТОКИ РАЗВИТИЯ И ВЫЗОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	583
--	------------

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Гумаров Василь Халилович, Лисковец Варвара Анатольевна. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО МЕХАНИЗМА ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА	601
---	------------

РУБРИКА:23.00.00. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2

Батиева Элина Измаиловна

Шаравина Диана Александровна

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

Юридический факультет

Россия, Москва

Elinka.batieva@yandex.ru

Kasatkadi28@gmail.com

Batieva Elina Izmailovna

Sharavina Diana Alexandrovna

The All-Russian State University of Justice

(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Faculty of Law

Russia, Moscow

**ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ
ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые положения законодательства, формирующие правовую активность молодежи в контексте правовой политики государства. Авторами обозначены количественные и качественные показатели, определяющие тенденции правовой активности молодежи в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая активность личности, правомерное поведение, правосознание, государственная молодежная политика, электоральная активность.

TRENDS OF LEGAL ACTIVITY OF YOUTH WITHIN THE LEGAL POLICY OF THE STATE

Annotation: the article considers the most important provisions of the legislation that form the legal activity of young people in the context of the legal policy of the state. The authors identify quantitative and qualitative indicators that determine the trends in the legal activity of young people of the Russian Federation.

Key words: legal activity of personality, lawful behavior, legal consciousness, state youth policy, electoral activity.

В настоящее время интерес к проблеме правовой активности молодежи достаточно актуален, поскольку практически все общественные науки так или иначе обращаются к этому предмету исследования. Российская молодежь сегодня - это около 37 млн. человек в возрасте от 14 до 35 лет, что составляет 34 процента трудоспособного населения страны и является одной из крупнейших социально-демографических групп, поэтому неудивительно, что приоритетным направлением современной государственной политики является становление правовой личности. Активная правовая личность служит источником устойчивости развития государства, модернизируя систему всего гражданского общества. Правосознание и правовая культура личности также лежат в основе данного процесса и являются важнейшими системообразующими факторами. Правовая активность молодежи показывает насколько эффективно государство решает поставленную задачу, а научное изучение вопроса, касающегося тенденций правовой активности молодежи, является достаточно проблемным и постоянно совершенствуется.

В российской юридической литературе сущность правовой активности не находит единого подхода в своем толковании. Ученые, начиная с конца прошлого века, предпринимали различные попытки к комплексному исследованию данного понятия. Например, И. Ф. Покровский под правовой активностью понимает деятельность человека по самостоятельной, внутренне

мотивированной реализации правовых требований [1, с. 143]. Д. А. Ягофаров указывает, что правовая активность – это особое, интегральное качество взаимоотношения личности и окружающей ее социально-правовой среды в виде взаимодействия, объективируемого в форме правомерной деятельности личности [2, с. 10]. Мы придерживаемся мнения, что правовая активность – высший уровень правомерного поведения личности и всего общества, который характеризует их инициативную деятельность по эффективному и наиболее полному осуществлению и защите прав, а также исполнению обязанностей. Это поведение представляет собой основу и органическую часть правовой жизни общества, практики реализации закона, социальных установок и ценностных ориентиров, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях.

Правосознанию молодежи в силу возрастных ограничений, социально-экономического и общественно-политического положения своей группы присущи специфические психологические и социальные черты. Ведь духовный мир молодых людей все еще находится в стадии становления и развития. Деятельность государственных и муниципальных органов по укреплению дисциплины, законности, правопорядка и высокого уровня правовой культуры общества напрямую влияет на формирование данного представления, поэтому так важно иметь проработанную базу политической жизни российского общества.

В Российской Федерации созданы программы, направленные на создание позитивных политических образов и закрепляющие правовые традиции российского социума. На федеральном уровне молодежной политикой занимается Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), которое является профильным общенациональным органом государственной власти, деятельность которого целиком сосредоточена на развитии молодых граждан России. Агентство воспринимает молодежь как главный ресурс развития нашей страны в XXI веке и именно на этом убеждении строит работу, поддерживая

свою деятельность различными форумами, грантами, национальными проектами.

Рассмотрим также несколько важнейших, действующих по настоящее время, нормативных актов федерального уровня, регулирующих процесс государственной молодежной политики.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» - это федеральный закон, в котором определяются функции и назначение органов по делам молодежи и их учреждений [3]. Он нужен для того, чтобы скоординировать деятельность всех ведомств, которые реализуют политику в вопросе предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Эта политика подразумевает выявление причин и условий, которые способствуют акцентуации неправомерных действий несовершеннолетних, а также их устранение путем профилактической работы.

Главной базой для финансирования мероприятий по работе и организации коммуникации с молодежью является Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4]. Это второй акт, который законодательно устанавливает и регулирует исполнение государственной молодежной политики, поэтому нормы, содержащиеся в данном законе, имеют также большое значение.

Так же необходимо указать и План мероприятий по реализации основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [5]. Он направлен на развитие просветительской работы с молодежью, создание условий для воспитания, развития и формирования ценностей молодежи.

Данное нормативно-правовое регулирование работы с молодежью способствует развитию правовой активности молодого поколения и правильного и здорового отношения к праву. Различные мероприятия по оздоровлению, обучению, социальной поддержке, трудоустройству и

обеспечению жильем направляют активность молодых людей в позитивную сторону.

Поскольку в Российской Федерации нет определенной системы показателей, определяющих тенденции правовой активности молодежи, предлагаем проанализировать количественные и качественные показатели, на примере которых можно прояснить действительную ситуацию и динамику по различным направлениям.

Одним из количественных показателей правовой активности молодежи служит уровень вовлеченности молодого поколения в политические отношения, которые во многом определяют характер политических преобразований в обществе и сказываются на стабильности функционирования политической системы в целом. Анализ самоидентификации современного поколения российской молодежи показывает, что у большинства молодых людей доминирует пассивный тип политической культуры, нигилизм [6, с. 22]. Такие институты как выборы, политические партии и организации занимают одно из последних мест в структуре самоидентификации данной группы. Представительное участие молодежи в органах государственной муниципальной власти в последние годы существенно сократилось, поскольку данное направление для них не очень актуально. Молодежные правительства призваны решить эту проблему, но и они не могут компенсировать недостаток представительных форм. Данные консультативно-совещательные общественные группы при органах законодательной и исполнительной власти действуют сегодня почти в половине субъектов России, но заметного результата по реализации государственной молодежной политики не наблюдается. На крайне низком уровне проявляется представительство молодежи в органах самоуправления учебных и трудовых коллективов [7, с. 83].

Рассматривая исследования по отношению студентов к политике, мы получили такие результаты: больше половины (60 %) опрошенных ребят

регулярно принимает участие в выборах и даже является членами политических организаций, проявляя интерес к политической информации определенной направленности (это могут быть как простые политические новости, сообщения о военных конфликтах, так и дискуссии на острые резонансные темы). Остальная же часть респондентов особо не заинтересована в событиях политической жизни и сознательно дистанцируется от нее, слабо представляя, что такое политические процессы и как они влияют на наше общество (это можно объяснить тем, что характер политического участия зависит от направления (профиля), на котором обучается студент). Более активным политическим поведением отличаются учащиеся гуманитарных направлений и профилей (около 65%), а, например, инженерам уже не так интересна политическая сфера общества и их доля составляет 35%.

В рамках данного показателя необходимо в целом рассмотреть вопрос об электоральной активности молодежи. По данным экзитпола Всероссийского центра изучения общественного мнения, молодежь приняла активное участие в голосовании на выборах Президента РФ в 2018 году [8]. Результаты подсчета явки показывают, что представители молодежи так же активно участвовали в голосовании, как и представители других возрастных групп. Выборы также показали, что граждане в среднем возрасте от 18 до 30 лет более активно участвовали в этих президентских выборах, чем в предыдущих. Стоит упомянуть и о таком важном элементе выборов, как «молодёжные» избирательные участки, которых по стране оказалось более пяти сотен. "Молодёжными" избирательными комиссиями считаются те комиссии, где представителей молодежи от 18 до 35 лет было более половины от общего числа избирателей. Они поспособствовали росту активности в данном возрастном сегменте, но уровень электоральной активности молодежи, по-прежнему, остается невысоким.

На наш взгляд, качественным показателем будет являться увеличение мероприятий патриотической направленности, а критерием данного показателя

будет выступать результативность любого социального проекта, мероприятия или направления. Патриотическое воспитание современной молодежи является условием формирования активной гражданской позиции личности. Эта проблема является крайне актуальной в настоящее время, поскольку необходимо прививать молодому поколению живой интерес к прошлому и настоящему своей страны.

Еще одним качественным показателем можно назвать информированность молодежи о проходящих мероприятиях и реализуемых программах. Казалось бы, в современном мире проблем с коммуникацией быть не должно, ведь в обществе презюмируется полный доступ к информации через интернет, но, как показывает практика, молодежь не всегда знает о том, что "интересного" происходит в их регионе для организации досуга или дополнительных занятий. В связи с этим, существующим организациям необходимо уделять более пристальное внимание подаваемой информации, ее открытости и легкости в понимании, что определенно будет способствовать положительному результату.

В последние годы все более актуальной становится проблема участия молодежи в экстремистской деятельности. 80% участников экстремистских групп составляют люди в возрасте от 20 до 30 лет, что можно рассматривать как количественный показатель. Анализ данных преступлений экстремистского характера показывает, что экстремизм в России «молодеет», наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте 15-30 лет (как правило преступления носят агрессивный характер). Важно также учитывать, что в настоящее время молодежный экстремизм растет более высокими темпами, чем преступность взрослых. В целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации утверждена редакция Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [9]. Таким образом, в правовом поведении современной молодежи неуклонно возрастает доля противоправных деяний.

Данная тенденция в поведении молодого поколения во многом детерминируется не только политическими, экономическими и духовными изменениями в российском обществе, но и их физиолого-психологическими особенностями, а также и тем, что в настоящее время правовое воспитание курсантов военного вуза, студентов и школьников осуществляется в принципиально новых социально-экономических и политических условиях [10, с. 32].

Для того, чтобы тенденции правовой активности придерживались положительной динамики, необходимо обеспечивать включенность молодых людей в процессы формирования политики государства в различных сферах и обеспечить участие молодежи в подготовке и реализации управленческих решений на различных уровнях государственного и муниципального управления. При этом необходимо обеспечить участие молодежи в выработке и реализации государственной молодежной политики. Эти вопросы должны решаться через организацию взаимодействия государственных и муниципальных структур с молодежными общественными объединениями и системную поддержку их инициатив. В университетах и академиях необходимо организовывать различные мероприятия для обсуждения и решения проблем молодежной политики (олимпиады, парламентские столы, дискуссионные клубы). Недостаточная вовлеченность молодежи в процесс социальных и политических действий способствует снижению правовой активности молодежи и к моменту достижения возраста максимальной трудовой активности они не считают себя связанными со своей страной обязательствами по личному участию в решении ее проблем, не связывают эти проблемы с собой, часто ищут возможности для самореализации вне России.

Список литературы:

1. Покровский И.Ф. О правовой активности личности и формировании ее правосознания // Вестник ЛГУ. 1971. № 17, вып 3.

2. Ягофаров Д. А. Правовая активность личности в профилактике правонарушений: сущность, особенности, стимулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 19 с.
3. Федеральный закон от 24.06.1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «Гарант.ру»
4. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Гарант.ру»
5. Распоряжение Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. N 2570-р О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г., утвержденных распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. N 2403-р // СПС «Гарант.ру»
6. Участие молодежи в молодежных политических организациях как инструмент развития гражданского общества: эволюционный аспект / Котова К.А. PolitBook. 2012. № 2. С. 21-23.
7. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / Тамбов: Грамота, 2017. №6 (80): в 2-х ч. Ч.1. С. 82-86.
8. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>
9. Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 “Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года” // СПС «Гарант.ру»
10. Проблемы и перспективы формирования правовой активности молодежи / Э. С. Ахъядов. — Текст: непосредственный / Молодой ученый. 2015. № 20 (100). С. 334-336.

РУБРИКА:12.00.00. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 342.5

Велиева Ксения Микаиловна

Уральский юридический институт МВД России

Факультет подготовки следователей

Россия, Екатеринбург

velieva.ks31@yandex.ru

Velieva Ksenia

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Faculty of Investigator Training

Russia, Ekaterinburg

ПРОСТУПОК, ПОРОЧАЩИЙ ЧЕСТЬ СОТРУДНИКА ФССП РОССИИ

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема поведения сотрудников ФССП на службе и в быту, а также возможности реализации и пути совершенствования права по установлению проступка, порочащего честь сотрудников государственных органов. Автор заключает, что раскрытие содержания исследуемого правового института невозможно без обращения к судебной практике, выработавшей в настоящее время достаточно четкие и непротиворечивые подходы к практическому применению законодательных предписаний.

Ключевые слова: проступок, честь, мораль, нравственность, поведение, сотрудники правоохранительных органов.

A MISDEMEANOR DISCREDITING THE HONOR OF AN EMPLOYEE OF THE FSSP OF RUSSIA

Annotation: this article examines the problem of the behavior of FSSP employees in the service and at home, as well as the possibility of implementing and ways to improve the law on the establishment of misconduct that discredits the honor of employees of state bodies. The author concludes that the disclosure of the content of the legal institution under study is impossible without recourse to judicial practice, which has now developed sufficiently clear and consistent approaches to the practical application of legislative prescriptions.

Key words: misconduct, honor, morality, morality, behavior, law enforcement officers.

Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП), как и другой правоохранительный орган, связана с повышенными требованиями к профессиональным, морально-нравственным качествам личности человека. От служащего требуется соблюдение не только установленных нормативно-правовыми актами обязанностей и запретов, но и норм морали и нравственности, то есть оценочных понятий, установленных в обществе.

В Приказе Минюста России от 18 марта 2020 №47 "Об утверждении Дисциплинарного устава органов принудительного исполнения Российской Федерации" содержится такая дефиниция как «служебная дисциплина», под которой понимается соблюдение норм законодательства РФ, включая Присягу сотрудника, Дисциплинарного устава, должностной инструкции, правил внутреннего служебного распорядка, контракта и т.д. Однако определение понятия проступка, порочащего честь сотрудника правоохранительного органа, в этом и в других актах правоохранительных органов не раскрыто.

Не имеют под собой правового закрепления и понятия «честь», «достоинство» и «деловая репутация». Выступая морально - этическими идентификаторами личности, эта относительно устойчивая триада, имеет близкую правовую сущность [1]. Данные понятия являются категориями нравственного, этического характера. В научной доктрине трактуется следующее определение чести - объективная оценка качеств личности со стороны их соответствия нормам, главенствующим в обществе [2], то есть получается, что это социальная оценка гражданина.

К сожалению, происходят ситуации, когда сотрудник ФССП может совершить проступок, несовместимый с обликом государственного служащего: не выполнение своих обязанностей и запретов, игнорирование норм нравственности и морали. Особенно актуальным является рассмотрение ситуаций, когда сотрудники подлежат увольнению за совершение проступка, порочащего честь сотрудника, «при совершении преступления» [3]. Такие действия позорят не только конкретного сотрудника, но и ФССП в целом. Хуже всего, когда проступок освещается в средствах массовой информации. Исследование нами судебной практики по данной проблеме показало, что решений, посвященных ФССП не так много. Значит можно сказать, что судебная практика еще не сформировалась. А для ОВД примеров гораздо больше. По этой причине исследование обозначенной проблемы и путей ее решения чрезвычайно актуально. Опыт применения наказания в ОВД может быть применен в ФССП.

В целях не совершения сотрудниками ФССП таких поступков установлена дисциплинарная ответственность в виде увольнения со службы. Аналогичные наказания установлены и для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее - ОВД) и других государственных служащих.

Применение на практике этой меры во всех государственных органах вызывает затруднение потому, что нужно давать моральную оценку действиям человека, а четких границ и требований к поведению человека нигде нет.

Если анализировать положения Типового кодекса в части, касающейся требований к служебному поведению, то можно заметить, что они носят общий характер, и, несомненно, нуждаются в конкретизации. Они лишь служат базой для разработки кодексов этики. Например, соблюдение ограничений и запретов, исполнение обязанностей, соблюдение норм служебной, профессиональной этики и др.

Кроме того, основная причина затруднений заключается в оценочном характере категории «проступок, порочащий честь и достоинство», из-за чего затруднена объективная оценка данного деяния. Здесь необходимо вспомнить указание Конституционного Суда РФ, где оценочное понятие не свидетельствует о неопределенности глубины его содержания, именно поэтому разнообразие объективных обстоятельств делает недопустимым наличие исчерпывающего перечня деяний за проступок в законе, а применение нормотворцем оценочной характеристики лишь создаёт возможность эффективно применить нормы права к числу неограниченных правовых ситуаций [4].

Ориентирами правильного понимания и применения норм об увольнении сотрудника ФССП может являться судебная практика по делам об увольнении за совершение проступка, порочащего честь сотрудника ОВД. Данные институты являются близкими и имеют общие правовые корни. Необходимо сказать, что судебная практика в отношении сотрудников гораздо более обширна. И, можно говорить, приобрела устоявшиеся черты.

Поскольку отсутствует определение понятия «проступок, порочащий честь сотрудника ОВД», отсутствуют и какие бы то ни было классификации таких проступков. Достаточно условно проступки, порочащие честь сотрудника органов внутренних дел, можно разделить по времени совершения на

проступки, совершаемые в служебное время, и на проступки, совершаемые во внеслужебное время, а также на уголовные преступления и административные правонарушения и проступки, совершаемые в быту [5].

Самыми распространёнными проступками практика судов называет: управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или связанное с ним, например: невыполнение сотрудником требований ГИБДД, ППС, дежурной части, пререkanie с должностными лицами, сопротивление при пресечении незаконных действий сотрудника при его задержании и доставлении, отказ от прохождения медицинского освидетельствования, попытка дать взятку, использовать свое служебное положение для ухода от ответственности и т.д. Такое поведение рассматривается как пренебрежение требованиями законодательства, нарушение нравственных принципов и норм. В этих случаях основанием для увольнения является именно совершение указанных действий, вне зависимости от состояния опьянения (которое иногда не обнаруживается). Не понимая это, сотрудники, каким-либо образом избежавшие ответственности за пьяную езду, ошибочно пытаются отменить и приказ об увольнении за проступок, порочащего честь сотрудника ОВД.

Главным фактором квалификации поведения сотрудника служат конкретные действия: отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние разного вида опьянения, спор с сотрудниками ОВД, в частности ДПС, недисциплинированность, вседозволенность, пренебрежение к нормам закона. Именно такие деяния умаляют авторитет власти.

Таким образом, правильное применение норм права, регламентирующих увольнение за данный проступок складывается из объективного установления факта совершения конкретного деяния и точного соблюдения процедуры увольнения.

Основой высоких требований к поведению сотрудника правоохранительного органа является занятие им должности в системе органов публичной власти.

Так, совершить проступок возможно, как во время служебной деятельности, так и вне службы.

Очень сложно дать исчерпывающий перечень требований к морально-нравственному облику сотрудника правоохранительного органа и закрепить в законе морально-нравственные категории. Это не отменяет обязательности морально-нравственных ориентиров в работе сотрудников ФССП.

Раскрытие содержания исследуемого правового института невозможно без обращения к судебной практике, выработавшей в настоящее время достаточно четкие и непротиворечивые подходы к практическому применению законодательных предписаний.

Список литературы:

1. Рудьман Д.С., Квасников Е.С. Особенности гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Современное право. 2019. № 5.

2. Комиссарова Е.Г. Социально-правовая эволюция категории «честь» и её влияние на содержание современных юридических установлений // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24 - 25 октября 2014 г.): избранные материалы / Г.В. Абшилава, В.В. Акинфиева, А.Б. Афанасьев и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2015. 400 с.

3. Равнюшкин А.В. Судебная практика по спорам об увольнении со службы (при совершении преступления) в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3. С. 156-162.

4. Определения Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 278-О, от 20.04.2017 № 751-О, от 24.03.2015 № 474-О, от 03.07.2014 № 1486-О

5. Новикова Е. Увольнение в силовых структурах // Трудовое право. 2018.
№ 12. С. 47 - 56.

УДК 342.82

Глебкин Сергей Александрович
Уральский государственный педагогический университет
Институт общественных наук
Россия, Екатеринбург
glebkings02@mail.ru
Glebkin Sergei
Ural State Pedagogical University
Institute of Social Sciences
Russia, Ekaterinburg

ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ В ПЕРВОЙ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация: первая Эстонская Республика существовала всего 20 лет, однако за этот небольшой исторический период избирательное право пережило несколько трансформаций. Избирательное право менялось в зависимости от перехода государства из состояния военного положения в мирное время, а затем снова в военное положение. Несмотря на трудности, эстонские власти стремились к полному соблюдению законов, которые, однако, иногда не соответствовали демократическим принципам. В статье рассмотрены эстонские нормативно-правовые акты и дана оценка эстонскому институту выборов за данный исторический период.

Ключевые слова: история, институт выборов, первая Эстонская Республика, Рийгикогу, избирательное право.

ELECTION INSTITUTE IN THE FIRST REPUBLIC OF ESTONIA

Annotation: the first Republic of Estonia existed for only 20 years, but during this short historical period, the right to vote has gone through several transformations. Suffrage changed depending on the transition of the state from a state of martial law to peacetime, and then back to martial law. Despite the difficulties, the Estonian

authorities sought to fully comply with the laws, which, however, sometimes did not correspond to democratic principles. The article examines Estonian legal acts and assesses the Estonian institution of elections for a given historical period.

Key words: history, institution of elections, first Republic of Estonia, Riigikogu, suffrage.

Формирование института выборов в новообразованном государстве является обязательным условием для организации государственной власти во всех государствах, стремящихся к демократии. Эстонский народ стремился к национальной идентичности и самоопределению, а политические изменения в России и мире сподвигли эстонскую интеллигенцию к активным действиям.

Рассмотрим события, которые предшествовали формированию демократических институтов в первой Эстонской Республике. Временный Земский совет Эстляндской губернии (эст. *Maapäev*), избранный в 1917 году, стал предшественником эстонского Учредительного собрания – первого парламента Эстонии. Данные выборы были инициированы российским Временным правительством и регулировались постановлением Временного правительства от 30 марта 1917 года. Согласно пункту 16 данного постановления: «Право участия в выборах имеют все жители волостей, достигшие 21 года и проживавшие к 1 марта 1917 г. не менее года в пределах волости и принадлежащих к ней имений или местечек», – можно сделать вывод, что демократические права эстонцам были предоставлены [6, с. 153]. Это было сделано в целях временной организации управления Эстляндской губернии. Выборы в Земский совет состоялись в мае-июне 1917 года. Они были двухуровневыми. На первом этапе были избраны представители сельских территорий. На втором этапе в сентябре 1917 года, после муниципальных выборов, были избраны представители от городов [12, с. 100]. Данные выборы не были прямыми. И.Н. Грязин писал, что: «В сельской местности выборщики избирались по 1 человеку на 100 избирателей, а члены Земского совета

собрания избирались коллегиями выборщиков отдельных земель» [2]. Таким образом, еще до обретения независимости в Эстонии стал формироваться институт выборов. Данный опыт, безусловно, повлиял на дальнейшую политическую обстановку и укрепил зародыши национальной идентичности и демократических ценностей у населения.

Однако Таллинский Совет, который состоял преимущественно из меньшевиков, объявил результаты выборов недействительными. Российское Временное правительство призвало Таллинский Совет к порядку, что затем привело к признанию результатов выборов в Земское собрание. 1 июля 1917 года Земский совет открылся в замке Тоопмеа [7, с. 106-107]. Затем прошли выборы в городские думы, где большевики на некоторых участках получили 40% голосов, а левые партии в целом получили почти две трети голосов, однако это не имело особого исторического значения, так как в конце октября 1917 года большевики захватили власть в Эстонии, распустили органы местного самоуправления и Земский совет [7, с. 108-109] [12, с. 101]. Несмотря на это, Земский совет пытался продолжить свое существование и после ноября 1917 года. На основе Земского совета существовал Комитет старейшин, который действовал подпольно [12, с. 102].

Перед переворотом в октябре на территории будущей Эстонии прошли выборы во всероссийское Учредительное собрание, на котором большевики получили 40% голосов, Демократический блок получил 29% голосов, а Трудовая партия получила 21% голосов, при этом явка составила 57% [7, с. 108] [12, с. 109]. Большевики не препятствовали проведению выборов и в эстонское Учредительное собрание, поэтому выборы состоялись в феврале 1918 года. Однако, по результатам выборов на нескольких участках, большевики получили всего 37,1% голосов, а большинство голосов получили партии, поддерживающие независимость Эстонии. Данные выборы были прерваны большевиками и не были завершены на некоторых территориях [7, с. 110]. Затем началась немецкая оккупация Эстонии, из-за которой развитие

демократических институтов было остановлено. Таким образом, можно заметить, что эстонская национальная интеллигенция стремилась к развитию демократических институтов в Эстонии еще до провозглашения ее независимости.

Официально независимость Эстонской Республики была провозглашена 24 февраля 1918 года, однако, чтобы получить независимость, пришлось пережить немецкую оккупацию, а затем победить войну с большевиками. 2 марта 1920 года Советская Россия признала независимость Эстонии. Даже во время Освободительной войны в Эстонии проходили выборы. Так, весной 1919 года обстановка на фронте была благоприятной для эстонского временного правительства, поэтому им были назначены выборы в Учредительное собрание на 5-7 апреля. Большевики не были допущены на эти выборы, поэтому призывали к бойкоту выборов. Явка составила 80%. Социал-демократы получили 33,3% голосов (41 место), эсеры (независимые социалисты) – 5,8% голосов (7 мест), Трудовая партия – 25,1% голосов (30 мест). Народная партия получила 20,7% голосов (25 мест). Остальные 17 мест получили небольшие партии [2, с. 109]. Март Лаар считает, что победу на выборах одержали левые силы [1, с. 126]. На официальном сайте Рийгикогу (современного эстонского парламента) есть свидетельства, согласно которым политическая агитация велась уже перед выборами в Учредительное собрание в 1919 году [10]. Это интересный факт, свидетельствующий о развитии в Эстонии законной борьбы за голоса избирателей. Таким образом, в 1919 году в Эстонии был избран первый парламент. Конечно, данные выборы были не совсем демократическими, ведь не были допущены большевики, которые пользовались определенной поддержкой у населения, однако такая мера была необходима для защиты суверенитета в условиях продолжающейся Освободительной войны.

Учредительное собрание разработало и утвердило первую Конституцию, закрепляющую права граждан, в том числе избирательных. 21 декабря 1920

года первая Конституция Эстонской Республики вступила в силу. В данном документе было четко прописано, кто имеет право принимать участие в выборах, а также представлены принципы избирательного права. Так, статья 27 гласит: «Имеет право голоса каждый гражданин, который достиг 20 лет и пробыл не меньше года без перерыва гражданином Эстонии» [3, с. 112]. Избирательное право не было всеобщим. Так, согласно статье 28, права голоса лишались граждане, признанные сумасшедшими, слепыми, глухонемыми; помимо этого права лишались расточители, объявленные под опекой; а также некоторые категории преступников [3, с. 112]. Избирательное право распространялось на выборы в эстонский парламент – Рийгикогу (эст. *riigikogu*), что указано в статье 37 Конституции. В документе прописаны и общие принципы парламентских выборов: так, статья 36 Конституции гласит: «Рийгикогу состоит из ста членов, избираемых посредством всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов на основании пропорциональной системы <...> Закон о выборах в Рийгикогу будет издан как специальный закон» [3, с. 113]. Можно наблюдать некоторое противоречие между статьями Конституции: с одной стороны выборы должны быть всеобщими, а с другой стороны избирательного права лишаются некоторые категории граждан, что не допускается, например, в современной Российской Федерации. Помимо государственного парламента, граждане Эстонии имеют право избирать органы местного самоуправления, о чем гласит статья 76 Конституции: «Представительства самоуправляющихся единиц избираются посредством всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов на основе пропорциональной системы» [3, с. 116]. Глава Эстонской Республики – государственный старейшина (эст. *riigivanem*) – избирается парламентом [3, с.115]. Таким образом, первая эстонская Конституция определила право граждан на свободное волеизъявление и законодательно закрепила избирательное право в молодом государстве.

Когда Конституция была разработана и утверждена, но еще не вступила в силу, Учредительное собрание распустилось и объявило о выборах в первый Рийгикогу. Принципы утвержденной Конституции уже должны были соблюдаться на этих выборах. Партии и политические блоки могли представить несколько списков кандидатов в одной административно-территориальной единице. На данных выборах социал-демократы получили 17,1% голосов (18 мест), эсеры получили 10,7% голосов (11 мест), Трудовая партия – 21,1% голосов (22 места), объединение аграриев – 20,8% голосов (21 место), Народная партия – 10,4% (10 мест). В Рийгикогу попали и коммунисты – Центральный комитет Таллинских профсоюзов получил 5 мест [7, с. 113]. Явка на этих выборах составила 72,6% [10]. Таким образом, данные выборы являются более демократическими, чем прошлые, так как на выборы были допущены коммунисты.

В 1923 году прошли досрочные парламентские выборы из-за разногласий по поводу преподавания религиозной дисциплины в школе [8, с. 5]. На данных выборах победу одержала партия аграриев – они получили 21,5% голосов (23 места). Социал-демократы получили 14% голосов (15 мест), Трудовая партия – 11,2% голосов (12 мест). В парламент прошли и коммунисты под видом Независимой социалистической рабочей партии – они набрали 4,7% голосов и получили 5 мест. Явка составила 67,8% [10]. Справедливость этих выборов может вызвать сомнения, так как в очередной раз создавались препятствия для коммунистов. Историк Д. Нохлен считает, что «На выборах были некоторые нарушения – некоторые списки, по большей части коммунистов, были объявлены недействительными до выборов из-за нарушений избирательного права, и полученные результаты дали Эстонии самый фрагментированный парламент в её истории» [11, с. 582]. Таким образом, выборы во второй Рийгикогу состоялись, однако существует недопонимание насчет тезиса, нарушали ли коммунисты избирательное законодательство. Избирательного закона первой половины 1920-х годов, а также задокументированных

нарушений коммунистами избирательного законодательства нет в открытом доступе, из-за чего установить правдивость или ложность данного тезиса затруднительно.

Деятельность второго Рийгикогу характеризовалась принятием важного закона для развития избирательного права в Эстонии. Так, перед выборами в третий Рийгикогу, 18 февраля 1926 года был принят закон «о выборах в Рийгикогу, о народном голосовании и народной инициативе» [5]. Следует подробнее изучить этот закон и выделить ряд наиболее важных положений. Во-первых, Эстония делилась на 10 избирательных округов, которые в свою очередь делились на избирательные участки. Во-вторых, подтверждалось всеобщее избирательное право, кроме исключений, указанных в Конституции. Также подробно разъяснено, какие категории задержанных и осужденных лишались избирательного права. В-третьих, утверждались органы, ответственные за проведение выборов. В-четвертых, от каждой партии допускалось по одному человеку в состав участковой комиссии. В-пятых, местная управа постоянно должна была вести избирательные списки. В-шестых, людям было представлено право разработать «народную» инициативу и предоставить ее в Рийгикогу в качестве законодательной, а также выдвинуть предложение о проведении референдума или досрочных выборов. В-седьмых, на парламентских выборах избиратель мог проголосовать только за один список кандидатов, что представляет собой пропорциональную избирательную систему. В-восьмых, для участия в выборах кандидатам было необходимо собрать подписи рекомендателей, внести денежный залог, а партиям также разработать избирательный список, исходя из требований закона. В-девятых, подробно расписаны требования к бюллетеням, помещениям для голосования, порядкам проведения выборов и составления протоколов. В-десятых, был подробно расписан порядок распределения мест в парламенте и введен избирательный порог (необходимо было выиграть хотя бы два места, чтобы быть представленными в парламенте) [5]. Таким образом, принятый закон был

очень подробным, а изложенные положения позволяли разрешить широкий спектр возможных разногласий.

В соответствии с новым избирательным законом 15-17 мая 1926 года прошли выборы в третий Рийгикогу. Объединение социал-демократов и коммунистов (Эстонская социалистическая рабочая партия) одержало победу – оно получило 22,9% голосов (24 места). Объединение аграриев получило 21,4% голосов (23 места). Объединение новопоселенцев, арендаторов и мелких земледельцев значительно улучшило свои позиции и получило третье место – 13,5% голосов или 14 мест. Трудовая партия получила 12,3% голосов (13 мест). Явка составила 73,3% [10]. В парламент прошло 10 партий, что меньше, чем на предыдущих выборах – это следствие введения избирательных барьеров.

11-13 мая 1929 года состоялись очередные выборы в Рийгикогу (4 созыв). Социалистическая рабочая партия победила на выборах, получив 24,1% голосов (25 мест). За ним следуют партия аграриев – 23,1% (24 места), Объединение новопоселенцев, арендаторов и мелких земледельцев – 13,7% (14 мест) и Трудовая партия Эстонии – 10,2% (10 мест). Явка составила 69,3% [10]. Как и на предыдущих выборах, всего в Рийгикогу прошло 10 партий.

Выборы в пятый созыв Рийгикогу прошли с 21 по 23 мая 1932 года. Объединение новопоселенцев, арендаторов и мелких земледельцев и партия аграриев объединились в Объединенную фермерскую партию – они победили на выборах, набрав 39,8% голосов и получив 42 места. Трудовая партия, эстонская народная партия и христианская народная партия объединились в Национально-центристскую партию и получили 22,1% голосов (23 места). Социалистическая рабочая партия Эстонии получила 21% голосов (22 места). Также прошли еще три небольшие партии. Явка составила 67,1% [10]. Таким образом, выборы в пятый Рийгикогу, как и выборы в третий и четвертый Рийгикогу, прошли в стандартном порядке и в соответствии с избирательным законом 1926 года.

В ходе работы пятого созыва Рийгикогу была принята новая Конституция. 24 января 1934 года измененная Конституция вступила в силу. Данная Конституция существенно изменила государственный строй Эстонии. Следует подробно изучить Конституцию 1934 года, чтобы выделить изменения в избирательном праве. Статья 29 новой Конституции гласила: «Народ осуществляет государственную власть: 1) всенародным голосованием; 2) иницируя народ; 3) избирая Рийгикогу; 4) избирая государственного старейшину [авт. – главу государства]» [4]. Таким образом, предполагалось введение института всеобщих выборов главы государства, о чем говорилось и в статье 58: «Глава государства избирается народом всеобщим, единым, прямым и тайным голосованием сроком на пять лет» [4]. Статья 36 гласит: «Пятьдесят членов Рийгикогу избираются всеобщим, единым, прямым и тайным голосованием на основе принципов соразмерности, но таким образом, чтобы избиратель имел возможность избирать отдельных лиц» [4]. Таким образом, предполагалось уменьшение количества членов парламента в два раза, а также введение возможности голосовать не за списки кандидатов, а за отдельных лиц. Также Глава государства, избранный на пять лет, имел право распустить Рийгикогу, наложить вето на принятые Рийгикогу постановления и издавать законы в виде указа [10]. Эстонские историки пишут, что «В действительности новая Конституция в значительной степени не была выполнена, и не было выборов в Рийгикогу с наполовину сокращенным составом» [10]. Также, 27 февраля 1934 года глава государства К. Пятс представил Рийгикогу Закон о внесении изменений и дополнений в Закон о военной службе, который запрещает военнослужащим участвовать в политических объединениях, осуществлять политическую агитацию и баллотироваться на выборах в Рийгикогу или самоуправления. А 2 октября 1934 года Рийгикогу был окончательно распущен [10]. Таким образом, Эстония стала президентской республикой, где прекратилось влияние демократически избранного законодательного органа.

Итак, в соответствии с новой Конституцией необходимо было провести выборы главы государства. Данные выборы планировались, однако из-за угрозы государственного переворота К. Пятс ввел в стране военное положение, которое запрещало любую политическую активность [7, с. 136]. Таким образом, ни парламентских, ни президентских выборов в 1934 году проведено не было.

Избирательная активность возобновилась лишь в 1936-1937 годах, когда К. Пятс назначил выборы в переходный аналог парламента – Национальную ассамблею (эст. *Rahvuskogu*). Депутаты нижней палаты избирались на народном голосовании, а депутаты верхней палаты выдвигались от различных государственных структур или назначались главой государства [10]. Для проведения этих выборов было изменено избирательное законодательство. Согласно Закону об образовании Национальной ассамблеи, Эстония была разделена на 80 независимых избирательных округов для выборов в нижнюю палату Национальной ассамблеи, и от каждого избирательного округа избирался один кандидат. То есть пропорциональная избирательная система была заменена на одномандатную. Кандидат должен был быть не младше 25 лет, иметь право голоса и предоставить не менее 100 подписей в его поддержку. Если в избирательном округе был выдвинут только 1 кандидат, голосование не проводилось, и кандидат объявлялся избранным. Поскольку деятельность всех партий была приостановлена, к участию в выборах преимущественно допускались кандидаты, одобренные проправительственным политическим объединением – Патриотической лигой [11]. 12-14 декабря 1936 года состоялись выборы в нижнюю палату Национальной ассамблеи. Эстонские историки пишут, что «оппозиция призывала к бойкоту выборов, поскольку правительство не предоставляло никаких политических прав кандидатам от оппозиции» [10]. Выборы не были проведены в 50 округах, так как оппозиция не выдвинула ни одного кандидата, вследствие чего 50 проправительственных депутатов автоматически победили. В остальных 30 районах явка избирателей была низкой, например, 30% в Таллинне и 38% в Тарту. Явка на выборах

составила 57,8%. Всего было избрано 80 депутатов, среди которых подавляющее большинство было из Патриотической лиги [12, с. 122]. Таким образом, К. Пятс разрешил провести выборы в переходный аналог парламента, однако они не были демократическими из-за запрета на деятельность политических партий, в том числе оппозиционных.

В 1937 году Национальной ассамблеей была разработана новая Конституция, которая вводила должность Президента, а также порядок его избрания: Президент должен был избираться голосованием обеих палат парламента (Рийгикогу). Было предусмотрено проведение всеобщего голосования по одномандатным округам для избрания нижней палаты Рийгикогу – Палаты депутатов [12, с. 121]. Для кандидатов в 2,5 раза повышался денежный залог и требовалось в 1,5 раза больше подписей, чем на последних выборах [10]. Также повышался возраст получения избирательного права – в соответствии с новой Конституцией, голосовать разрешалось гражданам, достигшим 23 лет, а также требовалось, чтобы гражданин обладал эстонским гражданством не один год, как требовалось ранее, а минимум три года [12, с. 121].

В соответствии с новой Конституцией, 24–25 февраля 1938 года прошли выборы в нижнюю палату Рийгикогу. Военное положение, продолжавшееся с 1934 года, не было отменено, поэтому запрет на деятельность политических партий продолжался. Было избрано 80 кандидатов, из которых 46 были из проправительственного политического объединения «Национальный фронт за реализацию Конституции». Кандидаты от этого объединения получили суммарно 57,4% голосов. Явка составила 71% [10]. Таким образом, данные выборы так же были недемократическими из-за продолжавшегося военного положения и ограничения прав оппозиционных политиков.

Последние выборы в первой Эстонской Республике прошли так же в 1938 году. Президентские выборы состоялись 24 апреля 1938 года, на которых

Рийгикогу переизбрал К. Пятса [10]. В 1940 году заканчивается история первой Эстонской Республики, так как она вошла в состав СССР.

Эстонский институт выборов в первой Республике имел ряд особенностей. Представляется целесообразным выделить их.

Следует отметить регулярность местных (муниципальных) выборов, которые проходили в первой Эстонской Республике. Так, местные выборы проводились в 1919, 1921, 1923, 1927, 1930 и в 1934 годах [1].

Большое влияние на выборы в течение всей истории первой Эстонской Республики оказывало положение обороны или военное положение, которое действовало в начале и конце данного исторического периода. Так как первые выборы и становление независимости проходили в военное время, то предпринимались меры по запрету коммунистической партии, а также в избирательных законах большое внимание уделялось избирательному праву военных – в Конституциях и избирательном законе отдельно прописывался порядок голосования для военнослужащих. В свою очередь, начиная с 1934 года действовало военное положение, которое запрещало деятельность политических партий. В том же году было запрещено участие военнослужащих в политической агитации, а также их участие в выборах. То есть, различные обстоятельства, произошедшие в течение внушительной части данного исторического периода, иногда не позволяли проводить абсолютно демократические выборы.

Хочется уделить внимание праву народа на защиту национальных меньшинств, которое выражалось и в избирательном праве. Так, на выборах с 1918 по 1932 годы участие принимала партия, защищающая интересы русского населения. Она называлась по-разному: Демократический союз русских граждан (1918 год), Русский национальный союз в Эстонии (1920 год – 1 место в Рийгикогу), Объединенная русская партия (1923 год – 4 места), Объединенная партия русских (1926 год – 3 места), Русский национальный союз (1929 год – 2 места, 1932 год – 5 мест) [8] [10] [12, с. 109]. Также в разные годы участие в

парламентских выборах принимали Германско-шведский избирательный блок, Германская балтийская партия, Группа Сету-Ингрия, Еврейское национальное меньшинство.

Таким образом, за 20 лет независимости Эстония обрела опыт проведения демократических и недемократических выборов, а также пережила несколько трансформаций избирательного права. Общая тенденция заключалась в том, чтобы создать полностью демократический институт выборов, однако этого сделать не удалось из-за угроз национальной безопасности или из-за возможного нарушения государственного порядка. Также эстонские власти стремились к абсолютному соблюдению законов, а принципы избирательного права были изложены в разных версиях конституций, и наиболее четко они были расписаны в избирательном законе 1926 года. Прежде всего, институт выборов регламентировал выборы в эстонский парламент – Рийгикогу, а также выборы органов местного самоуправления. Полученный исторический опыт лег в основу современного эстонского избирательного права, в котором предполагается, что парламент Рийгикогу так же должен избираться в соответствии с демократическими принципами.

Список литературы:

1. Архив прошедших выборов // Valimised : офиц. сайт. – 2019. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.valimised.ee/ru/arkhiv-proshedshikh-vyborov> (дата обращения 25.11.2022).
2. Грязин И. Н., Руус, М. П. Юридическая дата рождения Эстонской, демократической республики (теоретическая постановка проблемы) / И. Н. Грязин, М. П. Руус // Теоретические проблемы истории права: Труды по правоведению II / Тартуский государственный университет. – Тарту, 1989. – Вып. 847. – С. 112–123.
3. Дурденевский, В. Н. Послевоенные конституции Запада / В. Н. Дурденевский ; Ин-т совет. права. - Л. : Гос. изд-во, 1924. Вып. 1 : Соединенные

Штаты. Ирландия. Польша. Литва. Латвия. Эстония. Финляндия. – 1924. – 135 с.

4. Закон о внесении изменений в Конституцию Эстонской Республики, инициированный народом и принятый народом всенародным голосованием 14, 15 и 16 октября 1933 года // Государственный вестник (Riigi Teataja). – №86. – 1933. – 28 окт. – С. 989–996.

5. Закон о выборах в Рийгикогу, о народном голосовании и народной инициативе // Государственный вестник (Riigi Teataja). – №16. – 1926. – 26 фев. – С. 141–152.

6. Карьяхярм, Т. Поворотные моменты истории Эстонии : Сборник документов и материалов для гимназий / Т. Карьяхярм, А. Адамсон. – Таллинн : Арго, 2008. – 408 с. – ISBN 978-9949-438-32-7.

7. Лаар, М. Очерки истории эстонского народа / М. Лаар, Х. Валк, Л. Вахтре. – Таллинн : Купар, 1992. – 243 с. – ISBN: МИВ 198/БН2-02122016/26.

8. II Riigikogu valimised: 5.-7. mail 1923 / Riigi Statistika Keskbüroo. – Tallinn : Tallinna Eesti Kirjastus-Ühisus, 1923. – 77 с.

9. III Riigikogu valimised : 15.–17. mail 1926 / Riigi Statistika Keskbüroo. – Tallinn : Tallinna Eesti Kirjastus-Ühisus, 1927. – 48 с.

10. History of the Riigikogu // Riigikogu : офиц. сайт. – 2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.riigikogu.ee/en/introduction-and-history/history-riigikogu/> (дата обращения 01.12.2022).

11. Nohlen D. Elections in Europe: A data handbook / D. Nohlen, P. Stöver. – Baden-Baden : Nomos, 2010. – 2070 с.

12. Toivo U. Raun. Estonia and the Estonians / Toivo U. Raun. – Stanford : Hoover Press, 2001. – 313 с.

УДК 347.97

Даровских Кирилл Игоревич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультет права
Россия, Москва
kirilldarovskih@mail.ru
Darovskikh Kirill
HSE University
Faculty of Law
Russia, Moscow

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ

Аннотация: в статье рассматривается деятельность судебных инстанций, осуществляющих пересмотр вступивших в законную силу судебных актов, с точки зрения их множественности в сравнении с зарубежными судебными системами. Представлены судебная практика и доктринальные подходы по поводу принципа правовой определенности, а также целесообразность его существования в российской судебной системе. Сделано заключение о прямой зависимости количества судебных инстанций и права на судебную защиту.

Ключевые слова: судебная система, кассационные инстанции, надзорная инстанция, правовая определенность, право на судебную защиту.

THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY WITHIN THE PLURALITY OF COURTS

Annotation: in the article are examined the activities of courts that have cassation and supervisory jurisdiction from the point of view of their plurality in comparison with foreign judicial systems. There are presented judicial practice and the doctrine

regarding the principle of legal certainty as well as the expediency of its existence in the judicial system in Russia. It is concluded that there is the direct dependence of the number of courts and the right to judicial protection.

Key words: judicial system, courts of cassation, court of supervision, legal certainty, right to judicial protection.

В первом приближении, значительная разветвленность судебной системы без привязки к конкретному виду судопроизводства не представляет какой-либо преграды для надлежащего функционирования института пересмотра судебных актов, однако в настоящий момент российское процессуальное законодательство все еще осложнено длинной чередой судебных инстанций, через которые потенциально может пройти каждое дело. Сложившееся положение есть правовой диссонанс между реализацией судами своих полномочий так, как это предусматривают соответствующие положения процессуальных кодексов, и принципом правовой определенности по смыслу разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) и Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Рассмотрение заявляемого противоречия следует начать с некоторых институциональных вопросов. Если обратиться к опыту построения судебных систем зарубежных государств, то становится очевидно, что как в англо-американской, так и в романо-германской не предусмотрено несколько судебных инстанций для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. В этом смысле вопрос несоответствия принципу правовой определенности не стоит, поскольку исправление возможных критических ошибок, допущенных нижестоящими судами, осуществляется единожды и на самом высоком уровне, а такое решение является окончательным на национальном уровне без учета пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, особенно если суд, рассматривающий дело, одновременно выполняет функции судебного конституционного надзора.

Иная ситуация сложилась в российской судебной системе. За последние годы институт пересмотра судебных актов претерпел ряд изменений, обусловленных в том числе подвижками в сторону концепции «одно звено — одна инстанция», в частности, в 2010 году при наделении президиумов верховных судов субъектов РФ и Судебных коллегий Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) полномочиями кассационных инстанций и передаче надзорных полномочий Президиуму ВС РФ, а также в 2019 году в ходе создания отдельных апелляционных и кассационных судов. Тем не менее, в настоящий момент в России все еще существует трёхинстанционный пересмотр: кассационное в специальных кассационных судах и в Судебных коллегиях ВС РФ, а надзорное в Президиуме ВС РФ.

Безусловно, такая система пересмотра вступивших в законную силу судебных актов является воронкообразной в том смысле, что до надзорной инстанции доходят единицы дел, поскольку каждая последующая инстанция имеет собственные, сужающиеся правовые основания для пересмотра дела. Более того, предполагается, что множественность судебных инстанций в таком случае нивелируется сроками, в рамках которых нижестоящее судебное решение может быть пересмотрено. Однако представляется, что указанные обстоятельства не могут служить оправданием для дальнейшего существования трёхинстанционного пересмотра, поскольку оно противоречит принципу правовой определенности.

Важно отметить, что сам по себе принцип правовой определенности прямо не закреплен в российском законодательстве, однако его действие в российской правовой системе обеспечивается международными обязательствами РФ [1]. Следует полагать, что в таком случае законодательное формулирование на национальном уровне принципа правовой определенности не требуется ввиду того, что, например, в решениях КС РФ он рассматривается как общепризнанный, общеправовой, а также является одним из основных элементов верховенства права [6, с. 133], которое, в свою очередь, является

составной частью конституционного права на судебную защиту. Иными словами, принцип правовой определенности изначально содержится внутри универсальной правовой нормы и нуждается лишь в надлежащем толковании.

Помимо решений КС РФ, понятие принципа правовой определенности и его элементов выработано, прежде всего, в ряде позиций ЕСПЧ, что, однако не является фактором, предопределяющим само его существование, поскольку он есть неотъемлемая часть положений ст. 46 Конституции РФ, а потому следует полагать, что обозначенный принцип влияет в том числе на институт пересмотра судебных актов внутри российской судебной системы безотносительно к тому, как складываются отношения России и ЕСПЧ.

Несмотря на это, наиболее полное понимание пределов принципа правовой определенности дает именно ЕСПЧ, указывая, что пересмотр вступивших в законную силу судебных актов направлен, в первую очередь, на исправление судебных ошибок и не является скрытой формой обжалования, а его основанием не может быть наличие двух точек зрения по одному вопросу [3]. Аналогично КС РФ ставит целью пересмотра устранение неоспоримых фундаментальных нарушений [2].

При этом практика деятельности множественных судебных инстанций, которые пересматривают вступившие в законную силу судебные акты, является порочной, поскольку все выполняющие кассационные и надзорные функции инстанции пользуются одинаковыми процессуальными средствами, выявляют существенные ошибки в применении процессуального законодательства и рассматривают вопросы права [5, с. 67]. Различие состоит лишь в том, что эти инстанции могут различаться по подготовке и квалификации их судебного корпуса и соответствующих составов, рассматривающих дело, а значит, вероятно, наиболее обоснованное и взвешенное решение будет получено у судей ВС РФ, а не в кассационных судах.

Так или иначе, ЕСПЧ игнорирует такой российский трёхинстанционный пересмотр: подача жалобы по гражданским, арбитражным и делам из

публичных правоотношений возможна после рассмотрения в Судебной коллегии ВС РФ, а по уголовным — после рассмотрения в кассационном суде. Иными словами, ситуация, при которой вторая кассационная инстанция или надзорная инстанция исправляет существенные ошибки, допущенные нижестоящей инстанцией, которая в свою очередь также должна была исправлять эти ошибки, ставит под сомнение правосудность таких решений.

Справедливо отмечается, что принцип правовой определенности не соответствует срочному характеру российского судопроизводства [4, с. 338], поскольку в большинстве европейских государств не установлены сроки рассмотрения дел, а потому множественность судебных инстанций поставила бы под угрозу, например, нормальный гражданский оборот. Напротив, установленные в российском процессуальном законодательстве сроки способствуют минимизации ожиданий, однако следует отметить, что сам по себе вопрос существования таких сроков дискуссионный, а потому применение или неприменение принципа правовой определенности частично ставится в зависимость от исхода такой дискуссии.

Также представляется несостоятельным тезис об ошибочности позиции ЕСПЧ по поводу того, что наличие двух точек зрения по одному вопросу не может быть основанием для пересмотра, поскольку это сигнализирует о предполагаемом наличии судебной ошибки для соответствующей инстанции [4, с. 326]. В этом смысле следует предположить, что российская доктрина следует по пути поиска в суде единственного верного решения, которое впоследствии долгие годы будет безальтернативно применяться в позициях нижестоящих судов. Безусловно, такая точка зрения имеет место на существование, однако она снова ставит принцип правовой определенности в зависимость от дискуссии — может ли быть в надзорной инстанции найдена объективная истина или для ее поиска необходимо учредить дополнительные кассационно-надзорные инстанции.

Тем не менее, принцип правовой определенности не следует рассматривать как спорный элемент и ставить его существование под условие, поскольку он является неотъемлемой частью права на судебную защиту. Наряду с этим правом, правоприменитель реализует и защищает принцип правовой определенности, который есть частное от общего. Именно поэтому множественность кассационно-надзорных инстанций, которые не в полной мере обеспечивают право на судебную защиту, в контексте указанного принципа невозможна, а российская судебная система постепенно может быть переориентирована на одно- или двухинстанционный пересмотр вступивших в законную силу судебных актов.

Список литературы:

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2012 № 662-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Председателя Следственного комитета Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П» [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision98903.pdf> (дата посещения: 27.11.2022).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19704.pdf> (дата посещения: 27.11.2022).

3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2003 № 52854/99 «Дело Рябых против России» [Электронный ресурс] // База решений ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61261> (дата посещения: 29.11.2022).

4. Князькин С.И. Проблемы реализации принципа правовой определенности в рамках проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе. // Вестник СПбГУ. Право. 2020. № 2. С. 319–341.

5. Прошляков А.Д., Мерзлякова М.В. Влияние принципа правовой определенности на реализацию правила инстанционности в практике судов кассационной инстанции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 66–69.

6. Усачев А.А. Правовая определенность как основа уголовного судопроизводства: от теории к совершенствованию законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 129–140.

УДК 342.5

Орлов Богдан Андреевич
Матилян Роланд Овикович
Уральский юридический институт МВД России
Факультет подготовки следователей
Россия, Екатеринбург
superjust86@gmail.com
roland-1998@mail.ru
Orlov Bogdan Andreevich
Matilyan Roland Novikovich
Ural law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Faculty of Investigators Training
Russia, Yekaterinburg

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ
СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПРАКТИКА
ПРИМЕНЕНИЯ**

Аннотация: статья посвящена вопросам важности взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с Федеральной службой судебных приставов на современном этапе деятельности двух разных самостоятельных силовых структур, где целью является реализация поставленных задач, поиском новых путей и форм сотрудничества, регулярных встреч, проведением круглых столов, научно-практических конференций и проведением методических семинаров.

Ключевые слова: взаимодействие, МВД России, ФССП, права человека, свободы.

INTERACTION OF THE MINISTRY OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE FEDERAL BAILIFF SERVICE: THE PRESENT STAGE AND THE PRACTICE OF APPLICATION

Annotation: The article is devoted to the issues of the importance of interaction between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Bailiff Service at the present stage of the activity of two different independent law enforcement agencies.

Key words: interaction, the Ministry of Internal Affairs of Russia, FSSP, human rights, freedoms.

В XXI веке взаимодействие Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП России) с Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и с юрисдикционными органами развито на высоком уровне и заслуживает пристального внимания, как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Необходимо напомнить, что взаимодействие между двумя вышеуказанными органами должно основываться, прежде всего, на соблюдении прав и свобод человека и гражданина, законных интересов физических и юридических лиц. На современном этапе взаимодействия мы должны отталкиваться от конституционных принципов Российской Федерации. Так, в ст. 17 указано, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» [1].

В связи с этим, стоит отметить основные принципы взаимодействия двух ведущих органов в Российской Федерации:

1. принцип законности;

2. уважение чести и достоинства гражданина;
3. принцип открытости и публичности;
4. неприкосновенности минимума имущества;

Именно на данных принципах основывается совместная работа ФССП России и МВД России.

На наш взгляд исполнительные, законодательные и судебные органы уделяют особое значение реализации судебных и иных актов юрисдикционного исполнения. На сегодняшний день большинство граждан знают свои права, обязанности, что, в свою очередь, не может не радовать. В каждом хозяйствующем субъекте Российской Федерации имеются адвокаты высших уровней, которые активно взаимодействуют с гражданами, и защищают их права всеми не запрещенными способами. Тем самым, большинство территориальных органов ФССП России сталкиваются с большим количеством исполнительных бумаг, которые впоследствии влияют на деятельность каждого в отдельности и тем самым затягивают работу судебных приставов в целом [5].

Для понимания ситуации следует обратиться к статистическим данным. Так, за 2020 год на исполнении ФССП России находилось более 110 миллионов исполнительных производств, а на одного судебного пристава за тот же год приходилось более 5000 исполнительных производств. С такими нагрузками сталкиваются сотрудники ФССП России в своей трудовой деятельности. Отсюда стоит сделать вывод, что вышеуказанные данные свидетельствуют о высокой нагрузке на органы ФССП России. На наш взгляд, такую проблему можно решить одним из самых эффективным, надёжным, а также проверенным временем способом как активное взаимодействие ФССП России с МВД России.

Кроме того, важно отметить нормативно-правое регулирование данных отношений, поскольку на их основе строятся все взаимоотношения и совместные действия названных структур. К их числу относят: Федеральный закон «Об исполнительном производстве», Федеральный закон «Об органах

принудительного исполнения Российской Федерации», а также Федеральный закон «О полиции» и некоторые другие [2], [3], [4].

Обобщая вышеуказанные федеральные законы, стоит выделить основные формы взаимодействия ФССП России и МВД России:

1. Привлечение сотрудников полиции при возникновении угроз жизни или здоровью сотрудника исполнительного органа в ходе исполнения судебного акта или иного производства [7];

2. Привлечение сотрудников полиции охраны общественного порядка на местах исполнения производства, а также с целью применение мер принудительного производства;

3. Привлечение сотрудников Госавтоинспекции с целью розыска автотранспортных средств, а также их дальнейшего осмотра, в отношении которых введены ограничение или запреты использования транспортного средства;

4. Привлечение сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних граждан при исполнении исполнительных документов, связанных с несовершеннолетними [6].

Данный перечень имеет не исчерпывающий характер и активно дополняется сотрудниками указанных ведомств в процессе практической деятельности.

В заключение хотелось бы отметить, что МВД России и ФССП России должны активно взаимодействовать с целью активной реализации поставленных задач, поиском новых путей и форм сотрудничества, регулярных встреч, проведением круглых столов, научно-практических конференций и проведением методических семинаров.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС Консультант Плюс.
2. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
3. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
5. Куликов В. Судебным приставам разрешат работать без высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru>.
6. Михин А. В. Взаимодействие Министерства внутренних дел России с Федеральной службой судебных приставов: теоретический и практический аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 140-142.
7. Ткаченко В. В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 4. – С. 28-33.

УДК 347.05

Сайтбатарлова Дина Маратовна
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
Международно-правовой институт
Россия, Москва
saitbatalovad@mail.ru
Saitbatalova Dina
Kutafin Moscow State Law University
Department of International Law of Faculty of Law
Russia, Moscow

ЗЕМЕЛЬНЫЙ СЕРВИТУТ В РИМСКОМ, РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ И СОВЕТСКОМ ПЕРИОДАХ

Аннотация: статья посвящена анализу гражданско-правового положения сервитута в римском, российском дореволюционном и советском периодах. Автором рассматривается становление сервитута в римском праве; разработка древнеримскими правоведами базовых положений института, а также их трансформация в российском законодательстве различных периодов. В статье даётся ответ на вопрос о возможности установления тождества между отечественным «правом участия частного» и институтом сервитута. Актуальность статьи связана с тем, что обращение к истории становления данного института позволяет ответить на дискуссионные вопросы, связанные с правовой природой сервитутов, их ролью в современном российском законодательстве.

Ключевые слова: сервитут, ограниченные вещные права, право участия частного, право угодий, институт временного пользования.

LAND EASEMENT IN THE ROMAN, RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET PERIODS

Annotation: The article is focused on the analysis of the civil and legal status of easement in the Roman, Russian pre-revolutionary and Soviet periods. The author considers the formation of easement in Roman law; the development by ancient Roman jurists of the basic provisions of the institute, as well as their transformation into Russian legislation of different periods. The article provides an answer to the possibility to establish the identity between the domestic "private participation law" and the institute of easement. The article is relevant due to the fact that reference to the history of the formation of this institution allows to answer the controversial questions related to the legal nature of easements and their role in modern Russian legislation.

Key words: easement, limited proprietary rights, private right of private participation, right of land, institution of temporary possession.

В цивилистической науке институт сервитутного права имеет многовековую историю развития. Рассмотреть его трансформацию целесообразно в рамках следующих исторических периодов: древнеримского, российского дореволюционного и советского. Историю становления и развития данного правового института в период Древнего Рима разумно начать с упоминания об известных юристах: Ульпиане, Павле, Гае, Папиниане - именно в их сочинениях раскрываются фундаментальные положения о сервитутах.

Сервитутное право исторически являлось одной из категорий *iura in re aliena*. Становление данного правового института было обусловлено трансформацией общественно-экономических отношений, вследствие которой произошёл переход от коллективной к частной собственности на землю. Если ранее, в условиях господства общественной собственности, в случае, когда тот или иной земельный участок не обладал всеми необходимыми ресурсами для нормального существования, субъект мог рассчитывать на помощь со стороны

общины, то с возникновением права частной земельной собственности, собственник участка уже не был обязан помогать соседу, не имеющему на своей земле необходимых свойств. В связи с этим появилась потребность в закреплении за собственником одного земельного участка права пользования чужой землей, принадлежащей соседу. Таким образом, сервитут (от лат. *servitus* - «рабство, служение вещи») можно определить, как вещное право пользования чужой вещью в том или ином отношении, призванное сгладить неудобства и затруднения (при существовании права частной собственности).

Рассмотрим особенности римского сервитута: 1) он не мог обязывать к положительным действиям [1, с. 307]. Данная характеристика получила закрепление в афоризме: *servitus in faciendo consistere non potest*; 2) «никому не служит собственная вещь» – данное положение означает, что не может быть сервитута на свою вещь. Древнеримский юрист первой половины III века - Павел в 21-й книге «Комментариев к преторскому эдикту» отмечал, что никто не может установить сервитут на свое собственное здание; 3) сервитут «следует за землей», так несмотря на смену собственника участка сервитут сохранялся; 4) при установлении сервитута действовали принцип неотчуждаемости и неделимости; 5) установление на вещь сервитутного права не означало категоричного отстранения собственника от пользования, однако когда одновременное пользование объектом сервитутного права и сервитутодателем, и сервитуарием было невозможно, преимущественное право пользования принадлежало последнему; 6) сервитут в работах римского юриста Гая (Институции Гая 11.12—14) был отнесён к категории *res incorporalis*; 7) сервитуты были бессрочными и безвозмездными, в отличие от эmfитевзиса и суперфиция (исключение предусматривалось для сервитутов, установленных в целях прохода к местам захоронения) [2].

Обратимся к анализу земельного (предиального) сервитута, который, стоит заметить, был первичен по отношению к категории *servitutes personarum*. Итак, как особое *ius in aliena* земельный сервитут: 1) предполагал наличие

неразрывной связи с господствующим участком, ввиду этого, мы понимаем, что было необходимо обязательное существование двух отдельных земельных участков - *predium dominans* и *predio utilis*; 2) *predio utilis* должен был быть соседним по отношению к господствующему (для более позднего права было достаточно, чтобы один участок использовался в интересах другого); 3) земельный сервитут – это право господствующего земельного участка, а не конкретного лица (в Дигестах Юстиниана встречается следующая формулировка: «право пользования водой есть право не человека, а имения»); 4) у земельных участков должны быть разные собственники. Древнеримские земельные сервитуты классифицировались на *iura praediorum rusticorum* и *iura praediorum urbanorum*: сельские устанавливались в интересах сельскохозяйственных участков, среди них выделяют: дорожные (право на проход пешком, проезд на телеге с поклажей и др); водные (право проведения воды через участок соседа); пастбищные. Городские сервитуты устанавливались в пользу застроенных участков - право сделать себе крышу или навес, проникая ими в чужое воздушное пространство; право опирать на чужую стену балки [3, с. 207]. Важно понимать, что данное разграничение сервитутов определялось хозяйственным назначением господствующего участка и не зависело от местности, где они находились. Существовало также деление на положительные и отрицательные сервитуты: первые предусматривали возможность сервитуария совершать определенные действия в отношении служащего участка, а вторые содержали в себе запрет на совершение тех или иных действий сервитуодателем. Таким образом, в Древнем Риме были заложены основные характеристики и положения регулирующие сервитутное право. В дальнейшем, модель земельного сервитута была рецепирована многими государствами в своей правовой системе. В частности, определенные ее положения применялись и в дореволюционной России.

Рассмотрение истории возникновения земельных сервитутов в дореволюционной России стоит начать с упоминания об «угодьях» и институте права участия частного в чужом имуществе. Под термином «угодья», возникшим еще во времена древней Руси, понимались права на чужие вещи, аналогичные древнеримским сервитутам. Угодья представляли собой непахотную часть имения (леса, луга) принадлежавшую лицу в ограниченном виде – право собственника могло быть ограничено в пользу третьих лиц, например, в охотничьих целях. Институт права участия частного получил закрепление в Соборном Уложении 1649 г, так в главе 10 представлены следующие положения: необходимо было «плотины не делати, и мельницы не строити» в том случае, если это приводило к затоплению пашень и сенных покосов других землевладельцев (ст. 238); нельзя было «у себя на дворе ставити хоромы блиско межи соседа своего» (ст. 277), (и пр. ст. 276, 278). Рассмотрев первоисточник, мы видим сходства между римским отрицательным сервитутом и правом участия частного. Однако можем ли мы ставить знак равенства между данными правовыми институтами? В российской цивилистике того времени сложилось несколько подходов к пониманию данной проблемы: одни авторы (Н.Л. Дювернуа) считали, что права участия частного – это сервитуты, другие же придерживались позиции о том, что это законное ограничение права собственности в интересах соседей (В.И. Синайский, Д.И. Мейер и др.). Так, В.Г. Шершеневич отмечает, что право участия частного не является равнозначным по отношению к сервитуту и применяется к совершенно другому роду отношений, так как не даёт соседям никаких самостоятельных прав на чужую вещь, лишь стесняет собственника участка в осуществлении его прав [4, с. 292]. Таким образом, для обозначения прав на чужую вещь русское законодательство использовало исторически сложившиеся термины «угодья» и «право участия частного», которые, однако не представляли собой классического римского сервитута.

Само же слово «сервитут» впервые было применено в законодательстве Западных присоединённых окраин, а затем в 1866 г. Положением о нотариальной части (ст. 159) оно было введено в общерусское законодательство [5, с. 200]. В дальнейшем, наблюдается стремление к упорядочению сервитутного права, что проявляется в деятельности Особой комиссии по разработке проекта «Вотчинного устава» 1866 г. В нем под названием «сервитутов» были объединены права угодий и права участия частного - это позволило устранить несогласованность, существовавшую в Своде законов Российской империи [6, с. 59-61]. Все же стоит заметить, что в рассматриваемый период отсутствовало масштабное развитие данного правового института (так, например, установленный Сводом законов перечень земельных сервитутов был заметно уже древнеримского). Причиной тому были: твердость общинных начал в землепользовании, преобладание крупных самодостаточных землевладений и в целом иной характер быта. Тем не менее, правовой институт получил значительное развитие в праве присоединённых территорий - Царства Польского, Прибалтийских губерний. Здесь производилась более активная рецепция римского права и в связи с этим более подробная, в сравнении с общероссийским законодательством, регламентация сервитутного права. В начале XX века, мы также видим попытки по реформированию законодательства в области сервитутного права - проект «Гражданского уложения» 1905 г.

В советский период была ликвидирована частная собственность - с ее уничтожением отпала необходимость в регламентации правоотношений, связанных с земельным сервитутом [7, с. 18]. Заметим, что понятие сервитута, как права ограниченного пользования чужим земельным участком, в земельном праве советского периода отсутствовало – реальные отношения в этой сфере регламентировались с помощью института постоянного или временного пользования. Несмотря на положения Земельного кодекса РСФСР 1922 г., в которых присутствует запрет на совершение разного рода действий,

нарушающих интересы соседних землепользователей, что по сути является некоторым прообразом отрицательного сервитута, а также нормы законодательства последних годов существования СССР, регулирующие ограничения прав собственника в пользу других лиц - мы не можем говорить о существах земельного сервитута в его классическом понимании [8]. В полном объеме данный институт был возрожден с принятием нового Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 году.

Таким образом, в советской цивилистической науке земельному сервитуту уделялось мало внимания, он рассматривался в исследованиях, затрагивающих преимущественно римское право, историю государства и права. Именно поэтому анализ и учёт достижений дореволюционной цивилистики, зарубежного права XX века, затрагивающих проблему сервитутов, в современном российском праве представляет собой особую научную значимость.

Список литературы:

1. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана : избранные фрагменты в переводе и с примечаниями / И. С. Перетерский, Е.А. Скрипилева. - М. : Наука, 1984. 456 с.
2. Кофанов Л.Л. Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского / Л.Л. Кофанов. – Т.2 ., изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Статут, 2008. 622 с.
3. Римское частное право: учеб. для студентов юрид фак и вузов / И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. – М. : Юристъ, 2004. 314 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: монография / Г.Ф. Шершеневич. Т. 1. - М.: Статут, 2021. 896 с.
5. Официальный сайт Национальной электронной библиотеки. Сборник новых судебных законов и распоряжений по отправлению правосудия на 1866 годъ.

URL:https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003543847?page=200&rotate=0&theme=white (Дата обращения 30.09.2022 г.)

6. Официальный сайт Библиотеки русского географического общества. Проект Вотчинного устава съ объяснительною къ нему запискою. URL: <https://elib.rgo.ru/safeview/123456789/227760/1/NTQ3NF9Qcm9la3QgVm90Y2hpbm5vZ28gdXN0YXZhIHMgb2IneWFzbnl0ZWwnbnm9pIGsgbmVtdS5wZGY=> (Дата обращения 29.09.2022 г.)

7. Валк С.Н. Декреты советской власти 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г.: монография. В. 2 т. / С.Н. Валк, Г.Д. Обичкин. Т.1. - М.: Гос. изд-во полит.литературы, 1957. 650 с.

8. Земельный кодекс РСФСР [утв. ВС РСФСР: от 25 апреля 1991 года № 1103-1] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. - №22. – Ст. 768.

УДК 340.151

Харитоновна Тамара Александровна
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина(МГЮА)

Институт публичного права и управления
Москва, Россия

xatamara@mail.ru

Tamara Kharitonova
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of public law and administration
Russia, Moscow

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в статье рассматривается процесс возникновения и развития англосаксонской правовой системы. Выделяются исторические этапы и главные исторические события, которые повлияли на ее становление. Анализируется важность каждого из этапов для формирования англосаксонской правовой системы, показывается процесс формирования судебной системы Великобритании.

Ключевые слова: история, англосаксонская правовая система, этапы развития, общее право, право справедливости, прецедент.

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE ANGLOSAXON LEGAL SYSTEM

Annotation: the article examines the process of the emergence and development of the Anglo-Saxon legal system. The historical stages and main historical events that influenced its formation are highlighted. The importance of each of the stages for the formation of the Anglo-Saxon legal system is analyzed, the process of the formation of the British judicial system is shown.

Key words: history, the Anglo-Saxon legal system, stages of development, common law, equity, precedent.

Для того чтобы понять саму сущность англосаксонской правовой семьи необходимо взглянуть на сам процесс ее развития, рассмотреть факторы повлиявшие на ее становление.

Прежде чем начать рассматривать непосредственно исторический аспект, хочется отметить, что ученые, в частности Г.А. Борисов [1, с. 89] называют англосаксонскую правовую систему — системой общего права. Данная система развивалась самостоятельно независимо от других правовых систем, большое влияние на это оказал тот факт, что Великобритания является островным государством, следствием чего являлось ограниченность контактов с континентальной Европой, где реципировалось римское право и закладывались основы романо-германской правовой системы. Это привело к тому, что англосаксонская система развивалась автономно.

Для того чтобы лучше понимать процесс становление англосаксонской правовой системы целесообразно рассмотреть ее развитие поэтапно. Так, мы можем выделить следующие этапы:

1. Первый период ассоциируется со временем возникновения права, предшествовавшим нормандскому завоеванию Англии в 1066 г. Вполне уместно назвать этот период архаичным, так как этот этап является самой ранней стадией развития общего права. Данному периоду свойственны черты, которые являются характерными для множества типов обществ, в котором право только начинало зарождаться. Мы можем выделить наличие на этой стадии преобладание обычного права варварских племен германского происхождения (саксов, англов, ют, датчан), возобладовавших в этот период в Англии [2, с. 306].

Стоит выделить в этапе период правления Альфреда Великого (871-901 гг.). Англия в период его правления была поделена на две части в одной

части, в которой правил непосредственно Альфред, формировалось англосаксонское право, в другой части, которая находилась под влиянием скандинавов (С 793 началось вторжение викингов, которое закончилось Нормандским завоеванием Англии), развивалось датское право или иначе Данелаг, Денло. В его правление был издан сборник короля Альфреда. Таким образом, его можно считать основателем общего права Англии, однако развитие английского права пошло другим путем: не изданием единого закона как намеревался Альфред, а путем создания прецедентов [3, с. 105].

Изучив данный этап, мы можем выявить, что в стране на тот период не существовало единого правового пространства. Действовали не связанные между собой в единую систему сугубо местные, локальные акты (обычаи). Это можно объяснить тем, что сначала в Англии существовали протогосударственные образования, которые действовали обособленно друг от друга, затем с завоеванием Англии Римом происходило некое «сближение» норм права, действующих в Англии, однако потом после ухода римлян и вторжения англосаксов в Англии было образовано целых семь королевств, которые объединились только в IX веке при Альфреде Великом и сепаратное развитие которых также помешали консолидации норм английского права [4, с. 320].

2. Второй период истории и правоведы определяют с 1066 г. и до 1475 г., до установления династии Тюдоров. Этот период считается временем преодоления главенствующей роли местных обычаев и становления общего права как такового. Последнее стало возможным благодаря деятельности Вильгельма I Завоевателя, который завоевав Англию не стал никак менять систему права, действующего на ее территории. В Англии продолжили действовать законы короля Эдуарда [5, с. 212].

Также в этом периоде стоит выделить судебную реформу Генриха II. Она подразумевала ограничение сеньориальной юстиции, введение разъездных

судов. Из-за того, что везде были разные законы, было решено при вынесении приговора обращаться к предшествующим решениям судов.

Также была создана высшая судебная инстанция – «Суд королевской скамьи». Данный суд рассматривал в первой инстанции наиболее важные уголовные дела, а также выступал апелляционной инстанцией. На заседаниях мог присутствовать король (на этот случай стояло подобие трона). Находился Суд в Вестминстере. Вдобавок появился «Суд Общих тяжб» и «Суд Казначейства». Получил официальное признание суд присяжных. Таким образом, была сформирована система общего прецедентного права [6, с. 110].

Следует отметить, что в этот период была подписана Великая хартия вольностей, которая является важнейшим правовым памятником конституционной истории Англии и одним из её основополагающих законов.

Этот период оказал огромное влияние на все последующие периоды развития правовой системы Англии вплоть до наших дней [7, с. 453].

3. Третий период развития правовой системы этой страны хронологически определяется с 1485 (Окончание войны Алой и Белой Розы, установление династии Тюдоров) по 1832 год (Проведение избирательной реформы) и считается периодом расцвета общего права в Англии.

Особенность данного периода проявлялась в том, что общее право вынуждено было соперничать и в то же время тесно взаимодействовать с правом справедливости. Несмотря на то что общее право по своей природе является очень гибким, судьи того времени пытались добиться его «отвердевания». Были выработаны 39 приказов, под которые пытались подвести всевозможные иски, а если иск не подходил ни под один из них - отказывали в его рассмотрении. Вследствие этого граждане были вынуждены обращаться к королю для того, чтобы добиться справедливости. Они ссылались на ущерб, причинённый им судами обычного права, а также на отказы в рассмотрении дел, прецеденты по которым отсутствовали в данных приказах. Например, по делам о фрахте морских судов (плата за перевозку грузов

морским путём), так как древние англосаксонские обычаи не знали подобных казусов. Всё это послужило причинами для появления суда справедливости.

Первым таким судом был суд лорда-канцлер, который действовал с ведома и по поручению короля. Данный суд никоим образом не был связан нормами права, каждое его решение воспринималось как акт правотворчества, и это было совершенно естественно, ибо он действовал по поручению короля. Со временем решения лорда-канцлера принимают значение прецедента, но только для Суда справедливости [8, с. 372].

Все это указывало на необходимость проведения реформы общего права в этот период. Давид Рене и Камилла Жоффре-Спинози отмечают, что право на данном этапе уже находилось в опасности, так как оно не могло поспевать в своем развитии за потребностями эпохи. Оно оказалось «перед риском образования новой правовой системы-соперницы, которая по истечении некоторого времени могла даже заменить собой общее право, подобно тому, как в Риме античное гражданское право в классическую эпоху оказалось перед лицом его подмены преторским правом» [9, с. 205]. Данной правовой системой было право справедливости.

Сложившаяся в результате подобной деятельности судов правовая система Англии приобрела и сохранила вплоть до наших дней двойственный характер. Наряду с нормами права, которые формируются благодаря деятельности обычных судов, в нее входят нормы «права справедливости», которые вносят дополнения и корректируют нормы общего права [10, с. 520].

4. Четвертый период развития английского права хронологически определяется 1832 г. и продолжается до настоящего времени. Этот период характеризуется трансформацией государственного механизма и правовой системы Англии. В начале этого периода были проведены довольно существенные правовые и судебные реформы. Гораздо большее влияние стало уделяться материальному праву, на базе которого стала проводиться систематизация решений общего права. Организация судов тоже претерпела

изменения, были уничтожены различия между судами общего права и права справедливости. Все английские суды получили право применять нормы и того и другого права [11]. В материальном праве, в свою очередь, была проведена работа по отмене на практике не действующих законов и упорядочиванию их (консолидация), которое позволило освободить право Англии от устаревших прецедентов [12, с. 635].

Таким образом, можно выделить четыре основных этапа, в каждом из которых происходили существенные изменения, которые и привели данную правовую систему к той форме, в которой она существует в настоящее время.

Список литературы:

1. Борисов Г.А. Теория государства и права: учебник, Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 292 с.
2. Алексеев С.С. Теория государства и права Учебник для юридических вузов и факультетов, 3-е издание. 1998. 456 с.
3. Глебов А. Г. Альфред Великий и Англия его времени. СПб.: Евразия, 2015. 352 с
4. Моруа А. История Англии. Колибри, 2017. 608 с.
5. Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права в 2-х томах. 3-е изд., испр. – М.: Тон-Остожье, 2000. Т.1 528 с.
6. Штокмар В. В. История Англии в Средние века. Алетейя, 2005. 203 с.
7. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права. Учебник. Схемы. Хрестоматия. 2-е издание. Проспект, 2018. 720 с.
8. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права – М.: Юристъ, 1995. 576 с.
9. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1996. 400 с.

10. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие. – М.: Юрист, 2001. 756 с.
11. The Judicature Acts of 1873 and 1875 (36 & 37 Vict c. 66 and 38 & 39 Vict c. 77).
12. Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Зерцало, под ред. Марченко М.Н. 2004. 800 с.

УДК 347.9

Эмирбеков Фарид Язидбекович

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф.Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

emirbekov.farid00@mail.ru

Emirbekov Farid

Ural State Law University

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФССП РОССИИ И ФСИН РОССИИ ПО ВОПРОСАМ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются вопросы исполнения наказания в виде штрафа как наиболее перспективной меры уголовно-правового воздействия без изоляции от общества. В статье освещаются перспективы повышения эффективности исполнения рассматриваемого вида наказания, посредством изменения методики взаимодействия Федеральной службы судебных приставов и Федеральной службы исполнения наказаний, что в конечном итоге должно усовершенствовать не только порядок осуществления контрольных мероприятий за подучётными лицами, но и уменьшить сумму задолженности граждан перед государством.

Ключевые слова: штраф, рассрочка суммы, исполнение наказания, взаимодействие, подучетное лицо.

INTERACTION OF THE FSSP OF RUSSIA AND THE FSIN OF RUSSIA ON THE IMPLEMENTATION OF THE PUNISHMENT IN THE FORM OF A FINE

Annotation: this article discusses the issues of execution of punishment in the form of a fine as the most promising measure of criminal law influence without isolation from society. The article highlights the prospects for increasing the efficiency of the execution of the type of punishment under consideration, by changing the methodology of interaction between the Federal Bailiff Service and the Federal Service for the Execution of Punishments, which ultimately should improve not only the procedure for implementing control measures for accountable persons, but also reduce the amount of debt of citizens to the state.

Key words: fine, installment of the amount, execution of punishment, interaction, accountable person.

Современная политика Российской Федерации нацелена на развитие гуманистических начал в уголовном законодательстве, в том числе посредством применения альтернативных лишению свободы видов наказания. Ввиду того, что штраф является самым мягким видом уголовного наказания, можно предположить, что именно он должен быть максимально популяризован при назначении наказания, однако на деле это не совсем так. Штраф применяется достаточно часто, но не в том количестве, в котором хотелось бы.

Следует отметить, что в России наибольшие трудности вызывает процесс исполнения наказаний без изоляции от общества, при этом лидирующее положение занимает штраф. Статистические данные показывают, что число осужденных, которым назначается штраф, с каждым годом становится меньше. Нельзя однозначно связать факт снижения показателей назначения штрафа с тем, что его исполнение на практике затруднено. Однако очевидно, что данная мера уголовного наказания не имеет должной правовой регламентации исполнения.

Представляется, что штраф – это одна из щадящих мер уголовного наказания, предусмотренных в ст. 44 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Спорным остается вопрос о мягкости данного наказания, так как

оно назначается в твердой денежной сумме. Устанавливая таковое, суды должны учитывать имущественный статус осужденного и членов его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода. В случае их неустановления отсутствуют гарантии реального исполнения штрафа, а, следовательно, вероятность достижения целей уголовного наказания снижается в разы.

Ещё в декабре 2020 года на координационном совещании правоохранительных органов по противодействию коррупции Генеральный прокурор РФ – Краснов Игорь Викторович – поднял вопрос о проблеме исполнения такого уголовного наказания, как штраф. Он выступил с идеей рассмотрения вопроса о наделении следователей полномочиями по неотложному аресту имущества коррупционеров, не только подлежащего конфискации, но и необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и взыскания штрафа.

Проблемным является также тот факт, что при назначении штрафа в качестве дополнительного наказания, в случае его неуплаты в срок, судебным приставом-исполнителем выносится постановление о возбуждении исполнительного производства, составляется опись имущества, затем на него налагается арест, при этом взыскание обращается на имущество, но может быть обращено и на заработную плату, пенсию, стипендию и иные виды дохода осужденного.

При том, что при назначении штрафа в качестве основного наказания, в случае злостного уклонения от уплаты, он заменяется другими видами наказаний, а при назначении штрафа в качестве дополнительного, его замена другими видами наказаний запрещена.

Однако же судебная практика показывает, что уровень исполняемости штрафа, назначенного дополнительно, значительно ниже, чем штрафа, назначенного в качестве основного вида наказания. Соответственно, необходимо на законодательном уровне решить вопрос о замене штрафа в виде

дополнительного наказания, в случае его неуплаты, на другую меру государственного воздействия. Думается, что на практике это повлечет за собой большую его исполняемость осужденными.

Одним из факторов, влияющих на эффективность применения штрафа, можно назвать слабое развитие социально-экономической сферы. Граждане, которые не имеют постоянного источника дохода, составляют более 50 % всех совершающих преступления лиц. Очевидно, что это затрудняет применение к ним штрафа. Низкий уровень жизни российских граждан не позволяет не только широко применять рассматриваемое наказание, но и своевременно исполнять его.

Нельзя обойти вниманием и вопрос о правовых инструментах реагирования на злостное уклонение от уплаты штрафа. В ч. 2 ст. 32 УИК РФ установлена обязанность судебного пристава-исполнителя обратиться в суд с представлением о замене штрафа как основного вида наказания другим наказанием. Думается, что целесообразнее сразу в приговоре указывать на вид и срок другого наказания, применяемого в случае злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа, что, соответственно, приведет к упрощению данной процедуры и сокращению задействования трудовых и временных ресурсов путем устранения лишней стадии процесса исполнения наказания. Также необходимо закрепить возможность замены штрафа на лишение свободы и иные виды наказания в ст. 46 УК РФ [1, с 65].

Существует и проблема применения ч. 4 ст. 32 УИК РФ, согласно которой допускается розыск и задержание злостно уклоняющегося от отбывания наказания осужденного, местонахождение которого неизвестно. При этом правовой механизм реализации данной нормы, а именно определение порядка и органов, осуществляющих розыск указанных лиц, частично регламентирован в Федеральном законе «Об исполнительном производстве». Для решения этой проблемы не обязательно вносить дополнения в УИК РФ, достаточно решить эту проблему на уровне Министерства юстиции РФ по

аналогии с регулированием механизма исполнения таких наказаний как обязательные и исправительные работы, а также ограничения свободы, в частности, в виде разработки Инструкции по организации и исполнению конкретного вида уголовного наказания.

Стоит отметить неоправданно короткий срок исполнения штрафа. В соответствии с ч. 1 ст. 31 УИК РФ он составляет 60 дней (ранее был – 30 дней). В данном случае хотелось бы поддержать ученых, которые предлагают увеличить этот срок до 90 дней по положительному примеру зарубежных стран. Полагаю, что такой подход в совокупности с действующей в настоящее время рассрочкой уплаты штрафа до 5 лет будет способствовать росту показателя применения уголовного наказания в виде штрафа, а также облегчит положение осужденных. Кроме того, считаем необходимым исчислять срок уплаты штрафа не с момента вступления приговора суда в законную силу, а с момента возбуждения исполнительного производства, чтобы срок добровольного исполнения штрафа не зависел от скорости возбуждения исполнительного производства. Соответствующие изменения необходимо ввести в ст. 31 УИК РФ, в ст. 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Одной из проблем по рассматриваемой тематике можно назвать такую особенность применения штрафа в отношении несовершеннолетних как возможность его последующего взыскания с родителей либо других законных представителей с их согласия (ч. 2 ст. 88 УК РФ). Учитывая, что штраф в уголовном праве является одним из видов наказания и не носит компенсационного характера, указанная норма противоречит принципу исполнения наказания только виновным в совершении преступления лицом, а согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ объективное вменение не допускается. Целью уголовного наказания является восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Взыскание штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего осужденного не соответствует цели уголовного

наказания. В данном случае целесообразнее применять отсрочку уплаты штрафа по примеру зарубежных стран.

Также проблемой реализации данного вида наказания является тот факт, что более 50 % осужденных по уголовным делам имеют низкий уровень дохода, что, в свою очередь, показывает нецелесообразность назначения им штрафа в виде дополнительного наказания, что обычно практикуется судьями. По сути своей, суд довольно субъективно оценивает материальное положение лица с целью выяснить, может ли он оплатить штраф. Предлагается ввести какие-либо общие критерии, по которым суд может оценивать материальное положение осужденного и более объективно назначать анализируемый вид наказания, исполнимость которого будет гораздо выше.

Следующим, о чем следует поговорить – это правовое регулирование процесса исполнения наказания в виде штрафа. В целом, порядок его исполнения определен законодателем достаточно подробно. Так, например, в ч. 1 т. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации определены место и субъекты исполнения наказания в виде штрафа. В ч. 3 ст. 20 УИК РФ определен порядок уведомления суда о начале исполнения наказания, в том числе и в виде штрафа [2, с. 57].

Более подробно порядок исполнения штрафа описан в главе 5 УИК РФ в ст. ст. 31, 32 УИК РФ, где поясняется, каким образом и в какие сроки он уплачивается и как, в случае отсутствия у осужденного необходимой суммы денежных средств ему предоставляется рассрочка.

Следует отметить, что регулирование порядка исполнения наказания в виде штрафа нормативно-правовыми актами федерального уровня недостаточно, поскольку большая часть осужденных предпринимает попытки уклонения от уплаты штрафа различными методами, например, скрывает свои доходы, скрывается от ФССП, меняет место жительства и пр.

Таким образом, можно выделить причины, актуальности штрафа, как уголовного наказания. Во-первых, снижение расходов, которые связаны с

исполнением наказаний. То есть не требуются затраты, связанные с содержанием преступника в тюрьме. Во-вторых, уменьшение влияния опасных преступников и сокамерников на лицо, которое впервые совершило правонарушение и которое не готово к жизни «за решёткой». В-третьих, относительно виновного сохраняется его деятельность, то есть его место работы или учебы. Также его семья защищена от изоляции их кормильца. И самой важной причиной, на мой взгляд, является пополнение государственного бюджета за счёт взыскания штрафа.

Говоря о деятельности ФСИН России, то следует сказать, что она играет главенствующую роль в исполнении уголовно-правовых мер принуждения, существует и иные органы и учреждения, которые выполняют те же функции, например, таковыми в соответствии со ст. 16 уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации выступают: суд, военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации, командование воинских частей, ФССП России.

Представляется, что важное значение имеет организация взаимодействия между подразделениями УИС России и службой защиты судебных решений по взысканию задолженности с лиц, отбывающих наказание в учреждениях УИС, качественная реализация которого позволит позитивно повлиять на состояние общественного мнения о деятельности органов правосудия и правопорядка.

Важнейшей составляющей в деятельности ФСИН России и ФССП России является своевременная и качественная оценка эффективности функционирования всех звеньев управления УИС России и ФССП России. Однако практика показывает, что до сих пор не выработан единый подход к оценке взаимодействия на различных уровнях управления, что обусловлено в первую очередь отсутствием научно-методических разработок по данной проблеме. В связи с этим на практике возникают трудности в организации этой работы, как на уровне региональных, территориальных органов управления, так

и на уровне служб и подразделений объектового назначения, что влияет на конечные результаты оперативно-служебной деятельности.

Представляется обоснованным рассмотреть проблему взаимодействия ФСИН и ФССП на разных уровнях (федеральном, региональном, территориальном и объектовом) управления, необходимо принять во внимание то, что данная функция с ее элементами и категориями относится к одному из подвидов социального управления.

Современное состояние взаимодействия рассматриваемых органов, построенное на принципах законности, взаимного доверия и обязательного исполнения заключенных соглашений, в настоящее время представлено как многофункциональная система управления в сфере реализации совместных мероприятий в отношении лиц, являющихся должниками по исполнительным производствам и осужденных к уголовным наказаниям. По своему содержанию является видом социального управления, так как цели взаимодействия служб определяются стратегическим направлением государственной политики в области принудительного исполнения судебных актов и решений, розыска лиц, имеющих иски о возмещении вреда, и при должном исполнении представляет действенный инструмент реализации целей уголовной ответственности.

Следует отметить и то, что совместная работа в данном направлении стала более эффективно проводиться после принятия на федеральном уровне Соглашения о взаимодействии Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы судебных приставов. Указанное Соглашение устанавливает цели по организации общих форм взаимодействия, позволяющие разрабатывать и заключать совместные соглашения, издавать приказы для конкретизации форм и методов совместных действий, исходя из сложившихся в соответствующем субъекте Российской Федерации условий. Следовательно, взаимодействие ФСИН России и ФССП России можно рассматривать как необходимое условие или как средство решения задач, поставленных перед системой.

Только комплексный подход позволит выполнить раскрытие взаимодействия целиком, указав на проблемные стороны и определив направления развития такого взаимодействия. При этом следует, в первую очередь, обратиться к задачам такого процесса. К ним следует отнести: осуществление регулярного обмена информацией по вопросам, входящим в компетенцию сторон и представляющим взаимный интерес, издание совместных приказов, заключение соглашений, создание рабочих групп, сверки данных и иных мероприятий в отношении лиц, являющихся должниками по исполнительным производствам и осужденных к уголовному наказанию в виде лишения свободы либо к наказанию, не связанному с лишением свободы.

В качестве особенностей информационного обмена между ФСИИ России и ФССП России выделяются: получение информации о трудоустройстве осужденного должника, наличии у него заработка, размере этого заработка и производимых удержаниях, о размере денежных средств на лицевом счете осужденного должника, о сроке отбывания наказания и сроках возможного рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного должника, а также о наличии и размере задолженности осужденного должника по исполнительным документам.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе развития взаимодействия ФССП России и УИС России необходимо проработать возможность более эффективного сотрудничества, предполагающее формирование эффективного механизма защиты имущественного и материального положения потерпевших, их прав в целом [5, с. 65].

В связи с этим большое значение приобретают теоретическая разработка и практическая реализация методологических, организационных, правовых факторов обеспечения исполнительного производства по вопросам принудительного исполнения судебных актов и решений. Перечисленные факторы формируют систему обеспечения гарантированного правосудия,

обеспечивают ее управление и регламентируют общественные отношения, возникающие в данной сфере деятельности [3, с. 19].

Для того чтобы исполнение и назначение уголовного наказания в виде штрафов было наиболее эффективным, необходимо решить все вышеперечисленные проблемы, в частности, на первом месте остаётся вопрос о совершенствовании законодательства в целом, и в частности: уголовное и уголовно-исполнительное право, а также Концепцию развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года. При любых обстоятельствах, основной особенностью назначения и исполнения штрафа является последовательный и системный учёт общественной опасности совершённого преступления и материального положения виновного лица и его семьи. Следует обеспечить ответственность за злостное уклонение от уплаты штрафа. То есть, если приговорённый к штрафу, имея возможность его погасить – пытается избежать своего наказания. При этом необходимо учитывать, у кого реально нет возможности, а кто намеренно создаёт препятствия для неисполнения своего же долга. Необходимо более качественно оценивать имущественное состояние осуждённого, чтобы исполнение было реальным, для гарантии безусловности штрафа. Немаловажным вопросом, который требует решения, является деятельность судебных приставов. Именно служба судебных приставов занимается исполнением штрафов, именно на их «плечи» ложится обязанность взыскивать штраф. На сегодняшний день, приставами-исполнителями не в полном объёме соблюдаются сроки их процессуальных действий, а также зачастую не предпринимаются меры принудительного характера для исполнения штрафа [4, с. 313].

По своему содержанию штраф относится к такой группе мер наказаний, которые не связаны с лишением свободы. Объединяющим фактором данной группы является тот факт, что они не связаны с изоляцией от окружающего мира, общества, людей. Виновное лицо в данном случае не лишается такого важного и фундаментального блага, как свобода. А также объём

правоограничений при таком исходе – не является существенным. Таким образом, штраф является альтернативой другим видам наказания, который нуждается в чётком, системном и эффективном регулировании со стороны законодательства.

С целью успешного назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа, а также для решения указанных в исследовании проблем требуется:

1) Обеспечить ответственность за злонамеренное уклонение от уплаты штрафа. Под этим следует понимать предумышленное несоблюдение осужденным обязанности по уплате штрафа либо части штрафа в установленные законодательством сроки при наличии у должника реальной возможности выполнить эту обязанность либо сознательное создание преград для исполнения штрафа.

2) Качественная оценка материального положения осужденного для гарантирования безусловности штрафа, то есть его реальное исполнение.

3) При назначении наказания в виде наказания принимать во внимание судом тяжесть совершенного правонарушения, состав правонарушения, характеристик личности виновного.

4) Существенно увеличить качество работы судебных приставов, в частности, не соблюдаются сроки процессуальных действий и не предпринимаются меры принудительного характера для исполнения наказания.

5) Для лиц не достигших совершеннолетия никак не целесообразно применять уголовное наказание в виде штрафа, следует заменять на обязательные работы, либо применять штрафные санкции с рассрочкой уплаты вплоть до 3 лет, для того чтобы виновный прочувствовал на себе бремя наказания.

6) Необходимо системно улучшать уголовное, уголовно-исполнительное и исполнительное законодательство.

Список литературы:

1. Малолеткина Н. С. Вопросы взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с другими правоохранительными органами // Вестник Самарского юридического института. 2019. С. 63–65.
2. Баранов, В. А. Исполнение приговора суда в части исковых требований / В. А. Баранов, А. Н. Приженникова // Юридический мир. — 2008. — No 3.
3. Винниченко Н.А., Смирнов А.Ф. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве». М., 2009. С. 19.
4. Ерофеев К.Г. Вопросы совершенствования федеральных органов принудительного исполнения / К.Г. Ерофеев // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. No 49 (287). С. 313-315.
5. Дазмарова Т. Н., Кондратовская С. Н. Актуальные проблемы исполнения судебных решений в процессе взаимодействия ФССП России и ФСИН России // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конференции : 2 частях / под общ. ред. П. В. Голодова. Рязань, 2017. С. 63–67.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.565.2

Заманова Айгуль Ниязовна
Российский государственный университет правосудия
Казанский филиал
Факультет подготовки специалистов для судебной системы
(Юридический факультет)
Россия, Казань
aygulzamanova2002@mail.ru

Zamanova Aygul
Russian State University of Justice
Kazan branch
Faculty of Law
Russia, Kazan

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы осуществления судебной защиты личных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Ключевым признаком личных прав и свобод человека и гражданина является тот факт, что они по своей природе являются естественными, принадлежат каждому вне зависимости от места рождения человека, принадлежности к какому-либо государству т.е. наличия или отсутствия гражданства и многих других факторов, необходимых для классификации других прав и свобод.

Ключевые слова: правовое государство, личные права и свободы человека и гражданина, конституционное право, конституционный контроль, судебная защита.

TOPICAL ISSUES IN THE EXERCISE OF JUDICIAL PROTECTION OF PERSONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the article examines the issues of judicial protection of personal rights and freedoms of a person and a citizen in the Russian Federation. A key feature of the personal rights and freedoms of a person and a citizen is the fact that they are natural by nature, belong to everyone, regardless of the place of birth of a person, belonging to any state, i.e. the presence or absence of citizenship and many other factors necessary for the classification of other rights and freedoms.

Key words: rule of law, personal rights and freedoms of man and citizen, constitutional law, constitutional control, judicial protection.

В современном правовом, социальном, демократическом государстве существенная роль отводится исследованию вопросов судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Связано, прежде всего, это с тем, что личные права и свободы являются неотчуждаемыми, принадлежат каждому от рождения, являются высшей ценностью в государстве. Актуальным признаком личных прав и свобод человека и гражданина является то, что они в независимости от места рождения или полученного впоследствии гражданства принадлежат каждому от рождения [1, с.56]. Для того, чтобы наиболее детально изучить данный вопрос необходимо проанализировать информацию о том, что же понимается под защитой прав и свобод.

Защита прав — это властный способ воздействия в отношении, любого лица, которое нарушило закон, права других граждан применяемый как правило лицами, чьи права нарушены для их восстановления с помощью инструментов и средств защиты, - отмечал известный конституционалист, профессор Н.В. Витрук [2, с.13].

Непринятый вовремя закон на основании конституционных принципов может привести к непосредственному нарушению прав человека. Защита прав и

свобод человека и гражданина может осуществляться при помощи разных способов и средств, одним из которых являются административные средства защиты.

Использование административных средств защиты предполагает обращение к государственным и муниципальным учреждениям с жалобой или заявлением, в котором изложены требования о том, какие конкретно права гражданина нарушены, кто является субъектом их нарушения. С учетом развития интерактивных технологий на сегодняшний день не составит труда для обращения. Для этого существуют онлайн-приемные, которые примут обращение в любое удобное для гражданина время, и результат обращения также можно получить достаточно просто, указав в обращении адрес своей электронной почты.

Защита прав граждан является одной из важных задач современного демократического, социального и правового государства. Изучение вопросов, связанных с защитой населения граждан анализируется в юридической науке крайне редко, однако чаще всего защита прав граждан, в том числе и судебная.

Судебная власть по своей природе играет ключевую роль в государственной защите прав, окончательно разрешая спор о праве, детально изучив все доводы, ходатайства всех участников процесса. У каждого судебного органа есть специальные полномочия, определенные тем или иным законом. Среди условий эффективности законной, обоснованной защиты являются доступность судебной защиты.

Глобальный характер судебной защиты означает, что предметом судебного изучения выступают все решения, действия и бездействия государственных и местных органов власти. Полнота судебной власти обуславливает возможность обращения в суд и высказывание своей позиции по делу.

Гарантией судебной защиты является предоставление суду равных по объему доказательств относительно всех уточненных критериев по рассматриваемому делу [3, с.282].

Актуальной проблемой современной судебной защиты прав является и то, что у наших граждан появляется недоверие к власти. Здесь появляется «стереотип» о том, что обращаться за судебной защитой прав человека и гражданина бессмысленно, поскольку граждане считают, что, например, в случаях, когда права граждан нарушаются государственными органами, суд не примет «законного» решения, поскольку у представителей государственных органов есть определенные механизмы воздействия, которые, по их мнению, способны повлиять на решение судьи. Однако, можно сказать о том, что суд принимает решение, согласно нормам закона, с учетом высокого уровня правовой культуры и правового сознания, необходимых в правоприменительной деятельности, а не основываясь на внешние факторы [3, с.428]. Однако, не всегда применение норм является верным, в связи с чем ранее существовала правовая неопределенность в нормах российского законодательства. В связи с этим хотелось бы привести пример из судебной практики.

Гражданка С. обратилась в одно из медицинских учреждений г. Кирова с просьбой о предоставлении ей копий всех медицинских документов её умершего супруга, который проходил в нем лечение. Заявителю было отказано, мотивируя это тем, что документы составляют врачебную тайну. В связи с полученным отказом гражданка С. обратилась вначале в Прокуратуру Л. района г. Кирова, однако и там в ходе проведенной проверки не выявили никаких нарушений. Судебным решением первой инстанции г. Кирова, а впоследствии оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Кировского областного суда, гражданке также было отказано в удовлетворении её требований. В вышестоящие судебные инстанции жалобы переданы не были. В ходе

рассмотрения материалов дела было установлено, что при жизни супруг гражданки с подобными требованиями не обращался, согласие на получение документов его супругой не оформлял.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни предполагает, что отношения, которые возникают в частной жизни лица, не могут быть подвергнуты неосновательному вмешательству со стороны иных субъектов права. Достоинство личности находится под охраной государства и не может быть основанием для его умаления.

Высший судебный орган конституционного контроля Российской Федерации отмечал, что информация о близком родственнике для обращающегося за получением информации лица является крайне важной, тем более, когда её наличие помогло бы внести ясность в фактические обстоятельства дела, когда у родственника имеются подозрения в несвоевременно или некачественно оказанной медицинской помощи. В связи с вышеизложенным появляется значительная необходимость в предоставлении необходимых сведений. Гражданка С. получившая отказ в суде общей юрисдикции была вынуждена обратиться в Конституционный Суд России, который, в свою очередь, вынес решение о предоставлении запрашиваемой ею информации [4, с.275].

На сегодняшний день существуют актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Связаны они, прежде всего, со множеством различных факторов в сферах жизнедеятельности нашего общества.

Одни проблемы напрямую вытекают из бездействия должностных лиц органов власти на федеральном, региональном и местном уровнях. Другие связаны с неисполнением судебных решений, направленных на восстановление и защиту конституционных прав и свобод граждан. Третьи же предполагают наличие дополнительных критериев, выступающих в роли «камня

преткновения» для решения наиболее глобальной задачи по обеспечению, охране и защите прав и свобод человека и гражданина.

Существует множество нерешенных вопросов, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина, одним из элементов которых в решении любой правовой ситуации служит эффективность и результат. От эффективности вынесенного судебного решения будет зависеть итоговый результат, связанный с восстановлением нарушенных личных прав и свобод человека и гражданина.

Право на судебную защиту в полной мере не реализуется без предоставления соответствующих гарантий, предусмотренных как конституционными нормами, так и российским законодательством. Гарантиями осуществления такого права можно назвать следующие:

1) соблюдение принципов судопроизводства (суд предоставляет участника процесса в равной степени выступить с представленными доказательствами, выслушать свидетелей, довести до суда свою позицию по рассматриваемому делу до удаления судьи в совещательную комнату);

2) соблюдение процессуальных гарантий участников судебного процесса. Основополагающими гарантиями являются запрет на использование доказательств, полученных с учетом нарушения закона, презумпция невиновности, право не свидетельствовать против своих близких родственников и др.);

3) рассмотрение дела в разумный срок. Данный фактор отражает общественный запрос на эффективное правосудие, одним из наиболее важных признаков является своевременное, без затягивания по неважным причинам рассмотрение дела.

Эффективность судебных решений означает следование следующим признакам:

- право на возмещение вреда возникающее вследствие неправомерных действий при вынесении незаконного решения;

- прямое действие, обязательность и исполнимость. Решение, вынесенное судом, является обязательным для всех участников судебного процесса и должно быть исполнено своевременно и в полном объеме. Однако, на практике не все решения исполняются своевременно. Существует множество внешних факторов, не способствующих эффективному исполнению судебного акта. Данные обстоятельства являются своего рода «камнем преткновения» для эффективного и своевременного восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина;

- возможность исправления судебных ошибок путем повторного обращения и пересмотра судебных решений. Однако данный показатель замедляет процесс восстановления нарушенных конституционных прав.

Необходимо отметить, что существуют различные гарантии, при помощи которых можно реализовать право на судебную защиту.

Институт защиты прав и свобод представляет собой систему юридических гарантий и средств их обеспечения и реализации. Нормативно-правовая база, которая кажется такой проработанной не может реализовываться в полной мере. Граждане не вполне доверяют органам власти в решении своих проблем.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что гражданское общество, совместными усилиями могло бы решить эту проблему с помощью коллективных требований. В связи с этим защита прав и свобод возможно осуществлялась бы более эффективно.

Список литературы:

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 365 цит. по: Дудко, И. А. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: учебное пособие / И. А. Дудко. - Москва: РГУП, 2020. - 158 с.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2020 г. N 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // Собрание законодательства РФ, 20.01.2020, N 3, ст. 275.

3. Самович Ю.В., Юн Л.В. Судебная защита прав человека в России через призму конституционного правосудия Чебоксары, 2022.

4. Степаненко Р.Ф., Юн Л.В. Этические основы правоприменительной деятельности: актуальные вопросы теоретического правоведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). С. 189-196.

5. Юн Л.В., Аматыч Э.Р. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина: теоретические и практические аспекты // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 179-182.

6. Юн Л.В. Судебная защита прав граждан как конституционная гарантия: актуальные вопросы. В книге: Экономика и право. Монография. Гл. редактор Э.В. Фомин. Чебоксары, 2021. С. 138-154.

7. Юн Л.В. Профессиональная этика судей: вопросы теоретического правоведения. В сборнике: Правовой статус судьи, прокурора и адвоката в России и зарубежных странах. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2021. С. 428-431.

Исаченкова Евгения Сергеевна
Уральский Юридический институт МВД России
Факультет подготовки следователей
Россия, Екатеринбург
evgenia05.01.2004@icloud.com
Isachenkova Evgenia
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Faculty of Investigators Training
Russia, Ekaterinburg

КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Аннотация: в данной статье затронуты проблемы современного российского законодательства, касаемого обеспечения национальной безопасности, определено понятие института национальной безопасности, показаны пути преодоления коллизий и пробелов для полного и отчетливого разграничение правовых аспектов и правового регулирования.

Ключевые слова: национальная безопасность, защита, правовое регулирование, пробелы и коллизии в праве, законодательство о национальной безопасности, преодоление коллизий, угроза национальной безопасности.

CONFLICTS AND GAPS IN LEGISLATION IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY, WAYS TO RESOLVE THEM

Annotation: this article touches upon the problems of modern Russian legislation concerning national security, defines the concept of the institute of national security, shows ways to overcome collisions and gaps for a complete and distinct differentiation of legal aspects and legal regulation.

Key words: national security, protection, legal regulation, gaps and conflicts in law, legislation on national security, overcoming conflicts, threat to national security.

Жизнь граждан, общества и государства всегда требовала и будет требовать регламентации их отношений, которые, необходимо упорядочивать и стабилизировать. В настоящем времени трудно охватить тем или иным правом все аспекты жизни, так как объем правового регулирования постепенно увеличивается – появляется деятельность большого круга субъектов и таким образом возрастает пространство юридических коллизий. Они охватывают самые различные сферы права: уголовное, социальное, гражданское, административное, конституционное, трудовое, семейное, финансовое и т.д.

Так, тема данной статьи указывает на то, что речь пойдет о национальной безопасности, она играет большую роль в развитии всего многонационального российского государства. Следует выяснить значимость развития национальной безопасности, исходя из её определения.

*Под национальной безопасностью понимается – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [1]. Данное определение приведено из Стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [5]. Из него представляется возможным определить следующие сведения - воздействие на национальную безопасность исходит по двум направлениям: *внутренним и внешним*. Воздействовать можно на самые различные сферы жизни: *начиная с конституционных прав и свобод граждан, суверенитета, независимости, заканчивая государственной территориальной целостностью и социально-экономическим развитием страны*.*

Также следует обозначить, что национальная безопасность развивается в двух направлениях интересов – частные и публичные. К частным относятся интересы каждого гражданина, который проживает на территории Российской Федерации таковыми являются: право на дом, личную неприкосновенность, социальные гарантии и т.д. В публичных непосредственно обеспечиваются интересы государственные – территориальное единство, суверенитет, свобода информационного пространства, экономическое развитие и т.д.

Подробнее окунувшись в структуру национальной безопасности, состоящей из обороны страны и видов безопасности, можно понимать, что последние, предусмотренные Конституцией РФ, делятся на следующие:

- личностная;
- общественная;
- государственная;
- экономическая;
- экологическая;
- транспортная;
- энергетическая;
- информационная;
- интеллектуальная.
- духовная и другие [4].

Ссылаясь на ст. 12 Стратегии, в настоящее время на Россию идет активное воздействие с внешней стороны [5]. Оказывается, давление с различных направлений: военное, экономическое, политическое и информационное. При таком раскладе данные сферы становятся наиболее уязвимые. Согласно данному документу, приоритетами национальной безопасности являются: оборона государства; общественная и государственная безопасность; экономический прирост; наука, технологии, образование; культура, спорт, здравоохранение; экология; стратегическая стабильность и партнерство;

Анализируя составляющие понятия «национальная безопасность», можно сделать вывод о том, что данный термин является дискуссионным, а также его применимость касается аспекта именно безопасности.

Связывая уровень и характер угроз в теории, можно сказать о нации, как об общности всех граждан разных народов (или же этносов) иных этнических общностей, которые населяют Россию. Также необходимо разграничивать понятия «национальная безопасность» и «государственная безопасность» и понимать, что они не равны друг другу. Одно из них, в частности, национальная безопасность более широка, чем государственная. Более общее понятие – выражается в обеспечении защиты каждого гражданина, а государственная в общественной безопасности. Тем не менее, необходимо понимать, что использование понятия «нация» употребляется в смысле совокупности всего народа, населяющего определенное государство, либо само государство, которое выступает как совокупность данного этноса [3].

Орудиями предоставления государственной защищенности считаются — технологические процессы, а кроме того, промышленные, программные, языковедческие, законные, координационные ресурсы, в том числе телекоммуникационные каналы, применяемые в концепции предоставления государственной защищенности с целью созыва, развития, обрабатывания, передачи либо способа данных касательно пребывания государственной защищенности, а также мерах по ее укреплению [6].

В фактическом существовании регулярно появляются подобные «замысловатые сюжеты», которые подпадают под влияние ряда законных норм, а также порождают ненужные юридические проблемы, а также альтернативы. Разнообразные общепризнанных мерок как бы входят друг с другом в противостояние, пересекаясь в одной точке правового пространства, а также «претендуя» в урегулирование одних, а также таких же взаимоотношений. Таким образом, коллизии показывают себя в законодательной основе предоставления государственной защищенности. Юридические коллизии

препятствуют стандартной, гармоничной работе правовой концепции, зачастую ущемляют полномочия граждан, сказываются в производительности законного регулирования, пребывании законности и правопорядка, правосознании, а также правовой культуре общества. Они формируют неудобства в правоприменительной практике, усложняют использование законодательством рядовыми гражданами, возделывают законный скептицизм, а также считаются питательной основой с «целью» развития коррупции в Российской Федерации [2 с.7].

Законодательная основа предоставления государственной безопасности — явление молодое, развивающееся, таким образом, допускает существенное количество коллизий, а также недостатков. Аномальная жара и последующая засуха, лесные пожары лета 2010 года сформировали угрозу национальной безопасности государства, ее главным ценностям. Пламя в авиабазе флота в Коломенском районе Московской области нанесло существенный ущерб обороноспособности Российской Федерации. Согласно сведениям Минздравсоцразвития Российской Федерации, увеличение смертности в июле 2010 года - выросла на 8,6%, а в Столице на 50,7%. Непосредственный вред с лесных пожаров составил согласно определенным анализам больше 300 млрд руб.⁷ В государстве появилась общественная напряженность, отмечалось понижение степени доверия к органам государственной власти. С целью борьбы с лесными пожарами, засухой, а также их последствиями, Президент РФ подписал Приказ с 02.08.2010 г. № 966 «Об объявлении чрезвычайной ситуации, связанной с обеспечением пожарной безопасности». В согласовании вместе с ним органам государственной власти субъектов Российской Федерации предписывалось установить территории, в которых может появиться чрезвычайная ситуация, локализовать в их хозяйственную деятельность, установить период, привести сведение вплоть до данных граждан, а кроме того, заинтересовать к ликвидации чрезвычайной

ситуации вооруженные силы Российской Федерации, другие войска, а также вооруженные формирования.

Указ предлагал причислить к общему ведению поддержку семьям погибших и потерпевшим в следствии пожаров, и, кроме того, поддержку в обеспечении жильем граждан, потерявших его в следствии пожаров. Органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендуется заинтересовать социальные компании, а также волонтеров к тушению пожаров. Указ Президента РФ, изданный в согласовании со ст. 80 Конституции РФ а также в основе ст. 8 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[7], запустил систему, содержащую полный ряд законодательных действий, касающихся действия сил предоставления национальной безопасности. Эти серьезные утраты, которые наше государство понесло в следствии лета 2010 года, явились, в том числе, результатом наличия недостатков и коллизий в законодательной основе предоставления национальной безопасности. К ним, в первую очередь в целом, следует причислить мало прописанный порядок разделения полномочий среди органов государственных властей разных уровней. К примеру, Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) или исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации» в ст. 26-3 определяет 66 полномочий организаций государственной власти субъектов РФ согласно объектам общего ведения, которые формируются из-за счета средств субъектов РФ [7].

Данное означает, то, что согласно любому из этих возможностей должен быть установлен хотя бы один закон субъекта Российской Федерации, который разграничивает возможности между законодательным, а также исполнительным органом, а кроме того закон, который определяет расходные обязательства по реализации данного полномочия. В настоящей жизни большая часть данных законов никак не установлены. Пробелы и коллизии лесного

кодекса, по сути, упразднили природоохранную функцию, сменив ее муниципальным контролированием, а также наблюдением, который продемонстрировал свою малоэффективность.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. // Российская газета, 1993, от 25 декабря.
2. Баранов А.П. Правотворчество органов государственной власти в сфере национальной безопасности России // Современное право. 2009. № 2.
3. Венгеров В.А. Теория государства и права: Учебник (для юр. вузов) /Под редакцией А.Б.Венгерова. М.: Омега- Л, 2008. С. 528.
4. Военные, политические и экономические проблемы обеспечения национальной безопасности России в современных условиях / Руководитель проекта А.Г. Савельев. —М.: ИМЭМОРАН, 2007.
5. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"
6. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2016, N 1 (ч. II). Ст. 212. 149.
7. Указ Президента РФ от 02.08.2010 № 966 «Об объявлении чрезвычайной ситуации, связанной с обеспечением пожарной безопасности». // СЗ РФ. 2010. № 3. Ст. 4299.

УДК 342.72/73

Руф Владислав Сергеевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

ruf.vlad-1988@yandex.ru

Ruf Vladislav

Ural state law university named after V. F. Yakovlev

Institute of the Public Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Аннотация: в статье рассматривается действующее правовое регулирование медицинского эксперимента в России. Приводятся доводы о необходимости детальной правовой регламентации данного явления в целях защиты конституционных прав и свобод граждан, а также основания разграничения «медицинского эксперимента» и «клинической апробации» с медицинской и правовой точки зрения. Предлагается введение законодательного определения и дополнительных условий проведения медицинского эксперимента.

Ключевые слова: правовые основы, конституционные права личности, форма оказания медицинской помощи, медицинский эксперимент, клиническая апробация.

CONSTITUTIONAL LEGAL VIEW OF MEDICAL EXPERIMENT

Annotation: the article examines the current legal regulation of medical experiment in Russia. Arguments are given about the need for detailed legal regulation of this phenomenon in order to protect the constitutional rights and freedoms of citizens, as well as the grounds for distinguishing "medical experiment" and "clinical testing"

from a medical and legal point of view. It is proposed to introduce a legislative definition and additional conditions for conducting a medical experiment.

Key words: legal foundations, constitutional rights of the individual, form of medical care, medical experiment, clinical approbation.

Необходимость в искусстве врачевания появляется с первым упоминанием о человеке. Медицина как наука зародилась еще в древние времена и развивалась вместе с человечеством, начиная с античных времен и до наших дней. На протяжении веков общество сталкивалось с врагами, которые ставили под угрозу всех и каждого и разрешить которые могла бы только медицина: черная оспа, чума, холера, испанский грипп, сибирская язва и другие. А сегодня вопрос стоит крайне остро, так как человечество вновь столкнулось с особо опасным, крайне заразным респираторным вирусом, который лишним раз указал на приоритетность системы здравоохранения над другими сферами даже в современном развитом обществе [8, с. 186]. В связи с чем всем государствам, в том числе Российской Федерации, необходимо и дальше продвигаться, и совершенствоваться в области здравоохранения в целях сохранения закрепленной в Конституции РФ высшей ценности – человека, его прав и свобод. И одной из форм продвижения медицины является проведение, одной из форм которого является медицинский эксперимент, где роль испытуемого играет именно человек. Однако здесь открывается двоякая сущность такой деятельности. С одной стороны, риск, связанный с лишением жизни и здоровья одного, может спасти тысячи и миллионы, но с другой, такие эксперименты могут сопровождаться тяжелейшими физическими и моральными страданиями испытуемых. В связи с чем возникает вопрос о правовой регламентации медицинского эксперимента, которая помогла бы достигнуть хрупкого баланса между этическими нормами и объективной необходимостью, обеспечив при этом гарантированную государством защиту

конституционных прав человека на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность [10, с. 304].

В действующем законодательстве ключевыми документами, содержащими нормы, регулирующие порядок и правила оказания медицинской помощи и исследований в области медицины с участием человека, являются ст. 20-22 Конституции РФ, ФЗ от 21.11.2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан») [6], а также косвенно упоминается в ФЗ от 12.04.2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – ФЗ «Об обращении лекарственных средств») [5]. Однако ни в федеральном законодательстве, ни в подзаконных нормативных актах не содержится легального определения медицинского эксперимента, поэтому видится необходимым обратиться к доктринальным источникам. Глушков В. А. писал, что под медицинским экспериментом понимается доклиническое или первое клиническое проведение научно обоснованного метода диагностики, лечения, профилактики применения новых лекарственных веществ с терапевтической или научной целью [2, с. 165]. А. Н. Ардашева считает, что медицинский эксперимент – это вмешательство в личные права человека, совершаемое в связи с исследованиями в области медицины, не применяемое ранее на практике и не оформленное в установленном законом порядке, допускающее повышенный риск для участвующих сторон, предполагающее свободное и осознанное согласие испытуемого на проведение эксперимента и имеющее социальную значимость для общества и развития медицинской науки и практики [1, с. 102-103]. Таким образом, можно разделить медицинские эксперименты на научно-исследовательские (преследование научной цели) и терапевтические (оказание помощи конкретному больному) с общим признаком, имеющим правовое значение – вмешательство в такие личные права человека как право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, который являются объектом повышенной правовой охраны ввиду их конституционной значимости.

Важно понимать, что медицинский эксперимент независимо от его формы представляет собой исключительно инновационные исследования, которые ранее не просто не применялись на практике, а не существовали вообще. Именно этот критерий является ключевым при сравнении недавно появившегося легального термина «клиническая апробация», который многими ошибочно воспринимается как аналог медицинского эксперимента. Рассматривая инновационный цикл разработки новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, состоящий четырех этапов, необходимо относить медицинский эксперимент к первому этапу разработки, в то время как клиническая апробация находится на втором этапе [9, с. 65-68]. И это лишний раз доказывает наличие законодательного пробела в сфере регулирования медицинского эксперимента.

Стоит заметить, что медицинский эксперимент частично входит в сферу клинических исследований, как отмечал В. А. Глушков. В таком случае это позволяет считать, что на него распространяются условия, закрепленные в ст. 43 ФЗ «Об обращении лекарственных средств»: получение добровольного письменного согласия испытуемого или его законных представителей, обязательное страхование жизни и здоровья испытуемого, полное информирование пациента или его законных представителей обо всех сведениях, имеющих значение при проведении эксперимента. Однако по мнению ученых такое количество условий является недостаточным для эффективной защиты прав, свобод и законных интересов человека как объекта медицинского эксперимента. Также предлагается в качестве условий внести: обязательную общественно-полезную цель, с приоритетом интересов испытуемого перед интересами государства и общества; медицинское обоснование о невозможности достижения указанной цели иным путем; допуск к экспериментам врачей только высшей квалификации, что позволило бы минимизировать шанс врачебной ошибки [3, с. 254]. Наличие указанных дополнительных требований к проведению медицинского эксперимента, на

наш взгляд, поспособствуют установлению наибольшей правовой защиты лица, которое добровольно становится первым испытуемым и подвергает себя огромному риску ради общества и государства.

Руководствуясь вышесказанным, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации медицинское право в различных его проявлениях отражается в нормативных актах, которые постепенно развиваются, совершенствуется и систематизируется. Однако действующее законодательство требует своевременного дополнения и изменения в целях соответствия постоянно усложняющимся общественным отношениям, складывающимся и в сфере здравоохранения. Так нормами права не урегулировано понятие медицинского эксперимента, что вводит неопределенность в толковании и применении работниками здравоохранения и юристами одного и того же термина, вследствие чего видится уместным добавить в часть первую статьи 36.1 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» понятие медицинского эксперимента, как первого этапа инновационного цикла разработки новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, следующего содержания: «медицинский эксперимент - это форма оказания медицинской помощи, выраженная в первом применении инновационных методов диагностики, лечения, профилактики применения новых лекарственных веществ, допускающих повышенные риски для его участников, давших добровольное осознанное согласие, в целях проведения научных исследований в области медицины». В связи с включением данного определения именно в статью 36.1 «Особенности медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации» представляется возможной регламентация порядка и условий медицинского эксперимента во многом в соответствии с нормами, определяющими порядок и условия проведения клинической апробации, которые будут являться общим регулированием двух форм, в то время как нововведения, касающиеся медицинского эксперимента, будут специальным. Это можно обосновать тем, что указанные два этапа

являются схожими и оба представляют значительную опасность для лица, выразившего добровольное согласие на их проведение. Например, утвержденный Министерством здравоохранения РФ в 1998 году Стандарт отрасли ОСТ 42-511-99 устанавливает требования о проведении клинических испытаний в соответствии с основополагающими этическими принципами, закрепленными в международных правовых актах, и действующими нормативными требованиями [7]. А Приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 июля 2015 года №474н, который отражает порядок информирования пациента, получения добровольного согласия на оказание медицинской помощи, а также отказа от проведения клинической апробации и лечения [4]. Эти нормы должны позволить заново определить правовые настроения регулирования медицинского эксперимента в целях обеспечения наибольшей защиты конституционных прав личности со стороны государства.

Список литературы:

1. Ардашева Н. Понятие эксперимента в медицине, защита прав человека // Государство и право. 1995. N 12. С. 102-107.
2. Глушков В. А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. Киев: «Вища школа». 1987. 198 с.
3. Никитина И. О. Медицинский эксперимент: вопросы правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. С. 254-255.
4. О порядке дачи информированного добровольного согласия на оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, формах информированного добровольного согласия на оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации и отказа от медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации:

Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 21.07.2015 № 474н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, N 43. 26.10.2015.

5. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 №61-ФЗ // "Собрание законодательства РФ". 2010, N 16, ст. 1815.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011, N 48, ст. 6724.

7. ОСТ 42-511-99 Правила проведения качественных испытаний в Российской Федерации: Стандарт отрасли, утвержденный Минздравом России 29.12.1998 // Новая Аптека. 2002, № 6.

8. Пильникова И.Ф., Горбунова О.С., Крохалев А.А., Пильников Л. Н. Последствия пандемии коронавируса для экономики страны // Образование и право. 2020. №8. С. 182-187.

9. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н., Перхов В.И., Обухова О.В. Оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации // Менеджер здравоохранения. 2015. №9. С. 63-76.

10. Чернышева Ю.А. Правовые основы проведения биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека в РФ // Общество и право. 2011 №4 (36). С. 304 – 306.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО,
КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347

Ануфриева Анастасия Дмитриевна

Жукова Полина Сергеевна

Российский государственный университет правосудия

Восточно-Сибирский филиал

Россия, Иркутск

nastaanufrieva10@gmail.com

zhukovapolina2017@yandex.ru

Anufrieva Anastasia Dmitrievna

Zhukova Polina Sergeevna

Russian State University of Justice

East Siberian Branch

Russia, Irkutsk

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА И
БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ**

Аннотация: в данной статье описываются и анализируются актуальные проблемы обеспечения качества и безопасности пищевой продукции, предлагаются пути решения данных проблем, а также изучается судебная практика по спорам данной тематики, в целом статья посвящена государственной политике в области здорового питания.

Ключевые слова: продукты питания, требования, стандарты, продовольственная безопасность, вредные вещества, здоровье.

**ACTUAL PROBLEMS OF ENSURING THE QUALITY AND SAFETY OF
FOOD PRODUCTS**

Annotation: this article describes and analyzes the current problems of ensuring the quality and safety of food products, suggests ways to solve these problems, and also studies judicial practice on disputes of this subject.

Keywords: food, requirements, standards, food safety, harmful substances, health.

Государственная политика в области здорового питания населения в Российской Федерации направлена на обеспечение качества и безопасности продовольствия. Вопросы контроля и надзора за использованием действующих законодательств в сфере производства и реализации пищевых продуктов, общественного питания, пропаганды здорового образа жизни, профилактики пищевых отравлений, в том числе и правильного питания, являются главными направлениями государственных задач оздоровления населения. Актуальность данной проблемы с каждым годом растет, так как обеспечение безопасности продуктов питания - основной фактор, определяющий здоровье людей, а также сохранение генофонда.

Одним из актуальных вопросов как общественного здравоохранения, так и международной торговли является безопасность пищевой продукции. Из законодательных и подзаконных документов различных ведущих организаций следует, что понятия «безопасность» и «риск для жизни и здоровья» связаны между собой. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 N880 (ред. от 14.07.2021) О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности пищевой продукции)) декларирует безопасность пищевой продукции как отсутствие недопустимого риска для здоровья, связанного с вредным воздействием на человека и будущие поколения. Питание является одним из важнейших факторов, опосредующих связь человека с окружающей средой, создает условия для нормального физического и умственного развития человека,

формирует системы детоксикации чужеродных веществ химической, биологической и физической природы и, в конечном итоге, определяет здоровье. Согласно обобщенным литературным данным от 70% до 100% отдельных загрязнителей окружающей среды химической и биологической природы может поступать во внутреннюю среду организма человека именно с пищевыми продуктами.

Ухудшение качества животноводческого и растительного сырья по экологическим причинам изменяет технологические характеристики сырья для перерабатывающих отраслей. Вследствие этого резко снижается выход готовой продукции, увеличиваются отходы сырья, уменьшаются сроки его хранения. Так, за последние годы снизились сахаристость сахарной свеклы, масличность подсолнечника, крахмалистость картофеля, содержание белка и жира в молоке, содержание сухих веществ в овощах. Кроме того, в результате экологических воздействий, меняющих генетику, многие плодовые деревья и овощные культуры начинают продуцировать плоды и клубни неправильной формы, которые не подлежат механизированной мойке и чистке, длительному хранению. До 50 % производимого картофеля не соответствует стандарту. Из-за высокого содержания вредных веществ, попавших в заготавливаемое молоко из окружающей среды, от 20% до 50 % его непригодно для производства продуктов детского питания. Говоря о безопасности продуктов питания, необходимо в первую очередь ставить вопрос об экологически чистом сырье для их производства. Эту проблему надо решать, как на государственном уровне, так и в регионах. До недавнего времени ограничения по содержанию вредных веществ предъявлялись только к конечному продукту и не распространялись на сырье, из которого они производятся. Необходимо коренным образом изменить подход к сертификации сельскохозяйственной продукции. Это глобальная задача и ее решение потребует значительного времени. Мониторинг, или система постоянных наблюдений за чистотой и уровнем загрязнения продовольственного сырья и пищевых продуктов

чужеродными веществами, требует создания нормативной и методической базы, подготовки высококвалифицированных кадров специалистов-эколого-аналитиков. Вместе с тем предстоит еще большая работа по разработке нормативно-технической документации на сырье и продукцию, приведению ее в соответствие с международными требованиями безопасности, созданию системы стандартов, регламентирующих методы и средства контроля показателей безопасности.

Экологически безопасные продукты питания — это продукция, полученная из экологически безопасного сырья по технологиям, исключающим образование и накопление в продуктах потенциально опасных для здоровья человека химических и биологических веществ и отвечающая медико-биологическим требованиям и санитарным нормам качества продуктового сырья и пищевых продуктов. Безопасность пищевых продуктов гарантируется установлением и соблюдением регламентируемого уровня содержания любых загрязнителей. Центральное звено системы обеспечения безопасности пищевых продуктов - организация контроля и мониторинга за их загрязнением.

Для повышения безопасности пищевых продуктов и устранения препятствий при перемещении товаров были разработаны новые правовые рамки, охватывающие всю пищевую цепь создания пищевого продукта, обеспечивающие высокий уровень охраны здоровья потребителей и четкое распределение ответственности за безопасность пищевой продукции.

Основные принципы такого подхода:

- А) установление обязательных для выполнения требований в директивах;
- Б) установление конкретных характеристик в национальных стандартах, являющихся добровольными для применения;
- В) изготовление продукции по европейским стандартам;
- Г) выполнение обязательного требования прохождения процедуры подтверждения соответствия перед выпуском продукции на рынок.

Таким образом, по нашему мнению, первоочередными задачами, решение которых обеспечит продовольственную безопасность России в современных условиях, являются следующие:

А) ускорение утверждения разработанных и вынесенных на публичное обсуждение Технических регламентов на основные виды пищевой продукции;

Б) гармонизация требований национальных стандартов с международными требованиями;

В) внедрение на предприятиях отрасли гармонизированных национальных и международных стандартов по качеству и безопасности пищевых продуктов;

Г) подготовка квалифицированных специалистов в области стандартизации и подтверждения соответствия для грамотного внедрения современной нормативной базы в практику.

В правоприменительной практике существует множество дел по спорам на данную тему. Рассмотрим некоторые из них:

1. Арбитражный суд Забайкальского края установил (Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 24.05.2022 № А78-927/2022): Заместитель Балейского межрайонного прокурора обратился в арбитражный суд с заявлением к индивидуальному предпринимателю о привлечении к административной ответственности по части 2 статьи 14.43 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В обоснование своей позиции прокурор указывает, что Нарымовой осуществлялась реализация продуктов питания без маркировки и товаросопроводительной документации, с истекшим сроком годности. Помощником Балейского межрайонного прокурора совместно со специалистом-экспертом территориального отдела Управления Роспотребнадзора по Забайкальскому краю в г. Балей проведена проверка в магазине, в котором свою деятельность осуществляет предприниматель Нарымова. В ходе проверки установлено, что предприниматель осуществляет хранение и реализацию пищевой продукции без маркировки и с истекшим

сроком годности, чем нарушены требования пункта 4 статьи 5, пунктов 7 и 12 статьи 17 ТР ТС 021/2011, статьи 3 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов». Таким образом, объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 14.43 КоАП Российской Федерации, заключается в нарушении изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов или подлежащих применению обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам, повлекших причинение вреда жизни, здоровью граждан, их имуществу или создавшие угрозу причинения такого вреда.

2. Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры установил (Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского АО от 27.04.2022 № А75-1990/2022): заместитель прокурора г. Мегиона обратился в арбитражный суд с требованием о привлечении индивидуального предпринимателя Хохлова. к административной ответственности по части 2 статьи 14.43 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Как следует из материалов дела, прокуратурой в отношении предпринимателя проведена проверка по соблюдению в продуктовом магазине «Виктория» требований законодательства в области оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, в ходе которой установлены случаи реализации 30 наименований алкогольной продукции (пива и напитков на его основе) с истекшим сроком годности. Указанные обстоятельства послужили основанием для возбуждения постановлением в отношении предпринимателя дела об административном правонарушении по признакам совершения правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена частью 2 статьи 14.43 КоАП РФ.

3. Шатурский городской суд Московской области установил (Приговор Шатурского городского суда (Московская область) от 09.02.2022 № 1-46/2022):

Югова совершила производство, хранение в целях сбыта и сбыт продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, при следующих обстоятельствах. Югова, умышленно, из корыстных побуждений, осуществляла незаконную деятельность, а именно в кустарных условиях изготавливала путем разбавления непищевого этилового спирта водой, хранила в квартире в целях сбыта и сбывала для потребления спиртосодержащую жидкость, не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья граждан. Так, Югова сбывала путем продажи Викторову, выступавшему в роли покупателя при проведении сотрудниками ОЭБ и ПК МО МВД России «Шатурский» гласного оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка», за 60 руб. спиртосодержащую продукцию кустарного изготовления. Проданная Юговой жидкость является спиртосодержащей жидкостью-водноспиртовым раствором, изготовленным в кустарных условиях с использованием непищевого этилового спирта, непригодного для производства алкогольной продукции, который включен в список ядовитых веществ для целей ст. 234 и других статей УК РФ и не исправленной (не умягченной) воды. Подсудимая совершила преступление, предусмотренное ч.1 ст.238 УК РФ, относящееся согласно ст. 15 УК РФ, к категории преступлений небольшой тяжести, санкция которого предусматривает меру наказания, до двух лет лишения свободы.

В качестве предложений, направленных на устранение указанных правовых изъянов, видится включение в ст. 2 Федерального закона "О качестве и безопасности пищевых продуктов" от 02.01.2000 N 29-ФЗ указания на то, что правовое регулирование отношений в области обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов осуществляется, кроме "настоящего Федерального закона, других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации", также и международными нормативными актами,

техническими регламентами Таможенного союза и Евразийского экономического союза. Это, в свою очередь, позволит привести в соответствие с требованиями технических регламентов противоречия, так как сегодня именно технические регламенты, принятые на уровне Таможенного союза и Евразийского экономического союза, устанавливают обязательные для исполнения требования к безопасности пищевой продукции. Следует отметить, что принятые ранее на уровне российского законодательства технические регламенты в сфере безопасности пищевой продукции и процессов, связанных с ней, сегодня утратили силу.

Ещё одним предложением является введение «ступенчатых» стандартов, предусматривающих несколько повышающихся уровней или «порогов» качества на перспективу. Каждый порог обычно устанавливает новые требования к качеству одного из узлов (блоков) изделия, обеспечивая взаимозаменяемость с прежним вариантом узла и совместимость с остальными узлами. Переход на новые уровни качества осуществляется изготовителем по годам согласно договорам. Данный метод использования стандартизации для последовательного улучшения качества изделий характеризуется большей экономичностью и удобством применения, поэтому его можно внедрить в Российское законодательство.

Помимо данных предложений по внедрению инноваций в действующее законодательство, предлагаем ужесточить наказание за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерные выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности (ст.238 УК РФ).

Таким образом, обеспечение качества и безопасности пищевых продуктов и контроль за ним очень важны для благополучия населения и профилактики болезней алиментарного происхождения. Продовольственная безопасность

Российской Федерации является одним из главных факторов ее суверенитета и необходимого уровня реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни населения.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства РФ. - 10.01.2000. - № 2. - ст. 150.

2. Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2016 № 1364-Р «Об утверждении Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 11.07.2016. - № 1. - Ст. 4758.

3. Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 24.05.2022 № А78-927/2022 [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/arbitral/doc/6vUTfrDsy65I/> (дата обращения: 17.11.2022).

4. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского АО от 27.04.2022 № А75-1990/2022 [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/arbitral/doc/VBOy8MBRqEx4/> (дата обращения: 17.11.2022).

5. Приговор Шатурского городского суда (Московская область) от 09.02.2022 № 1-46/2022 [Электронный ресурс] // https://sudact.ru/regular/doc/blmC1dQWSmmO/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=238+УК&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=Шатурский+городской+суд+%28Московская+область%29&regular-judge=&_=1668662397213 (дата обращения: 17.11.2022).

6. Джум, Т. А. Санитария и гигиена питания : учебник / Т.А. Джум, М.Ю. Тамова, М.В. Букалова. — Москва : Магистр : ИНФРА-М, 2021. — 544 с. — (Бакалавриат). - ISBN 978-5-9776-0475-8. - Текст : электронный. [Электронный

ресурс] // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1211780> (дата обращения: 10.11.2022). – Режим доступа: по подписке.

7. Николаева, М. А. Организация и проведение экспертизы и оценки качества продовольственных товаров: учебник для среднего профессионального образования / М. А. Николаева, Л. В. Карташова. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. - 320 с. : ил. - (Ab ovo). - ISBN 978-5-91768-939-5. - Текст : электронный. [Электронный ресурс] // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1174607> (дата обращения: 10.11.2022). – Режим доступа: по подписке.

8. Берновский, Ю. Н. Стандарты и качество продукции : учебнопрактическое пособие / Ю.Н. Берновский. — М. : ФОРУМ : ИНФРАМ, 2018. — 256 с. — (Высшее образование). - ISBN 978-5-91134-838-0. - Текст : электронный. [Электронный ресурс] // URL: <https://znanium.com/catalog/product/959903> (дата обращения: 10.11.2022). – Режим доступа: по подписке.

Волкова Ирина Юрьевна

Российский государственный университет правосудия

Крымский филиал

Россия, Симферополь

J.generation@yandex.ru

Volkova Irina

Russian State University of Justice

Crimean branch

Russia, Simferopol

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ

Аннотация: в статье исследуется семейно-правовой институт приемной семьи, а также проводится сравнительный анализ приемной семьи с иными формами устройства детей, оставшихся без попечения родителей. На основе исследования положений нормативно-правовых актов и позиций высших судов выявлены специфические черты приемной семьи. Кроме этого, на основе материалов судебной практики сформулированы существующие проблемы данного института и предложены возможные методы их решения.

Ключевые слова: несовершеннолетние, форма устройства ребенка, приемная семья, опекунов, приемные родители, подготовка приемных родителей

ACTUAL PROBLEMS OF THE FOSTER FAMILY INSTITUTE

Annotation: the article examines the family-legal institution of the foster family, as well as a comparative analysis of the foster family with other forms of placement of children left without parental care. Based on the study of the provisions of normative legal acts and the positions of the higher courts, the specific features of the foster family are revealed. In addition, based on the materials of judicial practice, the

existing problems of this institution are formulated and possible methods of their solution are proposed.

Key words: minors, foster family, guardianship, foster parents

Одним из важнейших приоритетов государственной политики Российской Федерации являются дети. Подтверждение этому можно найти в ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, закрепляющей, кроме значимости детей при определении приоритетов политики, обязанность государства создавать наиболее благоприятные условия для их развития в различных сферах [1]. При этом заботиться о детях и обеспечивать их всем необходимым в первую очередь обязаны их родители. Однако в силу различных причин несовершеннолетние могут быть лишены возможности жить и воспитываться в полноценной благополучной семье и получать необходимую заботу от родителей. По этой причине законодательство России предусматривает различные формы устройства для детей, оставшихся без попечения родителей. Одной из таких форм является институт приемной семьи. Несмотря на его распространенность и значимость его проблемных аспектов как для каждого отдельного ребенка, так и для общества в целом, данный вопрос является недостаточно изученным в доктрине семейного права, что обуславливает актуальность более детального изучения данного вопроса.

Среди исследователей существуют взгляды на приемную семью как на гибридную форму, содержащую в себе черты опеки и усыновления [6, С. 152] или на платную опеку (попечительство), осуществляемую по договору [7, С. 107]. Несмотря на аргументированность данных позиций и имеющиеся сходства между сравниваемыми формами устройства детей, представляется рациональным рассматривать приемную семью как самостоятельный институт семейного права ввиду наличия у неё существенных особенностей, не свойственных ни опеке(попечительству), ни усыновлению.

Действительно, наряду с институтами опекунства, попечительства, и усыновления приемная семья обеспечивает воспитание и заботу о детях, родители которых не могут выполнять данные функции в силу тех или иных обстоятельств. Однако, несмотря на имеющиеся сходства с иными формами устройства детей, у приемной семьи есть специфические свойства, присущие только ей. Для их выявления проанализируем положения нормативно-правовых актов, регламентирующие порядок образования и функционирования приемной семьи.

Действующим законодательством России предусматривается осуществление обязанностей по опеке и попечительству как безвозмездно, так и на возмездной основе [3]. В Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) данное положение конкретизируется относительно приемной семьи. Так, в п. 1 ст. 152 СК РФ приемная семья определяется как опека или попечительства, осуществляемые на основании договора, заключенного между приемным родителем и органом опеки и попечительства [2]. В этой части необходимо подчеркнуть срочность такого договора. Более детально статус приемного родителя определен в п. 4 Постановления Правительства РФ от 18 мая 2009 г. N 423 "Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан", согласно которому приемный родитель является законным представителем ребенка, принятого на воспитание. Это проявляется в том, как указано в рассматриваемом пункте, что ему не требуется каких-либо специальных полномочий для защиты прав и интересов ребенка в любых отношениях.

Таким образом, у приемной семьи есть схожие черты с такими формами устройства детей как опекунство (попечительство) и усыновление с точки зрения возникающих прав и обязанностей в отношении ребенка, однако между ними есть и существенные различия. Это, во-первых, возмездность и срочность договора о приемной семье, что отличает её от опекунства, во-вторых, отсутствие между приемными родителями и взятыми на воспитание детьми

прав и обязанностей, аналогичных при отношениях родителей и детей, в отличие от правоотношений при усыновлении. Так, например, отношения наследования в приемной семье тождественны отношениям между опекунами (попечителями) и их подопечными.

На основании проанализированных норм и выявленных сходств и различий между приемной семьей и опекуном(попечителем) и усыновлением можно сделать вывод, что несмотря на имеющиеся схожие черты, приемная семья является обособленным институтом устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

При заключении договора о приемной семье немаловажным фактором является личность будущего приемного родителя, поэтому законодательством закрепляются требования, которым должны соответствовать приемные родители. Обстоятельства, препятствующие возможности быть приёмным родителем перечислены в ст. 146 СК РФ. Однако наряду с соответствием установленным законом критериям весомое значение имеют индивидуальные личностные качества приемного родителя, его способность создать для ребенка надлежащие условия и заботиться о нём должным образом. Например, одним из оснований для невозможности быть приёмным родителем является судимость за установленные СК РФ категории преступлений. Однако при определенных обстоятельствах суды могут не учитывать этот фактор. Так, в силу положительной характеристики приемного родителя, сложившихся отношений между ним и ребенком, а также его ответственного отношения к будущим обязанностям и осознания в полной мере важности формирования гармоничных взаимоотношений в семье для дальнейшего развития ребенка, органы правоприменения могут признать возможность лица быть приемным родителем даже при наличии у него судимости.

Конституционный Суд Российской Федерации, решая вопрос о соответствии Конституции абз. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ, содержащего аналогичные требования к усыновителям, признал его не соответствующим

Конституции постольку, поскольку суды не правомочны принимать во внимание обстоятельства совершенного преступления, срок, прошедший с момента его совершения, форму вины, обстоятельства, характеризующие личность, в том числе поведение лица после совершения преступления, а также иные существенные для дела обстоятельства [5, п. 2]. Данный вывод Конституционного Суда распространяется лишь на случаи рассмотрения дел об усыновлении в отношении лиц, которые способны обеспечить полноценное развитие усыновляемого ребенка, не подвергая при этом риску его психику и здоровье. Подобные выводы были сформулированы в судебной практике [10].

Истец обратился в суд с требованиями признать незаконными приказы Управления по делам семьи и детей. Обращению суд способствовало признание актами ответчика недействительными заключений, согласно которым истец мог стать приемным родителем. Ответчик требования не признал, указав, что истец в 1997 году был осужден по статье «Хулиганство», а судимость лица по данной категории преступлений является законодательно установленным препятствием для осуществления прав и обязанностей опекуна.

Анализируя материалы дела, суд обратил внимание на следующее. Во-первых, с момента совершения истцом преступления прошло 12 лет, кроме того, оно было совершено впервые. Во-вторых, истец имеет положительную характеристику со стороны органов опеки и попечительства и руководителя органа территориального общественного самоуправления. В-третьих, он прошёл подготовку лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребёнка.

Учитывая эти обстоятельства, суд признал акты ответчика результатом неправильного толкования норм материального права и удовлетворил заявленные требования истца.

Приведенное судебное решение свидетельствует о том, что при решении вопроса о возможности лица быть приемным родителем первостепенную важность имеют интересы ребёнка, его возможность расти и воспитываться в

семье и сформироваться как личность, адаптированная к социальному взаимодействию. Безусловно, нормы закона сформулированы с учетом необходимости обеспечения безопасности для ребенка и минимизации рисков негативного воздействия со стороны потенциального приемного родителя. Однако необходимо учитывать, что общественные отношения являются более динамичными и гибкими, нежели установленные законом положения. Это не умаляет значимости установленных законодателем критериев для лиц, желающих быть приемными родителями, но подчеркивает важность того, что необходимо учитывать все обстоятельства каждой конкретной ситуации. Как видно из рассмотренного выше решения, формальное соблюдение закона может более негативно сказаться на правах и интересах ребенка, чем смещение акцента на личностные особенности и характеристики лица, желающего принять ребенка в семью и воспитывать его.

В приведенном примере заявитель, имеющий положительную характеристику, желал стать приемным родителем, но столкнулся с препятствием со стороны Управления по делам семьи и детей. Однако нередки случаи, когда в уже сформированных приемных семьях приемные родители не могут корректно взаимодействовать с детьми и создать в семье атмосферу доверия, что не только препятствует эффективному и благополучному развитию детей, но и создает почву для негативных, травмирующих ситуаций. В подтверждение этому приведем следующее решение [11].

Истец обратилась в суд для восстановления в правах опекуна и взыскании компенсации морального вреда. Этому предшествовали следующие обстоятельства. Истец являлась приемным родителем четырех детей. Один из приемных сыновей истицы на протяжении длительного периода насиловал её приемную дочь, за что был осужден к пяти годам лишения свободы. После этого истица была полностью отстранена от обязанностей опекуна. Как указывала заявительница, она надлежаще исполняла обязанности приемного

родителя, относилась к приемным детям как к родным и испытала сильное эмоциональное потрясение после отстранения её от обязанностей опекуна.

По итогам оценки аргументов сторон суд установил наличие ряда обстоятельств, имеющих принципиальное значение для разрешения данного дела. Прежде всего, малолетняя рассказала об изнасиловании только педагогу школы, в которой обучалась, так как боялась, что опекун ей не поверит. Это свидетельствует об отсутствии стабильного эмоционального контакта между истицей и её приёмной дочерью. Далее, находясь в государственном учреждении, малолетняя не испытывала сожаления по поводу разлуки с приемной матерью и говорила, что лучше будет жить в детском доме, чем в семье, где она подвергается изнасилованию. Суд также принял во внимание применение истицей физического наказания в отношении её приёмных детей и оставлении их в углу на всю ночь из-за непослушания.

Таким образом, истец не предприняла действий по предотвращению стрессовой для несовершеннолетней ситуации, ставшей причиной её нестабильного эмоционально-психического состояния. Кроме этого, в семье отсутствовали близкие и доверительные отношения из-за отсутствия усилий со стороны истицы. Возвращение девочки в семью в данной ситуации противоречило бы её интересам и стало бы причиной дальнейших стрессовых ситуаций, так как истец не признала влияние своего поведения на произошедшее. В удовлетворении исковых требований было отказано.

Рассмотренное судебное решение подчеркивает важность психологической зрелости приемного родителя и его умения выстраивать контакт с приемными детьми. Так, воспитание детей предполагает не только формальное соблюдение обязанностей по обеспечению детей жильем, пищей и одеждой по сезону, но и формирование стойкой психологической связи, позволяющей детям доверять своим приемным родителям. В противном случае есть риск создания обстановки постоянного напряжения, недоверия и стресса, что не может не сказаться на психологическом здоровье приемных детей. При

таких обстоятельствах институт приемной семьи не будет выполнять свою главную функцию – формирование физически и эмоционально здоровой и всесторонне развитой личности.

Подобная ситуация сложилась в семье истцов, обратившихся в суд для оспаривания невозможности быть опекунами [9]. В обосновании требований истцы указали, что являются приемными родителями троих приемных детей и желают принять в семью еще двоих, для чего обратились в отдел опеки и попечительства с соответствующим заявлением, но им было отказано.

Суд не признал исковые требования подлежащими удовлетворению по следующим причинам. Изначально суд обратил внимание на то, что истец начал злоупотреблять спиртными напитками, и это неоднократно становилось причиной привлечения его к административной ответственности. Далее, сотрудники детского сада, который посещает приемная дочь истцов, отметили, что истцы не ходили на родительские собрания и иные мероприятия. Кроме этого, истица в общении с дочерью позволяет себе использовать оскорбительные слова и грубый тон, считает, что девочка должна всё знать и уметь, не учитывая при этом проблемы несовершеннолетней и её индивидуальные возможности. В воспитании приемной дочери прослеживался авторитарный стиль воспитания, любая инициатива подавлялась. Как следствие – у малолетней сформировались боязнь приемной матери и трудности при налаживании контакта с окружающими. Семье истцов было предложено обратиться в Центр сопровождения замещающих семей для работы с психологами, но они отказались. Таким образом, нравственный облик и модель поведения истцов по отношению к приемному ребенку стали основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

Приведенное дело подтверждает факт недостаточной психологической подготовки некоторых приемных родителей. При соответствии установленным законом критериям и возможности обеспечить ребенка материально у лиц,

желающих принять ребенка в семью, зачастую нет необходимых для общения с ребенком знаний и навыков.

Дети, оставшиеся без попечения родных родителей, подвергались воздействию негативных жизненных обстоятельств. Это усиливает значимость умения будущих приемных родителей правильно выстроить взаимоотношения с такими детьми. Отсутствие элементарных знаний о специфике детской психологии и неготовность к близкому эмоциональному контакту и построению доверительных отношений приводит к созданию стрессовых для детей ситуаций, при которых невозможно их нормальное развитие и дальнейшая способность взаимодействовать с окружающими. В таком случае формирование приемной семьи является неэффективным и нецелесообразным, так как возможность детей социализироваться путем наблюдения благополучных отношений в семье и гармоничного общения с приемными родителями ровно такая же, как и без приемной семьи.

Действующим законодательством Российской Федерации предусматривается обязательное прохождение специальной подготовки лицами, желающими принять ребенка в семью. Программа такой подготовки утверждена Приказом Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2012 г. N 623 [4]. Несмотря на изучение различных аспектов принятия ребенка в семью, предусмотренного программой, её прохождение является недостаточно эффективным, о чем свидетельствуют материалы судебной практики. Причинами этого представляются, во-первых, недостаточное внимание особенностям детской психологии по сравнению с остальным материалом, во-вторых, сугубо теоретическая направленность программы. Так, в существующей программе для будущих приемных родителей предполагается изучение большого количества терминов, сравнения различных явлений, ознакомление с основными положениями законодательства, при этом практически отсутствует обучение методике взаимодействия с детьми в тех или иных ситуациях. Поэтому представляется необходимым внести изменения в

существующую программу подготовки приемных родителей, сместив акцент с теории на практический аспект взаимодействия с детьми. Кроме этого, важным является и ознакомление с негативной практикой при дисгармонии в отношениях с детьми для выработки у будущих приемных родителей осознания важности не только формального исполнения обязанностей, но и установления личного контакта с приемным ребенком. В теоретической же части предлагается увеличить объем изучения особенностей детской психологии в разном возрасте.

Обобщая вышесказанное, приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является одним из важнейших институтов современного семейного права. Благодаря её правильной реализации дети, лишенные возможности воспитываться родными родителями, могут научиться взаимоотношениям с семьей, ровесниками и старшими людьми. Несмотря на имеющиеся сходные черты с опекой(попечительством) и усыновлением, приемная семья является автономным семейно-правовым институтом.

Для содействия интересам ребенка и предотвращения возникновения негативных ситуаций в приемной семье семейным законодательством устанавливаются критерии для потенциальных приемных родителей. При этом важнейшее значение имеет личность приемного родителя, его отношение к ребенку и умение найти к нему правильный подход. Как свидетельствуют материалы судебной практики, далеко не все приемные родители обладают необходимыми качествами для создания теплых, доверительных и эмоционально благополучных отношений с детьми. Это приводит к возникновению травмирующих для несовершеннолетних ситуаций, влияющих на их дальнейшее отношение к себе и мировосприятие. Несмотря на обязательную подготовку для приемных родителей, такие ситуации являются распространенными. Это свидетельствует о необходимости совершенствования учебной программы для лиц, желающих принять ребенка на воспитание.

Приемная семья является одной из наиболее распространенных форм устройства детей, и с течением времени проявляются проблемные аспекты, не изученные ранее, поэтому данный вопрос актуален для дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.)//Собрание законодательства Российской Федерации. 26 января 2009 г. N 4. Ст. 445.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года №223-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 1 января 1996 года. №1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. N 48-ФЗ "Об опеке и попечительстве"//Собрание законодательства Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. N 17 ст. 1755
4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2012 г. N 623 "Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации"// Российская газета от 31 августа 2012 г. N 200
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2014 г. N 1-П "По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева"//Собрание законодательства Российской Федерации. 17 февраля 2014 г. N 7. Ст. 735
6. Антокольская М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – М.: Юристъ, 2002. – 336 с.

7. Левушкин А.Н. Государственная власть и особенности правового регулирования института приемной семьи: на примере Ульяновской области / А.Н. Левушкин, Г.М. Садеева // *Власть*. – 2013. – №4. – С. 107-110

8. Маликова, Е. В. Феномен приемной семьи как формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей / Е. В. Маликова // *Актуальные проблемы современной семьи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Грозный, 29 апреля 2021 года*. – Грозный: Общество с ограниченной ответственностью "АЛЕФ", 2021. – С. 429-433.

9. Решение Луховицкого районного суда Московской области от 29 января 2020 г. по делу № 2А-87/2020//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/roXWoOksh0rQ/> (дата обращения: 08.11.2022)

10. Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 20 июля 2020 г. по делу № 2А-1945/2020//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Yab9KDoIG3Yt/> (дата обращения: 08.11.2022)

11. Решение Зеленогорского городского суда Красноярского края от 28 июля 2020 г. по делу № 2-702/2020//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Du3OqjvYd2Zb/> (дата обращения: 08.11.2022).

Воробьев Кирилл Сергеевич

Уральский Государственный Юридический Университет имени В.Ф. Яковлева

Институт Прокуратуры

Россия, Екатеринбург

kirill.vorobev09@gmail.com

Vorobev Kirill Sergeevich

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БАЗ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ

Аннотация: в статье исследуются базы данных как объект комплексного правового регулирования, рассматриваются не только экономическая составляющая баз данных, но и правовой аспект их функционирования. Автором анализируется угроза неприкосновенности частной жизни граждан при неправомерном использовании баз данных транснациональными корпорациями и государственными органами.

Ключевые слова: базы данных, цифровая экономика, приватность, информационное право, транснациональные корпорации.

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF DATABASES IN THE DIGITAL ECONOMY: BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC

Annotation: the article examines databases as an object of complex legal regulation, considers not only the economic component of databases, but also the legal aspect of their functioning. The author analyzes the threat to the privacy of citizens in the misuse of databases by transnational corporations and government agencies.

Key words: databases, digital economy, privacy, information law, transnational corporation.

Одной из ключевых задач современного правового общества является охрана информационных продуктов (в частности баз данных), защита данных физических и юридических лиц, а также развитие цифровых сервисов, которые на современном этапе развития экономики, взаимосвязаны с данными пользователей. Цифровая экономика, на данном этапе развития, не только использует данные различной категории, но и влияет на их правовой и экономический статус. В условиях функционирования глобальной сети Интернет, вопрос защиты баз данных приобретает часто трансграничный характер, что лишь усложняет проблему правового регулирования.

Несмотря на актуальность данной проблематики, уделяется недостаточно внимания в научной сфере комплексному подходу к правовому регулированию баз данных. Современное информационное общество уже сталкивается с различными проблемами, например, незаконный сбор данных граждан который принимает трансграничный характер, неправомерное функционирование баз данных, созданных транснациональными корпорациями для извлечения прибыли и иные проблемы цифровой экономики.

Существует несколько подходов к пониманию данных и баз данных, в зависимости от сферы научных знаний. Согласно мнению автора, необходим анализ - в первую очередь через информационно-технологический аспект, так как данные являются одним из ключевых объектов научного исследования в информатике и кибернетике [6, С. 53–62], базы данных являются продуктом технологической сферы [9, С. 21]. Под данными может пониматься «результат фиксации, отображения информации на каком-либо материальном носителе, то есть зарегистрированное на носителе представление сведений» [16, С. 198]. Возможны и иные трактовки баз данных, например: «совокупность специальным образом организованных данных, хранимых в памяти

вычислительной системы и отображающих состояние объектов, и их взаимосвязей в рассматриваемой предметной области» [1, С. 22].

Под термином база данных подразумевается «совокупность самостоятельных информационных материалов, сформированная и структурированная таким образом, чтобы операции с такими материалами могли быть осуществлены с помощью электронной вычислительной машины (далее – ЭВМ) в условиях информационной безопасности» [12, С. 62]. Данное определение наиболее близко к законодательной регламентации исключительных прав изготовителя баз данных, закрепленного в статье 1334 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [8].

Несмотря на различные подходы к пониманию баз данных, возможно выделить следующие признаки: совокупность различных данных систематизированных таким образом, что операции с ними возможны при технологической связи с ЭВМ. Так же стоит акцентировать внимание на то, что сами данные являются содержанием баз данных. Несмотря на некоторую очевидность данного тезиса, он является одним из ключевых для дальнейшего понимания технических, правовых, экономических и их особенностей связанных с данными (вне зависимости от форм и видов) и базами данных.

Технологические решения, которые определяют функционирование баз данных, а также скорость и качество операций с информацией структурированной и систематизированной в конкретной базе данных, чрезвычайно важны, но необходимым и приоритетным является содержание базы данных. Данные являются «высшей ценностью» базы данных, их содержанием и необходимым материалом для технологических решений.

Информация получаемая субъектом из соответствующих данных, размещенных в базах данных, также нуждается в анализе: так как определяет особенности в правовом регулировании и правовой охране данных и баз данных [18, С. 105]. Информацию можно сформулировать как «сведения, полученные определенным субъектом, ранее ему неизвестные или

конкретизирующие уже существующие знания, опровергающие или подтверждающие его представления (восприятие) об окружающей его действительности» [2, С. 30].

Определив основные понятия, необходимо понять причины важности данного исследования в части практической значимости баз данных в современном обществе. Сферы применения баз данных максимально разнообразны и основными критериями в применении считается необходимость в работе с большими объемами информации и наличие технической возможности внедрения данной технологии.

Одним из успешных примеров использования баз данных, основанных на данных физических лиц, являются медицинские информационные системы (МИС), в Российской Федерации используется технология «Федеральная типовая медицинская информационная система» (ФТМИС) [11]. Данная технология является не только полезным фактором повышения эффективности медицинских процессов, но и выполняет функции хранения статистической информации о здоровье граждан в Российской Федерации. Наличие подобной базы данных лишь подтверждает необходимость дальнейшего развития данных технологий, но стоит помнить что неправомерное владение социально-значимой информацией может принести вред целому государству.

Публично-правовой статус баз данных, в зависимости от конкретных ситуаций, может зависеть от особого статуса содержащихся в них данных. При наличии персональных данных в базах данных, выявляется преобладание императивного метода регулирования и значительная роль государственных органов и закрепление в основном законе государства [20]. Но все же наиболее эффективным для дальнейшего доктринального развития, представляется анализ баз данных в контексте комплексной отрасли – информационного права [3, С.14].

Аргументом в пользу такого подхода может являться необходимость в высокотехнологических и правовых знаниях для понимания функционирования баз данных как объекта права [15]. При этом высказывается точка зрения о необходимости рассмотрения баз данных как объекта права, подверженного правовому регулированию определенной отрасли, в зависимости от конкретных правоотношений, например, при купле-продаже готовой базы данных между участниками экономического оборота, базы данных будут выступать объектом частного права – а именно права интеллектуальной собственности [13, С. 289 - 300].

Рассмотрение баз данных только как объекта права интеллектуальной собственности (в частности авторского права), представляется недостаточным. Правовая охрана в таком случае будет распространяться лишь на форму [4], а не на содержание соответствующего объекта права.

Правовое регулирование баз данных основанное только на авторском праве, на практике не является эффективным. В подтверждение сказанного можно привести решение Верховного Суда США по делу *Feist v. Rural Telephone* [30], несмотря на то, что спор возник из-за нецифровых баз данных (телефонных справочников), правовой подход закрепленный в данном решении, имеет значение для регулирования всех баз данных на территории Соединённых Штатов Америки и к данному подходу обращались другие страны для выстраивания собственного понимания правового статуса. В данном деле Верховный Суд США закрепил понимание, что нетворческие базы данных не могут регулироваться авторским правом [29], так как невозможно определить наличие творческого вклада, необходимо доказательство оригинального подхода к формированию и структурированию базы данных.

Развитие цифровых технологий ознаменовали собой трансформацию существующих и создание принципиально новых общественных отношений. В данных условиях вопрос о трансграничности экономических отношений с появлением сети Интернет стал еще актуальней. При этом данные юридических

и физических лиц стали официальными (в некоторых случаях неофициальными) цифровыми активами многих транснациональных корпораций и небольших интернет компаний [27, Р. 490–491]. В перечисленных условиях и получили развитие современные трансграничные цифровые базы данных.

Одним из результатов влияния цифровых технологий на экономику и общество является появление глобальной цифровой экономики [26], в рамках которой, базы данных являются ключевым фактором ее развития и условием успеха процесса производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Цифровую экономику можно определить как хозяйственную деятельность, в приоритете которой является производство с использованием информации в цифровом виде и проведение экономического анализа на основании определенных баз данных для определения дальнейшего вектора своего развития [23, С. 59–65.].

На базе успешно функционирующих платформенных моделях бизнеса действуют крупнейшие трансграничные коммерческие базы данных юридических и физических лиц, а также формируется экосистема сообщества партнеров и конкурентов [17, С. 106–123], которые так же могут обмениваться между собой данными и формировать общие базы данных. Данные в таких условиях приобретают свойство «цифрового товара». Глобальный и трансграничный характер выражается в транснациональных корпорациях, как в ключевых участниках платформенных бизнес моделей.

Трансграничная передача данных и баз данных возможна, в частности, как форма внешнеэкономической деятельности с использованием цифровых средств (как технологии, так и существующей, систематизированной совокупности данных), что порождает вопросы, относительно коллизионного регулирования подобных отношений. Если рассматривать трансграничную передачу исключительных прав на базу данных, то национальные границы не

пересекаются, а передаются правообладателем в определенном порядке и в определенном объеме на территории конкретного государства.

Трансграничный характер, в данном случае, должен проявляться в наличии осложнении иностранным элементом [19, С. 31]. Данное может проявляться участием иностранного лица, происхождением юридического факта за рубежом и т.д. Соответственно, для признания какого-либо отношения трансграничным, необходимо осложнение иностранным элементом.

Рассматривая данные как некоторый «цифровой актив», который так же можно передать другому лицу, мы сталкиваемся с различными подходами в отношении передачи данных за рубеж: от строгих запретов на передачу различных баз данных (например, Саудовская Аравия) [31], до полной либерализации законодательства в этой сфере. В настоящее время существуют различные подходы к градации ценности данных в зависимости от их вида, так в некоторых государствах имеет приоритет персональные данные граждан или финансовые показатели коммерческих или государственных организаций. Несмотря на различные сложности, транснациональные корпорации стремятся к сбору наибольшего числа данных своих пользователей в различных государствах и конкурируют между собой в масштабе формируемых баз данных (для дальнейшего извлечения прибыли) [25, Р. 23–31].

Международное правовое регулирование в сфере данных и баз данных, не только устанавливает общие принципы регулирования, которые в дальнейшем закрепляются в национальных системах права, но и вводит конкретные направления (модели) правового регулирования общественных отношений, связанных с данными и базами данных. Конечно, это применимо лишь к тем странам, которые ратифицировали эти международные нормы и имплецировали в свое национальное законодательство.

Существует несколько международных актов регламентирующих данные и базы данных, некоторые напрямую закрепляя данные объекты права - некоторые имеют косвенное значение, например Бернская конвенция 1886 года

не закрепляет напрямую базы данных [5], но некоторые государства используют правовые положения относительно сборников - аналогично к базам данных. В качестве международного акта, регламентирующего конкретно базу данных, можно привести соглашение ТРИПС [22], принятое в 1994 году, которое уже регламентирует базу данных и предусматривают ее защиту.

Данное соглашение не только указывает на национальный режим, но и дополняет его режимом наибольшего благоприятствования (иммунитет и привилегии одной стороны, распространяются на всех участников). В качестве конкретизирующего международного акта можно привести Директиву Европейского Союза 96/9/ЕС от 11.03.1996 «О правовой охране баз данных», в которой закрепляется правовая охрана не только самостоятельных баз данных, но и охрана существенных изменений в существующую базу данных. Директива в отличие от, например, Договора ВОИС по авторскому праву от 1996 года [10], закрепляет регулирование баз данных не только авторским правом, но и смежными правами особого рода (*sui generis*), что аргументирует необходимость правовой охраны содержания данных различных категорий.

Анализируя правовые позиции Европейского Суда по правам человека [21, С.264–281], можно заметить следующую закономерность: правовое регулирование, в отношении баз данных содержащих персональные данные имеют значительные отличия от остальных баз данных (повышенный стандарт защиты, более строгие правила доступа к таким базам данных и т.д.) Данный подход анализирует данные объекты права как один из элементов существования прав человека эпоху информационных и коммуникационных технологий, что предусматривает необходимость в охране не только средствами национального права, но и мерами международно-правового воздействия.

Правовая регламентация баз данных имеет более частно-правовой характер, в отличие от регламентации данных. Если базы данных не содержат персональных данных, государственной или коммерческой тайны, то их

регламентация похожа на особый объект смежных прав, но есть и регулирование только авторским правом. Так, в Великобритании используется доктрина «sweat of the brow», которая регулирует права на базы данных с позиции наличия существенных (не обязательно творческих) усилий, вложенных в базу данных [28], необходимо доказать, что автор, используя свои навыки или способности, создал данный объект права - данный критерий является субъективным и определяется юрисдикционным органом (судом).

Правовое регулирование данных и баз данных в Российской Федерации представляется комплексным, и в зависимости от содержания баз данных, может применяться как приоритет публичного, так и частного права. Несмотря на то, что в Конституции Российской Федерации не упоминаются персональные данные, многие конституционалисты придерживаются точки зрения относительно того, что они являются одним из элементов принципа неприкосновенности частной жизни и должны регулироваться на основании публичных отраслей права (конституционного, уголовного и т.д.) [14, С. 23].

При этом законодательно существует возможность ограничения данного права, так Законодатель предусмотрел исключение из общего правила, сняв запрет на сбор информации о частной жизни лица в определенных случаях. В абзаце 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ закреплено [7], что сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина возможно в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.

Значит при создании баз данных, содержащих персональные данные граждан, функционирование которых необходимо для обеспечения публичных интересов, наличие волеизъявления конкретного гражданина не требуется, что говорит о публичной природе таких правоотношений.

Функционирования баз данных в Российской Федерации регулируется комплексом различных норм, так рассматривая базы данных в гражданско-

правовом смысле, можно обратиться к определению закрепленному в п. 2 ст. 1260 Гражданского кодекса, в котором правовая регламентация закрепляется как за авторским правом. Существует необходимость в объективном представлении баз данных охраны авторским правом, а также содержание базы данных (массива информации) как самостоятельного объекта.

Правовой режим охраны баз данных напрямую зависит не только от формы самой базы данных, но и от содержания. Прямое пересечение данных и баз данных выражается в распространении охраны на массив данных, содержащихся в базе данных. Особенно явно это выражается в особом правовом режиме баз данных, содержащих персональные данные граждан и иных данных ограниченных в обороте (персональных, конфиденциальных и т.д.).

Прямая взаимосвязь налагает не только техническую необходимость на повышенную защиту баз данных содержащих персональные данные, но и особенности в правовой охране таких баз данных. При этом обязанность соблюдать правила обработки персональных данных в составе базы данных возлагаются не на создателя базы данных, а на оператора [24]. Существуют множество правил операций с персональными или иными конфиденциальными данными в составе баз данных, в зависимости от правопорядка конкретной страны, но почти всегда особый статус информации налагается и на базу данных.

Точкой пересечения данных и баз данных как объекта права является их особый комплексный характер правового регулирования и правовой охраны. Анализ правоприменительной и законодательной практики позволяет сделать вывод о необходимости особого регулирования, в зависимости от характера данных и баз данных. Если данные первоначально рассматривались как объект административного или гражданского права, а базы данных как объект авторского права, то с развитием технологий и особенно с появлением информационного права, возник вопрос об их информационной природе.

Подводя итог по данному научному исследованию автор пришел к следующим выводам: проблема правовой баз данных дифференцируется в зависимости от правопорядка в конкретной стране; несмотря на унифицированный характер подходов к международной регламентации, они имеют скорее рекомендательный характер, при этом закрепляют локальный характер их правовой защиты, что затрудняет трансграничный обмен; существуют множество проблем уже на данном этапе развития общества, но в условиях коммерциализации данных и баз данных различных категорий, проблема соотношения частного и публичного лишь усилится.

Между данными и базами данных существует тесная взаимосвязь, которая выражается не только в техническом аспекте, но и сугубо в правовом. Влияние содержания базы данных на их правовой статус и правовую защиту является особенно явным в случае операций с данными конфиденциального и персонального характера. Так например, в правоотношениях с базами персональных данных, главенствующим участником является оператор соответствующей базы данных, именно на него возлагаются основные обязанности, а не на создателя такой базы данных, а также такие технологии регулируются преимущественно информационным и административным или уголовным правом, а не гражданским. Являясь потенциальной угрозой неприкосновенности частной жизни, базы данных нуждаются в особом правовом контроле, особенно если содержащиеся в них данные способны нанести вред национальной безопасности Российской Федерации.

Информационное общество основанное на современных технологиях позволяет не только эффективно использовать существующие ресурсы и дает возможность трансграничному обмену различной информацией, но и подразумевает множество опасностей и предпосылок к злоупотреблению гражданами, юридическими лицами и государством данными возможностями. Необходима методичная и интенсивная доктринальная, правоприменительная и законотворческая работа по обеспечению неприкосновенности частной жизни

граждан в условиях цифровой экономики, где транснациональные корпорации вынуждены собирать и обрабатывать данные своих пользователей для обеспечения конкурентоспособности и увеличения своей прибыли.

Список литературы:

1. Базы данных: учебник/ Кумскова И.А. – 3-е изд., перераб. – М.: КНОРУС, 2016. – С. 22
2. Базы данных: Учебник для СПО/ Советов Б.Я., Цехановский В.В., Чертовской В.Д., – 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 30
3. Бачило И. Л. Информационное право. Роль и место в системе права РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 14.
4. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: Авторское право / Пер. с англ. В.Л. Вольфсона, – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004, 535 с.
5. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) [Электронный ресурс] // Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 02.01.2022);
6. Глушков В.М. О кибернетике как науке // Кибернетика, мышление, жизнь. – М.: Мысль., 1964. – С. 53–62
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в редакции - 20.03.2021.) // (Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, от 09.03.2021)
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 52. 2006.
9. Донников Ю.В. Правовое регулирование создания и использования баз данных : дис...канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2021 – С. 21.
10. Договор ВОИС по авторскому праву (Подлинный текст) [Электронный ресурс] // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/295160> (дата обращения 04.01.2022);

11. Зарубина Т. В. Единая государственная информационная система здравоохранения: вчера, сегодня, завтра.// Сибирский вестник медицинской информатики и информатизации здравоохранения, 2016. №1
12. Информационные технологии в юридической деятельности : учебник для вузов / П. У. Кузнецов [и др.] ; под общей редакцией П. У. Кузнецова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Изд-во Юрайт, 2021. — С. 62.
13. Калятин В.О. База данных как объект комплексного правового регулирования // Актуальные вопросы российского частного права. М., 2008. С. 289–300
14. Комментарий к Конституции Российской Федерации/ Под ред. проф. В.Д. Зорькина - 3-е изд., пересмотр. - Москва : Норма: НИЦ ИНФРА-М. 2013. - С. 23
15. Кузнецов П. У. Информационные основания права: М. Екатеринбург, 2005
16. Максимович Г. Ю. Информационные системы : Учебное пособие / Ю. Г. Максимович, А. Г. Романенко, О. Ф. Самойлюк; под общей ред. К. И. Курбакова – М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1999. – С. 198.
17. Маркова В. Д. Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию // ЭКО. 2019. № 5. С. 106–123.
18. Медведкова И. Е., Бугаев Ю. В., Чикунов С. В. Базы данных: учеб. пособие. — Воронеж: Изд-во ВГУИТ, 2014. — С. 105
19. Международное частное право : учебник / Б. М. Гонгало, А. В. Майфат, Д. В. Мурзин [и др.]; отв. ред. проф., засл. юрист РФ Б. М. Гонгало. — Москва : Статут, 2020. – С.31.
20. Поливанова Д. З. Международно-правовые проблемы права человека на неприкосновенность частной жизни: дис.... канд. юрид. наук: (12.00.10). Институт государства и права. М., 2010.
21. Рожкова М. А. Об интерпретации правовых позиций Европейского Суда по правам человека, вытекающих из толкования Европейской конвенции

по правам человека (на примере исследовательского отчета «Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека») // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека / Russian Yearbook on the European Convention on Human Rights. № 2 (2016): «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». – М.: Статут, 2016. С. 264–281).

22. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/other_treaties/text.jsp?file_id=329636 (дата обращения 04.01.2022);

23. Уэссел М., Леви Э., Сигел Р. Рынок в цифровую экономику // Harvard Business Review – Россия. 2017. Март. С. 59–65.

24. Федеральный закон №152-ФЗ от 27 июля 2006 года “О персональных данных”// "Российская газета", N 165, 29.07.2006 г.

25. Binns R., Lyngs U., Van Kleek M., Zhao J., Libert T., Shadbolt N. Third Party Tracking in the Mobile Ecosystem. Proceedings of the 10th ACM Conference on Web Science. Amsterdam, May 27–30, 2018. P. 23–31

26. Dahlman C., Mealy S., Wermelinger M. Harnessing the Digital Economy for Developing Countries, OECD, Paris 2016. – Mode of access: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/4adffb24-en.pdf>

27. Enserink M., Chin G. The end of privacy // Science. – 2015. – 30 January. – Vol. 347, Issue 6221. – P. 490–491

28. *Ladbroke v William Hill* 1 All ER 465, 469 (1964).

29. Paul Goldstein, *Goldstein on Copyright*, §2.14.2 (2008)

30. *Rural Telephone Service Co. v. Feist Publications, Inc.*, 499 U.S. 340 (1991)

31. Tymburski K., Balouziyeh J., Kirkham K. M. Saudi Arabia: New Cloud Computing Regulatory Framework//Mondaq.2018.April.<http://www.mondaq.com> (дата обращения 04.01.2022)

УДК 347.61/64

Гокунь Юлия Сергеевна
Донецкий национальный университет
Юридический факультет
Россия, Донецк
yulya.gokun@mail.ru
Gokun Julia
Donetsk National University
Faculty of Law
Russia, Donetsk

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ»

Аннотация: статья посвящена вопросу изучения необходимости принятия Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Работа имеет междисциплинарный характер, т.к. написана на стыке права и медицины. Работа имеет межотраслевой характер, поскольку посвящена изучению отношений в сфере семейного и медицинского права. Принятие Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях» модернизирует правовую систему, станет гарантом защиты прав лиц, обратившихся к вспомогательным репродуктивным технологиям, их ребёнка, суррогатной матери, положительно повлияет на демографическую ситуацию в Российской Федерации, повысит её авторитет в глазах граждан и международной арене.

Ключевые слова: законопроект, вспомогательные репродуктивные технологии, обоснование необходимости, суррогатное материнство, криоконсервирование эмбрионов.

TO THE QUESTION OF THE NEED TO ADOPTION OF THE FEDERAL LAW "ON ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES"

Annotation: the article is devoted to the issue of studying the need to adopt the Federal Law "On Assisted Reproductive Technologies". The work is interdisciplinary in nature, because written at the intersection of law and medicine. The work has an intersectoral character, since it is devoted to the study of relations in the field of family and medical law. The adoption of the Federal Law "On Assisted Reproductive Technologies" will modernize the legal system, become a guarantor of the protection of the rights of persons who have applied for assisted reproductive technologies, their child, surrogate mother, will positively affect the demographic situation in the Russian Federation, increase its authority in the eyes of citizens and the international arena.

Key words: draft law, assisted reproductive technologies, justification of the need, surrogate motherhood, cryopreservation of embryos.

Желание супругов иметь ребёнка, однако невозможность по состоянию здоровья его завести, приводит к возникновению необходимости в их обращении к вспомогательным репродуктивным технологиям [1, с. 122-130]. Они позволяют лицам, неспособным по медицинским показаниям иметь детей, реализуя их мечту о полноценной семье и давая им надежду на счастливое будущее.

Несмотря на всю совокупность существующих нормативных правовых актов, в российском законодательстве на данный момент имеет место множество неурегулированных правом вопросов. Среди них, по нашему мнению, центральное место занимают вопросы регулирования вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, суррогатного материнства и экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО).

Сферу осуществления вспомогательных репродуктивных технологий можно назвать одной из наименее урегулированных законодательно, что

вызывает значительные проблемы при их применении. В Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) содержатся лишь положения о записи супружеской пары, давшей согласие на применение вспомогательных репродуктивных технологий, родителями рождённого ребёнка, о том, что они могут быть записаны таковыми только с согласия суррогатной матери, а также об принципе эстоппель при оспаривании отцовства либо материнства ребёнка, рождённого от суррогатной матери [2]. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» указывает на необходимость наличия письменного согласия суррогатной матери на запись супругов, обратившихся к применению вспомогательной репродуктивной технологии, родителями ребёнка [3]. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» раскрывая сущность вспомогательных репродуктивных технологий, определяет, кто может быть суррогатной матерью и что следует понимать под данным термином, закрепляет часть принципов осуществления вспомогательных репродуктивных технологий и регламентирует ряд некоторых других вопросов [4]. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н регламентирует порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания к их применению, устанавливает формы документов в сфере вспомогательных репродуктивных технологий [5]. Приказ Минздрава России от 30 октября 2012 г. N 556н содержит перечень медицинских процедур, проводимых при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий [6]. Невозможно отрицать тот факт, что данные положения имеют важное правовое и социальное значение, однако для регулирования отношений при применении вспомогательных репродуктивных технологий в полном объёме их недостаточно. Это обуславливает необходимость в разработке и последующем принятии такого нормативного правового акта, который бы смог регламентировать рассматриваемые отношения всесторонне, не игнорируя проблемные моменты. В связи с этим, предлагается принять Федеральный

закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях», рассмотрев перспективы его принятия и определив его ключевые положения.

Принятие Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее Закон) станет поистине революционным событием, которое ожидалось в российской правовой системе уже много лет в связи с быстрым развитием вспомогательных репродуктивных технологий и растущими темпами количества обращений к ним. В данном нормативном правовом акте:

1) будут обозначены принципы применения вспомогательных репродуктивных технологий (ст.5 Закона);

2) будет дано определение понятий «генетическая мать», «генетический отец», «биологическая мать», «суррогатная мать», «договор суррогатного материнства» и т.д. (ст.4 Закона);

3) будет изложено, кто имеет право прибегать к использованию вспомогательных репродуктивных технологий (ст.11 Закона);

4) будет очерчен круг медицинских процедур, подпадающих под определение вспомогательных репродуктивных технологий (ст. 6 Закона);

5) будет предложено решение существующих проблемных моментов в рассматриваемой области медицины.

В сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий не урегулированными остаются следующие вопросы:

1) судьба ребёнка при отказе суррогатной матери дать письменное согласие на запись супругов (одиноким женщины, мужчины), обратившихся к её слугам, родителями ребёнка;

2) судьба ребёнка, рождённого с применением вспомогательных репродуктивных технологий, при разводе родителей, если при зачатии (создании эмбриона) использовался биологический материал только одного из родителей;

3) судьба криоконсервированного эмбриона при разводе супругов.

Под суррогатным материнством в медицине понимается вынашивание женщиной, не являющейся генетической матерью, плода, созданного посредством использования гамет супругов, равно как лица, не состоящего в браке, с использованием половых клеток донора. Как указывалось ранее, супруги, которые воспользовались услугами суррогатной матери, могут быть записаны родителями ребёнка только с её согласия [7, с.76-79]. С одной стороны, это вполне объяснимо, т.к. суррогатная мать, будучи беременной, испытала на себе все трудности материнства в виде плохого самочувствия и болезненного процесса родов. При этом, её привычный образ жизни был изменён, что вызвано необходимостью проведения процедуры оплодотворения, сдачи анализов до неё и вовремя беременности, медицинским наблюдением на протяжении всей беременности, изменением рациона, привычек, в некоторых случаях уходом с работы, проживанием в другом городе отдельно от семьи, родных, близких, коллег в целях сокрытия того факта, что она заключила договор и является суррогатной матерью. Это может отразиться на мировоззрении женщины и повлиять на её решение о передаче ребёнка родителям. Будучи беременной, между суррогатной матерью и ребёнком могут сложиться отношения, аналогичные материнским и кровно - родственным, что вызовет у неё желание оставить ребёнка себе и воспитывать его как собственного.

С другой стороны, суррогатная мать, понимая, что супруги, одинокая женщина либо мужчина, обратившиеся к её услугам, не защищены законом в случае принятия ею решения об оставлении ребёнка себе. Родители как заказчики по сравнению с суррогатной матерью-исполнителем услуги являются уязвимой стороной по причине невозможности зарегистрировать ребёнка как своего собственного без её согласия. Это позволит суррогатной матери ограничить права генетических родителей, предоставляя ей возможность забеременеть, получать на протяжении всей беременности необходимый медицинский уход, поддерживать правильное питание, жить в комфорте и при

этом благополучно родить здорового ребёнка, зная, что всё это ей материально обеспечат потенциальные родители, надеясь получить своего ребёнка.

Обращение к услугам суррогатной матери для некоторых лиц с медицинской точки зрения означает последний способ осуществить свою мечту и стать родителями. Для большинства людей желание иметь семью, завести и воспитывать детей является крайне важным, поскольку это приносит счастье и радость, делая жизнь человека полноценной. Поэтому потенциально важно разработать такие гарантии защиты прав лиц, обратившихся к использованию вспомогательных репродуктивных технологий, которые могли бы предотвратить любое посягательство суррогатной матери на ребёнка. Для этого, в предлагаемом к принятию Законе, необходимо закрепить норму, в соответствии с которой суррогатная мать должна будет дать своё согласие на запись заказчиков родителями (родителем) ребёнка во время заключения договора об оказании своих услуг, т.е. до переноса в её организм эмбриона, наступления беременности и до родов. Данная норма должна также указывать на то что, только при отказе супругов от ребёнка суррогатная мать сможет оставить его себе и записать себя в качестве родителя. На необходимость такого положения указывают имеющиеся в Российской Федерации и в мировой практике случаи, когда супруги ещё до рождения ребёнка отказывались от него, а суррогатная мать не решалась отдать его в детский дом и оставляла новорожденного себе. Здесь стоит учитывать также то, что, если супруги передумают, сделав ранее отказ, они уже не смогут претендовать на ребёнка, если суррогатная мать захочет оставить его себе. Если же она после родов решит не оставлять младенца себе, а давшие отказ супруги передумают, то тогда они смогут зарегистрировать себя как родителей и воспитывать ребёнка. Таким образом, предлагается на законодательном уровне не только защитить права супругов, но и предоставит гарантии для ребёнка и суррогатной матери (ст.16 Закона).

При разводе супругов, ранее прибегнувших к использованию услуг суррогатной матери, перед ними встаёт вопрос о том, кем из них будет воспитываться ребёнок, с кем будет жить, а кто сможет лишь брать его себе на время, на выходные, каникулы и т.д., и вообще сможет ли. В данной ситуации, бывшие муж и жена будут стремиться любыми способами заполучить права на воспитание ребёнка, т.к. для каждого из них, как к обратившимся к вспомогательным репродуктивным технологиям, это может оказаться последней возможностью завести детей. Конечно, на практике случаи обращения к услугам суррогатной матери из-за проблем со здоровьем обоих супругов встречаются довольно редко, поскольку в основном к таким услугам прибегают пары, где один из супругов по каким-либо причинам не может иметь детей или из-за наличия определённого заболевания не желает этого. Так, если оба супруга предоставили свои биоматериалы для создания эмбриона, пересадки его в организм суррогатной матери, при разводе судьба ребёнка будет решаться в соответствии со ст. 24 СК РФ, т.е. в судебном порядке. Если же суррогатной матери был перенесён в организм эмбрион, созданный из биологических материалов кого-то одного из супругов и неизвестного донора, то в случае развода предлагается закрепление в норме Закона о том, что ребёнок будет проживать с тем супругом, чьи гаметы были использованы (ст. 17 Закона).

Отметим, что если лица, из половых клеток которых был создан пересаженный в организм суррогатной матери эмбрион, погибнут, то распоряжаться эмбрионами и при использовании их по назначению, когда ребёнок родится, опеку над ним, усыновление либо удочерение смогут произвести родители, сёстры, братья и другие родственники супругов в соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [8] и иными нормативно-правовыми актами.

Экстракорпоральное оплодотворение представляет собой способ лечения бесплодия и заключается в отобрании у мужчины семени и ооцитов у женщины, оплодотворение яйцеклетки в специальной среде, её перенос в специальный инкубатор для развития и последующее перенесение эмбриона в полость матки женщины. Так, ЭКО имеет невероятно важно значение, т.к. позволяет женщине забеременеть искусственным путём, выносить плод и родить, тем самым дав супругам их долгожданного ребёнка.

Как известно, в семейной жизни не всегда всё бывает благополучно, и в некоторых случаях супруги разводятся. В связи с этим возникает вопрос, что делать с замороженными и находящимися на хранении в клинике эмбрионами при разводе. Решение данного вопроса затрудняет то, что эмбрион является совместной собственностью супругов, а значит они оба имеют на него права.

Отметим, что называть эмбрион собственностью, т.е. предметом, вещью, не совсем уместно из-за того, что при помещении его в организм женщины, развитии и родах он станет полноценным человеком, однако, в данный момент он, являясь частью организма каждого из двух лиц в равной степени, должен быть рассмотрен как неодушевлённый предмет, принадлежащий супругам. Даже в том случае, если при ЭКО был использован биологический материал только одного из супругов, например, ооциты жены, а семя было взято не у мужа, а у донора, при регистрации ребёнка в качестве отца будет указан муж, т.к. будет действовать презумпция отцовства [9, с.58-60]. Следовательно, определять судьбу эмбриона вправе оба супруга.

В настоящий момент при заключении супругами с клиникой договора по оказанию вспомогательных репродуктивных технологий, потенциальные родители заполняют форму информированного добровольного согласия на применение вспомогательных репродуктивных технологий, утверждённую Приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н. Она предусматривает три способа по распоряжению эмбрионами, оставшимися после проведения ЭКО: криоконсервация, утилизация, донирование. Выбрать

один из вариантов возможно только при заключении указанного договора и заполнении данной формы, отозвать свое решение в дальнейшем невозможно. Обратим внимание на то, что не все эмбрионы могут быть перенесены в организм женщины, т.к. при предшествующем оплодотворению заборе ооцитов отбирается больше биологического материала, чем будет пересажено в организм женщины. Исходя из этого, если супруги решат заморозить оставшиеся эмбрионы чтобы в последствии использовать их по назначению, а затем они захотят развестись, какой будет дальнейшая судьба эмбрионов, ведь ранее супругами был сделан выбор об их заморозке, но о том, что будет после неё ни в договоре, ни в форме не прописано. Логично, что заморозка эмбрионов проводилась с целью их перенесению в организм супруги и вынашивания их ею. Именно это при разводе зачастую и намереваются сделать женщины. Однако, бывший супруг не хочет иметь ребёнка от женщины, с которой он ранее состоял в браке, объясняя это нежеланием выплачивать алименты, нежеланием иметь что-то общее с бывшей женой и т.д. В связи с этим складывается невероятно сложная ситуация, разрешить которую необходимо не нарушив хрупкий баланс интересов мужчины и женщины.

Так, позволив женщине использовать эмбрионы для деторождения, с одной стороны, будут нарушены конституционные права мужчины и будет иметь место его принудительное становление отцом, т.е. установление гражданских и семейно-правовых связей между бывшими супругами и ребёнком, возникновение новых обязанностей, в том числе и алиментных, именно из-за которых в подавляющем большинстве случаев мужчины и не желают отдавать эмбрионы женщине. С другой стороны, обращение к ЭКО чаще всего вызвано проблемами со здоровьем женщины, т.е. без данной вспомогательной репродуктивной технологии она бы не смогла иметь детей, а значит желаемая мужем утилизация замороженных эмбрионов лишит её возможности иметь детей. Отметим, что криоконсервация эмбрионов имеет место не только в случае успешного зачатия, беременности и родов. Конечно,

зачатие способно пройти успешно, однако беременность может протекать с осложнениями, что повысит вероятность выкидыша, также женщина, например, при несчастном случае, может родить мёртвого ребёнка либо же он умрёт при родах, а значит первая часть эмбрионов будет безвозвратно потеряна. Вполне вероятно, что на этом фоне у супругов возникнет тяжелое психологическое состояние, учащаться ссоры, что приведёт к краху семейных отношений и разводу, вызванному потерей ребёнка. В этом случае, муж решит утилизировать оставшиеся эмбрионы, а женщина – использовать их по назначению и реализовать таким образом свою мечту о детях и семье.

В некоторых случаях, что случается довольно редко, однако всё же имеет место, обращение к ЭКО обусловлено невозможностью мужчины иметь ребёнка. Предлагаемый нами вариант решения рассматриваемой проблемы не конкретизирует пол супруга, желающего с помощью эмбрионов завести ребёнка, т.е. он подходит как для женщины, так и для мужчины.

Стоит учитывать, что из-за ограниченного количества оставшихся эмбрионов нет достоверной вероятности наступления беременности, её успешного протекания, благополучных родов, а значит не обеспечено и отцовство.

Таким образом, предлагаем следующее решение проблемы определения судьбы криоконсервированных эмбрионов при разводе супругов. В том случае, если для создания эмбрионов *in vitro* были использованы половые клетки обоих супругов, однако один из них не желает использовать их по назначению, необходимо отдать эмбрионов *in vitro* супругу, который намеревается позволить им развиваться (ст.19 Закона). Если имеет место случай, когда оба супруга намереваются использовать эмбрионы *in vitro* по их назначению, но только один из супругов предоставил гаметы для создания эмбрионов *in vitro*, криоконсервированных эмбрионов стоит передать тому супругу, который предоставил свои половые клетки для эмбрионов *in vitro* (ч.1 ст. 20 Закона).

Если оба супруга намерены использовать эмбрионы *in vitro* по назначению и оба супруга предоставили свой биоматериал для создания эмбрионов *in vitro*, следует разрешить супруге перенести криоконсервированных эмбрионов *in vitro* в её организм, обеспечить наилучшие возможности для их развития на протяжении беременности, и обратиться в суд для разрешения сложившейся ситуации согласно ст.65 СК РФ, обязательно учитывая возможность создания каждым из супругов условий для надлежащего воспитания и развития ребёнка, принимая во внимание род деятельности, режим работы каждого родителя, их материальное и семейное положение и ряд иных факторов ч.2 ст.20 Закона). Отметим, что в рассматриваемой ситуации муж может быть против переноса эмбрионов, созданных посредством применения экстракорпорального оплодотворения, в организм жены, с которой он собирается прекратить брачные отношения, и захотеть обратиться к использованию услуг суррогатной матери. Жена, в свою очередь, выступит против этого. Для разрешения возникшего спора предлагаем в Законе указать, что в данном случае следует перенести эмбрионы в организм именно матери, т.к. она является для них генетически близким человеком, соединённым кровно - родственными связями. При этом, использование услуг суррогатной матери противоречит интересам будущего ребёнка, т.к. для него лучше развиваться в утробе генетической матери и родиться от неё, чем от другой женщины. К тому же, бывшие супруги за время беременности женщины могут передумать разводиться, снова сблизиться, наладить свои отношения, сохранить семью и продолжать жить вместе.

Принятие Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях» станет прорывом в российской правовой науке, модернизирует и улучшит правовую систему, поспособствует ускорению развития медицины и вспомогательных репродуктивных технологий, благоприятно повлияет на практику их применения, увеличив количество обращений к ним, устранил существующие проблемные моменты и противоречия, регламентирует ранее

неурегулированные моменты, станет гарантом защиты прав лиц, обратившихся к вспомогательным репродуктивным технологиям, их ребёнка, суррогатной матери, подчеркнёт значимость вспомогательных репродуктивных технологий для общества и государства, положительно повлияет на демографическую ситуацию в Российской Федерации, повысит её авторитет в глазах граждан, а также на международной арене как правового и социального государства, обладающего развитой правовой системой, т.к. не в каждом государстве существует аналогичный правовой акт.

Список литературы:

1. Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* / Д.А. Белова // *Lex Russica*. – 2019. №6 (151). С.122-130.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
3. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
4. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
5. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 N 60457) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/
6. Приказ Минздрава России от 30.10.2012 N 556н «Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий» (Зарегистрировано в Минюсте

России 21.03.2013 N 27823) [Электронный ресурс] // URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145731/

7. Набиуллина В.Р. Проблемные аспекты правового регулирования суррогатного материнства / В.Р. Набиуллина // Теория и практика общественного развития. 2017. №7. С.76-79.

8. Федеральный закон от 24.04.2008 N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [Электронный ресурс] // URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/

9. Черепанин Е.Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы / Е.Ю. Черепанин // Вопросы науки и образования. 2018. №13 (25). С.58-60.

УДК 341.9

Демина Дарья Александровна
Панков Никита Сергеевич
Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов
demina2001@bk.ru
ns.pankov@list.ru
Demina Daria Alexandrovna
Pankov Nikita Sergeevich
Saratov State Law Academy
Law Enforcement Institute
Russia, Saratov

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Аннотация: в статье рассматриваются основные особенности регулирования и проблемы функционирования института трансграничного банкротства, а также проблемы исполнения соответствующих судебных актов. В рамках научного исследования анализируется международное законодательство, судебная практика и ряд доктринальных источников. Формулируется вывод о необходимости более детальной регламентации института трансграничного банкротства на международном и национальном уровнях.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность, банкротный туризм, коллизионное право, *lex fori concursus*, международное банкротство, международное частное право.

ABOUT SOME PROBLEMS OF CROSS-BORDER INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Annotation: the article discusses the main features of regulation and the problems of functioning of the institution of cross-border bankruptcy, as well as the problems of execution of relevant judicial acts. The research analyzes international legislation, judicial practice and a number of doctrinal sources. The conclusion is formulated about the need for more detailed regulation of the institution of cross-border bankruptcy at the international and national levels.

Key words: cross-border insolvency, bankruptcy tourism, conflict of laws, lex fori concursus, international bankruptcy, private international law.

На современном этапе развития международных частноправовых отношений всё большее значение приобретает институт трансграничного банкротства. Положения рассматриваемого института применимы в ситуации, когда должник имеет имущество, на которое можно обратить взыскание, на территории нескольких государств или кредитором является гражданин другого государства.

В одном из своих научных трудов, посвященных рассматриваемому нами направлению, Е.В. Мохова приходит к выводу, что трансграничное банкротство (несостоятельность) представляет собой совокупность процессуальных и материальных правоотношений по поводу неплатёжеспособности физического или юридического лица, осложненную иностранным элементом [1, С. 65]. Подобный подход к определению понятия раскрывает основополагающий признак трансграничного банкротства – осложнение иностранным элементом.

Главной особенностью института трансграничного банкротства является различность подходов государств к пониманию и национальному законодательному регулированию вопросов в рамках рассматриваемого института. Проблему составляет отсутствие регламентации трансграничного банкротства на законодательном уровне не только в Российской Федерации, но и в иных странах. Несмотря на существование Минской конвенции «О правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и

уголовным делам» и Киевского соглашения стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности», данные законодательные акты не способны заменить систему национального регулирования трансграничной несостоятельности [2, 3].

Стоит отметить, что ранее предпринимались попытки разработать проект Федерального закона Российской Федерации «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)», однако данный законодательный акт так и не вступил в законную силу [4]. Проблему отсутствия правового регулирования трансграничного банкротства можно решить при помощи различных соглашений, содержащих указание на применение законодательства конкретного государства при рассмотрении различных вопросов банкротства (например, оспаривание сделок должника). Также большое влияние на решение указанной проблемы оказывает судебная практика. Зачастую судами применяется коллизионная привязка *lex fori concursus*, ее сущность заключается в выборе права того государства, где инициирована процедура банкротства [5].

Наиболее четко такая коллизионная привязка иллюстрируется в определении Арбитражного суда Брянской области по делу о несостоятельности (банкротстве) [6]. В приведённом примере суд напрямую указывает на императивность национального (российского) законодательства при определении подведомственности споров в рамках данной категории дел. Фактически, даже наличие осложнения иностранным элементом не стало препятствием для применения коллизионной привязки *lex fori concursus*, то есть, как было указано ранее, применение права того государства, где производство по делу было открыто.

Существует еще одна проблема – недобросовестный выбор наиболее выгодной юрисдикции должником. То есть должник осуществляет переезд и формальную смену прописки в преддверии подачи заявления о несостоятельности с целью смены компетентного суда, злоупотребляя своим правом с целью минимизации имущественных потерь. Данная проблема

получила название в науке «банкротный туризм» или *forum shopping* [7, с. 111]. В целях противодействия рассматриваемому явлению зарубежные законодатели выработали так называемый стандарт COMI (Center of Main Interest). Его сущность заключается в том, что дело о банкротстве гражданина может рассмотреть только суд того государства, где находится центр основных интересов должника, то есть место, где должник осуществляет управление своим доходом на постоянной основе и место, которое может быть определено таковым третьими лицами [8, с. 257]. Такое положение обеспечивает наиболее качественное обеспечение защиты прав кредиторов в случае начала процедуры банкротства (несостоятельности) должника.

Особое значение при рассмотрении дел, связанных с трансграничным банкротством, имеет принцип взаимности, выражающийся в двустороннем предоставлении со стороны государств определенных правовых гарантий для граждан этих стран. При анализе практики наблюдается закономерность, согласно которой арбитражные суды РФ преимущественно раскрывают принцип взаимности в однозначном смысле – российская сторона признает такие судебные акты только в случае признания и исполнения подобных решений арбитражных судов РФ иностранными государствами [9]. Однако встречаются случаи, когда один и тот же суд, рассматривая тождественные по основным признакам дела о несостоятельности (банкротстве), трактует принцип взаимности по-разному, то принимая и исполняя иностранные судебные акты, то отказывая, ссылаясь на рассматриваемый принцип [10, 11].

Помимо возникающих на этапе признания иностранных судебных актов по делам о несостоятельности (банкротстве) несостыковок, проблема возникает и при исполнении судебных актов, не признающих субъекта банкротом, а решающих текущие задачи. Например, к таковым могут относиться ситуации, когда требуется вынесение определения о принятии обеспечительных мер, о включении в реестр требований кредиторов, о назначении конкурсного управляющего и многие другие. Проблема связана с тем, что исходя из

закрепленных в Арбитражном процессуальном кодексе РФ положений (ст. 244 АПК РФ, в частности) [12], допускается признание только решения иностранного суда, под которым при прямом законодательном толковании понимается окончательный судебный акт, выносимый в рамках рассмотрения дела по существу. Отсутствие законодательного регулирования данного вопроса приводит к невозможности исполнения таких «промежуточных» решений, а равно и к невозможности либо дальнейшего рассмотрения дела, либо полного обеспечения защиты прав кредиторов.

Подводя итог, хочется ещё раз отметить, что институт трансграничного банкротства имеет важнейшее значение на современном этапе развития международных частноправовых отношений. Несмотря на роль, которая отведена данной процедуре, на практике возникает множество проблем, так или иначе связанных с недостаточностью как международно-правового регулирования, так и более детальной законодательной регламентации на уровне национального права.

Список литературы:

1. Мохова Е.В. Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы // Закон. - 2014. - № 6. - С. 62-73.
2. Конвенции о правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и уголовным делам // Бюллетень международных договоров. - 1995. - № 2. - С. 3-28.
3. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (в рамках СНГ) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». - 1992. - № 4.
4. О трансграничной несостоятельности: проект федерального закона / Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL:

http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/corpmanagment/bankruptcy/doc20110225_04 (дата обращения: 06.11.2022).

5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности от 30 мая 1977 года [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/YtGk8> (дата обращения: 06.11.2022).

6. Определение Арбитражного суда Брянской области (АС Брянской области) от 14.01.2016 по делу № А09-14352/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Одинцов С.В. Гармонизация регулирования процедур трансграничного банкротства в странах Европейского союза // Сборник статей Международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского. – 2014. - С. 109-116.

8. Морхат П.М. «Банкротный туризм» в российской практике: право гражданина или нарушение интересов кредиторов? // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. - М.: Юстицинформ, 2020. - 360 с.

9. Ахмедов А.Ш. Трансграничная несостоятельность в российской правоприменительной практике, 2014. [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2014/4/24/transgranichnaya_nesostoyatelnost_v_rossijskoj_pra_voprimenitelnoj_praktike (дата обращения: 14.11.2022).

10. Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28.05.2008 г. по делу №А56-22667/2007. [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/885035137> (дата обращения: 15.11.2022).

11. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 03.08.2016 по делу № А56-27115/2016. [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/A7CUv47ahqxJ/> (дата обращения: 15.11.2022).

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3012.

Дубровина Анастасия Николаевна
Волгоградский государственный университет
Институт права
Россия, Волгоград
Yub-201_512583@volsu.ru
Dubrovina Anastasia Nikolaevna
Volgograd State University
Institute of Law
Russia, Volgograd

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАСЛЕДНИКОВ ДОЛЖНИКА И ПОРУЧИТЕЛЯ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ ПЕРЕД КРЕДИТОРОМ

Аннотация: в статье проведен анализ сложившейся правовой позиции российских высших судебных инстанций относительно гражданско-правового регулирования вопросов установления пределов ответственности наследников должника и поручителя перед кредиторами наследодателя.

Ключевые слова: договор поручительства, должник, поручитель, наследники, кредитор, правопреемники.

TO THE QUESTION OF THE LIABILITY OF THE HEIRS OF THE DEBTOR AND THE GUARANTOR IN THE OBLIGATION TO THE CREDITOR

Annotation: the article analyzes the current legal position of the Russian higher courts regarding the civil law regulation of the issues of establishing the limits of liability of the heirs of the debtor and the guarantor to the creditors of the testator.

Key words: surety agreement, debtor, surety, heirs, creditor, successors.

Смерть человека является основанием прекращения обязательств только в случаях, если эти обязательства носят исключительно личный характер. Обязательство прекращается смертью должника-наследодателя, если исполнение не может быть произведено без личного участия такого должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с его личностью. Остальные долги наследодателя в порядке универсального правопреемства переходят к его наследникам. Общеизвестно, что в состав наследственной массы входит не только вещи и имущественные права, но и обязанности наследодателя (ст. 1112 ГК РФ). К таким обязанностям относятся обязательства наследодателя перед кредиторами. В случае, если наследников несколько, то, наследники несут солидарную ответственность по обязательствам наследодателя, но не более стоимости имущества, перешедшего по наследству (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). Из разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 29.05.2012 следует, что в случае приема наследства наследники не могут ссылаться на свою неосведомленность в отношении долгов наследодателя. По общему правилу, если наследник принимает наследство, то он обязан отвечать по долгам наследодателя. Отказаться от принятия по наследству кредитных долгов можно только отказавшись от наследства в целом. На размышления по данным вопросам наследникам законом установлен шестимесячный срок. Из анализа судебной практики следует, что суды однозначно удовлетворяют требования кредиторов к наследникам должника.

В случае смерти должника ответственность поручителя по договору поручительства не прекращается. Поручитель отвечает по обязательствам умершего должника в полном объеме в рамках заключенного договора поручительства. Законодатель намеренно не связывает факт наличия наследственного имущества у должника, стоимости этого имущества, а также факт наличия или отсутствия наследников у должника, которые приняли наследственное имущество, от обязательства поручителя по договору поручительства. По общему правилу поручитель не вправе требовать

уменьшения или пропорционального распределения обязанностей по возврату долга кредитору между собой и наследниками должника. В свою очередь наследники должника, принявшие наследство, отвечают перед поручителем, исполнившим основное обязательство, солидарно в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Подробные разъяснения относительно этого момента даны в пункте 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 N 45.

В случае отсутствия у заемщика наследников как по закону, так и по завещанию, а также в иных случаях, когда имущество умершего должника по каким-либо причинам не наследуется и становится выморочным, поручитель имеет право получить возмещение, оплатив по обязательствам умершего должника кредитору, за счет этого выморочного имущества.

В настоящее время распространено мнение, что в случае смерти наследодателя-поручителя его наследники не отвечают по его обязательствам по договору поручительства. Однако это не так.

Из разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 N 45 следует, что наследники поручителя солидарно, в случае, если их несколько, отвечают перед кредитором по обязательствам наследодателя. Однако их ответственность ограничивается стоимостью перешедшего к ним наследственного имущества, имущественных прав. Исключить ответственность наследников поручителя по обязательству, данному по договору поручительства, можно только путем прямого указания в договоре поручительства.

Таким образом, смерть поручителя, также как и смерть должника, не является основанием прекращения обязательств перед кредитором. Российским законодателем даны разъяснения в случае смерти и должника и поручителя. Взыскание задолженности по основному обязательству в данном случае будет производиться с наследников должника солидарно, но не больше стоимости перешедшего к каждому из них наследственного имущества, а с наследников

поручителя солидарно или субсидиарно по отношению к наследникам основного должника в зависимости от условий договора поручительства, но не больше стоимости перешедшего к каждому из них наследственного имущества.

Правовые нормы о поручительстве претерпели серьезные изменения с 01 июня 2015 г. Это связано с изменениями, внесенными в первую часть Гражданского кодекса РФ. Сложившаяся судебная практика, оформленная в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 июля 2012 г. № 42, оказала значительное влияние на формирование норм о поручительстве в нашей стране.

Завершая анализ ответственности наследников должника и поручителя в обязательстве перед кредитором, можно констатировать, что изменения и дополнения гражданского законодательства в России были направлены в большей степени на защиту интересов кредиторов. Полагаю, что это связано с увеличением объема обязательств в сфере имущественных отношений в Российской Федерации. В связи с этим, российским законодателем могут быть предприняты дальнейшие шаги по реформированию института ответственности наследников по долгам наследодателя. Возможно устранение ограничения ответственности наследников перед кредиторами наследодателя, пределами стоимости наследственного имущества, или введение моратория на удовлетворение требований кредиторов наследодателя.

На современном этапе законодатель вносит изменения в законодательство с целью защиты прав и законных интересов кредиторов в условиях наступления смерти должника, однако главной обязанностью законодателя, на мой взгляд, является обеспечение баланса интересов кредитора, наследодателя и наследников.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998, № 31, ст. 3824.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. ст. 4552.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // «Экономика и жизнь», № 34, 31.08.2012.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 N 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // «Российская газета», № 6, 15.01.2021.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // «Российская газета», № 127, 06.06.2012.
6. Бойко Е.В. Юридическая судьба поручительства по кредиту в случае смерти должника // Бюллетень нотариальной практики. 2011. N 2. С. 2 - 4.
7. Михайлова И.А. Ответственность поручителя в случае смерти должника: законодательство, доктрина и судебная практика // Цивилист. 2011. N 4. С. 86 - 91.
8. Рассказова Н.Ю. Риск смерти должника и судьба поручительства (в связи с проектами постановлений пленумов высших судебных инстанций) // Закон. 2012. N 4. С. 123 - 129.

УДК 340.5

Жигулина Дарья Михайловна
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
Россия, Иркутск
positiffchik@gmail.com
Zhigulina Daria Mihailovna
East Siberian branch of the Russian State University of Justice
Russia, Irkutsk

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРОВ КРЕДИТА И ЗАЙМА В РАЗНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового регулирования обязательственных отношений, возникающих на основании договоров кредита и займа, путём проведения анализа гражданского законодательства в различных правовых системах разных государств в разные временные периоды. Результатом исследования является выявление схожих и различных элементов регулирования указанных правоотношений.

Ключевые слова: кредит, кредитные обязательства, договор займа, обязательства, анализ правовых систем, кредитные правоотношения.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CREDIT AND LOAN AGREEMENTS IN DIFFERENT STATES

Annotation: the article deals with the features of the legal regulation of obligation relations arising on the basis of credit and loan agreements, by analyzing civil legislation in various legal systems of different states in different periods. The result of the study is the identification of similar and different elements of regulation of these legal relations.

Key words: credit, credit obligations, loan agreement, obligations, analysis of legal systems, credit legal relations.

Поскольку обязательственное право берёт своё начало из античного Рима, почти неизменным оно осталось в таких странах Европы как Италия, Испания, Франция. Одним из наиболее значимых гражданских кодифицированных актов принято считать кодекс Наполеона 1804 г., который является одним из фундаментальных законодательных актов Франции [1, с. 1].

Общие положения о займе и ссуде закреплены в ст. 1875 кодекса Наполеона, где говорится, что «Заем для пользования или ссуда есть договор, в силу которого одна из сторон предоставляет другой вещь для пользования, с возложением на взявшего вещь обязанности вернуть ее после пользования» [2, с. 395]. Как следует из приведённой статьи, указанный договор схож с договором аренды. Вместе с тем, предметом такого договора являются родовые вещи, по большей части – денежные средства, слитки золота, драгоценности и др.

В соответствии со ст. 1892 кодекса Наполеона «Заем есть договор, во которому одна из договаривающихся сторон дает другой известное количество вещей, уничтожающихся чрез употребление, с обязанностью сей последней возратить столько же, того же рода и того же качества» [2, с. 397].

Поскольку текст указанной статьи остаётся неизменным уже несколько веков, можно прийти к выводу, что такая формулировка является приемлемой для французского законодательства. Исходя из прямого толкования, предметом договора займа могут являться не столько деньги, сколько любые потребляемые продукты, родовые вещи, которые в последующем необходимо вернуть.

Кроме того, кодекс Наполеона различает договор займа и кредита. Согласно ст. 1894 «Нельзя дать, в качестве потребительного займа, вещей, которые, хотя и относятся к одному виду, но различаются в их

индивидуальности, так, например, животные; в этом случае возникает заем для пользования» [2, с. 397].

Из приведённой статьи вытекает, что договоры займа и аренды отличаются по предмету. Кроме того, родовая вещь становится индивидуально-определённой также в том случае, если у неё есть отличительные особенности: особый окрас у животных, скол на тарелке и т.д.

Ещё одним важным условием договора займа является срок, в течение которого должник обязуется исполнить свои обязательства и возвратить кредитору вещи или сумму. В силу ст. 1899-1901 кодекса Наполеона «Займодавец, до наступления установленного соглашением сторон срока, не может требовать обратно вещей, данных взаймы. Если не было установлено срока для возвращения, то судья может предоставить заемщику срок, сообразно с обстоятельствами. Если в соглашении было установлено лишь то, что заемщик уплатит, когда он сможет, или когда он будет иметь средства, то судья устанавливает срок платежа, сообразно с обстоятельствами» [2, с. 398].

Таким образом, срок также имел большое значение при заключении договора займа во Франции. Кроме того, в случае, если стороны не могли прийти к соглашению касательно срока, или такой срок просто не устанавливался, то данный вопрос оставался на усмотрение суда.

Также необходимо отметить, что в 1900 г. в кодексе Наполеона появляется новая статья – 1904, которая закрепляет возможность начисления процентов: «Если заемщик не возвращает вещей, взятых взаймы, или их стоимости в установленное соглашением время, то он обязан платить проценты со дня требования платежа или предъявления иска в суде» [2, с. 398].

Раздел о займе занимал в Итальянском уложении всего 16 статей (ст. 1819-1834), тогда как в наших гражданских законах 1832 года этому предмету посвящено 83 статьи (ст. 2012-2063, 2069-2099). Такое значительное число статей русского свода законов объясняется тем, что при отсутствии общих правил о договорах правила о совершении и исполнении договоров

повторяются в нём почти по каждому особому виду договоров, а также тем, что в наших гражданских законах введён целый отдел о займе у сибирских обывателей и мезенских самоедов [3, с. 126].

Правила о займе в Итальянском уложении по существу своему не сложны: сначала говорится о свойствах займа, затем об обязанностях займодавца и должника, а после – о процентах.

Займ или ссуда на потребление представляет собой договор, по которому одна из сторон передаёт другой определённое количество вещей, а последняя принимает на себя обязанность возвратить столько же вещей такого же рода и качества (ст. 1819) [4, с. 427]. Указанное определение заимствует точнее французского закона, в котором говорится о вручении вещей, потребляемых по обычаю, между тем как в займе можно давать вещи и не потребляемые, лишь бы они были заменимы [3, с. 126].

В силу займа должник становится собственником ссужаемого имущества и за тем утрата этого имущества, каким бы то ни было образом произошедшая, падает исключительно на его счёт (ст. 1820) [4, с. 427]. Правило это объясняется тем, что в противном случае должник не мог бы пользоваться данною в займы вещью, ибо она навсегда может от употребления истребиться [3, с. 127].

Самое важное значение имеют правила о займе на проценты, которое состоит в следующем:

1) При займе денег, жизненных припасов и других движимостей дозволяется включать условие о процентах (ст. 1829);

2) Должник, уплативший проценты, не условленные или свыше условленного количества, не может ни взыскивать их обратно, ни зачитывать в уплату капитала (ст. 1830).

3) Проценты бывают узаконенные и условные. Узаконенными процентами признаются пять на сто в гражданских делах и шесть на сто в делах торговых; они взимаются в тех случаях, когда на основании условия или по

другим причинам проценты следуют ко взысканию, однако нет условия об их количестве. Условные проценты устанавливаются по усмотрению контрагентов. В гражданских делах условные проценты, превосходящие размер узаконенных, должны явствовать из письменного акта, в противном случае вовсе не следует платить проценты (ст. 1831).

Из изложенного следует, что Итальянское уложение, приняв за основание полную свободу совершения договор между частными лицами, уничтожило правило о лихвенных процентах и предоставило определение количества процентов свободному соглашению контрагентов [3, с. 127].

Анализируя наши правила о составлении займа (ст. 2013-2030), изложенные в Своде законов Российской Империи 1832 г., можно увидеть, что в них нет правил о составлении займа, таким образом ст. 2013 заключает в себе общее правило о том, что у нас займ может быть заключён только на деньги, а в примечании к ней объяснено, что займ вещей допускается только как изъятие для некоторых местностей [6, с. 1]. При этом, в ст. 1819 Итальянского гражданского уложения допускается займ вещей. В ст.ст. 2014-2017 т. X ч. 1 Закона Российской Империи закреплено, что к безденежности займа относится требование совершения такого договора на письме [3, с. 142-143].

Рассматривая романо-германскую правовую семью, хотелось бы также рассмотреть некоторые нормы права, регулирующие кредитные и заемные обязательства в англо-саксонской правовой семье на примере Великобритании.

Английский юрист Эдвард Дженкс в своём труде «Свод английского гражданского права» даёт следующее определение «денежному займу» (loan): «Договор денежного займа – это договор, по которому одно лицо (займодавец – the lender) уплачивает или соглашается уплатить денежную сумму в качестве встречного удовлетворения (consideration) за обязательство другого лица (заёмщика – the borrower) возвратить деньги по требованию или в установленный срок, или в срок, могущий быть установленным» [5, с. 145].

Английское гражданское право закрепляет возможность установления процентов, которые начисляются из расчёта за день. «Начисление процентов в силу договора должно вестись из расчёта за день, хотя бы и было установлено, что проценты уплачиваются в установленные промежутки времени; сумма процентов распределяется между лицами, последовательно управомоченными на получение капитальной части» [5, с. 96]. Вместе с тем, такое начисление процентов возможно, если в соглашении, заключённом между сторонами, указано о таких процентах. Также закрепляется процентная ставка, которая может быть установлена в соглашении сторонами, однако в случае предоставления займа лицами, занимающимися денежными ссудами (money lenders), применяются соответственные постановления актов 1900 и 1927 гг. о лицах, занимающихся денежными ссудами (ст.ст. 6, 7, 14, 15, 18) [5, с. 96].

Законодательство Великобритании предусматривает последствия неисполнения денежного обязательства в виде прекращения договора: договор считается нарушенным, в связи с чем прекращается, в случае, когда сторона в договоре, обязанность которой произвести исполнение ещё не наступила, безусловно и безоговорочно выражает волю не исполнить, либо лишает себя возможность исполнить своё обязательство [5, с. 98].

В случае вынесения судебного решения относительно неисполнения кредитного обязательства на присуждённую сумму денежных средств начисляются проценты из расчёта четырёх за год, считая от момента вынесения решения и до его исполнения, кроме случаев, когда стороны согласились, что по решению или приказу об уплате денежных средств должны быть уплачены более высокие проценты. Такие проценты могут быть взысканы по исполнительному листу, основанному на таком решении. Вместе с тем, приведённые положения не относятся к решениям судом графств, пока и поскольку они не переходят в Высший Суд [5, с. 97].

Необходимо также отметить, что в Средние века кредитование было очень распространено в Англии, поскольку король Эдуард III в обмен на

экономические привилегии заключал с торговцами договоры кредита, ведь торговцы могли взять на себя не только материальную организацию кампаний, но и дипломатическую работу [7, с. 1].

Анализируя приведённые нормы законов Великобритании, Франции, Италии, можно прийти к выводу, что регулирование обязательств, вытекающих из кредитного договора, договора займа, схожи по своей структуре, по санкциям, применяемым при нарушении кредитного обязательства, при начислении процентов на денежную сумму, а также при начислении процентов, после вынесения решения суда. При этом, в разных государствах отличается предмет займа: так, во Франции и Италии предметом займа могут быть любые потребляемые вещи, тогда как в Великобритании предметом займа являются денежные средства. Безусловно, в настоящее время, поскольку прогресс не стоит на месте, гражданское общество развивается, необходимо совершенствовать законодательство в любой сфере, особенно в сфере денежных правоотношений, поскольку появляются новые валюты, не только реальные, но и виртуальные (например, криптовалюта), что требует дополнительного регулирования и изучения особенностей применения таких денежных средств.

Список литературы:

1. Кодекс Наполеона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 2(6). – С. 176-193. – EDN UXQVTF.
2. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов / Графский В. Г. - 3-е изд., доп. - Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. - 816 с. - ISBN 978-5-91768-078-1. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/947254> (дата обращения: 15.11.2022). – Режим доступа: по подписке.
3. Гражданское уложение Итальянского королевства и Русские гражданские законы. Опыт сравнительного изучения системы законодательств.

Часть вторая. / С.И. Зарудный. – С-Пб: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1869. – 744 с.

4. Codice civile del Regno d'Italia / Torino Stamperia Reale // Harvard College Library. – 1865. – 382 с.

5. Свод английского гражданского права: ученые труды. Вып. IV. Общая часть. Обязательственное право / под ред. Э. Дженкса. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. - 304 с.

6. Моргунова, Е. С. История становления договора займа / Е. С. Моргунова // Вестник магистратуры. – 2022. – № 3-2(126). – С. 103-105. – EDN KLPMVT.

7. Яблонская, О. В. Английские финансисты середины XIV века: особенности и результаты деятельности / О. В. Яблонская // Научный диалог. – 2021. – № 2. – С. 436-452. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-2-436-452. – EDN ZXSSVA.

УДК 347.441.4

Злыгостев Евгений Сергеевич
Забайкальский государственный университет
Юридический факультет
Россия, Чита
e.zlygostev@yandex.ru
Zlygostev Evgenii Sergeevich
Transbaikal State University
Faculty of Law
Russia, Chita

НЕПОИМЕНОВАННЫЙ И СМЕШАННЫЙ ДОГОВОРЫ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье производится сравнительный анализ непоименованного и смешанного договоров, путем выделения характерных особенностей каждого из них, с целью установления факта их самостоятельности, как договорных конструкций, и независимости друг от друга.

Ключевые слова: договор, непоименованный договор, смешанный договор, свобода договора, квалифицирующие признаки.

UNNAMED AND MIXED CONTRACTS IN THE CIVIL LAW SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in the article provides a comparative analysis of unnamed and mixed contracts by highlighting the characteristic features of each of them, in order to establish the fact of their self-sufficiency as contractual structures and independence from each other.

Key words: contract, unnamed contract, mixed contract, freedom of contract, qualifying features.

Непоименованным договором является такой договор, который не предусмотрен законом и иными нормативно- правовыми актами и, вместе с тем, не противоречит действующему законодательству Российской Федерации, а также не имеет квалифицирующих признаков отдельных, закрепленных в законодательстве, видов договоров [1].

В процессе квалификации договора принимается во внимание не название, а содержание договора, включающее в себя такие характеристики, как предмет, права и обязанности сторон, возможные риски и их распределение и так далее [4].

К непоименованным договорам, при отсутствии в них признаков смешанного договора, не применяются правила о поименованных договорах.

Вместе с тем, при сходстве каких-либо частей такого договора с отдельными видами договоров и отсутствии прямого урегулирования соглашением сторон, к такому договору применяются нормы, относящиеся к поименованным договорам по аналогии закона. Кроме того, применение по аналогии норм о схожем договоре не должно противоречить существу договорных отношений [3].

Классификация непоименованных договоров отсутствует и это связано со смыслом такого договора, который заключается в максимальной степени его индивидуальности. Каждый такой договор квалифицируется независимо от сходства с другими договорами.

Как следствие уникальности договора, его особенности не урегулированы законодательно. Однако, подобные соглашения должны соответствовать общим требованиям, относимым к договорам.

Согласно пункту 1 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор считается заключенным лишь в том случае, когда достигнуто соглашение сторон по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, а также все те условия,

относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [1].

Непоименованным договором считается, например, договор добровольного возмещения вреда, договор установления спонсорских отношений, договор на использование отдельных конструктивных элементов зданий в рекламных целях [2], соглашение о товарной неустойке, соглашение о конфиденциальности [5].

Смешанный договор — это такой тип договора, который содержит в себе различные положения двух и более договоров, предусмотренных в законах или прочих правовых актах. Регулируется такой договор соответственно правилам, применимых к договорам, являющихся его соответствующими частями, за исключением тех случаев, когда соглашением сторон или самим существом смешанного договора не предусмотрено иное.

Как считает А.И. Савельев, в договоре такого типа совмещены обязательства, имеющие важное значение для конкретных договоров различного типа [9, С. 21].

Для смешанного договора не имеет значения количество его субъектов. Кроме того, не является обязательным участие всех субъектов в каждом из элементов договора. Допустим, если рассматривать договор поставки оборудования с его последующим монтажом, то одно лицо может осуществлять поставку оборудования, а другое — его монтаж.

В целях квалификации договора как смешанного, необходимо наличие определенных обстоятельств, которые бы позволили выявить в одном из элементов такого договора квалифицирующие признаки другого договора.

К смешанным можно отнести договор поставки оборудования с его монтажом, пусконаладкой и обучением сотрудников по его эксплуатации. В таком договоре объединены договоры поставки, подряда и возмездного оказания услуг. Дистрибьюторский договор также обладает признаками смешанного договора. В нем, как правило, предусмотрены права

дистрибьютора на пользование товарным знаком, его обязанности по рекламе и продвижению товара. В таком договоре объединены нормы, применимые к договору поставки, лицензионному договору и договору возмездного оказания услуг.

Также возможно квалифицировать в качестве смешанных некоторые из договоров, прямо предусмотренных законом, так как они состоят из элементов, относимых к различным договорам. В качестве примера можно привести такие договоры, как договор аренды с последующим выкупом, договор банковского счета с возможностью кредитования.

Согласно статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, смешанный договор содержит в себе только элементы договоров, предусмотренных законом или прочими правовыми актами. Этому утверждению имеются опровержения со стороны правоведов. К таким опровержениям относится позиция, согласно которой смешанный договор — это договор, не предусмотренный законом и иными правовыми актами, который содержит в себе обязательства, порождаемые различными договорами, среди которых как минимум один является поименованным. Это говорит о том, что цивилисты не исключают включение в смешанный договор элементов одного и более непоименованных договоров [1].

Как в своих работах отмечал А.А. Диденко, в состав смешанных договоров возможно включать непоименованные. Связывал он это с тем, что в законе прямо предусмотрена возможность заключения непоименованных договоров и, следуя этому факту, законодательные положения, касающиеся смешанных и непоименованных договоров, предполагают включение непоименованных договоров в состав смешанных [7, С. 22].

Имеется в правовой науке и позиция, озвученная Е.А. Батлером, согласно которой договор, содержащий одновременно признаки поименованного и непоименованного договоров, считается смешанным непоименованным договором. Данный договор будет представлять собой «непоименованную

разновидность смешанного договора». К смешанному непоименованному договору следует применять нормы, регламентирующие сходный договор, изменение одного или нескольких условий которого привело к образованию рассматриваемого смешанного непоименованного договора [6, С. 16].

Согласно утверждениям А.В. Матюшевой, одновременная квалификация договора и как смешанного и как непоименованного, не представляется возможной. Обосновывает она свою позицию тем, что смешанные и непоименованные договоры существуют независимо друг от друга и являются самостоятельными конструкциями. Неверная квалификация таких договоров повлечет за собой неверное применение норм законодательства по отношению к каждому из них [8, С. 213].

Среди цивилистов отсутствует единое мнение по вопросу о смешанных и непоименованных договорах. Являются ли они отдельными разновидностями договоров или смешанные стоит выделить в качестве разновидности непоименованных.

Согласно позиции Е.А. Суханова, смешанные и непоименованные договоры отличны друг от друга. Обосновывает он это тем, что смешанные договоры состоят из уже известных видов договоров и в соответствующих частях смешанного договора применяются конкретные правила о поименованных договорах, что полностью исключает аналогию с непоименованными договорами, тогда как непоименованные договоры неизвестны для действующего законодательства, хотя и подчиняются его смыслу и требованиям [11, С. 25].

Противоположного мнения придерживается Т.Э. Сидорова, считающая, что смешанный договор является разновидностью непоименованного. Основывается ее мнение на том, что смешанный договор регулируется нормами законодательства в его отдельных частях и, как следствие, он не является уникальным. При этом, такое регулирование может осложняться

возникновением коллизий норм, регулирующих отдельные элементы договора [10, С. 34].

В итоге, после изучения норм законодательства и противоположных мнений различных ученых- цивилистов, наиболее логичной и верной становится позиция о том, что смешанный и непоименованный договоры являются самостоятельными договорными конструкциями, к которым в процессе правового регулирования применяются различные нормы законодательства. По смыслу пунктов 2 и 3 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, если договор содержит хотя бы один элемент договора, предусмотренного законом или иным правовым актом, он считается смешанным, даже если содержит элементы договоров, не поименованных в законе или акте [1]. Если договор содержит элементы нескольких непоименованных договоров, то он является непоименованным. Смешанным он считаться не может, поскольку не содержит элемента договора, который урегулирован законом.

В результате изучения законодательных норм и различных мнений ученых, наиболее правильным представляется рассматривать непоименованный и смешанный договор, как самостоятельные и независимые договорные конструкции, к которым применимы различные законодательные нормы.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая: Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 апреля 2009 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 22. Ст. 2457.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник ВАС РФ. – № 8. – август 2009.

3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 от 14 марта 2014 г. «О свободе договора и его пределах» // Вестник ВАС РФ. – № 5. – май 2014.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. – Федеральный выпуск: №4(7762). – январь 2019.

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики решения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. – № 1. – январь 2002.

6. Батлер Е.А. Непоименованные договоры: Некоторые вопросы теории и практики: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.03 / Е.А. Батлер // Моск. акад. экон. и права. – Москва. – 2006. – 25 с.

7. Диденко А.А. Конструкция непоименованного договора в гражданском праве / А.А. Диденко // Научный журнал КубГАУ. – 2013. – № 90 (06). – С. 20-25.

8. Матюшева А. В. Проблема соотношения непоименованных и смешанных договоров / А. В. Матюшева // Молодой ученый. – 2022. – № 17(412). – С. 212-214.

9. Савельев А. И. Отдельные вопросы правового регулирования смешанных договоров в российском и зарубежном гражданском праве / А. И. Савельев // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2011. – № 8. – С. 6-39.

10. Сидорова Т. Э. Реализация принципа свободы договора в торговом обороте / Т.Э. Сидорова // Коммерческое право: актуальные проблемы и перспективы развития: Сб. статей к юбилею Б. И. Пугинского / Сост. Е.А. Абросимова, С. Ю. Филиппова. – М. – 2011. – С. 30-34.

11. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / [В. В. Витрянский и др.]. отв. ред. Е. А. Суханов // Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак., Каф. гражданского права. - Москва: Статут. – 2010. – 897 с.

УДК 347

Кравченко Дарья Евгеньевна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт права и предпринимательства

Россия, Екатеринбург

Kde999@bk.ru

Kravchenko Daria Evgenevna

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Law and Business

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧРЕДИТЕЛЯ ИЗ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: путем анализирования действующего законодательства, применения аналогии закона автор пытается понять, какие механизмы изменения состава учредителей в некоммерческих организациях существуют в Российской Федерации, есть ли возможность исключения из состава учредителей некоммерческой организации лица умершего или лица, которое не хочет принимать участие в принятии решений организации, но волеизъявление о добровольном выходе из состава учредителей не высказывает.

Ключевые слова: некоммерческая организация, учредитель, исключение из состава учредителей, пробел в законодательстве, корпоративные юридические лица, организационное единство.

TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF EXCLUDING A FOUNDER FROM A NON-PROFIT ORGANIZATION

Annotation: by analyzing the current legislation, applying the analogy of the law, the author tries to understand what mechanisms for changing the composition of founders in non-profit organizations exist in the Russian Federation, whether there is a

possibility of excluding a deceased person from the founders of a non-profit organization or a person who does not want to take part in making decisions of the organization, but does not express his will to voluntarily withdraw from the founders.

Key words: non-profit organization, founder, exclusion from the founders, gap in legislation, corporate legal entities, organizational unity.

Ежегодно почти во всех субъектах РФ регистрируются новые некоммерческие организации, например, в Свердловской области в 2021 г. были зарегистрированы 140 автономных некоммерческих организаций, 74 общественных организаций, 34 фонда и т.д.

Действующее законодательство предусматривает большое количество некоммерческих организаций (далее - НКО), которые традиционно принято делить на корпоративные и унитарные. При этом, по мнению, Вербицкой Ю.О., различные виды и типы некоммерческих организаций сложно назвать системой некоммерческих организаций, обращая внимания на то, что в отношении НКО преобладает дифференцированное правовое регулирование, то есть каждый вид НКО имеет “собственные” правовые нормы, и нередки ситуации, когда одинаковые по своей сущности организации обладают различным правовым статусом. Отсутствие же унификации и разночтения в законодательстве создают серьезные проблемы на практике [4].

Одной из возникающих проблем, является возможность выхода, исключения учредителя из НКО. Причем законодательно регламентирован только механизм по выходу: учредители (участники) некоммерческих корпораций, фондов и автономных некоммерческих организаций вправе выйти из состава учредителей и (или) участников НКО в любое время без согласия других учредителей, направив в ФНС сведения о своем выходе; в день подачи соответствующих сведений в регистрирующий орган в адрес НКО направляется уведомление о выходе из состава учредителей, участников (п. 3 ст. 15 Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ).

Соответственно, чтобы лицо вышло из состава учредителей организации, необходимо его личное волеизъявление. В данном случае человек заполняет заявление по форме 13014, подает его в территориальный орган ФНС (заявление подлежит нотариальному заверению), иного способа выхода из НКО в настоящий момент не предусмотрено. Причем возможность применения такого механизма действует только для определенных субъектов (не всех НКО).

Получается, изменение состава лиц, участвующих в принятии решения о создании некоммерческой организации, после государственной регистрации этой организации (то есть после фактической реализации принятого решения) невозможно, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом [3; 1, ст. 15].

Но при этом есть прямая возможность входа в состав учредителей новых лиц (п. 4 ст. 15 ФЗ о НКО) с согласия учредителей и (или) участников. Но опять же этот механизм может быть реализован не всеми субъектами, относящимися к НКО (например, учреждение).

Полагаем, что действующие правовые положения не соответствуют фактической действительности, присутствует пробел в правовом регулировании. Рассмотрим подробнее настоящий аспект на примере 2-х ситуаций.

1 ситуация:

Единственный учредитель автономной некоммерческой организации (или любой другой унитарной НКО) умер. Права учредителя НКО в силу действующего гражданского законодательства не подлежат передаче по наследству (поскольку они непосредственно связаны с личностью наследодателя), соответственно, фактически организация свое существование прекращает. Но ведь у нее могут быть свои проекты, которые продолжают реализовываться, идейные лица, которые хотят продолжать деятельность организации. Но с ней уже ничего сделать не получится (ни ликвидировать, ни

провести реорганизацию, сменить учредителя и т.д.). Такая НКО просто выпадает из гражданского оборота.

Ситуация значительно облегчается, если это произойдет, например, в общественной организации, поскольку в ней должно быть минимум 3 учредителя [2, ст. 18]. Оставшиеся учредители могут включить в состав учредителей новых лиц, и тогда организация сможет продолжить свое нормальное функционирование. Но для принятия такого решения тоже должен быть определенный кворум, который для каждой конкретной НКО указывается в ее уставе. И, если в уставе было написано, что такое решение принимается единогласно всеми учредителями, такой механизм уже не сработает. Значит, и общественное объединение может выбыть из гражданского оборота.

Получается, в НКО отсутствует организационное единство, представляющее "сложное по своей структуре образование, совокупность участников, имущества, работников, связей с контрагентами и др. рассматривается как единое целое, как одно лицо". Организационное единство в коммерческих организациях (в отличие от НКО) выражается в том, что изменение вышеуказанных составляющих юридического лица, как правило, не влечет прекращения юридического лица. Например, в случае одновременной гибели всех трех участников ООО юридическое лицо не прекратится, поскольку, по общему правилу, наследники умерших участников унаследуют доли своих наследодателей и продолжат деятельность организации. Однако если в уставе данного ООО будет содержаться запрет передачи долей либо вообще, либо по наследству, данное ООО будет вынуждено прекратить свою деятельность. В последнем случае учредители ООО, принимая устав, так распорядились его организационным единством [6].

Исходя из вышеизложенного, в настоящее время отсутствует правовой механизм для исключения умершего лица из состава учредителей, исключения записи о такой "мертвой душе" из ЕГРЮЛ, что может повлечь колоссальный вред для еще действующей организации. В связи с этим, полагаем

целесообразным внести изменения в законодательстве, предусмотрев в таких случаях возможность исключения лица из состава учредителей.

2 ситуация:

Один из учредителей НКО переехал в другую область или даже в другую страну, организацией заниматься больше не хочет, на связь не выходит и т.д. Для унитарных НКО опять могут наступить последствия, изложенные в 1 ситуации.

Отметим, что данная проблема не является критичной для корпоративных НКО. В них, как отмечал Минюст (Письмо Минюста России от 24.03.2016 № 11/32870-СГ), статус члена-учредителя и члена, принятого на основании устава в организацию – различен, но правами на участие в управлении такой НКО они наделяются одинаковыми. Учитывая, что высший орган управления корпоративной НКО состоит из её членов, что бы ни случилось с её членами-учредителями, указанными в ЕГРЮЛ, вряд ли такая организация останется «неуправляемой», так как почти всегда можно принять в её состав новых членов.

Получается, действенным в данном случае механизмом опять является ввод новых учредителей в организацию.

Но проблема таким образом до конца не может быть устранена. Например, сейчас в соответствии с действием законодательства об иностранных агентах, иностранном влиянии, может возникнуть угроза признания НКО иностранным агентом или аффилированным лицом, если один из учредителей является гражданином иностранного государства. А это повлечет не только наложения большого количества обязанностей и запретов на организацию, но и, скорее всего, приведет к абсолютной утрате возможности участия в конкурсах на получение грантов, субсидий. Этой проблемы может и не возникнуть, если законодательством будет предусмотрено право по исключению определенного лица из состава учредителей.

Наряду с изложенным возникает еще один вопрос: означает ли исключение члена (участника) общественной организации из состава членов (участников) автоматическое исключение этого же лица из состава учредителей организации? Общественная организация является корпоративным юридическим лицом. “Законодательное закрепление универсального понятия корпоративной организации и установление для всех корпораций общих норм, исходит из единой сущности таких организаций вне зависимости от целей их создания, а также из единства природы и содержания корпоративных отношений. Но четкого понимания природы участия (членства) и особенностей его реализации в рамках некоммерческих организаций не было и у разработчиков новелл ГК, свидетельствует, к примеру, тот факт, что изначально религиозные организации предполагалось признать разновидностью организаций общественных, то есть констатировалось их корпоративное устройство, но в дальнейшем эта позиция изменилась на противоположную, вследствие чего религиозные организации были отнесены к категории унитарных организаций. Поэтому правовая природа и особенности содержания этих отношений, исследуемые в науке в преломлении к коммерческим организациям в достаточной степени не всегда можно переложить и в полной мере применить к НКО” [5].

Возможно, в данном случае можно проводить аналогию с коммерческими корпоративными юридическими лицами, для которых согласно ст. 10 ФЗ об обществах с ограниченной ответственностью предусмотрено: “участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет”. Причем такое исключение участника общества одновременно влечет исключение его из состава учредителей. Поэтому, применяя аналогию закона, приходим к следующему

выводу: исключение участника (учредителя) НКО возможно только в отношении корпоративных некоммерческих организаций, а также в отношении некоммерческого партнерства, ассоциации (союза), т.е. только в отношении некоммерческих организаций, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в такой организации.

Но такая возможность точно исключается для ряда унитарных НКО, например, для учреждения. Учредитель такой организации не становится его участником и не приобретает в нем права членства (абзац второй п. 1 ст. 65.1 ГК РФ), в связи с этим исключение учредителя такой НКО невозможно. Об этом свидетельствует и судебная практика (постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 22.09.2005 N Ф08-3943/05).

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает возможность (значит, и порядок) исключения из ЕГРЮЛ сведений об учредителях НКО юридических лицах, правоспособность которых прекращена, равно как и о физических лицах в связи с их смертью. Внесение в ЕГРЮЛ указанных сведений может быть осуществлено на основании соответствующего судебного акта по заявлению заинтересованных лиц, но такой судебной практики не так много, и в каждом конкретном случае суд устанавливает отдельные фактические обстоятельства, подтверждающие невозможность осуществления НКО своей деятельности, применения определенных налоговых льгот и т.п. (например, решение Арбитражного суда Самарской области от 20 апреля 2022 г. по делу А55-35344/2021).

Список литературы:

1. Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ // СПС "Гарант".
2. Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 05.12.2022) "Об общественных объединениях" // СПС "Гарант".

3. Письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 8 декабря 2016 г. № 11-141929/16 // СПС “Консультант”.

4. Вербицкая Ю.О. О делении организаций на коммерческие и некоммерческие // Корпорации и учреждения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут. - 19 с.

5. Юридические лица в российском гражданском праве. В 3-х т.Т. 2, Виды юридических лиц в российском законодательстве: монография / А.А. Аюрова, О.А. Беляева, М.М. Вильданова [и др.]; отв. ред. А.В. Габов. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. - 352 с.

6. Гражданское право. Общая часть (учебник) (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. Г.Ф. Ручкиной). - М.: "КНОРУС", 2021. - 704 с. // СПС “Гарант”.

УДК 347.132

Кротов Максим Сергеевич
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
Россия, Иркутск
krotoff.maks@yandex.ru
Krotov Maxim Sergeevich
The East Siberian branch of
the Russian State University of Justice
Russia, Irkutsk

ПРЕДЕЛЫ ОСПАРИВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ (ДЕЙСТВИЙ) ДОЛЖНИКА В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: в данной статье рассматриваются спорные вопросы определения пределов оспаривания сделок должника в рамках дела о банкротстве. Как известно, действующая терминология, используемая в законодательстве, не позволяет в полном объеме отразить перечень тех юридических фактов, которые подлежат оспариванию при неплатежеспособности должника. С этой целью был проведен анализ действующей судебной практики, где, в том числе отмечается формирование порядка оспаривания бездействия должника. По результатам исследования были предложены перспективные пути изменения действующего правового регулирования.

Ключевые слова: оспаривание сделок, сделки должника, бездействие должника, оспаривание гарантии, судебная практика, пределы оспаривания.

LIMITS OF CHALLENGING LEGAL ACTS (ACTIONS) OF THE DEBTOR IN THE FRAMEWORK OF A BANKRUPTCY CASE

Annotation: this article discusses the controversial issues of determining the limits of challenging the debtor's transactions in the framework of a bankruptcy case. As you

know, the current terminology used in the legislation does not allow to fully reflect the list of those legal facts that are subject to challenge in the event of the debtor's insolvency. For this purpose, an analysis of the current judicial practice was carried out, where, among other things, the formation of a procedure for challenging the debtor's inaction is noted. According to the results of the study, promising ways to change the current legal regulation were proposed.

Key words: contestation of transactions, debtor's transactions, debtor's inaction, contestation of a guarantee, jurisprudence, limits of contestation.

Важное практическое значение при защите нарушенных прав и законных интересов кредитора и должника имеет установление перечня тех юридически значимых фактов, которые могут быть оспорены в рамках обособленного разбирательства в деле о банкротстве, поскольку это позволит сформировать пределы применения действующего законодательства и соответственно объема контроля за неправомерными действиями должника со стороны арбитражного управляющего.

Закон о банкротстве содержит в себе главу III.1 «Оспаривание сделок должника», из наименования которой возникает представление о возможности оспаривания исключительно сделок в общепринятом гражданско-правовом смысле. Однако, уже в пункте 3 статьи 61.1 данной главы имеется положение, расширяющее ее применение на действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с семейным, трудовым, гражданским законодательством и другими отраслями права, что и составляет проблематику данного вопроса.

Из этого вытекает возможность оспаривания действий по исполнению обязательств не только частноправового, но и публично-правового характера, что некоторыми учеными воспринимается в качестве коллизии норм Закона о банкротстве и пункта 3 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации при отсутствии конструкции для имущественных отношений, основанных на

властном подчинении одной стороны другой, в том числе для административных, финансовых, налоговых правоотношений, к которым не применяется гражданское законодательство [1, с. 55]. Предложенный ими путь решения проблемы связан с внесением точечных изменений в отраслевое законодательство – о налогах и сборах, таможенное, трудовое и другие [1, с. 55].

Опровергая данные тезисы, стоит указать на то, что ранее при определении правовой природы института оспаривания сделок должника были сделаны выводы о его отличительных особенностях в сравнении с гражданско-правовым оспариванием, позволяющие обособить его в качестве специального способа защиты прав кредиторов и должника в процедурах несостоятельности без привязки к статье 12 ГК РФ. Кроме того, комплексный межотраслевой характер Закона о банкротстве, совмещение гражданско-правовых и публичных начал в регулировании правоотношений несостоятельности, допускают выход норм за рамки гражданских правоотношений.

Вместе с тем остаются вопросы к выбранной терминологии в наименовании главы, которая не способна охватить весь перечень юридических фактов, которые подлежат оспариванию.

Так, банковские операции, выплата заработной платы и премий, уплата налогов и сборов плательщиком, действия по исполнению судебного акта, оспаривание которых допускается по правилам главы III.1 в силу пункта 1 постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Постановление № 63), не могут быть охвачены термином «сделка» не только в том смысле, который заложен в статье 153 ГК РФ, но и в общетеоретическом.

Также неочевидным является невозможность квалификации всех действий по исполнению гражданско-правового обязательства в качестве сделки. При соотношении понятия исполнения обязательства и сделки

существует дискуссия, где сторонники их тождества, например В.С. Толстой выражает свое мнение следующим образом: «исполнение обязательства представляет собой совершение должником действия (юридического акта), которое кредитор вправе требовать от него [2, с. 22]», а С.В. Сарбаш исходит из понимания исполнения обязательства как волеизъявления сторон, то есть односторонних сделок в совокупности воспринимаемых единой сделкой по исполнению обязательства, прекращающих правоотношения [3, с. 62]. Противоположный подход относит исполнение должником лежащей на нем имущественной или неимущественной обязанности, в том числе действия по выполнению работ и оказанию услуг, к юридическим поступкам [4, с. 154].

Так, Кулаков В.В. и Филиппова С.Ю. утверждают: «...действия, направленные на исполнение обязательства не могут являться сделкой исходя из того, что они направлены на экономический, а не правовой эффект, то есть их необходимо признать самостоятельным видом частноправовых юридических актов...» [5].

Встречаются мнения, согласно которым исполнение обязательства квалифицируется как результативное действие, юридический акт особого действия, либо фактическое действие [6, с. 55-56].

Во всех указанных подходах прослеживается неверная постановка цели - поиска универсальной правовой природы исполнения обязательства, когда характерно отличные друг от друга материальные действия (например, выполнение работ по строительству линий электропередач, ремонтные работы здания и т.д.) и волеизъявление, выраженное в одностороннем или многостороннем порядке (например, перевод долга по договору, заключение основного договора при наличии предварительного договора, исполнение обязательства представителем по договору поручения и т.д.), могут квалифицироваться как разные юридические факты, то есть юридический поступок и юридический акт (сделка) соответственно. Соглашаясь с Е.В. Титовым и опровергая исключительно сделочную природу любого действия по

исполнению обязательства, следует признать доминирующее значение юридических поступков, к которым можно отнести выполнение работ, оказание услуг, передачу вещей по причине их «воздействия не на волю лица, а на предмет материального мира, имея форму материального действия» [7].

Верховный Суд Российской Федерации в попытке разрешить обозначенную проблему указал, что «юридические действия, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве, не привязаны к понятию «сделки», предусмотренного статьей 153 ГК РФ... Правомочием на оспаривание подобных действий заявитель наделен в силу того, что на законодательном уровне интересы кредиторов как гражданско-правового сообщества признаются более значимыми по сравнению с интересами конкретных кредиторов... преследуется цель соблюдения принципов очередности и выравнивания положения всех кредиторов [8]».

В уже ранее названном разъяснении (Постановлении № 63) Высшим Арбитражным Судом РФ был дан приблизительный перечень юридических фактов, который подлежит оспариванию по правилам Главы III.1.

Однако, спустя продолжительное время за которое накопился существенный объем судебной практики по данным обособленным спорам, акцент должен был сместиться на раскрытие путем внесения изменения Постановление № 63 иных проблемных юридических фактов.

Так, например, в одном из дел выплаты денежных средств в качестве дивидендов в значительном размере при фактической невозможности их распределения между участниками акционерного общества, заинтересованность которых была установлена, были признаны недействительными из-за отсутствия денежных средств и длительной заморозки таких выплат на протяжении длительного времени [9].

В другом деле суд признал трудовой договор недействительным (квалифицировав его не только как причиняющий вред имущественным правам кредитора по пункту 2 статьи 61.2, но и как мнимую (статья 170 ГК РФ)),

поскольку трудовые отношения возникли в период подозрительности при наличии признаков неплатежеспособности должника, что в связи с утратой возможности совершения основного вида деятельности говорит об отсутствии необходимости в кадрах по данному направлению, отсутствовали встречные исполнения (работник не приступил к исполнению должностных обязанностей) [10].

Вопрос о возможности признания недействительным трудового договора как юридического факта, влекущего возникновение трудовых отношений, являлся предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в определении от 30.09.2021 № 2117-О, в котором разъяснено об отсутствии в трудовом законодательстве такого механизма, что в тоже время не означает невозможность признания передачи денежных средств под видом заработной платы или иных выплат при фактическом отсутствии трудовых отношений.

Несмотря на данный вывод, который хоть и является ничем иным, как *ultima ratio*, Верховный Суд РФ отказывает в передаче дел с требованием о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании недействительными трудового договора [11].

Резонным же видится ограничиваться лишь признанием передачи денежных средств под видом заработной платы или иных выплат недействительными через установленное отсутствие трудовых отношений с целью обеспечения надлежащей защиты прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны.

Отдельного упоминания заслуживают процессуальные факты, имеющие в себе материально-правовое содержание, которые также подлежат оспариванию в рамках дела о банкротстве должника.

Одним из таких примеров является мировое соглашение – процессуальное распорядительное действие по утверждению материально-правового соглашения (мировой сделки), оканчивающее производство по делу в части или в полном объеме.

По своей правовой природе мировое соглашение содержит элементы гражданско-правовой сделки, поскольку представляет собой волеизъявление сторон, направленное на изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей (статья 15 ГК РФ). При этом процессуально-правовое значение мирового соглашения проявляется в необходимости его утверждения судом, в связи с чем мировое соглашение приобретает юридическую силу и влечет для сторон правовые последствия с момента придания ему соответствующей процессуальной формы.

Ранее подпункт 6 пункта 1 Постановления № 63 включал в себя возможность оспаривать и само мировое соглашение параллельно существующему механизму подачи кассационной жалобы на определение об утверждении мирового соглашения [12, с. 106], однако, как представляется, оспаривание мирового соглашения как сделки в отрыве от утвердившего его судебного акта нарушает принцип правовой определенности и стабильности установленного судебными актами статуса лиц, в том числе чьи дела были рассмотрены судами общей юрисдикции. Подобное обстоятельство требовало после признания мирового соглашения недействительным подачи заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

С целью преодоления данной проблемы был выработан подход, позволяющий осуществлять экстраординарное оспаривание определения об утверждении мирового соглашения (и иных процессуальных актов сторон) применительно к пункту 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» в деле лицом, чьи права не затрагивались в процессе непосредственно, но его исполнение банкротом оказывает объективное влияние на конкурсную массу и ход разрешения дела о банкротстве. Подобный порядок, в отличие от пересмотра определения в порядке 309 АПК РФ, по существу позволяет приводить в кассационной жалобе новые доводы и доказательства, расширяя права кредиторов вне дела о банкротстве [13].

Другим примером может выступать признание исковых требований, материально-правовая природа которого, по мнению Жестоковской Д.А., состоит в направлении оферты (подачи исковых требований) и акцепта со стороны ответчика (признание иска), когда подобные действия не имели место в допроцессуальном порядке [14, с. 118].

По аналогии, доктрина материального значения процессуального действия прослеживает и в отказе от исковых требований, как отзыв стороной по делу своей оферты. Так, Верховный суд при рассмотрении дела об оспаривании кредитором отказа, находящегося с ним в обязательственных отношениях несостоятельного лица, от иска к контрагенту указал на то, что утрата истцом материального субъективного права в правоотношениях с ответчиком и экономических благ, являющихся содержанием этого права, влияет на состояние конкурсной массы [15] и соответственно может быть оспорено в порядке Закона о банкротстве (экстраординарное оспаривание).

Заслуживает конкретизации тот факт, что не все процессуальные факты, имеющие материально-правовое содержание, могут подлежать оспариванию в рамках дела о банкротстве. Исключением выступает сальдирование взаимных предоставлений как способ установления факта наличия или отсутствия долга путем оценки объема встречных предоставлений, о котором речь пойдет в другой части исследования.

Важным практическим вопросом на сегодняшний момент остается возможность оспаривания чисто процессуальных юридических фактов, выраженных в бездействии сторон. Изучая указанную проблематику, Жестоковская Д.А. предположила о возможности оспаривания пассивного поведения должника в объективных условиях предбанкротного состояния при наличии пропущенного срока исковой давности (бездействие сделочной природы) по причине возможного причинения вреда кредиторам [14, с. 120].

Иные ученые (Х. Коциель, А.Х. Гольмстен), исходя также из классического учения о Паулиновом иске, обосновывают возможность

оспаривания бездействия через его квалификацию как проявление воли (в пассивной форме), направленное на изменение правоотношений, совершенное должником в ущерб кредиторам [16, с. 122-123]. В качестве примеров приводится бездействие во вступлении в наследство, отказ от оферты на заключение договора дарения [17, с. 236-237].

В судебной практике косвенно в подтверждение возможности оспаривания бездействия должника прослеживается новый правовой подход, изложенный в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2022 № 303-ЭС21-25594 по делу № А51-12733/2020.

По результатам рассмотрения кассационной жалобы Верховный Суд отказался формально применять положения статьи 199 ГК РФ и не согласился с позицией нижестоящих судов о том, что об истечении исковой давности могут заявлять только стороны спора. Кредиторы обладают правом заявления об истечении исковой давности при установлении требований других кредиторов в тех ситуациях, когда требования не подтверждены судебным решением, что по своей сущности преследует ту же цель, что и экстраординарном обжаловании. Верховный Суд теологически истолковал норму и указал, что соответствующий механизм экстраординарного обжалования в данной ситуации направлен на защиту конкурсной массы от необоснованных требований.

Хоть Верховный Суд и не указал прямо, что речь идет об оспаривания бездействия должника, был сформулирован механизм заявления об истечении исковой давности за должника со схожими чертами, что в перспективе положит начало для дальнейшего развития решения данной проблематики. Единственным недостатком мотивировочной части позиции является тот факт, что возможность заявление о пропуске исковой давности в порядке обжалования не обусловлено конкретными условиями и не зависит от недобросовестности должника.

Справедливо отметить, что в рамках конкурсного оспаривания может подлежать признанию недействительными не только те факты, которые приводят к уменьшению конкурсной массы, но и позволяющие создать благоприятные условия для кредиторов, то есть соответственно ее пополняющие, поскольку бездействие должника не позволит сохранить имущественное состояние (*status quo*), либо получить встречное удовлетворение требований с учетом возможных финансовых санкций, а значит какая-либо из очередей реестра требований останется без удовлетворения хотя она могла бы на них рассчитывать при условии выполнения конкретного действия.

Из этого вытекает, что у должника имеется обязанность создать такие взаимоотношения с кредитором, которые бы были направлены не только на собственное стабильное экономическое благосостояние, но и на общее. На подобном режиме в рамках банкротства построен и институт субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления о признании субъекта гражданских правоотношений банкротом, цель которого обязать руководителя обеспечить публичное извещение кредиторов о предстоящей процедуре несостоятельности и неблагоприятной обстановки для заключения сделок при наличии неплатежеспособности.

Таким образом, выступая за развитие возможности оспаривания бездействия должника в рамках судебного процесса, в том числе сознательного непредставления доказательств, незаявленного возражения о недостатках товара, стоит согласиться с характеристикой бездействия как осознанной воли лица, целью которой является причинение вреда кредиторам, и ее согласованности с аффилированным лицом (контрагентом). В диспозиции Главы III.1 отсутствуют ограничения, которые не позволили бы истолковать ее таким образом, чтобы распространить и на бездействие. Однако, такая возможность должна быть исключительно связана с наличием условий, закрепленных в пункте 2 статьи 61.2, а ее пределы сконцентрированы лишь на

тех отрицательных актах, совершение которых позволит сохранить за должником имущественные права, что было им утеряно, для обращения взыскания на него и последующего пополнения конкурсной массы.

Еще одним универсальным элементом, свидетельствующим об отступлении от классического понимания предмета оспаривания в гражданском праве, является возможность оспорить сделки, совершенные иными лицам за счет должника, что меняет в конструкции субъектный состав. То есть появляется третье лицо, чаще всего признаваемое аффилированным по отношению к должнику, которое осуществляет вывод имущества и создает представление о формировании у него самостоятельной воли как участника гражданских правоотношений. Однако, поскольку конечная цель сделки, в отсутствие которой имущество должника должно было поступить в его конкурсную массу для целей пропорционального удовлетворения требований кредиторов, опять же сводится к причинению имущественного вреда конкурсной массе, правоприменительная практика предоставляет возможность компенсировать такой негативный эффект.

Приблизительный перечень таких сделок, пусть и не совсем удачный с точки зрения их распространенности, поскольку чаще всего спорные моменты на практике возникают в случаях запутанной цепочки сделок либо корпоративных спорах, определен пунктом 2 Постановления № 63. Суды при спорных ситуациях пытаются протолковать его ограничительно, когда на деле он носит открытый характер, на чем сделан акцент в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2018 № 305-ЭС17-17342 по делу № А41-86889/2015.

При анализе судебной практики были выявлены следующие случаи, отличные от перечня, установленного пунктом 2 Постановления № 63.

При рассмотрении дела о банкротстве гражданина, который являлся собственником большей части акций в компании, было установлено фактическое руководство обществом с ограниченной ответственность, доля в

котором была опосредованно им отчуждена лицу, имеющее с ним родственные связи. Верховный суд отметил, что, учитывая долю участия физического лица в компании и структуру уставного капитала общества, физическое лицо по существу прикрывалось корпоративной формой юридического лица для владения и управления своим ликвидным имуществом - мажоритарной долей участия в обществе с ограниченной ответственностью [18].

В другом случае, отменяя судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, было установлено, что оспариваемым платежом погашена задолженность должника перед обществом третьим лицом за счет средств, причитавшихся должнику по договору подряда, что не оспаривалось сторонами и подтверждалось в судебном заседании представителями всех лиц, участвующих в обособленном споре. Вывод нижестоящих судов о том, что факт выбытия денежных средств из конкурсной массы должника отсутствует, является ошибочным и противоречит как материалам дела, так и предыдущему выводу судов о том, что спорный платеж произведен за счет средств должника [19].

Не имеется единого правового подхода относительно возможности признания в качестве сделки, осуществленной третьим лицом за счет должника, выплаты гарантом за счет собственных денежных средств бенефициару по банковской гарантии.

Согласно одному из подходов выдача независимой банковской гарантии и выплата по ней не является сделкой должника, а является сделкой банка и, следовательно, не может быть оспорена по основаниям предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве. Банковская гарантия независима от основного обязательства, что следует из специальных (исчерпывающих) оснований для отказа гаранта в удовлетворении требования бенефициара, которые не связаны с основным обязательством (пункт 1 статьи 376 ГК РФ), а также отсутствием у гаранта права на отказ в выплате по повторному требованию (пункт 2 статьи 376 ГК РФ). Таким образом, поскольку гарант не

вправе выдвигать против осуществления платежа по гарантиям возражения, правом на которые обладает исключительно принципал (по обстоятельствам, связанным с исполнением основного обязательства), подобные операции не могут быть квалифицированы в качестве сделки, осуществленной третьим лицом за счет должника [20]. Исполнение третьим лицом обязательства за должника, но не за счет средств должника, а путем исполнения своего обязательства за счет собственных средств не нарушает права кредиторов и не может быть оспорено на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Однако, как представляется, данный подход формален и не учитывает конкретные обстоятельства дела. Возможна ситуация, в которой банк представляет услуги по бизнес-модели кэптивного характера, ориентированного на обслуживание интересов должника и иных аффилированных с ним лиц. Банк и должник в такой случае не могут не знать о потенциально неблагоприятном финансово-экономическом положении юридического лица, вывод денежных средств из которого возможен путем последующего предъявления Банком требований к принципалу о возмещении выплаченных в соответствии с условиями независимой гарантии денежной суммы, в том числе в случаях, когда кредитор по основному обязательству также является аффилированным лицом. Увеличение задолженности позволило бы банку с аффилированными компаниями влиять на ход дела о банкротстве [21].

Безусловно, в описанном случае имеется возможность оспорить платеж должника во исполнение требований гаранта [22], но при этом отрицается факт оспаривания самой банковской гарантии и операции по переводу денежных средств бенефициару.

Подобное обстоятельство может привести к тому, что регрессное требование по соглашению о выдаче банковской гарантии между аффилированными лицами может быть включено в реестр кредиторов должника на основе вступившего в силу судебного решения [23]. Учитывая, что

наличие вступившего в законную силу решения суда о взыскании задолженности не является безусловным основанием для включения в реестр требований кредиторов должника требования аффилированного лица, то при предоставлении суду доказательств создания искусственной кредиторской задолженности «дружественным кредитором», суд вправе отказать во включении требования в реестр, если установит обстоятельства мнимости сделки, либо понизить очередность удовлетворения требования заинтересованного кредитора, если нет оснований полагать, что сделка мнимая, но имеются признаки компенсационного финансирования.

Вместе с этим, как указал Верховный Суд в определении от 11.05.2021 № 305-ЭС18-293(5) по делу № А40-111/2017, при доказывании недобросовестности в силу принципа относительности обязательств (статья 308 ГК РФ), принципал (кредиторы принципала) не вправе ссылаться на обстоятельства, вытекающие из чужой обязательственной связи («гарант – бенефициар»), а ограничены исключительно обязательственной связью «гарант – принципал». Тогда при самостоятельном характере действий гаранта, аффилированность и независимость которого не может быть установлена, шансов на реализацию механизмов защиты при включении в реестр существенно меньше, особенно когда условиями гарантиями предусмотрена выплата на случай признания основного обязательства недействительным.

Таким образом, стоит поддержать развитие возможности оспаривания соглашения о выдаче независимой гарантии, перевода денежных средств бенефициару и самой гарантии, как цепочки сделок, в рамках обособленного спора при квалификации таких действий как оказывающих предпочтение конкретному кредитору, либо совершенных при злоупотреблении правом (статья 10, 168 ГК РФ), в том числе основанных на установленной недобросовестности бенефициара, когда он знал или должен был знать о вреде от соответствующей сделки, либо когда он находился в сговоре с гарантом (кем-либо из лиц, входящих в органы управления) с целью вывода активов.

Данное решение позволит соблюсти баланс между принципом правовой определенности, стабильностью гражданского оборота и обеспечением разумных имущественных интересов участников данного оборота, с одной стороны, и недопустимостью злоупотребления правом, незаконного вывода активов из юридического лица, с другой [24].

Подводя итог проведенному исследованию пределов применения норм об оспаривании сделок должника, в том числе через призму судебной практики и исторического аспекта, формируется вывод о том, что Глава III.1 Закона о банкротстве постоянно вбирает в себя и расширяет перечень юридических фактов, которые могут оспариваться по нормам действующего законодательства, что должно являться основанием для внесения коррективов в используемую терминологию. Действующая юридическая техника не совсем удачно согласуется с существующей тенденцией правоприменительного органа, который, с нашей точки зрения, в качестве основного критерия для формирования пределов ориентируется на деликтную теорию и подходит к возможности оспаривания широко спектра негативного правового эффекта от действий/бездействий должника.

Ориентируясь на опыт немецкого законодательства, очевидным кажется заимствование либо понятия «правовые акты должника», либо «правовые действия должника», включающие в себя любое поведение (как активное, так и пассивное), которое влечет правовые последствия, причем это может быть и поведение третьего лица [25, с. 98].

Подобное законодательное установление широкого предмета оспаривания позволит прийти к основе функций римского института Паулианова иска, направленного на предотвращение правовых последствий в виде вреда кредиторам. Такие выводы согласуются с предложенным универсальным правовым основанием оспаривания действий/бездействий на основе деликтной теории оспаривания.

Список литературы:

1. Аюрова, А. А. Теоретические основания оспаривания сделок в процессе банкротства / А. А. Аюрова // Журнал российского права. – 2016. – № 11(239). – С. 54-63.
2. Садилов О.Н. Толстой В.С. Исполнение обязательств. - М.: Юрид. лит., 1973. - 206 с. // Советское государство и право. - М.: Наука, 1974, № 9. - С. 147-149.
3. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. – М. : Статут, 2005. – 636 с.
4. Юридические факты в советском гражданском праве [Текст] : [монография] / О. А. Красавчиков. - М. : Госюриздат, 1958. - 181 с.
5. Соловьева, А. А. Правовые последствия совершения действий, не являющихся сделками / А. А. Соловьева // Наукосфера. – 2021. – № 3-2. – С. 317-319.
6. Тузов, Д. О. О традиции как вещном договоре в российском гражданском праве / Д. О. Тузов // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2007. – № 8. – С. 54-80.
7. Титов Евгений Валерьевич Правовая природа исполнения обязательства / Baikal Research Journal. - 2016. - №3. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-ispolneniya-obyazatelstva> (дата обращения: 18.06.2022).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.12.2017 № 305-ЭС17-12763(1,2) по делу № А40-698/2014 / Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.05.2020 № Ф08-3590/2020 по делу № А63-5243/2016 / Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>

10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.07.2021 № Ф09-4026/19 по делу № А76-32823/2018 / Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
11. Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2022 № 308-ЭС21-1139(5) по делу № А53-28448/2018 / Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
12. Мацкевич, П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве : монография / П. Н. Мацкевич. - Москва: Статут, 2020. – 239 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1153143> (дата обращения: 29.09.2022).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 мая 2020 года № 305-ЭС18-5193 (3) по делу № А41-35652/2017 / Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
14. Жестовская, Д. А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве / Д. А. Жестовская // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 10. – С. 111-145.
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2021 N 305-ЭС21-1766(1,2) по делу № А40-193248/2018 / Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
16. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб / Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – 249 С. [Электронный ресурс] // URL: <https://znanium.com/catalog/product/355999> (дата обращения: 29.10.2022).
17. Коциоль, Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (окончание) / Х. Коциоль // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17. – № 4. – С. 199-261.

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2018 № 305-ЭС17-17342 по делу № А41-86889/2015 / Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.01.2019 N 305-ЭС16-6318(9) по делу N А40-171885/2014 / Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
20. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.04.2022 № Ф06-1216/2021 по делу № А55-39160/2019 / Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.04.2021 № Ф08-1580/2021 по делу № А25-2825/2017 / Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
22. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.02.2022 № Ф07-96/2022 по делу № А56-19962/2017 / Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.10.2022 № Ф05-19091/2016 по делу № А40-176043/2015 / Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
24. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС17-13572 по делу № А40-183445/2016 / Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru>
25. Шишмарева, Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии: Монография / Шишмарева Т.П. - Москва: Статут, 2015. - 332 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://znanium.com/catalog/product/512641> (дата обращения: 01.11.2022).

УДК 346.52

Кряжевских Ксения Александровна

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

Kryazhevskikh Ksenia Alexandrovna

Ural state law university named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА О ПЕРЕДАЧЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: автором исследуется правовая природа договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации. Автор приходит к выводу, что ни одна из конструкций перечисленных в ГК РФ договоров не может быть соотнесена с исследуемым договором. Соответственно, необходимо законодательное закрепление в ГК РФ или федеральных законах положений договора о передаче полномочий управляющей организации.

Ключевые слова: единоличный исполнительный орган, управляющая организация, юридическое лицо, договор об оказании услуг, агентский договор, договор комиссии, договор поручения.

LEGAL NATURE OF THE AGREEMENT ON THE TRANSFER OF POWERS OF THE SOLE EXECUTIVE BODY TO THE MANAGING ORGANIZATION

Annotation: the author investigates the legal nature of the agreement on the transfer of powers of the sole executive body to the managing organization. The author comes to the conclusion that none of the structures listed in the Civil Code of the Russian Federation can be correlated with the contract under study. Accordingly, it is necessary to legislate in the Civil Code of the Russian Federation or federal laws the provisions of the agreement on the transfer of powers to the managing organization.

Key words: sole executive body, managing organization, legal entity, service agreement, agency agreement, commission agreement, agency agreement.

В настоящее время крайне распространенным является передача управляющей организации полномочий единоличного исполнительного органа, что позволяет эффективно и качественно осуществлять управление и, как следствие, увеличивать прибыль юридического лица. По мнению Д. И. Степанова, уникальность института управляющей организации состоит в том, что в конечной точке, где теория фикции юридического лица должна найти свое завершение, возникает новое, полностью автономное, правосубъектное лицо [1, с. 64]. Именно поэтому, с учетом перспективности развития данного института, представляется необходимым изучение правовой природы договора о передаче полномочий.

Законодатель подчеркивает обязательность заключения договора с управляющей организацией. В договоре стороны определяют полномочия управляющей организации по управлению юридическим лицом.

Вопрос квалификации договора о передаче полномочий управляющей организации, на сегодняшний день, является дискуссионным, ведь исследователи не пришли к единому мнению относительно природы этого договора. Определенным образом это связано с отсутствием легального определения данного договора в законодательстве.

В научной литературе высказаны различные точки зрения по данному вопросу. При определении правовой природы рассматриваемого договора

исследователи проводят его сравнение с агентским договором [1, с. 67], договором об оказании услуг [2, 3], договором комиссии [4], договором поручения [4].

Предметом договора между обществом и управляющей организацией является деятельность последней по осуществлению функций единоличного исполнительного органа [5].

Как считает С. Д. Могилевский, по своей правовой природе договор между управляющей организацией и управляемой организацией должен быть гражданско-правовым договором на оказание услуг [6, с. 375]. ВАС РФ также отмечает, что договор о передаче полномочий является гражданско-правовой сделкой, в силу которой управляющая организация обязывается оказывать обществу управленческие услуги и наделяется в связи с этим полномочиями по распоряжению имуществом общества [7]. При этом, в соответствии с позицией ВС РФ, заказчиком услуг, оказываемых управляющей организацией, выступает само управляемое хозяйственное общество в лице его органа, принявшего решение о передаче третьему лицу функций единоличного исполнительного органа [8].

Предметом договора возмездного оказания услуг является оказание исполнителем услуг по заданию заказчика, т.е. совершение конкретных действий, осуществление определенной деятельности. Прописать в договоре конкретный перечень полномочий управляющей организации не представляется возможным, поскольку к компетенции исполнительного органа общества относятся все вопросы руководства текущей деятельностью общества. Следует заметить, что действия управляющей организации признаются действиями самого юридического лица. Управляющая организация формирует волю управляемой организации в соответствии со своей компетенцией и выражает ее вовне от имени управляемого общества. Более того, для осуществления полномочий управляющей организации не требуется выдача доверенности, она действует в соответствии с уставом юридического

лица и заключенным с ней договором о передаче полномочий. Единоличный исполнительный орган издает приказы о назначении на должности работников общества, об их переводе и увольнении, применяет меры поощрения и налагает дисциплинарные взыскания. Исходя из этого, договор о передаче полномочий не может быть квалифицирован как договор возмездного оказания услуг.

Данный договор не может квалифицироваться как агентский договор и договор комиссии, поскольку согласно ст. 1005 ГК РФ и ст. 990 ГК РФ агент и комиссионер обязуется совершать юридические и иные действия от своего имени [9]. А как уже было указано выше, юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через управляющую организацию.

Д. И. Степанов считает, что договор о передаче полномочий имеет определенное сходство с договором поручения, но всё же нельзя говорить об использовании конструкции данного договора в чистом виде [1]. Действительно, согласно ст. 971 ГК РФ поверенный обязуется совершить от имени и за счет доверителя определенные юридические действия [9]. Однако управляющая организация как единоличный исполнительный орган осуществляет руководство всей текущей деятельностью юридического лица, а не только совершает юридические действия.

Таким образом, в настоящее время в российском законодательстве отсутствуют нормы, которые бы регулировали отношения по управлению хозяйственными обществами управляющей организацией. Насчитывается только лишь несколько норм, которые устанавливают возможность передачи полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации.

Исходя из анализа действующего гражданского законодательства РФ, можно прийти к выводу, что ни одна из конструкций перечисленных в ГК РФ договоров не может быть соотнесена с договором о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации.

Рассматриваемый договор обладает такими особенностями, которые не позволяют квалифицировать его по уже известной правовой модели.

Можно сделать вывод, что договор, заключаемый между управляемой и управляющей организацией, является самостоятельным видом гражданско-правового договора и относится к «непоименованным», возможность заключения которых предусмотрена п. 2 ст. 421 ГК РФ [9].

Соответственно, необходимо законодательное закрепление в ГК РФ или в федеральных законах положений договора о передаче полномочий управляющей организации. Как указывает В. Кондратьев, во второй части ГК следует предусмотреть в качестве отдельного вида договор на передачу полномочий исполнительного органа хозяйственного общества третьему лицу, раскрыть его содержание и особенности, порядок заключения, исполнения и прекращения, определить судьбу исполнительных органов после вступления договора в силу [10]. Это позволит названному институту перейти на другой уровень своего развития и положительно скажется на системе корпоративного управления.

Список литературы:

1. Степанов Д. И. Компания, управляющая хозяйственным обществом // Хозяйство и право. 2000. № 10. С. 60-73.
2. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
3. Россол С. Договор с управляющей компанией: налоговый аспект // Корпоративный юрист. 2007. № 8. С. 15-16.
4. Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 288 с.
5. Крапивин О. М., Власов Д. И. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» М., 2002.

6. Могилевский С. Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ. 2014. М.: Дело. 674 с.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.01.2007 № 11578/06 // СПС Консультант Плюс.
8. Определение ВС РФ от 13.12.2017 № 301-ЭС17-16245 дело № А31-12051/2015 // СПС Консультант Плюс.
9. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
10. Кондратьев В. Закон об акционерных обществах. Проблемы совершенствования // Хозяйство и право. 1999. № 10. С. 66-71.

УДК 347.77

Метелицкая Юлия Викторовна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Гуманитарный институт
Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы
Россия, Санкт-Петербург
ymetelitskaya@yandex.ru
Metelitskaya Julia
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Humanitarian Institute
Graduate School of Law and Forensic Science
Russia, Saint-Petersburg

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Аннотация: в данной статье исследуется определение такого явления как параллельный импорт, его значение и актуальность в современном мире, рассматриваются виды параллельного импорта и их характерные отличия. Кроме того, в работе затрагивается вопрос легализации параллельного импорта как в отдельных государствах, в частности в России, так и в международных экономических отношениях в целом, в связи с чем, выделяются достоинства и недостатки введения параллельного импорта в российскую экономику в нынешней непростой ситуации, связанной с антироссийскими санкциями.

Ключевые слова: дистрибьютор, исключительное право, контрафакт, легализация, параллельный импорт, правообладатель, принцип исчерпания прав.

LEGALIZATION OF PARALLEL IMPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PLUSES AND MINUSES

Annotation: this article examines the definition of such a phenomenon as parallel imports, its significance and relevance in the modern world, examines the types of parallel imports and their characteristic differences. In addition, the paper touches upon the issue of legalization of parallel imports both in individual states, in particular in Russia, and in international economic relations in general, in connection with which, the advantages and disadvantages of introducing parallel imports into the Russian economy in the current difficult situation related to with anti-Russian sanctions.

Key words: distributor, exclusive right, counterfeit, legalization, parallel import, copyright holder, principle of exhaustion of rights.

В феврале 2022 года после введения антироссийских санкций в международной торговле большая часть иностранных компаний и правообладателей известных зарубежных брендов заявила о приостановке поставки и реализации продукции, а некоторые и о прекращении своей деятельности на территории Российской Федерации, что повлекло за собой резкое сокращение ассортимента товаров на российском рынке и рост цен на оставшиеся зарубежные товары. В связи с чем, для обеспечения россиян необходимой продукцией Правительство России приняло решение о разработке проекта, подписании и введении в действие Федерального закона от 28 июня 2022 года № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Указанным законом в статью 18 федерального закона № 46-ФЗ от 8 марта 2022 года были внесены дополнения, а именно часть 3, согласно которой: «не является нарушением исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации использование результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в товарах (группах товаров), перечень которых устанавливается в соответствии с пунктом 13 части 1 настоящей статьи, а также средств индивидуализации, которыми такие

товары маркированы» [2], тем самым официально легализовав параллельный импорт, который до этого момента был запрещён в российском государстве.

Само по себе понятие «параллельный импорт» представляет собой ввоз в государство оригинальных товаров, маркированных товарным знаком правообладателя, но без его разрешения, импортёрами, не являющимся официальными дилерами правообладателя или патентообладателя, в связи с чем, может возникнуть конфликт интересов импортёров и правообладателей, которые претендуют на обладание абсолютными полномочиями по контролю импорта производимым ими товаров [3]. Однако, необходимо отличать параллельный импорт от легализации контрафакта. Согласно пояснениям, размещённым на официальном сайте Министерства промышленности и торговли России (Минпромторгом), параллельный импорт является ввозом оригинальной продукции через альтернативные каналы. Контрафактом же в отличие от параллельного импорта считается созданный на основе уже имеющего оригинала новый продукт, но с нарушением интеллектуальных прав правообладателя, то есть поддельные товары схожие до степени смешения с подлинными товарами. При параллельном импорте важным является тот факт, что название бренда, логотип и другие элементы, являющиеся характерными чертами конкретных товаров, должны быть зарегистрированы в качестве товарного знака в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, и как следствие, охраняются законом. В случае, если товар, не имеющий лицензии, повторяет или имитирует какой-либо отличительный элемент бренда, то он будет считаться контрафактом.

Однако использование товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории России непосредственно правообладателем или с его согласия, в соответствии со статьёй 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации не будет являться нарушением исключительного права на товарный знак [4].

По сути параллельный импорт тесно переплетается с принципом исчерпания прав, включающим в себя законодательное ограничение прав владельца товарного знака, учитывая при этом интересы других участников рыночных отношений. В целом, можно выделить три вида исчерпания прав на товарный знак, различающихся в зависимости от момента выхода оригинального товара из-под контроля правообладателя – это национальный, региональный, международный.

При национальном принципе легально на территории какого-либо государства в гражданский оборот могут быть введены только те товары, на реализацию которых в данном государстве имеется официальное согласие правообладателя. Иными словами, если импортируется брендовый товар, который был произведён правообладателем в другом государстве, но ввоз данных товаров запрещён, в таком случае такой импорт будет считаться «параллельным», то есть незаконным в связи с нарушением интересов официальных правообладателей. Такой режим создаёт наиболее благоприятные условия для иностранных правообладателей товарных знаков, так как для защиты своих интеллектуальных прав им необходимо зарегистрировать свой бренд или товарный знак в местном патентном ведомстве государства, в которое будут импортироваться товары.

Региональный принцип исчерпания прав является промежуточным режимом и может применяться на территории какого-либо союза государств. К примеру, данный принцип действует на территории всех государств-членов Евразийского экономического союза, в состав которого входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия, и называется принципом исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза. Названный принцип характеризуется тем, что если товар был введённым в гражданский оборот на территории одного из государств-членов Союза непосредственно правообладателем, то он может свободно использоваться и в торговом обороте других стран-участниц ЕАЭС и это не будет считаться нарушением

исключительного права на товарный знак, что закреплено в пункте 16 Приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, который был подписан членами ЕАЭС в г. Астане 29 мая 2014 года [5]. Однако, данное положение действует исключительно в отношении товаров, производимых на территории одного из государств-членов Союза, в случае если импорт товаров будет осуществляться из других государств, не входящих в ЕАЭС, то оно не будет применимо, так как необходимо будет наличие согласия правообладателя товарного знака на импорт принадлежащей ему продукции.

Международный принцип позволяет ввозить брендовый товар без какого-либо разрешения или согласия правообладателя любыми участниками рынка. В данном случае, так называемые «параллельные импортёры» наделяются полной свободой действий в реализации приобретённой ими у правообладателя оригинальной продукции, что для потребителей является наиболее либеральным и выгодным положением. Тем не менее, данный режим не позволяет правообладателю заявлять о своих законных правах на перемещение товаров [6, с. 27], в связи с чем, по сравнению с национальным, международный принцип исчерпания исключительных прав используется реже.

Так, например, в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), принятом 15 апреля 1994 года Всемирной торговой организацией (ВТО), отмечено, что государства-члены ВТО пользуются свободой выбора какого из принципов исчерпания прав они будут придерживаться.

Также можно привести положения судебной практики Соединённых Штатов Америки, которая придерживается так называемой доктрины «первой продажи», согласно которой перепродажа оригинальных товаров не является нарушением. Данное правило применяется вместе с тем и в отношении импортных товаров, что по факту представляет собой международный принцип исчерпания прав на товарные знаки. Но в действительности отношение к концепции исчерпания исключительных прав в США несколько сложнее, так

как из общего правила есть исключения, которые позволяют правообладателям пресекать неавторизованные продажи. В таких случаях действия третьих лиц по введению в гражданский оборот оригинальных товаров, предназначенных для других государств, могут быть признаны нарушением прав владельца товарного знака, если такие товары будут существенно отличаться от тех, что предназначены для продажи в США [7, с. 66-67].

В Европейском же союзе действует региональный принцип исчерпания исключительного права, который изначально был внесён в Директиву № 89/14/ЕЕС от 21 декабря 1988 года о сближении законодательств государств-членов о товарных знаках, а в дальнейшем в Директиву Европейского Парламента и Совета Европейского союза № 2008/95/ЕС от 22 октября 2008 года и Директиву № 2015/2436 от 16 декабря 2015 года. Данный режим распространён и на государства, входящие в Европейскую экономическую зону, в которую помимо стран-участниц Европейского союза вошли Норвегия, Исландия и Лихтенштейн. Также региональный принцип исчерпания закреплён в Регламенте Европейского Парламента и Совета Европейского союза № 2017/1001(ЕС) «О товарном знаке Европейского союза (кодификация)» от 14 июня 2017 года [8, с. 105].

Российская Федерация до настоящего времени придерживалась национального принципа исчерпания прав, который был введён в 2002 году. Как ранее было отмечено, в соответствии с данным принципом, оригинальные иностранные товары на территорию российского государства могли ввозиться только правообладателем товарного знака или с его разрешения. Однако, с 2012 года принцип исчерпания права из национального постепенно трансформировался в региональный и распространился на государства-участников Евразийского экономического союза. Таким образом, до введения санкций зарубежные бренды реализовывали свою продукцию на территории России через собственную сеть официальных дистрибьюторов, имеющих исключительное или неисключительное право продавать товары,

импортируемые в Российскую Федерацию. При этом охрана оригинальных товаров, которые поступали на российскую территорию без согласия правообладателя или его дистрибьюторов, предусматривалась статьёй 1252 Гражданского кодекса России [9], в соответствии с которой параллельный импорт так же, как и контрафакт, признавался нарушением исключительных прав. В таком случае правообладатель товарного знака или патентообладатель имел возможность потребовать возмещение причинённых ему таким нарушением убытков.

Предложения о легализации параллельного импорта в России довольно часто вносились на рассмотрение Правительства Российской Федерации. Кроме того, узаконение легального параллельного импорта неоднократно поддерживала и Федеральная антимонопольная служба России, обращая внимание на тот факт, что ввозить на российскую территорию оригинальных товаров, маркированных товарным знаком правообладателя, может любой импортёр.

В 2015 году после введения в мире антироссийских санкций Правительство России также обратило внимание на перспективы разрешения параллельного импорта на отдельные виды товаров, такие как лекарства, автозапчасти, детские товары и другие, однако окончательного решения так и не было принято. И только в 2018 году Конституционный суд России смягчил своё отношение к параллельному импорту, указывая на то, что к нему не должны применяться такие же санкции, как и к контрафакту, в число которых входит изъятия из товара оборота, его уничтожение и выплаты компенсаций. При этом, строго подчёркивалось, что товар, в случае его ненадлежащего качества или использование которого могло принести какой-либо вред, мог быть конфискован и подлежал уничтожению.

На сегодняшний день Правительством России принято Постановление № 506 от 29 марта 2022 года «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской

Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [10]. То есть, названным Постановлением исключается гражданско-правовая ответственность за ввоз импортёрами иностранной продукции в обход официальных каналов дистрибуции. При этом, согласно данному документу, данное положение будет распространяться на необходимый перечень продукции, разработанный Минпромторгом России при помощи федеральных органов исполнительной власти в связи с потребностями потребителей в той или иной продукции. В связи с чем, в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения в пункте 6 статьи 1359, которым теперь установлено, что «ввоз на территорию России, применение, предложение о продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец, если этот продукт или это изделие ранее были введены в гражданский оборот на территории России патентообладателем или иным лицом с разрешения патентообладателя либо без его разрешения, но при условии, что такое введение в гражданский оборот было осуществлено правомерно в случаях, установленных Гражданским кодексом» [10] не будет являться нарушением исключительного права патентообладателя или иного законного правообладателя на изобретение, полезную модель или промышленный образец.

Таким образом, если рассматривать снятие запрета в Российской Федерации на параллельный импорт с юридической точки зрения, то данное явление будет означать, что на ввозимые в страну товары будет устанавливаться международный принцип исчерпания прав. Тем не менее, в сегодняшних непростых условиях, связанных с антироссийскими санкциями, параллельный импорт оказывает значимую поддержку экономики российского государства, так как работоспособность большого количества отраслей

отечественного производства зависит от иностранных товаров или производственных материалов. Например, в автомобильной отрасли, где производство автотранспорта напрямую зависит от импортных материалов и комплектующих изделий, российские заводы вынуждены приостановить свою деятельность, или в такой одной из жизненно важных отраслей промышленности как фармацевтическая, многие лекарственные препараты содержат импортное сырье. Также импортное сырье поставлялось в Россию для пищевой промышленности, в которое входили, например, чай, кофе, шоколад, мясные и другие изделия [11, с. 55-56].

Переходя к рассмотрению последствий легализации параллельного импорта на территории России следует отметить прежде всего его преимущества, основным из которых можно отметить существенное снижение цен на товары высокотехнологической продукции и предметы роскоши, так как теперь данные товары могут ввозить кроме официальных дистрибьюторов и другие импортёры, что впоследствии может привести к развитию конкуренции между поставщиками. В данном случае наибольшую выгоду будет иметь покупатель, так как он получает возможность приобретать необходимый товар по доступной цене и при этом хорошего качества. Также из немаловажных положительных сторон следует выделить стимулирование экономики в развивающихся странах, где производство товаров происходит при более низких затратах, что увеличивает спрос на такую продукцию, мотивируя тем самым рост производства [12].

К недостаткам введения параллельного импорта можно отнести отсутствие контроля со стороны производителей сбыта собственной продукции и осуществления её гарантийного обслуживания. К тому же к отрицательным последствиям стоит добавить и тот факт, что конкуренция цены товаров может исключить с рынка официальных дистрибьюторов, включающих в цену реализуемой продукции и стоимость гарантийного сервиса товара. Помимо этого, нельзя исключить и тот недостаток, выражающийся в том, что под видом

«серого импорта» на российский рынок может поступать контрафактная продукция, так как при легализации параллельного импорта товар в государство могут ввозить не только лица, которые указаны в таможенном реестре.

Легитимность параллельного импорта также может негативно сказаться и на инвестиционной привлекательности России и как следствие на длительное время затруднить восстановление прежнего уровня международных взаимоотношений [13].

Подводя итог, необходимо отметить, что переход российской экономики и политики на международный принцип исчерпания исключительных прав, позволит обеспечить объективные рыночные возможности, но только при высококачественном контроле данного механизма и подлинности ввозимого импортного товара. В то время как национальный принцип, по мнению некоторых экспертов, приносил экономике России существенный урон по причине того, что обладатель товарного знака определял собственные условия и расценки на ввозимый товар, устраняя при этом честную конкуренцию на рынке.

Список литературы:

1. О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ // Российская газета. 30.06.2022. № 139.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ // Российская газета. 10.03.2022. № 51.

3. Национальный стандарт Российской Федерации. Интеллектуальная собственность. Антимонопольное регулирование и защита от недобросовестной

конкуренции: ГОСТ Р 58223-2018, утв. приказом Росстандарта от 13.09.2018 № 597-ст, с изм. от 04.02.2019 // оф. изд. Стандартиформ. М., 2018.

4. Бычков А. И. Разрешён ли параллельный импорт? // Консультация эксперта, 2022. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=196596#KXT1BPTpIMHVNLV>.

5. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014, ред. от 01.10.2019, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022 // Правовой портал Евразийского экономического союза. – URL: <https://docs.eaeunion.org>.

6. Ляпцев С. А. Международный принцип исчерпания прав на товарный знак в ЕАЭС / С. А. Ляпцев // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – М.: ООО «Редакция «Патенты и лицензии», 2016. № 12. С. 26-30.

7. Сагдеева Л. В. Принцип исчерпания прав как ограничение исключительных прав // Международное право. М., 2017. № 3. С. 55-70.

8. Хусаинов Р. Оттенки серого: тенденции в спорах о параллельном импорте // Хозяйство и право. М., 2019. № 2 (505). С. 103-109.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ, ред. от 14.07.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.12.2006. № 52. Ст. 5496.

10. О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 № 506 // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.04.2022. № 14. Ст. 2286.

11. Комиссарова Е. В. Актуальные вопросы параллельного импорта в современных условиях // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. М., 2021. № 2. С. 54-58.

12. Ворожевич А. Легализация параллельного импорта: «за» и «против» // *Zakon.ru*. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/7/15/legalizaciya_parallelnogo_importa_za_i_protiv?ysclid=17i1syx0uc999624919.

13. Яцало О. «Параллельный импорт» в России: законодательные основания и перспективы // *Audit-it.ru*. – URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/buhconcret/a64/1058086.html>.

УДК 347.736

Осокин Александр Владиславович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Юридический факультет
Россия, Москва
osokin2001@yandex.ru
Osokin Alexander
Lomonosov Moscow state university
Faculty of law
Russia, Moscow

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТОП-МЕНЕДЖЕРОВ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: проблема удовлетворения требований кредиторов в рамках дела о банкротстве представляет собой весьма существенную сложность, поскольку хозяйствующие субъекты, действующие в отечественном обороте, характеризуются хронической недокапитализацией. Одним из наиболее эффективных инструментов противодействия подобной недокапитализации является привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, или дополнительной имущественной ответственности, при банкротстве соответствующего субъекта. Действующий Закон о банкротстве предусматривает 2 основания, однако, в рамках данных оснований существует ряд аспектов, которые расширяют легальное содержание данных оснований. Рассмотрение данных оснований позволит определить место и роль субсидиарной ответственности в контексте правового статуса топ-менеджера.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, топ-менеджер, банкротство, тест на состоятельность.

SECONDARY LIABILITY OF TOP-MANAGERS IN BANKRUPTCY CASES

Annotation: the problem of satisfying creditors' claims in the framework of a bankruptcy case is a very significant complexity, since economic entities operating in domestic turnover are characterized by chronic under-capitalization. One of the most effective tools to counteract such under-capitalization is to attract persons controlling the debtor to subsidiary liability, or additional property liability, in case of bankruptcy of the relevant entity. The current Bankruptcy Law provides for 2 grounds, however, within these grounds there are a number of aspects that expand the legal content of these grounds. Consideration of these grounds will determine the place and role of subsidiary liability in the context of the legal status of a top manager.

Key words: secondary liability, shadow director, top-manager, bankruptcy, solvency test.

В 2017 г. в положения Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) были внесены значительные изменения, предопределившие активное применение института субсидиарной ответственности [1]. В частности, для целей привлечения к субсидиарной ответственности были расширены основания признания лиц контролирующими, а также систематизированы основания привлечения к такой ответственности, среди которых глава III.2 Закона о банкротстве выделяет (1) невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие неправомерных действия контролирующих должника лиц (далее – КДЛ), а также (2) нарушение обязанности по подаче заявления о признании должника банкротом.

Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов. В рамках данного основания следует выделить обстоятельства, свидетельствующие о невозможности полного удовлетворения требований кредиторов, среди которых Закон о банкротстве называет следующие: (1) причинение существенного вреда имущественным правам

кредиторов в силу совершения либо одобрения сделки; (2) нарушение обязанности по ведению бухгалтерской отчетности («В данном случае отсутствие бухгалтерской отчетности, а также иной документации, наличие которой признается законом обязательным, предполагает наличие недобросовестности со стороны контролирующих лиц, поскольку отсутствие такой документации существенно затрудняет проведение процедуры банкротства, поскольку конкурсные кредиторы и арбитражный управляющий не способны определить и идентифицировать основные активы несостоятельного должника») [2]; (3) нарушение обязанности по хранению установленных законодательством документов; (4) совершение директором публично-правового правонарушения (Под публично-правовым правонарушением следует понимать нарушение налогового, административного или уголовного законодательства, правовые последствия которого выражаются в форме денежных взысканий); (5) нарушение принципа публичной достоверности посредством искажения данных о юридическом лице и его деятельности; (6) прекращение производства по делу о банкротстве вследствие невозможности погашения требований кредиторов; (7) ухудшение финансового положения должника, отвечающего признакам неплатежеспособности [1, п. 12 ст. 61.11]. Данные основания, на наш взгляд, являются весьма широкими, что и подчеркивает их «обвинительный» уклон по отношению к должнику [3; 4, С. 17-19].

Наличие презумпций причинной связи банкротства должника в связи с деятельностью КДЛ имеет своей целью равномерное распределение бремени доказывания в рамках разрешения обособленного спора. В правоприменительной практике отмечается, что «смысл презумпции вины КДЛ состоит в том, что руководитель, уничтожая, искажая или производя иные манипуляции с документацией, скрывает реальные данные о хозяйственной деятельности должника с целью лишения арбитражного управляющего

возможности установить факты недобросовестного осуществления КДЛ обязанностей по отношению к должнику» [5].

Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) при рассмотрении подобных дел обращал внимание на внешние обстоятельства, препятствовавшие либо способствовавшие возникновению фактического контроля над должником. В этой связи ВС РФ указывает, что неисполнение бывшим руководителем должника обязанности по передаче документации вследствие объективных обстоятельств, не свидетельствует о наличии у него интереса в сокрытии информации, вследствие чего данное обстоятельство не должно являться основанием применения презумпции вины в доведении должника до банкротства [6, п. 18].

Интересным представляется вопрос об особенностях корпоративного управления в рамках группы компаний (холдинга). Проф. И.С. Шиткина указывает, что «следует строить свое понимание категории холдинга как предпринимательского объединения или группы компаний, основанной на экономическом подчинении и контроле одного участника над другим» [7, С. 11]. С учетом наличия разнонаправленных – как законных, так и незаконных – целей правоприменительная практика препятствует злоупотреблению преимуществами ведения бизнеса в форме холдинга, указывая, что «лицо несет субсидиарную ответственность по долгам несостоятельного должника в случае организации деятельности корпоративной группы таким образом, что на должника возлагаются исключительно убытки, а другие участники группы получают прибыль» [8, п. 12]. Поэтому перечисление обстоятельств, вследствие которых возможно наступление субсидиарной ответственности является для судебной практики лишь ориентиром в рамках рассмотрения обособленного спора.

Обратим внимание на поход, сформулированный ВС РФ, в одном из своих недавних определений, в рамках которого был выработан отечественный аналог зарубежного *Solvency Test*, применяемого при реализации концепции

«снятия корпоративной вуали» [9], на что обращает внимание проф. Е.А. Суханов, полагая, что использование таких методов возможно и в российском правопорядке [10, С. 165, 171]. В данном определении ВС РФ обозначает три критерия правомерности деятельности контролирующего лица в рамках банкротства: (1) наличие у КДЛ возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника; (2) реализация КДЛ соответствующих полномочий привела к негативным для должника и его кредиторов последствиям; (3) КДЛ является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших негативных для должника последствий. Данная позиция использовалась в дальнейшем в рамках защиты одного из участников органа управления по обособленному спору о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности [11].

По нашему мнению, предложенный ВС РФ подход нуждается в дополнении некоторыми правовыми позициями.

Применительно к первому критерию оговаривается функциональное назначение КДЛ, т.е. для правомерности поведения необходимо соответствие его формального статуса роли и выполняемой функции. Закрепление в учредительных документах экстраординарных полномочий КДЛ, а также практика корпоративного управления являются основаниями для признания за КДЛ возможности оказывать существенное воздействие на деятельность должника [12].

Применительно ко второму критерию следует уяснить, что им устанавливается причинная связь между негативными действиями КДЛ и доведением должника до состояния банкротства. Категория причинных связей при привлечении к субсидиарной ответственности является наиболее определенной в связи с использованием значительного количества презумпций. Правоприменительная практика не содержит серьезных противоречий, связанных с применением категории причинной связи в связи с привлечением КДЛ к субсидиарной ответственности, поскольку указывает исключительно на

наличие или отсутствие причинной связи между действиями КДЛ и наступлением банкротства должника [13; 14; 15; 16]. Кроме того, причинная связь позволяет определить момент начала течения срока исковой давности о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, что представлялось весьма актуальным в переходный период, связанный с введением в действие новых правил о субсидиарной ответственности 2017 г. Но на данный момент возможность ретроактивного действия правил о субсидиарной ответственности на отношения фактического контроля, которые *de facto* были легализованы, хотя и существовали до 2017 г., исключена [17].

В рамках третьего критерия необходима прямая заинтересованность в совершении убыточной сделки либо получение выгод от такой сделки со стороны КДЛ, поскольку сам факт одобрения убыточной сделки не свидетельствует о вине КДЛ в доведении должника до банкротства [18]. Именно данное обстоятельство является свидетельством использования корпоративной формы с целью, противной гражданскому обороту – для получения активов конкретным КДЛ при оставлении обязательств на балансе несостоятельного должника. Так, принятие решения о реорганизации должника, при котором он берет на себя больше обязанностей и долгов, чем правопреемник, влечет привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам должника за принятие такого рода решения [19].

Показательными в плане привлечения членов органов управления (т.е. топ-менеджеров) несостоятельного должника к субсидиарной ответственности являются банки и иные кредитные организации, что прослеживается сквозь учредительные документы банка, материалы судебного дела об их банкротстве, а также аналитику Банка России [20]. В рамках банкротства Коммерческого банка «Интеркредит» (далее – КБ Интеркредит) Государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов» (далее – ГК АСВ) совместно с Банком России был проведен анализ лиц, под контролем либо значительным влиянием которых находится кредитная организация: в отношении таких лиц поступило

заявление о привлечении их к субсидиарной ответственности за невозможность полного удовлетворения требований кредиторов банка [21]. Конкурсный управляющий в лице ГК АСВ при доказывании отношений фактического контроля апеллировал к учредительным документам КБ Интеркредит, в частности, к его уставу и положению о кредитно-инвестиционном комитете. Именно кредитно-инвестиционным комитетом принимались ключевые решения, касавшиеся деятельности банка, вследствие чего у ГК АСВ существовали разумные основания полагать о наличии у лиц, входящих в состав данного комитета, фактических полномочий по управлению банком в связи с наличием возможности отдавать обязательные для исполнения должником указания. В частности, кредитно-инвестиционный комитет одобрял заключение договор корпоративного кредитования, готовил и представлял повестку очередного собрания совета директоров, готовил иную юридически значимую документацию, на основе которой функционировали иные органы кредитной организации.

На данный момент, обособленный спор о привлечении КДЛ КБ Интеркредит к субсидиарной ответственности продолжается, вследствие чего невозможно однозначно говорить о действительном наличии фактического контроля над деятельностью банка [22; 23]. Но с учетом актуальной правоприменительной практики отметим, что само по себе пребывание лица, претендующего на статус контролирующего, в составе исполнительного органа юридического лица не является достаточным основанием для констатации его вины в доведении должника до банкротства. Поэтому необходимо доказать степень вовлеченности каждого из ответчиков в процесс вывода спорного актива и их осведомленности об этом [24]. Данное обстоятельство подчеркивается и в комментариях к практике привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, когда для привлечения к ответственности членов исполнительного органа следует установить не только статус и полномочия

органа, но и определить его компетенцию, а также степень влияния на принятие решений в рамках осуществления предпринимательской деятельности.

Субсидиарная ответственность за нарушение обязанности по подаче заявления о признании должника банкротом. Практической целью обязанности по подаче заявления о признании лица несостоятельным является необходимость «спасения» хозяйствующего субъекта от ликвидации и возможность применения к нему реабилитационных процедур. Однако многие руководители и иные КДЛ совершают недобросовестные действия в предбанкротный период в связи с осуществлением деятельности должника в критических обстоятельствах, когда продолжение нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов невозможно [26]. Следовательно, установление отдельного основания для привлечения к субсидиарной ответственности позволяет стимулировать топ-менеджеров к выполнению обязанности по подаче заявления о признании должника несостоятельным в критических случаях.

Важным является момент возникновения у определенных законом лиц обязанности по подаче заявления о признании должника банкротом. Обстоятельства, свидетельствующие о необходимости подачи заявления о признании должника банкротом, поименованы в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, однако, их можно свести к двум группам: (1) неплатежеспособность должника либо (2) прекращение деятельности организации в силу ее ликвидации. Такая обязанность возлагается на руководителя должника, а также иных лиц, указанных в п. 3.1 ст. 9 Закона о банкротстве. Данное основание (в отличие от основания, связанного с привлечением к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов) является более формально-определенным, что подчеркивается, во-первых, отсутствием значительной правоприменительной практики по спорным вопросам данного основания, не представляющего простора для толкования, а, во-вторых, прямым указанием на это в практике КС РФ – специально закрепленная

обязанность реализуется в случаях, прямо указанных в законе или договоре, а положения ст. 61.12 Закона о банкротстве не содержат неопределенности [27; 28; 29]. Следовательно, нарушение обязанности по подаче заявления является своеобразной санкцией за продолжение деятельности нерентабельного предприятия, а также за угрозу причинения убытков имущественным интересам кредиторов.

Помимо обязанности руководителя должника по подаче заявления, существуют некоторые пределы защиты руководителя или иного лица от необоснованного давления со стороны заинтересованных в их банкротстве кредиторов. ВС РФ при рассмотрении подобного дела указал, что критерием принятия к рассмотрению заявления о банкротстве является неустранимость обстоятельств, свидетельствующих о неплатежеспособности должника: в обратном случае руководитель в краткосрочной перспективе своевременными эффективными действиями способен устранить существующие финансовые затруднения [30, п. 29]. Однако в российских банкротных реалиях отсутствует возможность эффективного применения реабилитационных процедур должника, вследствие чего у руководителя отсутствует всякое желание добровольно подавать заявление о банкротстве возглавляемой корпорации, при котором случатся «пышные похороны за счет кредиторов» [31, С. 196].

В этой связи практика применения положений о субсидиарной ответственности в банкротстве в последнее время начала приобретать предсказуемый для топ-менеджеров и иных КДЛ характер, поскольку ВС РФ пытается исправлять и не допускать чрезмерное применение инструментария субсидиарной ответственности со стороны арбитражных судов посредством формирования правовых позиций, направленных на исключение возможности привлечения к такой ответственности, тем самым стабилизируя гражданский оборот.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4815.
2. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.05.2018 г. № 305-ЭС17-21627 по делу № А41-34192/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Комментарии экспертов. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // Закон. № 8. 2017.
4. Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2021.
5. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 г. № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 г.) // БВС. 2020. № 6.
7. Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний. М.: Волтерс Клувер, 2008.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2020 г. № 307-ЭС19-18723(2, 3) по делу № А56-26451/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.07.2020 г. № Ф05-3058/19 по делу № А40-219930/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 30.04.2015 г. по делу № А40-119763/10 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение судебной

коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.11.2018 г. № 301-ЭС18-11487 по делу № А79-7505/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2020 г. № 308-ЭС19-18779(1,2) по делу № А53-38570/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8.10.2019 г. № 305-ЭС19-16954 (2,3) по делу № А40-168999/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2020 г. № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.10.2018 № Ф05-17304/2018 по делу № А41-23587/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2020 г. № 307-ЭС19-18723(2, 3) по делу № А56-26451/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.12.2020 г. № 66-КГ20-10-К8 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Сведения о лицах, под контролем либо под значительным влиянием которых находится кредитная организация для целей установления действительной схемы корпоративного управления на случай банкротства кредитной организации // URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/co_schema/.

21. Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-148648/16-88-212 «Б» от 09.07.2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

22. Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-148648/16-88-212 «Б» от 02.07.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-148648/16-88-212 «Б» от 02.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723(2,3) по делу А56-26451/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Шишков Р.С. Формальный или реальный орган управления // Адвокатская газета № 15 (320) 1-15 августа 2020.
26. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.12.2020 г. № 305-ЭС20-11412 по делу № А40-170315/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 5.03.2019 г. № 14-П // СЗ РФ. 11.03.2019. № 10. Ст. 1046.
28. Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2019 г. № 2446-О // СПС «КонсультантПлюс».
29. Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 г. № 3077-О // СПС «КонсультантПлюс».
30. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 г.) // БВС. 2019. № 5.
31. Николаев А. Условия, при которых руководитель не обязан обращаться с заявлением о банкротстве, или Когда субсидиарная ответственность не наступит // Журнал РШЧП. № 6. 2019.

Пащук Елена Олеговна
Уральский государственный экономический университет
Институт государственного, муниципального управления и права
Россия, Екатеринбург
elenaand807@gmail.com
Paschuk Elena Olegovna
Ural State University of Economics
Institute of State Municipal Administration and Law
Russia, Yekaterinburg

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ КАК УГРОЗА ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАНЫМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: в данной статье рассмотрены особенности правового регулирования Интернета вещей. Обозначены основные проблемы, связанные с законодательным регулированием IoT, и предложены варианты их решения. Выявлены основные риски в области защиты конфиденциальной информации пользователей. Проанализированы перспективы развития рынка Интернета вещей.

Ключевые слова: интернет вещей, правовое регулирование, цифровизация, защита персональных данных, информационное право, цифровое право.

THE DEVELOPMENT OF THE INTERNET OF THINGS AS A THREAT TO USERS' PERSONAL DATA: LEGAL ASPECTS

Annotation: this article discusses the features of the legal regulation of the Internet of Things. The main problems related to the legislative regulation of IoT are identified and solutions are proposed. The main risks in the field of protection of confidential information of users are considered. The prospects for the development of the Internet of Things market are analyzed.

Key words: Internet of Things, legal regulation, digitalization, personal data protection, information law, digital law.

Стремительный процесс цифровизации затронул все сферы общественной жизни. С каждым годом цифровые технологии становятся более популярным явлением и занимают значимое место в жизни и деятельности каждого человека [10]. В настоящее время многие люди не представляют своей жизни без различных гаджетов, которые обладают рядом положительных функций. Так называемые «умные» устройства значительно упрощают выполнение повседневных задач и рутинных процессов. По результатам опросов, проведенных отечественными исследователями, молодые люди считают, что «умные» вещи оптимально использовать для работы, обучения, развлечения (29,4 %), для обучения и развлечения (23,5 %) или для обучения (16,7 %) [14, с. 212].

Концепция использования таких устройств, имеющих доступ к сети Интернет, получила название Интернет вещей или IoT. Данная концепция представляет собой процесс передачи данных между физическими объектами, оснащенными специальными средствами не только для взаимодействия друг с другом, но и с внешним миром. Термин Интернет вещей был введен британским инженером Кевином Эштоном в 1990 г. и обозначал модель функционирования предметов без участия человека [7]. IoT состоит из целой экосистемы различных инструментов [11]. В качестве примера Интернета вещей можно привести смарт часы, «умные» колонки и различные бытовые приборы, оснащенные функцией подключения к сети Интернет с помощью специальных беспроводных протоколов.

На протяжении последних лет можно наблюдать быстрые темпы развития IoT, что способствует не только развитию рынка услуг, но и становлению новых правоотношений между различными субъектами. По оценкам Научно-технического центра Главного радиочастотного центра рынок Интернета вещей в России только за 2021 г. вырос на 18,3 %. Количество зарегистрированных

IoT устройств в российской компании «МТС» только за 2019 г. превысило показатель за 2018 г. на 20 %, данная информация представлена на их официальном сайте.

Устройства, относящиеся к Интернету вещей, могут применяться в различных сферах. Например, в здравоохранении [3], в образовании [2], для экономии электроэнергии [9], оптимизации загруженности дорог и предотвращения технических аварий на различных производствах [8]. Важно отметить, что государство оказывает значительную поддержку для внедрения таких устройств в социально-экономическую сферу Российской Федерации. Так в 2021 году компания «МТС» и Администрация г. Санкт-Петербурга заключили договор о совместном развитии цифровой экономики в регионе, направленный на ускорение внедрения умных решений в инфраструктуру региона.

Однако помимо положительных аспектов существует и ряд отрицательных, связанных в первую очередь с безопасностью персональных данных пользователей и правовым регулированием Интернета вещей [6]. Так как Интернет вещей, выступая сравнительно новым явлением не только для России, но и для других стран, меняет привычную концепцию защиты персональных данных.

Используемые человеком «умные» устройства имеют возможность сбора и хранения информации о человеке, которые посредством сети Интернет могут быть опубликованы для широкого круга лиц. Проблема «утечки» личных данных приобретает все более серьезные масштабы с развитием IoT. По материалам, которые представила российская компания «InfoWatch», специализирующаяся на информационной безопасности в корпоративном секторе, за 2019 год во всём мире были скомпрометированы 13,7 миллиардов записей персональных данных. При этом третьи лица могут получить неправомерный доступ к конфиденциальной информации не только взрослого населения, но и несовершеннолетних. Так довольно большое количество

современных игрушек имеют возможность подключения к сети Интернет, как следствие, общаясь с детьми, они переправляют записи на сервер производителя, что создает потенциальную угрозу безопасности персональных данных не только самих детей, но и их родителей. В качестве примера можно привести утечку персональных данных, в том числе электронных адресов и паролей, около 800 тысяч владельцев мягких игрушек фирмы «Cloud Pets» в 2017 г.

Рынок Интернета вещей имеет огромные перспективы своего развития. В связи с этим правовое регулирование вопроса безопасности персональных данных пользователей не должно ограничивать основные функции IoT устройств, так как данное действие приведет к снижению их эффективности.

Если говорить о правовой регламентации Интернета вещей, то важно отметить включение данной концепции в «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года», а также в национальную программу «Цифровая экономика РФ», представляющую собой план прорывного технологического развития Российской Федерации до 2024 года. Обработка персональных данных граждан регулируется определенным перечнем нормативно-правовых актов. В качестве основного акта по данному вопросу можно выделить Федеральный закон «О персональных данных» [13]. Не смотря на достаточно большое количество нормативно-правовых актов, существует ряд лакун в законодательстве по вопросам обеспечения защиты информации в связи с развитием Интернета вещей.

Так одним из проблемных вопросов является неопределенность правового статуса информации. До 2006 года информация была закреплена в качестве объекта гражданских прав в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, однако позже информация была исключена из числа объектов гражданских прав [1]. В тоже время ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дает основание для отнесения информации к объектам гражданских прав [12]. В

связи с этим представляется целесообразным исключение противоречий из нормативно-правовых актов и законодательное закрепление информации, как объекта гражданских прав.

В концепции IoT каждое устройство, помимо своего физического выражения также представлено в цифровой сфере, что при определенных условиях может способствовать попаданию конфиденциальной информации к лицам, которые не должны иметь к ней легитимного доступа [4]. Также важно отметить, что распространение и использование информации о частной жизни гражданина без его согласия на основании ч. 1 ст. 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации запрещено. Однако далее в данной статье указано, что разрешено распространение и использование информации о частной жизни гражданина в случаях, когда такая информация ранее стала общедоступной. Некоторые правоведы склонны считать данную норму не совсем логичной и противоречащей другим нормативно-правовым актам. Исходя из этого, также представляется возможным внесение точечных поправок в нормативно-правовые акты с целью устранения противоречий.

Если обратиться к зарубежному опыту, то важно отметить, что законодательные акты зарубежных стран, как правило, регулируют только отдельные правовые аспекты, связанные с IoT. Однако в качестве позитивного примера можно привести закон штата Калифорнии «SB-327». Данный нормативно правовой акт обязал разработчиков обеспечивать свои устройства необходимыми средствами защиты персональных данных пользователей. Такими как уникальная комбинация логина и пароля на каждом устройстве. Также, согласно данному закону, производитель обязан своевременно проинформировать покупателя о необходимости изменения стандартных заводских данных. Схожие положения содержит Британский кодекс безопасности «бытового интернета вещей».

Подводя итог, необходимо отметить, что процесс неизбежного развития информационных технологий, в том числе и Интернета вещей, будет

способствовать повышению значимости и ценности информации [5]. Данный факт обуславливает необходимость более детальной правовой регламентации защиты конфиденциальной информации в связи с процессом цифровизации в целом и развитием рынка Интернета вещей в частности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ Часть первая // Российская газета. – 2008. – 24 марта.
2. Задорина М. А. Некоторые проблемы цифрового обновления системы образования в условиях трансформации рынка труда // Достойный труд - основа стабильного общества. XIII Международная научно-практическая конференция. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2021. – С. 81-85.
3. Задорина М. А. Цифровизация здравоохранения и ее влияние на конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2021. – С. 45-48.
4. Исаков В. Б., Сарьян В. К., Фокина А. А. Правовые аспекты внедрения Интернета вещей // ИТ-Стандарт. – 2015. – № 4(5). – С. 9-16.
5. Ковалева Н. К. Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций. – Саратов: Изд-во СГЮА, 2020. – 460 с.
6. Куликова С. В., Михайлова К. Д., Рындина С. В. Правовые аспекты обеспечения безопасности Интернета вещей // Вестник ПензГУ. – 2020. – № 4 (32). – С. 81-85.
7. Купцова А. С. Правовое регулирование использования интернета вещей // Образование и право. – 2021. – №7. – С. 225-230.

8. Медникова О. В. Iot в транспорте: как интернет вещей помогает избежать катастрофы, аварии и загруженность крупных городов // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 33. – С. 154-158.
9. Пипия Ю. С. Использование технологий интернета вещей в электроэнергетике: возможности и ограничения в процессе перехода // Научные записки молодых исследователей. – 2019. – № 5. – С. 56-64.
10. Сексенбаев К., Султанова Б. К., Кисина М. К. Информационные технологии в развитии современного информационного общества // Молодой ученый. – 2015. – № 24 (104). – С. 191-194.
11. Суриков К. А. Архитектура системы Интернета вещей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №3-2.
12. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 28 июля.
13. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 28 июля.
14. Ядровская М. В., Поркшеян М. В., Синельников А. А. Перспективы технологии интернета вещей // Advanced Engineering Research. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 207–217.

УДК 347.1

Подолинский Илья Александрович
Тюменский государственный университет
Институт государства и права
Россия, Тюмень
ilua.podolinsky@mail.ru
Podolinsky Ilya
Tyumen State University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА СУДОМ ПРИ СУЩЕСТВЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КАК ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА

Аннотация: в статье освещаются особенности правового регулирования и складывающейся судебной практики относительно применения ст. 451 ГК РФ. В работе проводится правовой анализ современного законодательства, теоретических позиций по вмешательству суда в договорные отношения в виде изменения и прекращения обязательств. Анализируются цели и обоснованность активной роли суда в относительных правоотношениях сторон, в связи с этим рассматриваются отдельные казусы актуальной судебной практики.

Ключевые слова: изменение условий договора судом, прекращение договора судом, активная роль суда, существенное изменение обстоятельств, предпринимательский риск.

CHANGING THE TERMS OF THE AGREEMENT BY THE COURT WHEN A SIGNIFICANT CHANGE OF CIRCUMSTANCES AS A COMPULSORY MEASURE

Annotation: the article highlights the features of legal regulation and the emerging judicial practice regarding the application of Art. 451 of the Civil Code of the

Russian Federation. The paper provides a legal analysis of modern legislation, theoretical positions on court intervention in contractual relations in the form of changes and termination of obligations. The goals and validity of the active role of the court in the relative legal relations of the parties are analyzed, in connection with this, individual incidents of current judicial practice are considered.

Key words: changing the terms of the contract by the court, termination of the contract by the court, active role of the court, significant change in circumstances, entrepreneurial risk.

Договорные правоотношения, являясь двигателем развития гражданского оборота, как правило, имеют в своем основании учтенный законный интерес каждой стороны договора.

В случае совпадения интересов сторон достигается цель – заключение того или иного соглашения, интерес покупателя выгодно приобрести вещь, совпадая с интересом продавца получить выгодный денежный эквивалент вещи, порождает заключение договора купли-продажи как единой цели субъектов [1, с.109].

Стороны при согласовании условий оценивают обстоятельства и риски, в рамках которых они находятся, и будут находиться в будущем на период потенциального действия договора. Необходимость оценивать перспективу своего положения в рамках действия договора обусловлена политикой права по обеспечению стабильности и нерушимости договорных обязательств, иными словами, приблизить ценность обязательств к выработанному римскому принципу *pacta sunt servanda*, нашедшему отражение сегодня как в действующем национальном гражданском законе, так и в международных частно-правовых стандартах [2].

Однако гражданский оборот, прошедший довольно долгий путь развития от первобытных конструкций менового оборота и системы даров до современных сложных рыночных механизмов, знает достаточно примеров,

когда поддерживать стабильность обязательственной связи в рамках конкретных изначально непредвидимых обстоятельств становилось невозможно или крайне невыгодно для контрагентов, при которых могут возрасти издержки, убытки и риски, сопряженные с исполнением.

При этом для применения ст. 451 ГК РФ недостаточно выявить нерентабельность исполнения договора, сторона могла неверно оценить риски, контроль или материальные возможности по исполнению договора, сама по себе нерентабельность не может разрушать принцип *pacta sunt servanda*, речь должна идти о каких-то значительных убытках и невыносимой несправедливости сохранения договора.

Гражданский оборот вполне естественно выдвигает требование к хозяйствующим субъектам о том, что при согласовании условий, на которых они собираются вести деловые отношения, ими должна учитываться складывающаяся субъективно для них и объективная конъюнктура рынка на период действия договора.

Справедливость такого подхода и его обоснование можно встретить еще в римской, а позднее и средневековой доктрине *clausula rebus sic stantibus*, в соответствии с которой договоренность подразумевает согласие сторон с взятыми на себя обязательствами в той степени, в которой внешние обстоятельства, из которых стороны исходили при заключении договора, не изменятся существенным образом.

Гражданский оборот периода XX-XXI века в ситуации масштабных мировых экономических и государственных кризисов заставил серьезно задуматься о целесообразности сохранения договорных обязательств сторон в контексте непредвидимых, непреодолимых юридических фактов и событий, при которых исполнение договора настолько нарушает соотношение имущественных интересов, что влечет для стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

В качестве мер реакции на возникновение таких обстоятельств действующий ГК РФ предусматривает возможность изменить или расторгнуть договор при соблюдении строгого стандарта условий посредством соглашения сторон либо в судебном порядке (ч. 2 ст. 451 ГК РФ).

Особое внимание следует обратить на роль суда при предъявлении иска об изменении договора. Рассматривая подобный иск, суду надлежит принять решение о наличии или отсутствии в представленных стороной фактах всех признаков существенного изменения обстоятельств, предусмотренных ст. 451 ГК РФ.

Выявив основания, предусмотренные п.2 ст. 451 ГК РФ, у суда преимущественно перед изменением условий договора должен возникнуть вопрос о целесообразности сохранения в принципе договорных отношений между сторонами. Только в том случае, если расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон значительный ущерб, суд может принять на себя роль формулирования изменений условий договора (п. 4 ст. 451 ГК РФ), преследуя цель вернуть баланс имущественной заинтересованности между сторонами.

Вопрос о преимущественности расторжения перед изменением является дискуссионным [3], поскольку, с одной стороны, в виду неопределенности возможной практики судов, закон отдает предпочтение в пользу расторжения и нестабильности договорной основы целого оборота, с другой же стороны, суд тем самым минимизирует практику судов по их проникновению в достаточно сложные вопросы разбалансировки имущественных интересов сторон для формулирования договорных условий конкретным контрагентам.

Методологическая сложность для суда заключается в том, что, принимая решение об изменении договора, суд должен оценить эффективность сохранения договора для каждой из сторон, чтобы не возникло ситуации, где проигрыш одной из сторон от реализации договора начинал превышать выигрыш контрагента от его сохранения.

Анализируя правовую природу такого принудительного вмешательства суда в продолжение деловых отношений между сторонами, становится очевидным, что суд должен быть точно осведомлен о положении дел у конкретных контрагентов, достижение такого осведомления может достигаться путем обоснования своей позиции сторонами, представлением ими доказательств, как в пользу изменения договора, так и против. Однако, суду не во всех случаях удастся выявить действительно заложенные хозяйствующими субъектами риски при заключении договора и в полной мере оценить целесообразность вмешательства в устоявшиеся условия договора [4, с.69].

Также следует учитывать, что оценка рисков может зависеть от специфики хозяйствующих субъектов, например, банки в договорных отношениях с заемщиками, получающими валютные кредиты, имеют, как правило, возможность минимизировать свои валютные риски (за счет диверсификации своего кредитного портфеля или иным образом). Так, например, убытки банка по выданному валютному кредиту от падения курса иностранной валюты могут быть компенсированы его дополнительными доходами от того же падения иностранной валюты по привлеченным валютным вкладам. В таких ситуациях позволять банку расторгать или изменять договоры валютного кредитования было бы неправильно [5, с.31].

Также методологически Верховный суд РФ отдельно подчеркнул для судов еще большую осторожность и необходимость должной мотивировки при изменении судом условий договора: *При удовлетворении иска об изменении условий договора судам необходимо указывать, каким общественным интересам противоречит расторжение договора либо обосновывать значительный ущерб сторон от расторжения договора [6].*

Надо сказать, что актуальность ст. 451 ГК РФ приобрела на фоне пандемии covid-19 и последовавших ограничительных мер в период нестабильности эпидемиологической обстановки.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.12.2021 N Ф04-81/2021 по делу N А81-6169/2020 суд обязал продлить срок действия договора аренды земельного участка, предоставленного однократно без торгов для завершения строительства, по заявлению арендатора, который не смог его завершить из-за ограничительных мер.

В качестве правомерности изменения условий договора суд привел следующее обоснование: в период с 18.04.2020 по 30.06.2020 предпринимательская деятельность заявителя была в значительной мере затруднена, что не позволяло заявителю ИП Доника Н.С. с учетом имеющихся у нее источников финансирования строительства обеспечить надлежащее исполнение обязательств по договору аренды земельного участка и завершить строительство в срок. При этом соблюдение ограничительных мер носило обязательный характер, их нарушение влекло штрафные санкции. Учитывая данные обстоятельства и то, что соблюдение нерабочих дней также являлось обязательным, ИП Доника Н.С. обязана была приостановить свою деятельность, что повлекло отсутствие получаемого ею ранее дохода, необходимого для завершения строительства. Данные обстоятельства являются существенными, они препятствовали заявителю завершить строительство в предусмотренный срок. Ухудшение ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции является существенным изменением обстоятельств, которое не могло быть предусмотрено сторонами договора аренды при всей осмотрительности.

В вышеописанном деле, суды, изучив в совокупности источники финансирования строительства, а также соотнеся факты введения ограничительных мер на период аренды, выявили несправедливость в сохранении сроков, установленных в договоре до введения ограничительных мер. Как следствие, соотнеся баланс пострадавших интересов, суды обоснованно сохранили действие договора, продлив его сроки. Тем самым, при отсутствии нарушения интересов контрагента в лице публичного органа, суд

обеспечил защиту частного интереса, что является более соответствующим общественным интересам чем неизменное сохранение или расторжение договора.

Данная правовая позиция получила свое распространение и в иных судебных актах [8].

В качестве примера также можно привести спор о снижении арендной платы арендатору кинотеатра в связи с распространением пандемии covid-19 и введением ограничительных мер, в рамках которого суд отметил, что *распространение новой коронавирусной инфекции и связанные с ней ограничения являются существенным изменением обстоятельств по смыслу статьи 451 ГК РФ, которое стороны договора не могли разумно предвидеть, как следствие суды обоснованно пришли к выводу о необходимости изменить условия договора.*

Суды также указали, что требования истца не были направлены на улучшение положения одного субъекта за счет другого, а отвечают принципам разумности и справедливости и необходимы для восстановления баланса интересов сторон. При этом, истец не отказывается от исполнения своих обязательств по договору, а просит о снижении размера арендной платы, необходимого для восстановления деятельности по демонстрации кинофильмов [9].

Таким образом, учитывая действительную невозможность для предпринимателя осуществлять деятельность по показу кино в период самоизоляции и режима повышенной готовности, а также учитывая невозможность предвидения таких обстоятельств при заключении договора в период нормализованного эпидемиологического фона, суды обоснованно расценили данные обстоятельства как существенные, подрывающие экономическую целесообразность договора для арендатора.

Изменение договора в соответствии со ст. 451 ГК РФ к арендным отношениям возымело большую актуальность в период действия

ограничительных мер в связи с covid-19, в связи с чем отдельные суды, обобщая практику, давали рекомендации по применению ст. 451 ГК РФ [10].

Кроме того, судебной практике известны случаи, когда договор можно изменить в порядке ст. 451 ГК РФ в условиях принятия создания препятствий публичными органами по использованию имущества.

В частности, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.11.2016 N Ф04-5661/2016 по делу N А46-3991/2016, сформулирован вывод, согласно которому в случае изменения назначения арендованного земельного участка, арендатор, лишившийся возможности использовать земельный участок в соответствии с изначально оговоренным целевым назначением, вправе требовать изменения договора, поскольку иное нарушало бы права арендатора, который не должен нести риск изменения обстоятельств, связанных с изменением назначения земельного участка. Обращаясь к тексту решения суда первой инстанции по данному делу, суд решил: пункт указанного договора изложить в следующей редакции: «1.4. Целевое назначение аренды Участка: под строительство в соответствии с видом разрешенного использования земельного участка», тем самым расширив возможности по целевому использованию для арендатора [11].

Таким образом, анализ современной практики российских судов показывает, что суды крайне осторожно применяют ст. 451 ГК РФ в договорных отношениях. Объяснение этому можно найти в необходимости для суда выявлять совокупность довольно строгих условий применения ст. 451 ГК РФ, а также, в невозможности в полной мере субъективно для судьи выработать условия, которые действительно восстанавливают баланс имущественных интересов, учитывают риски заложенные сторонами в договор в той степени, в которой он был изначально. Между тем, пандемия covid-19, чрезвычайные меры по самоизоляции, ограничение на ввоз и вывоз товаров, внешнеэкономические санкции и прочие непредвидимые в нормализованном гражданском обороте обстоятельства могут настолько сильно подорвать баланс

имущественных интересов сторон, что налицо тот исключительный случай, когда уместно отступление от принципа *acta sunt servanda*, к чему суд вынужден прибегать в качестве принудительного арбитра.

Список литературы:

1. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. 346 с.
2. Модельные правила европейского частного права, ст. 6.2.1 Принципов УНИДРУА // СПС КонсультантПлюс
3. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2020. – 1324 с.
4. Скловский К.И. Проблемы применения нормы ст. 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 7. С. 64–77.
5. Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах: Сб. статей к юбилею В.В. Витрянского / Сост. С.В. Сарбаш. М., 2017. С. 19–60.
6. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС КонсультантПлюс
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.10.2021 N Ф06-7129/2021 по делу N А57-19127/2020 // СПС КонсультантПлюс
8. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27.07.2022 N Ф03-3366/2022 по делу N А04-8151/2021 // СПС КонсультантПлюс
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.09.2022 N Ф05-20917/2022 по делу N А41-79848/2021 // СПС КонсультантПлюс

10. Рекомендации круглого стола Арбитражного суда Западно-Сибирского округа «По вопросам, вытекающим из гражданско-правовых споров (утв. на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 13.05.2022 // СПС КонсультантПлюс

11. Решение Арбитражного суда Омской области от 31.05.2016 по делу № А46-3991/2016 // СПС КонсультантПлюс

Поздеева Виктория Сергеевна
Донецкий национальный университет
Юридический факультет
Россия, Донецк
pozdeeva68vika@mail.ru
Pozdeeva Victoria
Donetsk national university
Faculty of Law
Russia, Donetsk

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в современном цифровом пространстве вопросы применения искусственного интеллекта и сфера разработки интеллектуальных технологий являются крайне важными и актуальными. В статье рассматривается правовое регулирование и область применения искусственного интеллекта, как в повседневном, так и в юридическом направлениях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальные технологии, нейронная сеть, регулирование искусственного интеллекта, объект искусственного интеллекта, субъект искусственного интеллекта.

LEGAL REGULATION AND SCOPE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation: in the modern digital space, the issues of the use of artificial intelligence and the development of intelligent technologies are extremely important and relevant. The article examines the legal regulation and the scope of artificial intelligence, both in everyday and legal directions.

Key words: artificial intelligence, intelligent technologies, neural network, artificial intelligence regulation, the object of artificial intelligence, the subject of artificial intelligence.

В настоящее время в условиях масштабной и всесторонней цифровизации, активного применения высоких технологий при реализации не только отдельно взятых государственных и общественно значимых задач, но и внедрения передовых информационно-телекоммуникационных технологий в повседневную жизнедеятельность человека всё большее внимание со стороны экспертного сообщества, межправительственных организаций и отдельно взятых государств уделяется вопросам правового регулирования различных систем искусственного интеллекта.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года №1632-р [1], нейротехнологии и искусственный интеллект были отнесены к основным сквозным технологиям, их поставили на второе место после больших данных. В данной Программе большое внимание было уделено нормативному регулированию цифровой экономики и отмечено, что «регуляторная и нормативная среда имеет ряд недостатков, в ряде случаев создавая существенный барьеры на пути формирования новых институтов цифровой экономики».

Также, Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [3].

Соменко С.А. отмечает, что научные исследования в сфере искусственного интеллекта и попытки его правового обоснования велись не одно десятилетие, но только в настоящий момент стали появляться первичные основы формирования ее комплексного правового регулирования [4, с. 75-76].

Для создания нового правового регулирования в сфере искусственного интеллекта был принят Федеральный закон от 24 апреля 2020 года №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для переработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона от 24 апреля 2020 года №123-ФЗ «О персональных данных»» [5]. Исходя из положений данного закона, такой эксперимент проводится с 1 июля 2020 года в Москве в течение пяти лет. Статьи предусматривают возможность по результатам эксперимента распространения данного опыта на другие сферы жизни и другие города, однако данная идея не подкреплена в нем положениями о том, какой именно орган и каким образом их будут оценивать.

Эффективность правового регулирования искусственного интеллекта зависит от наличия прочной доктринальной основы в данной сфере. Однако законотворческие инициативы в отечественном законодательстве не имеют четкой методологической основы, а правовое регулирование нуждается в фундаментальной переработке базисных начал.

Применение искусственного интеллекта в современном мире стало важнейшим фактором развития цифровой экономики государств. Согласно результатам четвертого мониторинга глобальных трендов цифровизации, подготовленного «Ростелекомом» в 2020 году, самый стремительный рост по итогам года показали технологии дата-центров, виртуальной реальности и технологии убеждения.

На развитие правового регулирования искусственного интеллекта в России и зарубежных странах большую роль оказывают мировые тенденции. Особенно важную роль в его исследовании сыграли такие страны как США и Китай – более 80% всех мировых исследований в области искусственного интеллекта.

Формирование правовой базы для установления этических принципов регулирования искусственного интеллекта был одним из важных векторов в сфере становления каркаса международно-правового регулирования искусственного интеллекта. К концу 2021 года во всём мире были приняты более сотни различных актов, посвященных искусственному интеллекту.

В 2018 году была озвучена позиция относительно воздействия искусственного интеллекта на права человека в докладе на Генеральной Ассамблее ООН «Об ИИ и его влиянии на свободу мнений и их свободное выражение» [6]. В данном докладе было сказано, что государствам при формировании национальных программ и стратегий следует проявлять гибкость, чтобы не создать слабое правовое регулирование, способное сократить преимущества внедрения искусственного интеллекта в повседневную жизнедеятельность и ограничить развитие данной технологии. Также было обращено внимание на вопросы предвзятости и дискриминации в процессе предоставления услуг. Было подчеркнуто, что разнообразные этические установки не подменяют собой права человека, которые каждое государство обязано соблюдать, а этические рамки должны помочь в определении конкретного содержания обеспечения прав человека в конкретных условиях.

10 апреля 2018 года 25 европейских стран подписали Декларацию о сотрудничестве в области искусственного интеллекта. Государства-члены договорились совместно работать над наиболее важными вопросами, поднимаемыми в эпоху развития цифровых технологий.

Среди всех международных организаций своего рода лидером в данной сфере является Совет Европы. За последние несколько лет различными экспертными комитетами данной организации был разработан целый ряд важных документов. Использование искусственного интеллекта в работе позволяет не только автоматизировать любой процесс, но и настроить его в соответствии с конкретной задачей человека, ведомства или производства.

Касательно медицины, то в мировой истории и науке уже имело место быть практическое применение технологий в области искусственного вынашивания эмбриона. Так, первое в истории создание инкубатора для недоношенных детей было произведено в 1880 году, а к 1960 году начались эксперименты по созданию таких инкубаторов, которые бы воспроизводили функции настоящей матки. Однако в экспериментах участвовали эмбрионы животных. То есть, эмбрион выращивал инкубатор, который фактически являлся «матерью» для них. То есть, по сути, искусственный интеллект исполняет роль суррогатной матери, поскольку вынашивание эмбриона происходит в его экосистеме [7, с. 24-25, 27].

Помимо этого, компания АІМЕ ищет способы предотвратить заболевания с помощью технологий. Подход этой компании основан на анализе различных проблем, изучении трудностей и предпринятых ранее действий. Это уже помогло найти решения для некоторых заболеваний. Например, вируса Зика, лихорадки Чикунгунья. Благодаря использованию искусственного интеллекта теперь возможно предугадать заранее место, где может вспыхнуть новое заболевание и предсказать ход его дальнейшего развития.

В сфере образования уже многие школы и университеты используют технологии искусственного интеллекта в образовательных целях. Большинство из них используют искусственный интеллект для того, чтобы следить за тем, ходят ли учащиеся на занятия и выполняют ли данные им задания.

Так как мир не стоит на месте, Южная Корея начала создавать виртуальных айдолов в кпоп-индустрии. Так, первым виртуальным айдром был персонаж по имени Адами от ІТ-компании AdamSoft. Начиная с 1996 года Адам выпустил два полноформатных альбома. Но тогда технологии были не сильно развиты и возможности Адама были ограничены.

Так же в данное время на виртуальной сцене выступают женская группа Aespa от SMEntertainment; виртуальная группа K/DA, которая объединила в себе кпоп, искусственный интеллект и компьютерные игры, но за данными

виртуальными персонажами стоят реальные певицы, которые обитают во вселенной игры League of Legends; виртуальная певица YUNA, которая уже выпустила несколько треков и планирует провести концерт в метавселенной; благодаря с сотрудничеству с PUBGMobile, группа BLACPINK получила своих аватаров, и также дала виртуальный концерт, за который получила приз за лучшее выступление в метавселенной на VMA 2022; BTS же провели свой мини-концерт в виртуальной версии себя в Minecraft и были номинированы на премию за лучшее выступление в метавселенной на VMA 2022; также BTS выступали в виде голограмм с группой Coldplay, что тоже можно считать за виртуального персонажа[8].

Помимо данных сфер, искусственный интеллект также внедрен в:

1) спорт: машина помогает анализировать индивидуальные данные игроков, их технику, физическое состояние;

2) культуру: в октябре 2018 года была продана первая картина искусственного интеллекта. При создании произведения использовался специальный алгоритм генеративной состязательной сети, который проанализировал более 15 000 портретов художников XV- XX веков;

3) судебную систему: нейросети пока используются в качестве помощников. Они анализируют большие массивы данных из государственных хранилищ, берут во внимание характеристики конкретного человека, после чего выносят решение о его виновности или невиновности [9].

С внедрением более продвинутых, современных технологий искусственного интеллекта станет инструментом нашей повседневной жизни. И его использование зависит лишь от человека, в руках которого этот инструмент будет находиться.

В современном обществе искусственный интеллект стоит почти на первом месте популярности. В связи с эти возрастают споры о перспективах, и, соответственно, риски его применения.

Впервые тему о проблеме искусственного интеллекта поднял профессор Оксфордского университета Н. Бостром в своей книге «Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии» [10]. В книге, по утверждениям профессора, утверждается, что основной угрозой является не изменение климата или ядерная зима, а неизбежное создание общего машинного интеллекта, который больше, чем человеческий. Подобный тезис выдвинул С. Хокинг в своей последней книге: «Появление сверхразумных машин станет либо лучшим, либо худшим событием в истории человечества. Умные компьютеры будут наделены своей волей, которая совсем не обязательно совпадет с нашей. Эту гонку вооружений мы можем и не выиграть, так что единственное верное решение – её предотвратить» [11].

Компьютерные ПО и приложения для умных домашних систем имеют определенные особенности, которые делают их уязвимыми. Из-за того, что всё больше устройств подключаются к мировой сети, уровень осведомленности потребителей насчёт передачи, хранения и обработки данных становится низким. Люди стали больше полагаться на интернет и гаджеты не понимая, что всю информацию они передают в общедоступную сеть [12].

Технологии самообучающихся нейронных сетей находят свое прикладное применение в управлении производством. Йогеш Гупта рассказал о создании его фирмой нейронных агентов – Neugents, которые будут включены в состав новой версии системы управления предприятием Unicenter TNG. Neugents будут следить за состоянием системы, отслеживая отдельные процессы. Обнаружив необычное течение процесса, Neugents не только сообщит об этом, но и предскажет, в какой момент нестабильная работа процесса приведет к сбою системы. Агенты будут также оценивать вероятность возникновения сбоя [13].

Помимо данных внедрений, за 15 лет количество случаев внедрения искусственного интеллекта в медицинские процессы выросло почти в 62 раза. За такой значительный рост можно сказать одно – ранние технологии принесли

определенные успехи, что открыло ученым возможности для массового внедрения искусственного интеллекта.

Уже в 2018 году было задействовано более 5 тысяч роботов, которые ассистировали хирургам более чем в 1 млн. операций различной степени сложности. Хирургические роботы хорошо подходят для процедур, которые требуют одних и тех же повторяющихся действий, потому что роботы могут работать без усталости. То есть, искусственный интеллект помогает проводить сложнейшие операции в разы быстрее и эффективнее.

Данные технологии также стали частью таможенного контроля. Высокотехнологичная трансформация таможенного администрирования заложена в основу «Стратегии развития таможенной службы до 2030 года» [14]. В перспективе российской таможни будет дальнейшая цифровизация процессов и продвижение в работе методов искусственного интеллекта. На данном этапе таможенная служба ведет широкомасштабное реформирование таможенных органов. Кроме всего прочего наработан достаточно большой опыт в сфере таможенного администрирования, и усовершенствуется в новой системе координат, такой как центр электронного декларирования, электронные таможни, таможенные посты и таможни фактического контроля.

Также искусственный интеллект затрагивает непосредственно сферу юриспруденции: юристы-боты представлены в виде всплывающих окон на сайтах, прямо или косвенно связанных с юридической практикой, также в виде специальных сервисов или разделов сервисов (юрист-бот в сервисе Telegram).

Широкое распространение получили юридические онлайн-консультации и онлайн-правосудие. В России созданы юридические интернет сервисы для клиентов, такие как Pravoved.ru, которые объединяют широкую базу юристов, консультирующих по типовым вопросам [15].

В Республике Казахстан в настоящее время в судебную систему внедрены современные информационные технологии, такие как система «Төрелік», сервисы «Судебная повестка», «Ознакомление с судебными документами»,

«SMS-оповещение», система аудио и видеofиксации, дистанционное отправление правосудия посредством видео конференц-связи (ВКС).

Одним из направлений использования искусственного интеллекта в юриспруденции является оценка вероятности исходов дела. Для этого роботизированной технике необходимо ознакомиться с фабулой дела, изучить соответствующее законодательство, проанализировать предыдущую судебную практику. Новая технология, разработанная учеными Университетского колледжа Лондона, верно предсказала 79% решений Европейского суда по правам человека [16].

Глебов И.Н. предполагает, что «искусственный интеллект вполне способен стать онлайн формой негосударственной юридической защиты гражданских прав людей и организаций. Он ни в чем не подменяет государственное правосудие, не конкурирует с ним, и ни в коей мере не умаляет права на официальную судебную защиту. Вместе с тем, он помогает разгрузить государственную судебную систему от тех споров, которые могут быть урегулированы по соглашению сторон в силу закона (статья 11 ГК, статья 3 ГПК, статья 4 АПК), который поощряет решение споров миром, медиацией или третейским судом и арбитражем» [17].

Подводя итоги, можно сказать следующее. Говоря о нормативно-правовом регулировании искусственного интеллекта, необходимо понять, насколько законодательство учитывает возможность существования подобных систем и может быть применено для организации взаимоотношений и условия их использования.

Искусственный интеллект начинает захватывать всё больше новых сфер права. Наиболее оптимальным видится создание четкого разграничения зон ответственности между разработчиками и пользователями систем искусственного интеллекта и непосредственно самой технологией.

Также проблема обеспечения безопасности конфиденциальной информации, в том числе проблема обеспечения кибербезопасности и

использованием искусственного интеллекта, является одной из ключевых для всех субъектов цифровой экономики. Стоит считать проблемой самостоятельное развитие искусственного интеллекта, которое может привести к не очень утешительным последствиям.

Но помимо этого в настоящее время использование искусственного интеллекта позволило добиться огромного количества положительного результата, благодаря которому была облегчена жизнедеятельность людей. Онлайн-правосудие упрощает взаимодействие граждан с судебными органами, например, предусматривает процедуру подачи искового заявления, других процессуальных документов в электронном виде.

Также в законопроектной деятельности искусственный интеллект можно использовать, в двух направлениях:

- 1) как инструмент, обслуживающий потребности законопроектной деятельности, в том числе юридической техники;
- 2) в перспективе как робота-законодателя, который участвует в процессе разработки проекта правового решения.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. №1632-р «Об утверждении программы Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-28072017-n-1632-r/>
2. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллект в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#1000>

4. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 75-85.
5. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статье 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 №123-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/
6. Доклад ООН «Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод» [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/a/73/348>
7. Борулёва Е.Д. Роль искусственного интеллекта в искусственной репродукции и возможность правового регулирования вопроса медицинского права // Уральский журнал правовых исследований. 2022. №2 (15) . С. 20-28.
8. Annie онни. Виртуальные айдолы в кпоп-индустрии [Электронный ресурс] // URL: <https://unnie.ru/>
9. Лапушкин Андрей. Сферы применения систем искусственного интеллекта. [Электронный ресурс] // URL: <https://maff.io/sfery-primeneniya-sistem-iskusstvennogo-intellekta/#%D0%92%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>
10. Ник Бостром. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии // перевод с английского С. Филина. – Москва: «Манн, Иванови Фербер», 2016. 166 с.
11. Hawking S. Brief Answers to the Big Questions. – London, Random House LLC, 2018. 256 с.

12. Искусственный интеллект как угроза конфиденциальности [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vpnside.com/ru/iskusstvennyj-intellekt-kak-ugroza-konfidentsialnosti/>
13. McKay D. P., Shapiro S. C. Using active connection graphs for reasoning with recursive rules. In Proceedings of the Seventh International Joint Conference on Artificial Intelligence. – Los Altos, CA, 1981. С. 368-374.
14. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. №1388-р [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/62debeae95a59b101c046143d08662125b1b4032/
15. Цветкова Ирина. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция [Электронный ресурс] // URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech/>
16. Жаржаныбеков М., судья Актюбинского областного суда. Искусственный интеллект в юриспруденции. 2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zakon.kz/4897293-iskusstvennyu-intellekt-v.html>
17. Глебов И.Н. Искусственный юридический разум // Сетевой научный юридический журнал. Гуманитарное право [Электронный ресурс] // URL: <https://humanlaw.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html>

Скорик Ксения Александровна
Московский городской педагогический университет
Институт права и управления
Россия, Москва
skorik901@yandex.ru
Skorik Ksenia Alexandrovna
Moscow City Pedagogical University
Institute of Law and Management
Russia, Moscow

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Аннотация: в данной статье рассматривается история возникновения принципа добросовестности в гражданском праве. Определяется сущность и значение добросовестности в гражданском обороте. Предлагается решение проблемы, связанной с толкованием принципа добросовестности.

Ключевые слова: принцип добросовестности, справедливость, мораль, гражданский оборот, законодательство.

PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE PRINCIPLE OF CONSISTENCY IN THEORY AND IN PRACTICE

Annotation: this article repeats the history of the emergence of bad faith in civil law. The essence and meaning of conscientiousness in civil circulation is determined. A solution to the problem related to the interpretation of the protection of good faith is proposed.

Key words: the principle of good faith, justice, morality, civil circulation, legislation.

В основе отношений, регулируемых Гражданским кодексом РФ, лежат базовые принципы, которые предопределяют содержание каждого института в гражданском праве. Под принципами гражданского права понимаются основные начала отрасли права, которые определяют сущность правоотношений и образуют фундамент самой отрасли права. К основным принципам гражданского права относятся: равенство участников правоотношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость вмешательства в частные дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, запрет злоупотребления правом, обеспечение восстановления нарушенных прав и их судебной защиты (ст. 1 ГК РФ) [1]. Стоит заметить, что принцип добросовестности является одним из основополагающих начал гражданского законодательства. Данный принцип в цивилистической доктрине является дискуссионным, так как существуют разногласия в понимании его сущности и содержания.

Обратимся к истории возникновения принципа добросовестности в гражданском праве. Впервые упоминание данного принципа можно увидеть в Русской Правде. В данном своде законов принцип добросовестности рассматривается скорее, в рамках уголовного права, так, например, в случае если устанавливалось, что лицо добросовестно владеет вещью, то его освобождали от обвинения в хищении [12, с. 61].

Стоит упомянуть, что понятие добросовестности используется в Соборном Уложении 1649 г. В данном нормативно-правовом акте используется понятие «доброй воли», которое близко по смыслу к современному понятию добросовестности. Данное понятие было установлено по отношению к возможности оспаривания заключения сделки, а смысл и последствия применения «доброй воли» были схожи с современными [12, с. 63].

Позже данный принцип нашел свое отражение в Своде законов Российской империи 1900 года, где рассматривались вопросы толкования сделки, связанные с доброй совестью, а не с ее действительностью. Также

понятие добросовестности встречается в советском законодательстве, например, в ГК РСФСР 1922 г. и ГК РСФСР 1964 г. На данном историческом периоде понятие добросовестности применялось к институту виндикации в качестве защиты добросовестного приобретателя. Стоит отметить, что принцип добросовестности до закрепления его в современном законодательстве прошёл достаточно длительный путь становления.

В современное российское законодательство принцип добросовестности был введён 1 марта 2013 года Федеральным законом от 30.12.2012 [3]. Данный принцип закреплён в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ. Стоит отметить, что принцип добросовестности существовал на практике до официального закрепления в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ, но в судебной практике его применяли не часто. При этом толкование данного принципа закреплено в ст. 10 ГК РФ, в которой прописаны пределы осуществления гражданских прав. Заметим, что ещё многие статьи ГК РФ регламентируют добросовестность (ст. 53, 234, 302, 602 и др.), но определения добросовестности в ГК РФ так и не закреплёно. Также принцип добросовестности до внесения изменений в ГК РФ встречался в некоторых федеральных законах. Например, в федеральном законе «Об акционерных обществах» [2]. То есть в современном законодательстве термин «добросовестность» можно встретить не только в ГК РФ, но и в других нормативно-правовых актах РФ, но несмотря на активное использование данного термина в законодательстве и закрепления его как принципа гражданского права, точного определения так и не выявлено.

Однако стоит отметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 в п. 1 приводится толкование данного принципа. Поясняется, что согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ участники при исполнении своих обязательств должны действовать добросовестно. Также закреплено, что при оценивании действий сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей

в том числе в получении необходимой информации. Отражены случаи, в которых поведение одной из стороны может быть установлено недобросовестным, также прописаны меры, применяемы при признании недобросовестного поведения одной из стороны [5]. Таким образом, Верховный Суд РФ, дал толкование принципу добросовестности, но при этом не сузил его понимание, оставляя судьям на практике возможность самим определять в каждом конкретном случае поведение субъекта гражданского права является добросовестным или нет.

Важность введения принципа добросовестности в ГК РФ можно объяснить появлением новых тенденций развития в обществе. Во-первых, информационные технологии получили большое распространение, во-вторых, произошла демократизация общественных отношений, поэтому человек получил более широкую степень свободы для реализации своих прав и интересов [8, с. 165]. Соответственно, видоизменились возможности злоупотребления правами в современных реалиях, поэтому в обществе появилась потребность к укреплению нравственных отношений между участниками правоотношений.

Принцип добросовестности действует тогда, когда нормы права перестают действовать в соответствии с целями правоотношений, но в законодательстве не закреплены ситуации, которые требуют применения данного принципа для разрешения спорных ситуаций. Соответственно, судья, при вынесении решения на основе принципа добросовестности, обязан его аргументировать и сослаться на ст. 1 ГК РФ.

Изучив историю появления принципа добросовестности и значение его в современном законодательстве, обратимся к разным мнениям учёных, которые объясняют сущность принципа добросовестности в гражданском праве и дают определение термину «добросовестность».

С. Сарбаш утверждает, что принцип добросовестности имеет больше значение для обязательственного права. Учёный придерживается мнения, что

требование добросовестного поведения даёт возможность разрешить некую ситуацию при обнаружении несправедливого, когда отсутствует конкретная норма [11, с. 24]. То есть в случае, если субъект гражданского права не знает какую конкретно норму нарушил его контрагент, но очевидно понимает, что его права нарушены и он, например, несет убытки, то такой субъект может обратиться в суд лишь на основании недобросовестного поведения другого лица. Таким образом, С. Сарбаш считает, что справедливость и добросовестность по своему содержанию равны, но с данным утверждением соглашаются далеко не все учёные.

Цивилист И.Б. Новицкий тоже рассматривал принцип добросовестности и взаимосвязи добросовестности со справедливостью в гражданском праве. При этом учёный утверждает, что добросовестность не совпадает с идеей справедливости. И.Б. Новицкий полагает, что принцип добросовестности нужно рассматривать как нравственно-этический принцип, который применяется при толковании уже существующих или новых норм и учитывает нормы морали и нравственности [10, с. 65]. Можно сделать вывод, что для И. Б. Новицкого принцип добросовестность – это нравственная категория, которая должна регулировать отношения между субъектами больше не с правовой стороны, а со стороны уважения друг другу, моральных правил.

Стоит отметить, что позиция Е.В. Богданова очень схожа с мнением И.Б. Новицкого, так как он понимает под добросовестностью совокупность представлений о нравственных нормах, которых обязана придерживаться участники правоотношений [7, с. 13]. Можно сделать вывод, что в науке существуют схожие точки зрения по данному вопросу, но существуют совсем иные мнения.

Обратимся к позиции М.М. Агаркова, который утверждает, что добросовестность строится на доверии, которое должно быть между участниками правоотношений по отношению друг к другу. По мнению учёного, принцип добросовестности обозначает недопущение прямого или косвенного

обмана, а также использование заблуждения или непонимания [6, с. 32]. Таким образом, позиция Агаркова несколько отличается от мнения других учёных, так как он рассматривает принцип добросовестности именно в наличии доверия между контрагентами и отсутствии злоупотребления правом в отношениях.

Рассмотрим мнение Т.В. Новиковой, которое отличается от рассмотренных нами выше. Новикова утверждает, что добросовестность имеет два смысла: субъективный и объективный. В субъективном смысле добросовестность – это знание о чем-либо, в объективном – это добропорядочность [9, с. 23]. А под добропорядочностью понимается совокупность достойных в обществе норм и правил поведения. Таким образом, Новикова считает, что под добросовестностью не стоит понимать справедливость и разумность, что полностью противоречит мнениям учёных, рассмотренных ранее.

Рассмотрев разные точки зрения учёных, мы считаем, что добросовестность необходимо понимать, как нравственно-этический принцип. В основе данного принципа лежат мысли, идеи, правила поведения, основанные на нравственных устоях.

Изучив законодательство, судебную практику и мнения учёных в области гражданского права, можно сделать вывод, что в цивилистической доктрине до конца не определена сущность принципа добросовестности в гражданском праве, но данный принцип является универсальным и важным принципом российского права.

По нашему мнению, законодательство нуждается в дополнительном разъяснении принципа добросовестности, однако строгое закрепление данного принципа, возможно, и не требуется, так как в каждой ситуации добросовестность проявляется и понимается по-разному, соответственно, решение вопроса о добросовестном и недобросовестном поведении остаётся на судебное усмотрение. Возможно, Верховному Суду РФ стоит рассмотреть частные ситуации при применении принципа добросовестности, но при этом не

исключать другие толкования. Ведь правоотношения меняются, соответственно, добросовестность и ее понимание в обществе тоже изменяются, поэтому законодательство не нуждается в точном и строгом закреплении данного принципа.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. № 248. 29.12.1995.
3. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 3. 11.01.2013.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в 172 состав органов юридического лица». // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.
6. Арсанукаев Т.Д. Добросовестность как принцип гражданского права // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 9 (49). 2020. С. 31-35.
7. Богданов Е.В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 12-14.
8. Ловчикова Ю. В. Принцип добросовестности в гражданском праве как гарант прав человека в XXI веке // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 164-173.
9. Новикова Т.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве: специальность 12.00.03 // Гражданское право; предпринимательское

право; семейное право; международное частное право: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону. 2009. 26 с.

10. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права 2006. № 6. С. 56-90.

11. Сарбаш С. Исполнение обязательств // Хозяйство и право. 2009. № 3. С. 23-47.

12. Цицилина К. А. История становления принципа добросовестности в российском гражданском праве // Социально-гуманитарные науки в информационном обществе: перспективы и потенциал: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 24 декабря 2020г.: Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). 2020. С. 59-64.

Тимофеева Виктория Владиславовна
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
Институт публичного права и управления
Россия, Москва
timofeevawork@yandex.ru
Timofeeva Viktoria
Kutafin Moscow state law university
Institute of public law and administration
Russia, Moscow

К ВОПРОСУ О ДОСРОЧНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА В СВЯЗИ С ЕГО НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием. Автор затрагивает вопросы изменения товарного знака вследствие ребрендинга и рестайлинга, а также рассуждает о проблемах доказывания в спорах о номинальном использовании товарного знака.

Ключевые слова: товарный знак, заинтересованное лицо, номинальное использование, неиспользование товарного знака, исключительное право на товарный знак, прекращение правовой охраны товарного знака.

TO THE QUESTION OF EARLY TERMINATION OF THE LEGAL PROTECTION OF A TRADEMARK IN CONNECTION WITH ITS NON- USE

Annotation: this article discusses the features of the early termination of the legal protection of a trademark in connection with its non-use. The author touches upon the

issues of changing a trademark due to rebranding and restyling, and also discusses the problems of proof in disputes over the nominal use of a trademark.

Key words: trademark, interested party, nominal use, non-use of a trademark, exclusive right to a trademark, termination of legal protection of a trademark.

В соответствии с п. 1 ст. 1486 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) правовая охрана товарного знака может быть прекращена судом досрочно в отношении всех товаров или части товаров, для индивидуализации которых он зарегистрирован, если правообладатель не использует товарный знак непрерывно в течение любых трех лет после его государственной регистрации [1]. Следовательно, при соблюдении данных условий заинтересованное лицо, предварительно направив правообладателю товарного знака предложение обратиться в Роспатент с заявлением об отказе от права на товарный знак либо заключить договор об отчуждении исключительного права на товарный знак и получив отказ, может обратиться в суд с исковым заявлением о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием. При этом именно правообладатель должен доказать, что он использовал спорный товарный знак для идентификации товаров в своей хозяйственной деятельности (п. 3 ст. 1486 ГК РФ). Если он не сможет этого сделать, то правовая охрана товарного знака прекращается с даты вступления в законную силу решения суда. В таком случае заинтересованное лицо вправе обратиться в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) с заявлением о регистрации спорного товарного знака за собой.

Однако для начала стоит разобраться, что подразумевается под использованием товарного знака. Использование товарного знака подразделяется на фактическое (реальное) и номинальное [2, с. 866]. Под фактическим использованием принято считать непосредственное связанное с введением индивидуализируемых объектов в гражданский оборот применение средств индивидуализации на товарах, включая этикетки, упаковки таких

товаров, их использование при выполнении работ и оказании услуг. По смыслу пп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ использованием товарного знака является не только его размещение на товарах, которые производятся, предлагаются к продаже, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот

В отличие от фактического, номинальное использование как правило связано не напрямую с товарами, работами, услугами, а с деятельностью, сопутствующей их производству или реализации [3, с. 24]. Например, размещение товарных знаков на буклетах, вывесках, бланках и т.п. Таки образом правообладатель имеет возможность сохранить свои права на товарный знак даже в случае отсутствия реального его использования. Данный подход особенно актуален при ребрендинге или рестайлинге компании.

Ребрендинг — это смена идеологической и имиджевой части компании. Рестайлинг же представляет собой процесс смены только имиджевой части компании, путем внесения изменения в атрибуты бренда [4, с. 71]. Процесс ребрендинга и рестайлинга может быть вызван построением новой стратегии развития компании, сменой подхода к её позиционированию на рынке, изменениями в продуктах или услугах [5, с. 44]. Вне зависимости от причин, перед правообладателем возникает необходимость в доработке или же существенном изменении товарного знака вплоть до создания нового ранее незарегистрированного, что несет существенный риск возникновения судебного разбирательства по вопросу о досрочном прекращении правовой охраны такого товарного знака в связи с неиспользованием.

При доработке («несущественном изменении») товарного знака общее зрительное впечатление от знака не меняется. Она может касаться тонов цветовой гаммы, шрифта, отдельных словесных элементов. Поэтому, при условии, что такие преобразования не затрагивают основные элементы средства индивидуализации, суд может расценить это как использование ранее зарегистрированного товарного знака и откажет истцу в исковых требованиях.

Данная позиция подтверждается содержанием п. 2 ст. 1486 ГК РФ. Сходное положение встречается и в пп. 2 п. С ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20.03.1883, где устанавливается, что «применение товарного знака его владельцем в такой форме, которая отличается от зарегистрированной...лишь отдельными элементами, не изменяющими отличительного характера знака, не влечет за собой признания недействительности регистрации и не ограничивает охрану, предоставленную знаку» [6].

Тем не менее действующее законодательство не отвечает на вопрос, что понимать под формулировкой «использованием товарного знака с изменением его отдельных элементов, не меняющим существа товарного знака». Схожая формулировка также встречается в п. 1 ст. 1505 ГК РФ, где упоминается, что по заявлению правообладателя Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) вносит в Государственный реестр товарных знаков и выданное свидетельство сведения об «изменении отдельных элементов товарного знака, не меняющие его существа».

Далее согласно пп. 5 п. 73 Административного регламента при рассмотрении такого заявления эксперт должен проверить обоснованность вносимых изменений, включая обязанность установить отсутствие «изменения товарного знака по существу, приводящего к изменению восприятия товарного знака в целом или его основных (занимающих доминирующее положение и влияющих на восприятие знака в целом) элементов» [7].

В соответствии с п. 69 Правил, утвержденных Приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 (далее - Правила регистрации знаков) изменения обозначения признаются существенными, если они «в значительной степени изменяют восприятие обозначения в целом или его основных (т.е. занимающих доминирующее положение и влияющих на восприятие обозначения в целом) элементов» [8].

В качестве примеров изменений, которые можно отнести к существенным, приводятся:

1. включение или исключение из знака доминирующего элемента (словесного, изобразительного);
2. семантическое или смысловое изменение основного словесного элемента;
3. изменение графики или семантики основного изобразительного элемента;
4. изменения в цветовой гамме (палитре), влияющей на восприятие обозначения.

Как можно было заменить, в вышеперечисленных правовых актах также встречается словосочетание «восприятие товарного знака». Из существа приведённых норм можно прийти к выводу, что вносимые изменения не должны приводить к ситуации, когда весь знак воспринимается иначе. По сути, можно сказать, что образуемый посредством несущественных изменений товарный знак должен быть сходным до степени смешения с изначально зарегистрированным обозначением. Так согласно п. 41 Правила регистрации знаков «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия».

Следовательно, на данный момент регулирование данного вопроса представляется весьма пространственным, что связано с отсутствием четких критериев и многоступенчатостью толкования отсылочных норм. Поэтому экспертам и судьями приходится решать вопрос о «несущественном изменении» товарного знака по своему усмотрению, опираясь на имеющуюся судебную практику и практику Роспатента.

В качестве примера можно привести Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 10.02.2021 № С01-19/2021 по делу № СИП-516/2020, где судом было установлено, что черный фон, на котором выполнено

словесное обозначение, оригинальным не является, а следовательно, не может акцентировать внимание потребителя [9].

Ситуация же существенного изменения товарного знака, как и создания совершенного нового, характерна для ребрендинга. Тогда перед правообладателем встает вопрос о том, как сохранить свои права на ранее зарегистрированный товарный знак, который планируется использовать в дальнейшем в коммерческой деятельности.

Представим возможную ситуацию. Компания «А» с января 2012 года по декабрь 2017 года осуществляло предпринимательскую деятельность в сфере розничной торговли косметических и парфюмерных товаров под коммерческим обозначением «Арома», зарегистрированным в качестве товарного знака. В январе 2018 года компания «А» приняла решение о ребрендинге. Для сети розничных магазинов было придумано новое название: «Парфа». В рамках проведения мероприятий по ребрендингу произошла замена вывесок, были выпущены новые рекламные листовки, дисконтные карты. Однако во избежание лишних затрат руководство компании решило, что в отношении старых клиентов замена карт производиться не будет, о чем было объявлено на официальном сайте компании. Помимо прочего товары потребителей продолжали упаковывать в пакеты, обозначенных товарным знаком «Арома». Также компания «А» планировала использовать товарный знак «Арома» в дальнейшем в предпринимательской деятельности. В мае 2021 года компания «Б», предварительно направив предложение заинтересованного лица, на который компания «А» ответило отказом, предъявила иск в суд к компании «А» о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие неиспользования (спорный период 01.01.2018-01.05.2021).

Данная ситуация может быть рассмотрена с двух сторон. Отстаивая позицию компании «А», стоит обратить внимание на ряд существенных моментов. Во-первых, до сведения потребителей была доведена информация о том, что дисконтные карты с обозначением «Арома» продолжают действовать.

Поэтому потребители продолжили ими пользоваться, а значит данные дисконтные карты находились в обороте. Факт нахождения дисконтных карт в обороте может быть подтвержден суточными отчетами о проведенных кассовых операциях, отражающие сведения о использовании дисконтных карт с обозначением «Арома». При этом исходя из административной практики Федеральной антимонопольной службы РФ, дисконтная карта является идентификационным документом, подтверждающим право на получение скидок, одновременно позволяющим магазинам вести базу клиентов, отслеживать их потребительские предпочтения, рост или сокращение продаж и своевременно принимать необходимые меры [10]. Следовательно дисконтная карта является ничем иным как документацией, связанной с введением товаров в гражданский оборот, что коррелируется с положениями ст. 1484 ГК РФ.

Настоящая позиция подтверждается имеющейся судебной практикой. Так в Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.04.2016 № С01-49/2016 по делу № СИП-505/2015 суд указал, что маркировка товарным знаком дисконтных карт и их предъявление на кассе при розничной продаже товаров может быть рассмотрена как его использование [11].

Во-вторых, товары потребителей упаковываются в пакеты с надписью «Арома», что подтверждает использование товарного знака «Арома» путем введения его в гражданских оборот при упаковке косметических продуктов способами, указанными в пп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ.

В-третьих, компания «А» намерена продолжить использовать спорное обозначение в своей предпринимательской деятельности. Безусловно такое намерение не является фактом, свидетельствующим об использовании товарного знака, однако в совокупности с иными обстоятельствами оно может подкреплять позицию ответчика в суде при наличии противоречивых моментов. Так компания «А» может планировать открыть магазины нового формата, позволяющего сохранять большой ассортимент брендов при использовании усеченной матрицы товаров, основу которой составляют только

самые популярные продукты, под названием «Арома» и подтвердить это намерение разработанным бизнес-планом.

Такая практика является достаточно частым явлением. Например, сеть флагманских парфюмерно-косметических магазинов «Золотое яблоко» запустила открытие сети магазинов нового формата под товарным знаком «Apple Vox», представляющие собой помещения небольшой площади, где покупатели могут приобрести продукты-бестселлеры. При этом в магазинах «Apple Vox» действует система лояльности магазинов «Золотое яблоко» [12].

В-четвертых, компания «А» может настаивать на том, что потребители отождествляют товарный знак «Арома» с продукцией и услугами компании. В Определении Верховного суда РФ от 11.01.2016 № 300-ЭС15-10765 по делу № СИП-530/2014 высказана позиция, что цель заинтересованного лица может быть достигнута только в случае, если потребитель более не ассоциирует товары (услуги) конкретного лица с конкретным товарным знаком [13]. В этой связи стоит учитывать, что компания «А» начало свою основную деятельность по производству и продаже парфюмерной продукции еще в 2012 году. За это время с большой степенью вероятности товары компании могли приобрести широкую известность, а индивидуализирующее их обозначение «Арома» – различительную способность. В таком случае компании «А» необходимо обратиться к независимой организации, специализирующейся на социологических исследованиях и имеющей опыт сбора доказательств для суда. Например, в государственную научную организацию «Лаборатория социологической экспертизы Института социологии РАН», чьи экспертизы соответствуют требованиям Роспатента и Суда по интеллектуальным правам. Данная организация должна будет провести опросы потребителей в городах, где открыты магазины «Парфа», с постановкой вопроса о том, ассоциируют ли они обозначение «Арома» с товарами и услугами компании «А» и с сетью парфюмерных магазинов «Парфа». Опрос также позволит установить, в

течение какого времени потребители знают товарный знак, как давно и благодаря каким источникам они сталкивались с обозначением [14].

С другой стороны, истец может ссылаться на мнимое использование товарного знака. Так стоит обратить внимание на соотношение находящихся в обороте старых дисконтных карт по отношению к невыпущенным. Заинтересованное лицо должно доказать, что количество клиентов с дисконтными картами «Парфа» в несколько раз больше, чем клиентов с дисконтными картами «Арома». В этой связи, даже если ответчик докажет фактическое использование дисконтных карт «Арома», то объем их использования по отношению к общему количеству карт, принимаемых в магазинах «Парфа», будет символическим. К аналогичному выводу приходим в вопросе использования старых упаковочных пакетов. Более того, данная ситуация может быть расценена как недобросовестное поведение (ст. 10 ГК РФ), связанное с отсутствием реального намерения использовать товарный знак. Такие «мертвые» товарные знаки в условиях мнимого использования будут оставаться препятствием для регистрации сходных товарных знаков, в которых действительно заинтересованы другие добросовестные предприниматели. Что же касается социологических опросов, несмотря на широкую практику их использования в судебных процессах (например, в споре ООО «Яндекс» и ООО «Афиша» по поводу товарного знака «Яндекс. Афиша»), их правовой статус как доказательств шаток в отсутствии единой методологии проведения опросов [15, с. 202]. Что делать в ситуации, когда обе стороны представляют результаты социологических опросов, противоречащих друг другу? Представляется, что в данном случае они не будут иметь доказательственного значения, а проведение третьего опроса вряд ли как-то изменит ситуацию.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что на протяжении долгих лет существования норм о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования ежегодно возникает и

рассматривается несколько сотен таких споров, каждый из которых обладает своей спецификой. Истцам приходится исхитряться, чтобы доказать фактическое использование товарного знака, а ответчики вынуждены быть максимально осмотрительным, парируя аргументы крупных игроков на рынке, получивших широкую известность.

Список литературы:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
2. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2011. 958 с.
3. Гаврилов Э.П. Последствия неиспользования товарного знака: практика применения статьи 1486 ГК РФ и предложения по ее совершенствованию // Патенты и лицензии. 2016. №7. 23 – 29 с.
4. Курилкина М.В. Ребрендинг как альтернатива ликвидации бизнеса // Economics. 2018. №3 (35). 70 – 72 с.
5. Соколова Г. Товарный знак: инструкция по применению // Юридический справочник руководителя. 2013. № 5. 43 – 47 с.
6. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон. № 7. 1999.
7. Приказ Роспатента от 31.08.2020 № 119 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по внесению изменений в государственные реестры товарных знаков и знаков обслуживания, географических указаний и наименований мест происхождения товаров Российской Федерации, в Перечень общеизвестных в Российской Федерации товарных знаков, а также в свидетельства на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, на общеизвестный товарный знак»

(Зарегистрировано в Минюсте России 15.09.2020 № 59847) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

8. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2015 № 38572) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

9. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 10.02.2021 № С01-19/2021 по делу № СИП-516/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Алтайского краевого УФАС от 03.09.2014 по делу № 102-АД(НК)07-14 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.04.2016 № С01-49/2016 по делу № СИП-505/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Правила продажи товаров в интернет-магазине «Золотое яблоко» [Электронный ресурс] // URL: <https://goldapple.ru/documents#loyalty-program> (дата обращения: 01.12.2022).

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.01.2016 по делу № 300-ЭС15-10765, СИП-530/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Доказательство использования товарного знака [Электронный ресурс] // URL: <https://socexpertiza.ru/use.php> (дата обращения: 01.12.2022).

15. Батыков И. В., Батыков В. В. Арбитражные споры о сходстве до степени смешения: использование социологических исследований в качестве доказательств // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9 (часть 1). 201 – 203 с.

УДК 347

Тимофеева Виктория Владиславовна
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
Институт публичного права и управления
Россия, Москва
timofeevawork@yandex.ru
Timofeeva Viktoria
Kutafin Moscow state law university
Institute of public law and administration
Russia, Moscow

КРЕДИТНЫЙ ДОГОВОР: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в данной статье анализируется правовая природа кредитного договора в сравнении с договором займа, а также раскрывается комплексность его правового регулирования. Кроме того, автор приводит проблемы правового регулирования кредитования и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: договор кредитования, банки, кредит, кредитор, договор займа, договор потребительского кредита.

LOAN AGREEMENT: LEGAL NATURE AND MAIN PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation: this article analyzes the legal nature of a loan agreement in comparison with a loan agreement, and also reveals the complexity of its legal regulation. In addition, the author cites the problems of legal regulation of lending and suggests ways to solve them.

Key words: loan agreement, banks, credit, lender, loan agreement, consumer loan agreement.

Глобальная экономика, в которую входит и российская экономическая система со своей кредитно-банковской системой, по мере своего развития регулярно сталкивается с тяжелыми кризисными явлениями, требующими незамедлительной реакции для их преодоления. Поэтому наличие стабильной кредитно-банковской системы является важным условием для становления и развития экономики. Кредитные отношения способствуют обеспечению экономического роста, как банков, так и их клиентов. Помимо экономической функции они играют важнейшую социально-политическую роль, способствуя развитию предпринимательства и, как следствие, повышению благосостояния и уровня жизни населения [1, с. 34]. Так в целях развития предпринимательской деятельности необходимо обеспечить возможность своевременного получения кредита юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Граждане также повсеместно используют кредиты для удовлетворения собственных потребностей. Кредитные денежные средства могут быть использованы как на приобретение потребительских товаров, так и на более капитальные вложения по типу машины, квартиры и так далее.

Однако такие правоотношения не могут устойчиво развиваться без эффективной системы правового регулирования, позволяющей соответствующим субъектам быстро и гибко реагировать на изменения ситуации в экономике.

Для начала необходимо рассмотреть правовые основы и законодательную базу кредитования в целом, а также выделить отличия и схожесть кредитного договора с договором займа.

В соответствии с отечественным законодательством, заемно-кредитные правоотношения могут быть выражены в разных формах. Они могут существовать как в виде договора займа, так и в виде кредитного договора. Причем законодатель поместил данные правоотношения в единую 42 главу Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], которая названа «Заем и кредит».

При этом проведение аналогии между договором займа и кредитным договором уместно, поскольку в силу прямого указания в п. 2 ст. 819 ГК РФ большинство норм, регулирующих договор займа, применяются к правоотношениям по кредитованию, если иное не предусмотрено законом и не вытекает из существа кредитного договора.

Исходя из анализа ряда норм права можно выделить характерные признаки кредита. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 819 ГК РФ, под кредитом следует понимать исключительно денежную сумму, предоставленную заемщику заимодавцем, имеющим статус банка или иной кредитной организации, с обязательством возврата и выплаты обусловленной платы в виде процентов и иных платежей за пользование суммой кредита на основании кредитного договора.

Из данного определения следует, что кредитный договор является консенсуальным, а значит вступает в силу с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям, закрепленным в законе.

Такой договор является двусторонне обязывающим: кредитная организация обязана предоставить кредит, а заемщик обязан вернуть полученный кредит и уплатить проценты, в отдельных случаях также выполнить иные обязательства.

Еще одной особенностью кредитного договора является то, что он считается возмездным. Так выплата процентов за пользование кредитом и иных платежей является обязательной в соответствии с п. 1 ст. 819 ГК РФ. В то время как заем может быть процентным и беспроцентным.

Однако на практике безвозмездность кредита возможна при пользовании кредитной банковской картой в течение льготного периода [3, с. 82]. В таком случае можно предусмотреть, что проценты не подлежат уплате, если заемщик вернет сумму кредита до истечения льготного периода.

Риск невозврата кредита заемщиком лежит исключительно на кредиторе, поэтому он должен иметь возможность принять самостоятельное взвешенное

решение, является ли потенциальный заемщик платежеспособным. В ином случае существование банковской отрасли может быть нерентабельной из-за огромного количества невозвращенных кредитов. С этой целью законодатель предусмотрел в части 5 статьи 7 Федерального закона «О потребительском кредите» положение о том, что «по результатам рассмотрения заявления заемщика о предоставлении потребительского кредита (займа) кредитор может отказать заемщику в заключении договора потребительского кредита (займа) без объяснения причин, если федеральными законами не предусмотрена обязанность кредитора мотивировать отказ от заключения договора» [4]. Суды распространили указанную позицию и на другие виды кредита [5]. Исходя из вышеуказанного можно заключить, что кредитный договор не является публичным договором.

Сторонами кредитного договора могут выступать банк или иная кредитная организация (кредитор) и заемщик (должник). В качестве кредитора могут выступать только те юридические лица, которые имеют специальную лицензию Центрального банка РФ, на основании чего они получают право именоваться банком или иной кредитной организацией. Следовательно кредитный договор всегда является предпринимательской сделкой, в отличие от договора займа, который может быть заключен между двумя физическими лицами, не имеющими цели получения коммерческой выгоды. Заемщиком является любой субъект гражданского права: юридические и физические лица или государство, которые приобретают статус должника по кредитному договору.

Таким образом, кредитные отношения регулируются не только Гражданским кодексом РФ, но и рядом других нормативно-правовых актов, среди которых можно выделить Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» [6] и Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее - Закон «О Банке России») [7].

Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» содержит положения о процентных ставках по договору кредита, способах обеспечения возвратности кредита. Отдельно стоит выделить статью 30 закона, где перечисляются существенные условия кредитного договора, а именно указание в договоре:

1. процентных ставок по кредитам и депозитам (вкладам);
2. стоимости банковских услуг;
3. сроков выполнения услуг, в том числе сроки обработки платежных документов;
4. имущественной ответственности сторон за нарушение договора, включая ответственность за нарушение обязательств по срокам осуществления платежей;
5. порядка его расторжения.

В свою очередь Закон «О Банке России» устанавливает процентные ставки Банка России, закрепляет правила предоставления кредитов Банком России, обеспечение кредитов Банка России, права на обслуживание определенных лиц и т.д.

Одна из наиболее острых проблем в области кредитования, требующая внимания со стороны государства – это проблема невозвратности кредитов. Решение этого вопроса возможно путем проработки отдельных положений, позволяющих объективно оценивать платежеспособность заемщика еще на этапе рассмотрения заявки на получение кредита.

Например, в случае невозврата кредита по обстоятельствам, не зависящим от заемщика, а также приводящим к его финансовому неблагополучию, некоторые банки лояльно относятся к положению своих клиентов и используют в своей практике различные программы реструктуризации долгов, а также возможность взять кредитные каникулы, иными словами – возможность не выплачивать задолженность по кредиту либо

производить выплаты по кредитному обязательству с учетом сниженного размера ежемесячного платежа.

Упомянув кредитные каникулы, необходимо отметить, что и обладатели ипотечных кредитов имеют право воспользоваться ими. Размер выплат временно приостанавливается или сокращается их размер с помощью переноса выплат в конец графика платежей на срок до полугода без отрицательных отметок в кредитной истории, а также без риска изъятия недвижимости. Льготный период закреплен в Федеральном законе от 01.05.2019 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа, которые заключены с заемщиком – физическим лицом в целях, не связанных с осуществлением им предпринимательской деятельности, и обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, по требованию заемщика» [8].

С невозвратом кредитов можно столкнуться также и вследствие финансовой неграмотности населения. Государству стоит позаботиться о проведении бесплатных консультаций для потенциальных заемщиков с целью предоставления им доступной информации обо всех кредитных продуктах банков. Важно, чтобы мнение таких граждан формировалось не под влиянием рекламных кампаний банков и иных кредитных организаций, а было объективным. Повышение финансовой грамотности населения поможет разрешить в том числе и проблемы мошенничества в сфере банковского кредитования.

Существует спор вокруг необходимости введения законодательного ограничения ставок по кредитам. В настоящее время они чаще всего регулируются рыночными условиями, а также зависят от ключевой ставки Центрального Банка РФ.

В статье 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» закреплено, что процентные ставки по кредитам, а также порядок их определения, в том числе определение величины процентной ставки в

зависимости от изменения условий, предусмотренных в кредитном договоре, устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусматривается федеральным законодательством.

Однако в части 23 статьи 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» содержится исключение, которое устанавливает максимальную процентную ставку по потребительскому кредиту в размере 1 процента в день или 365 процентов в год. Таким образом, государство принимает меры борьбы с обременительными процентными ставками в кредитных правоотношениях с гражданами.

Стоит отметить, что в марте 2022 года Государственная Дума РФ рассмотрела и одобрила в первом чтении законопроект о снижении процентных ставок по указанным кредитам, который определяет максимальную ежедневную процентную ставку по потребительским кредитам в размере 0,8 процентов в день или 292 процента годовых [9]. Данная мера прежде всего направлена на обеспечение доступности финансовых услуг самозанятым, поскольку кредитные организации редко предоставляют им такой же кредитный продукт, как и другим субъектам малого и среднего предпринимательства ввиду небольшой величины дохода самозанятых и отсутствия у них залогового имущества. Поэтому самозанятые вынуждены обращаться в микрофинансовые организации. Следовательно принятие законопроекта будет способствовать улучшению имиджа микрофинансовых организаций как кредиторов, предоставляющих потребительские микрозаймы на короткий срок и на незначительные суммы.

Другая проблема, насущная в первую очередь для должников, заключается в передаче кредитной организацией при нарушении кредитных обязательств со стороны заемщика права по взысканию задолженности коллекторским агентствам несмотря на то, что в такой ситуации может серьезно пострадать репутация самого банка. Такие риски возникают из-за того, что не все коллекторы действуют законными способами.

Заемщики зачастую не понимают разницы между организацией, выдавшей кредит, и организацией, деятельность которой направлена на взыскание задолженности. Хотя государство активно занимается проработкой норм, регламентирующих деятельность коллекторских агентств, в числе которых Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [10], этих мер бывает недостаточно, чтобы должным образом обеспечить права должников.

Можно заключить, что заемщик при обращении в кредитную организацию с целью получения кредита выступает более слабой стороной, имея высокую потребность в положительном решении о выдаче денежных средств банком. Этим, несомненно, пользуются кредитные организации и зачастую фактически вынуждают присоединиться к предложенным условиям, зная, что заемщику и (или) его поручителю при обращении в суд будет трудно доказать факт отсутствия у него возможности повлиять на содержание договора. Александр Александрович Вишневецкий, в связи с этим, отметил: «Поскольку договор выражает волю стороны и поскольку ведущей стороной при формировании условий кредитного договора является в большинстве случаев банк, то не удивительно, что в современном банковском обороте кредитный договор защищает прежде всего интересы именно банка-кредитора» [11, с. 74].

В целом, навязывание дополнительных условий для заключения договора является широко распространенной практикой. В числе таких условий могут быть, например, навязанные банковские комиссии при совершении отдельных операций или обязательное предоставление независимых гарантий от третьих лиц, зачастую сотрудничающих в этой сфере с банками.

Более подробно остановимся на тех случаях, когда, чтобы получить одобрение кредита в банке, заемщику предлагают застраховать свою жизнь или иные риски. В практике судов нет единства мнений относительно навязывания данной услуги, а выводы зависят от конкретных условий дела.

Например, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2021 № 88-19985/2021 указывается, что обязанность застраховать свою жизнь и здоровье не ущемляет права заемщика, так как исходя из положений Федерального закона «О банках и банковской деятельности» обеспечение финансовой надежности при размещении денежных средств является одним из принципов функционирования банковской системы в Российской Федерации и не противоречат ч. 2 ст. 16 Закона «О потребительском кредите (займе)», которой установлен запрет обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг). Кроме того, суд отметил, что при заключении кредитного договора банк предоставил истцу полную и достоверную информацию как о кредитном договоре, так и об условиях страхования и тарифах банка. В свою очередь истец добровольно дала свое согласие по предложенным ей условиям договора и воспользовался услугами банка [12].

Иная позиция высказана в определении Верховного Суда РФ от «26» июня 2019 года. В соответствии с материалами дела, если бы заемщик отказался от договора страхования, то по кредиту была бы установлена более высокая процентная ставка. При этом разница между данными ставками является дискриминационной, поскольку устанавливаемая процентная ставка превышала базовую на 6%. Так суд пришел к выводу, что в такой ситуации при условии заключения договора на длительный срок, такая разница между двумя ставками может стать определяющим фактором при выборе кредитной программы. Следовательно действия банка, предложившего предоставить кредит на более выгодных условиях с учётом уменьшенной ставки при даче

согласия заключить дополнительно договор коллективного страхования, противоречат п. 2 ст. 7 Закона «О защите прав потребителей» [13].

Важно отметить, что в настоящее время активно осуществляется государственная поддержка в области кредитования, прежде всего, субъектов малого и среднего предпринимательства, поскольку те являются наименее защищенными на фоне субъектов крупного предпринимательства. Правовые нормы, регулирующие государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, содержатся в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [14]. Одна из форм такой поддержки выражается в предоставлении субсидий для льготного кредитования предпринимателей. Порядок предоставления таких субсидий определяется соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации.

Реализация указанных мер осуществляется следующим образом: из бюджета Российской Федерации предоставляются субсидии уполномоченным банкам (кредитным организациям), которые впоследствии выдают кредиты субъектам малого и среднего предпринимательства на льготных условиях. В пример можно привести Постановление Правительства РФ от 30.12.2018 № 1764 [15]. Кредитные средства в рамках данной программы предоставляются на развитие предпринимательства, инвестиционные цели, пополнение оборотных средств, рефинансирование выданных ранее кредитов.

Программы льготного кредитования для начинающих предпринимателей предусмотрены также в субъектах РФ. Например, Постановление Правительства Москвы от 31.03.2020 № 279-ПП [16]. На основании данного постановления город Москва предоставляет поручительство по всей сумме займа и субсидирует часть ставки по кредиту для организаций и индивидуальных предпринимателей, которые существуют не больше одного года.

Таким образом, государство в первую очередь заинтересовано в том, чтобы его кредитно-банковская система работала эффективно. Для этого и

принимаются различные меры, одним из которых является субсидирование льготных кредитов. Соответственно льготное финансирование кредитов – это один из основных инструментов обеспечения доступности оборотного и долгосрочного кредитования.

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что регулирование правоотношений, возникающих на основании кредитного договора, нуждается в тщательной проработке в различных его аспектах. Несомненно, государство постоянно работает над принятием новых мер относительно возникающих вопросов, но многие пробелы в праве существуют давно и остаются нерешенными по настоящее время.

Список литературы:

1. Передера Ж.С., Гриценко Т.С., Теряева А.С. Система кредитования малого и среднего бизнеса в России: понятие, инструменты, участники и их роли // Вестник евразийской науки. 2019. №1. 33 – 46 с.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
3. Срибная Е.А., Андропова О.А., Ибраимов И. Исследование сущности кредита // Экономика строительства и природопользования. 2014. №4. 80 – 86 с.
4. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // «Собрание законодательства РФ». 23.12.2013. № 51. Ст. 6673.
5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № Ф01-760/2015 по делу № 301-КГ15-8616 [Электронный ресурс] <https://kad.arbitr.ru> - Картоотека арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6712acd2-2545-49f5-b090-74b03af04549> (дата обращения: 01.12.2022).
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» // «Собрание законодательства РФ». 05.02.1996. № 6. Ст. 492.

7. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Собрание законодательства РФ». 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.

8. Федеральный закон от 01.05.2019 № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа, которые заключены с заемщиком - физическим лицом в целях, не связанных с осуществлением им предпринимательской деятельности, и обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, по требованию заемщика» // «Собрание законодательства РФ». 06.05.2019. № 18. Ст. 2200.

9. Законопроект №22118-8 [Электронный ресурс]: <https://sozd.duma.gov.ru> - СОЗД ГАС «Законотворчество» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/22118-8> (дата обращения: 01.12.2022).

10. Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // «Собрание законодательства РФ». 04.07.2016. № 27 (Часть I). Ст. 4163.

11. Вишневский А.А. Современное банковское право: банковско-клиентские отношения: Сравнительно-правовые очерки. М.: Статут. 2013. – 349 с.

12. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2021 № 88-19985/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Верховного Суда РФ от 26.06.2019 № 309-ЭС19-8941 по делу № А76-14038/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 30.07.2007. № 31. Ст. 4006.

15. Постановление Правительства РФ от 30.12.2018 № 1764 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам в целях возмещения недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019 - 2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по льготной ставке» // «Собрание законодательства РФ». 07.01.2019. № 1. Ст. 58.

16. Постановление Правительства Москвы Постановление Правительства Москвы от 31.03.2020 № 279-ПП «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета города Москвы кредитным организациям, предоставляющим кредиты по льготной процентной ставке субъектам малого и среднего предпринимательства» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы». 14.04.2020. № 20.

УДК 347.211

Тяхти Валерия Егоровна
Финансовый университет при Правительстве РФ
Юридический факультет
Россия, Москва
tyahti.valeri@gmail.com
Tyakhti Valeriya
Financial University under the Government of the Russian Federation
Law Faculty
Russia, Moscow

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация: в данной статье рассматривается технология блокчейн как компьютерная система, позволяющая обеспечивать защиту в сфере права интеллектуальной собственности. Автором поднимаются вопросы о понятии и видах блокчейна, способах защиты интеллектуальных прав, а также существующих проблемах и тенденциях.

Ключевые слова: блокчейн, интеллектуальные права, защита прав, смарт-контракт, предпринимательская деятельность.

APPLICATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY FOR PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Annotation: this article discusses blockchain technology as a computer system that allows you to provide protection in the field of intellectual property rights. The author raises questions about the concept and types of blockchain, ways to protect intellectual property rights, as well as existing problems and trends.

Key words: blockchain, intellectual property rights, protection of rights, smart contracts, entrepreneurial activity.

Современное общество находится в активной фазе автоматизации процессов, и это неизбежно затрагивает все сферы общественной жизни, включая юриспруденцию. Одним из таких проявлений является блокчейн.

Если говорить про терминологию, то на данном этапе правовое определение блокчейна отсутствует в законодательных актах. При этом в науке и практике выработаны характерные признаки такого явления. Под блокчейном понимают децентрализованную базу данных, которая хранит в себе информацию о некоторых транзакциях, и всё это располагается внутри цепочки блоков. Из особенностей можно выделить тот факт, что внесённые данные автоматически сохраняются и в дальнейшем не могут быть изменены или удалены. Следовательно, при последующих действиях исключается вмешательство человека.

Стоит также упомянуть виды блокчейна [3]:

- открытый (отсутствуют запреты на использование блоков, в т.ч. создание новых);
- закрытый (соответственно, ограничен перечень лиц, которым доступна информация о блоках);
- эксклюзивный (размещение информации и обработка транзакций осуществляется определенным списком субъектов с установленными личностями).

Блокчейн преимущественно используется при финансовых правоотношениях, включая по вопросам цифровых финансовых активов. Тем не менее, данная технология применяется в рамках обеспечения и защиты интеллектуальных прав. Существует несколько основных положений (преимуществ), благодаря которым блокчейн положительно влияет на охрану указанных выше прав.

Для начала стоит вновь отметить тот факт, что данная технология фактически является автономной. Это означает неизменность информации, ведь внешнее вмешательство невозможно. Здесь же важно упомянуть высокий

уровень защиты: к блокам, содержащим информацию об интеллектуальных правах каких-либо лиц, зачастую ограничен. Следовательно, далеко не каждый имеет шансы воспользоваться данными.

Кроме того, для защиты таких данных может применяться шифрование данных в виде хеширования. Хеширование подразумевает под собой перефразировку словесных и цифирных обозначений в строку фиксированной длины. Использование сложных символов усложняет процесс незаконного изъятия объектов интеллектуальной собственности.

Еще одним немаловажным преимуществом применения технологии блокчейн является оперативность в осуществлении передачи информации. Так, при помощи смарт-контрактов возможно заключать договоры об отчуждении интеллектуальных прав без посредников. Кроме того, смарт-контракты позволяют выплачивать вознаграждение авторам или правообладателям напрямую без необходимости заключения индивидуального договора с каждым автором или правообладателем при соблюдении заданного набора условий [4].

Особого внимания требует наличие специальной схемы блокчейна в сфере IP – это IPChain. Её специфика выражается в том, что система нацелена на хранение и применение объектов лишь в целях, разрешенных законодательством. Помимо этого, на данной платформе можно зарегистрировать объекты интеллектуальной собственности и получить информацию о правообладателе и способе создания объекта. Здесь же правообладатель может запросить проведение экспертизы [2].

Ещё одним проявлением применения блокчейна можно считать реестр по учёту патентных прав. Так, несколько лет назад разрабатывался распределенный реестр, в котором компании были бы способны самостоятельно вносить в цепочку данные о патенте и соответствующих правах [5].

Однако нельзя отрицать явления, когда применение технологии блокчейн может нанести вред. Наиболее частые случаи – это кража информации, взлом

блоков и незаконное информации из них. По данным издательства «Коммерсант», за первое полугодие 2022 года из блокчейн-проектов было похищено более 2 миллиардов долларов США [6]. Также зачастую правообладатели и владельцы распределенных реестров сталкиваются с DDoS-атаками. DDoS-атака – это специальная попытка нарушить работу сервера, сети или службы посредством её перегрузки. Опасность атак заключается в быстрой распространяемости на компьютеры, подключенные к одной сети [8].

Иной немаловажной проблемой является слаборазвитость как такового правового поля защиты технологии блокчейн. Это выражается в отсутствии терминологии (о чём уже говорилось ранее), выделении характерных признаков, создании законодательных способов обеспечения прав добросовестных правообладателей, владельцев распределенных реестров и иных лиц, задействованных в применении блокчейна.

Каким же образом можно защитить и интеллектуальные права, и саму технологию блокчейн? С точки зрения государства на данный момент не рассматриваются законопроекты о закреплении понятия «блокчейн». Тем не менее, в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации» были разработаны мероприятия по направлению «Информационная инфраструктура». И одним из ожидаемых результатов является введение технологии распределенных реестров для обеспечения прав на использование объектов интеллектуальной собственности [1].

Кроме того, сам бизнес заинтересован в развитии и охране технологии блокчейн, ведь это во многом упрощает гражданский оборот. Например, чуть больше двух лет назад состоялась сделка по передаче интеллектуальных прав на музыкальное произведение благодаря блокчейну [7]. Очевидно, что такие транзакции гораздо быстрее и во многом безопаснее нежели её проведение в «традиционном порядке». Поэтому для субъектов предпринимательской деятельности будет составлять интерес автоматизация и деперсонализация подобных процессов.

На основе всего вышесказанного можно сделать ряд выводов. Технология блокчейн – достаточно инновационное явление в общественных отношениях, сочетающее в себе влияние человека и искусственного интеллекта. Здесь во многом исключается внешнее воздействие на хранение информации в блоках, что необходимо для обеспечения защиты объектов интеллектуальной собственности. Но нельзя отрицать наличие проблем, препятствующих распространению и применению технологии, поэтому в ближайшем будущем векторы развития должны быть направлены на популяризацию явления и законодательное закрепление уже существующих положений.

Список литературы:

1. "План мероприятий по направлению "Информационная инфраструктура" программы "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2)) // СПС «Консультант Плюс».
2. Ермакова И.В. Влияние сетевизации экономики на изменение положений конкурентного права (на примере блокчейн и смарт-контрактов в области рекламы и права интеллектуальной собственности) // Юридические исследования. – 2020. – № 9. – С.14-32.
3. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Применение технологии Blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Выпуск 38. С. 508–520.
4. Сальникова А. В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — No 4. — С. 83—90

5. Шомахов А.С. Использование технологии блокчейн в сфере интеллектуальных прав // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 11(51). – С.134-137.

6. Крипту воруют миллиардами. За первое полугодие объём похищенных средств достиг \$2 млрд [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5447863> (Дата обращения: 08.10.2022 г.).

7. Первая цифровая сделка по передаче прав на музыкальный трек состоялась в России. ТАСС [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/9454961> (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

8. Что такое DDoS-атака на блокчейн? [Электронный ресурс] // URL: <https://morioh.com/p/c35ecasea9f9> (Дата обращения: 08.10.2022 г.).

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.23

Кулагина Анна Владиславовна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

ankulagina5895@gmail.com

Kulagina Anna

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Faculty of Law

Russia, Moscow

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ РАБОТНИКОВ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ)

Аннотация: в данной статье автор рассматривает общие положения о различных формах наблюдения и контроля за работниками на их рабочих местах, иллюстрируя их на примере использования систем видеонаблюдения на рабочем месте. Анализируется правомерность, обоснованность и степень распространения видеофиксации, ее соотношение с положениями законодательства о защите персональных данных, особое внимание уделяется актуальной российской и зарубежной судебной практике.

Ключевые слова: наблюдение, видеофиксация, персональные данные, способы контроля, частная жизнь.

MONITORING THE BEHAVIOR OF EMPLOYEES IN THE WORKPLACE (ON THE EXAMPLE OF VIDEO SURVEILLANCE)

Annotation: in this article the author examines the general provisions on various forms of surveillance and control of employees at their workplaces, illustrating them by the example of the use of video surveillance systems in the workplace. The

legitimacy, validity and extent of video surveillance, its correlation with the provisions of legislation on personal data protection are analyzed, with special attention paid to current Russian and foreign judicial practice.

Key words: monitoring, video surveillance, personal data, control methods, privacy.

В условиях все большего внедрения цифровых технологий во все сферы жизни возникает множество животрепещущих вопросов, связанных с правомерностью использования средств контроля за работниками на рабочем месте и его соотношением с правомерностью вторжения в частную жизнь.

Прежде всего необходимо отметить терминологическую разницу между понятиями «контроль» и «наблюдение». В частности, данное разделение установлено не в Трудовом кодексе РФ, а в нормативных документах Европейского фонда по улучшению условий труда и жизни. В этом акте под «контролем» понимают собирание определенной информации, связанной с рабочей деятельностью. «Наблюдение» же определяется как более агрессивное и явление, так как во время него могут использоваться различные технологии, позволяющие оперировать более широким спектром информации [1]. Более того, систематический и всеобъемлющий характер сбора данных носит именно наблюдение [2, с. 74], а не контроль. Таким образом, в данной статье будет использоваться термин «наблюдение».

Для начала следует разъяснить какие формы наблюдения за поведением работников существуют и активно применяются работодателями. Чаще всего наблюдение устанавливается с целью обеспечения соблюдения трудовой дисциплины и фиксирования правонарушений. Так, для доказывания состава дисциплинарного проступка работодатель может использовать следующие способы: видеонаблюдение, аудиофиксация, мониторинг электронной почты, истории браузера и иных действий, совершаемых на компьютере, и даже GPS-наблюдение [2, с. 78]. Помимо этого, существует мнение, что особо необходимо использование средств наблюдения при нетипичных формах

занятости, подразумевающих под собой взаимодействие механизмов, алгоритмов или машин с одной стороны и человека с другой. При этом сторонники данного подхода утверждают, что использование средств контроля позволяет работодателям заботиться о соблюдении норм охраны труда и передавать соответствующие заключения руководству (к примеру, степень усталости для корректировки рабочего графика и др.) [3, с. 88].

Отдельным блоком вопросов является допустимость ведения наблюдения за дистанционными работниками, что стало более актуальным в период пандемии коронавируса и внедрением во многие трудовые кодексы положений о дистанционной занятости и удаленной работы. Особенно спорным моментом признается факт наблюдения за работником на сугубо личной территории, в его доме, где работодатель может увидеть его дом и членов семьи [4, с. 13]. Стремление нанимателей охватить своим контролем дистанционных работников привело к огромному количеству жалоб в различные суды, в том числе и ЕСПЧ. Анализ последних решений показывает, что начинается отход от незыблемого принципа обязательности исполнения работником своей трудовой функции во время рабочего времени, так как в условиях дистанционной занятости подобный контроль за работником в целях установления качества выполняемых обязанности в его доме может привести к нарушению законодательства о защите персональных данных [5, с. 846].

Однако возвращаясь непосредственно к выбранной иллюстрации используемых методов наблюдения, а именно к видеонаблюдению, важно заметить, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует отдельный акт, полностью регулирующий процесс видеонаблюдения. Поскольку нет детального и непротиворечивого ответа на вопрос: можно ли вообще устанавливать системы видеофиксации для контроля за поведением сотрудников, не нарушая конституционных прав каждого лица на неприкосновенность частной жизни и правила обработки персональных данных, возникает большое число конфликтов и судебных разбирательств.

Под видеонаблюдением обычно понимают часть общей системы безопасности, основной целью которой является визуальное наблюдение за событиями на выделенном для слежения участке, в данном контексте это рабочее место. Далее следует разобраться во всей существующей нормативно-правовой базе, посвященной видеофиксации. Во-первых, согласно обновленной редакции главы X «Охрана труда» Трудового кодекса РФ, с 01.03.2022 работодатели получили право вести видеосъемку производственного процесса в целях соблюдения положений охраны и безопасности труда (ст. 214.2 ТК РФ). В этой норме указано, что *«работодатель имеет право использовать в целях контроля за безопасностью производства работ устройства, ... обеспечивающие дистанционную видео-, аудио- или иную фиксацию процессов производства работ»* [6].

Во-вторых, в статье 2 ТК РФ вопросы организации труда относятся к числу отношений, связанных с трудовыми, что означает возможность работодателя организовывать рабочий процесс как с применением средств контроля, так и в их отсутствие. Помимо этого, статья 22 ТК РФ гласит о том, что наниматель «вправе требовать от работников исполнения его трудовых обязанностей и соблюдения правил внутреннего трудового распорядка», что говорит о потенциальной допустимости применения систем видеонаблюдения». А из статьи 8 ТК РФ выводится, что работодатель может принимать локальные нормативные акты (ЛНА) в рамках своей компетенции, вместе с тем такие акты не могут противоречить трудовому законодательству и содержать нормы, ухудшающие положения работников. Из этого следует, что работодатель вправе зафиксировать нормы о видеонаблюдении для предотвращения конфликтных ситуаций и контроля за рабочим процессом [7].

В-третьих, наблюдение за действиями работника непосредственно вторгается в его личную жизнь. Часть первая статьи 24 Конституции РФ напоминает о том, что сбор хранение, использование и распространение информации о частной жизни граждан без согласия человека не допускается, а

часть 1 статьи 23 говорит об общей неприкосновенности личной информации [8].

Однако судебная практика проясняет данную норму и становится на позицию того, что видеозапись не имеет своей целью вторжение в частную жизнь работника, а лишь фиксирует и доказывает неисполнение работником его трудовых обязанностей [9].

Что касается соотношения видеофиксации с раскрытием персональных данных работников, то нужно рассмотреть положения Федерального закона о «О персональных данных» (далее – ФЗ «О персональных данных») [10]. Так, в пункте 1 статьи 22 все сведения, на основании которых может быть выполнена идентификация личности, приравниваются к персональными. А часть 8 статьи 9 названного ФЗ запрещает требовать получать информацию о частной жизни гражданина помимо его воли. В этой связи имеет смысл привести некоторые позиции судов. К примеру, Мосгорсуд отмечает, что видеозапись рабочего процесса не нарушает конституционные права работника на неприкосновенность частной жизни и разглашение персональных данных [11]. Кроме того, в решениях прослеживается мысль о том, что видеозапись рабочего процесса не может считаться раскрытием персональных данных, в смысле которые придают им нормы ТК РФ, регулирующие защиту персональных данных работника [12].

Интересно отметить позицию ЕСПЧ по поводу правомерности использования видеонаблюдения. Так, в решении по делу "Кепке против Германии", к вопросу об оценке пределов использования инструментов видеонаблюдения за работниками в рамках трудовых отношений закрепляются основные принципы правомочности использования такого контроля. Краеугольным пунктом является создание работодателем условий, при которых работодатель вправе осуществлять видеофиксацию на рабочем месте. При этом следует стремиться к уравниванию разнонаправленных ценностей и избегать назойливости наблюдения. ЕСПЧ рекомендовал национальным

органам власти обеспечивать соответствие положений о контроле с правом работников на уважение частной жизни и с правом работодателя на осуществление мер по надлежащей защите организаций [13].

Более того, в Италии ранее был установлен абсолютный запрет на любые средства контроля поведения работников. Однако по мере развития и становления вышеназванных принципов были разрешены определенные способы контроля, допустимые при проведении расследования по факту нарушения работником трудовых обязанностей. Суды отдельно закрепляют, что специальные средства контроля не должны выходить за *«пределы адекватности и соразмерности»*, соответствовать объекту и целям расследования, а также не могут быть направлены на исследование поведения, не связанного с трудовыми отношениями [14, с. 121].

Далее целесообразно сравнить преимущества и недостатки установления средств видеофиксации на рабочих местах. Известно, что работник подчиняется «хозяйской» власти работодателя, что дает последнему право осуществлять контроль за поведением работника на рабочем месте, соблюдением дисциплины труда, правил внутреннего трудового распорядка теми способами, которые не запрещены законом [15]. Мотивация работодателя в подобных случаях вполне понятна и ясна: он заинтересован в повышении эффективности производства и минимизации случаев простоя или нежелания исполнять свои трудовые функции. Более того, работодатель желает удостовериться, не напрасно ли он платит заработную плату и в каком объеме работники выполняют задания, тем самым контролируя качество работы [16]. Иными весьма объективными причинами, побуждающими установить видеонаблюдение, могут являться контроль за сохранностью имущества, что особенно актуально для банковской сферы и торговли, и стремление избежать неподобающего и неэтичного поведения в сфере услуг и сформировать доказательную базу для разрешения конфликтных ситуаций. Помимо этого, система видеофиксации позволяет создать безопасные условия труда, а именно

контролировать соблюдение противопожарных, санитарных и норм гигиены и обеспечивать надлежащий пропускной режим с недопущением проникновением посторонних лиц в рабочие помещения [17, с. 43].

Что касается негативного влияния, то прежде всего от видеонаблюдения на рабочем месте страдает психологическое состояние работников. Они постоянно находятся в напряжении и фокусируются не на выполнении текущих задач, а на факте записи их поведения. Наниматель в свою очередь также может отвлечься от своих прямых и непосредственных обязанностей и заразиться «манией контроля» над работниками [18]. Более того, существует опасность формирования предвзятого отношения к работникам в силу постоянного наблюдения, выявления не столь заметных особенностей поведения, которые могут привести к неприязни и потенциально недоброжелательному отношению к сотруднику.

В связи с этим возникает логичный вопрос: как правильно и без нарушения законодательства ввести видеофиксацию на предприятии. Для начала необходимо известить сотрудников до момента начала видеонаблюдения и предложить подписать дополнительное соглашение к трудовому договору до введения новых правил. Опционально можно прописать этот пункт в трудовом договоре, так как суды полагают, что ведение видеонаблюдения в офисе не может расцениваться как обязательный пункт трудового договора [19]. Затем по смыслу статей 87, 88 ТК РФ требуется издать ЛНА с пунктом о ведении видеонаблюдения с указанием целей, порядка и срока использования и мерами защиты данных. Далее работники изучают изданный ЛНА и ставят подпись в специальном журнале, так как в соответствии со статьей 22 ТК РФ работодатель обязан знакомить работников под подпись с принимаемыми и утверждаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с их трудовой деятельностью.

Помимо ознакомления с новым внутренним актом, наниматель должен обеспечить получение особого согласия работников на видеонаблюдение,

поскольку установка видеокамер в силу положений статьи 11 ФЗ «О персональных данных» относится к обработке биометрических персональных данных. Вслед за получением согласия необходимо назначить уполномоченное лицо, допущенное к системе видеонаблюдения и заключить с ним соглашение о неразглашении персональных данных. Наконец, не стоит забывать, что работодатель по смыслу части 6 статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не вправе внедрять негласное наблюдение на территории предприятия, поэтому требуется разместить информационные таблички, уведомляющие о наличии видеонаблюдения [20]. При неисполнении возложенных обязанностей и условий правомерности установления видеофиксации наниматель может быть привлечен к административной или уголовной ответственности.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод: видеонаблюдение может быть реализовано только для конкретных и заранее определенных правомерных целей, относящихся к исполнению работником его должностных обязанностей. Суды придерживаются позиции, что видеозапись не может расцениваться, как раскрытие персональных данных, но в то же время должна быть строго направлена на обеспечение безопасности на территории предприятий. Однако данная процедура может привести с собой как положительные аспекты для обеих сторон трудовых правоотношений (усиление безопасности и повышение дисциплины на производстве), так и негативное (ухудшение атмосферы в коллективе, снижения качества выполняемых задач).

Список литературы:

1. Employee monitoring and surveillance: The challenges of digitalisation. Eurofound, 2020. [Электронный ресурс] // URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef20008en.pdf (дата обращения - 24.11.2022).

2. Офман Е. М. Наблюдение и контроль в трудовых отношениях: баланс прав и интересов работников и работодателей // Журнал российского права. 2021. Т. 25. №11. С. 73—87.
3. Серегина Л. В. Обеспечение прав граждан на охрану труда в условиях инновационного развития экономики // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 3. С. 76—91.
4. Шуралева С.В. Право дистанционного работника на неприкосновенность частной жизни // Трудовое право в России и за рубежом. № 4. 2021. С. 12-15.
5. Мхитарян А. С. Нарушения в сфере персональных данных работников: практика ЕСПЧ // Норма. Закон. Законодательство. Право: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции молодых учёных (г. Пермь, 16–17 апреля 2021 года) / науч. редактор О. А. Кузнецова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021. С. 845–848.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://study.garant.ru/#/document/12125268/paragraph/6963504:2> (дата обращения - 24.11.2022).
7. Бычков А. Видеонаблюдение на работе // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. № 6. 2022.
8. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения - 24.11.2022).
9. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 3 декабря 2014 г. по делу № 33- 7039/2014. [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/132442884/> (дата обращения - 24.11.2022).

10. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) О персональных данных. [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения - 24.11.2022).
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.09.2012 № 11-20012. Документ опубликован не был. Доступ из системы Гарант.
12. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 20.02.2017 по делу № 33-2314/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Ciriello-Ariante. Videosorveglianza "occulta" sul luogo di lavoro: il caso Lopez Ribalda e altri c Spagna, e la giurisprudenza della Corte Europea dei Diritti dell'Uomo, LDE. 2019. 1.
14. Дапонте М. Дистанционный мониторинг и видеонаблюдение на рабочем месте: итальянское законодательство и прецедентное право ЕСПЧ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №1 (77).
15. Амирова Л. Может ли работодатель установить систему видеонаблюдения в столовой? // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. № 10. 2021.
16. Митрахович А. Видеонаблюдение на рабочем месте // Трудовое право. № 7. 2022.
17. Ключева Е. Можно ли подать в суд на работодателя, если он не уведомил о камерах видеонаблюдения? // Трудовое право. № 6. 2021. С. 41-51.
18. «За» и «против» видеонаблюдения за персоналом с учетом правовых норм российского законодательства. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kchetverg.ru/2017/06/16/pljusy-i-minusy-vidjeonabljudjenija-za-sotrudnikami/> (дата обращения - 24.11.2022).

19. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2020 № 88-16003/2020 Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ Об оперативно-розыскной деятельности // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

УДК 349.2

Кушнарев Александр Сергеевич

Мецлер Валерия Эдуардовна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

KUSHNAREV-02@LIST.RU

vmetzler2002@mail.ru

Alexander Sergeyevich Kushnarev

Valeria Eduardovna Metzler

Ural State Law University named V.F. Yakovlev

Institute of Procuracy

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О СОВМЕСТИТЕЛЬСТВЕ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в настоящей работе автором исследуется совокупность норм трудового законодательства, регулирующих работу по совместительству. Выделяются существующие на сегодняшний день пробелы в правовом регулировании, а также их обоснование с точки зрения трудового законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: совместительство, трудовой договор, неполное рабочее время, основное место работы, перевод.

TO THE ISSUE OF COMBINING JOBS IN THE LABOUR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in this paper the author examines the body of norms of labour legislation regulating second jobs. The author highlights the existing gaps in the legal

regulation and provides a substantiation of these gaps in terms of the Russian Federation employment law.

Key words: combining jobs, employment contract, part-time employment, main place of work, transfer.

В трудовом законодательстве Российской Федерации закреплён ряд норм, регулирующих отношения с работой работника по совместительству. Однако Трудовой кодекс РФ в правовом регулировании вопросов, касающихся работы по совместительству, оставил немало неясностей и пробелов, в связи с чем данная тема представляется актуальной и значимой для научных изысканий.

Определение дефиниции «совместительство» дается в статье 282 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. Согласно которому ключевым составляющим является выполнение другой работы в свободное от основной работы время. Более того, при совместительстве всегда имеет место работа по двум трудовым договорам: первый трудовой договор заключается по основному месту работы, второй – для работы по совместительству [5]. Следовательно, для конструкции «совместительства» необходимым является наличие двух трудовых договоров [2, с. 19]. Однако, на практике часто возникают ситуации, при которых работник устраивается у работодателя по совместительству, не имея трудового договора по основному месту работы. Необходимо отметить, что действующее трудовое законодательство не содержит запрета на заключение с работником трудового договора на условиях совместительства при отсутствии у него основного места работы. Более того, согласно статье 283 ТК РФ работодатель не вправе требовать от работника предъявления документов, подтверждающих наличие у работника основного места работы. Отсутствие данного права у работодателя фактически не позволяет ему доподлинно установить наличие основного места работы у работника, что приводит к возможному злоупотреблению правом со стороны лиц, устраивающихся на работу. Однако навряд ли представляется возможным

говорить о злоупотреблении правом, поскольку само право у работника возникает лишь с момента наступления конкретного юридического факта [3, с. 65]: в данном случае – с момента заключения трудового договора по основному месту работы. В подобной ситуации лицо, устраивающееся на работу по совместительству, не имея основного места работы, еще не обладает правом для работы по совместительству, однако вступает в правоотношения. Не менее интересным является и то, что судебной практикой отмечается, что заключение трудового договора на условиях совместительства является правом работника, при этом не требуется подтверждения наличия у него основного места работы и работодатель не вправе требовать предоставления таких подтверждений. Отсутствие у работника, который трудоустраивается на работу по совместительству, основной работы не препятствует трудоустройству по его желанию. На мой взгляд, данный вывод суда следует признать ошибочным, поскольку в таком случае речь пойдет не о работе по совместительству, а о неполном рабочем времени, который по смыслу статьи 93 ТК РФ устанавливается по соглашению между работником и работодателем. В подобной же ситуации мы наблюдаем подмену понятий «совместительство» и «неполное рабочее время», что на практике может вызвать ряд спорных и неразрешимых ситуаций.

Не менее значимой является другая проблема: означает ли прекращение работы по основному месту работы автоматический перевод работника с его работы по совместительству на основное место работы?

Для начала необходимо отметить, что трудовым законодательством не предусмотрено право работника, работавшего на условиях совместительства, требовать приема на основную работу, в случае если данный работник был уволен с работы, которая была для него основной, в то же время и обязанность работодателя принять работника Трудовой кодекс РФ не предусматривает.

Важно понимать, что с прекращением трудового договора по основному месту работы прекращается и конструкция «работы по совместительству»,

поскольку как указывалось ранее совместительство возможно лишь при наличии двух трудовых договоров [4, с. 25]. Следовательно, возникает правовая неопределенность о квалификации сложившихся трудовых отношений. На мой взгляд, говорить об автоматическом переводе работы по совместительству на работу по основному месту работы будет неправильным и неправомерным с точки зрения трудового законодательства. Прежде всего, важно понимать, что в основе любых трудовых правоотношений, любого трудового договора лежит основополагающий принцип трудового права – свобода труда. В данном случае для признания сложившихся правоотношений работой по основному месту работы необходимо согласие и работника, и работодателя. Только в этом случае можно с уверенностью сказать об отношениях по основному месту работы.

Безусловно, трудовое законодательство содержит определенные нормы, когда возможно автоматическое изменение определенных сторонами условий трудового договора. В частности, статья 58 ТК РФ закрепляет условие об изменении срочного характера трудового договора, в случае если ни одна из сторон не потребовала расторжения срочного трудового договора в связи с истечением срока его действия и работник продолжает работу после истечения срока трудового договора, то договор считается заключенным на неопределенный срок. Однако, подобное автоматическое изменение изначально закреплено в норме трудового кодекса, и исходя из общеправовой презумпции знания закона, «молчание» сторон об прекращении трудового договора в связи с истечением его срока будет являться ничем иным как целенаправленным выражением их согласия на продолжении трудовых отношений и заключении трудового договора на неопределенный срок. В данной же ситуации исключительных оснований не предусмотрено, работодатель согласие не выражает, следовательно, нет оснований говорить об автоматическом переводе работы по совместительству на основную работу.

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что совокупность действующих норм трудового законодательства, регулирующих совместительство, требуют критического подхода в поиске решений обозначенных пробелов. Более того, приведенные в работе проблемы, порождающие разногласия в правоприменительной практике, ошибочное толкование судами норм трудового права, свидетельствуют о необходимости внесения некоторых изменений в соответствующие положения Трудового кодекса РФ. В свою очередь детальное регулирование отношений, складывающихся по поводу служебной командировки, будет способствовать достижению оптимального согласования интересов работника и работодателя, что является одной из ключевых задач трудового законодательства (ст. 1 ТК РФ).

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022). // СПС «КонсультантПлюс»
2. Белоусова А. С. Правовое регулирование работы по совместительству: дис. ... канд. юрид. наук. — М.: МГУ, 1989. — С. 19.
3. Гейхман, В. Л. Особенности механизма возникновения трудового правоотношения / В. Л. Гейхман // Вестник Российской правовой академии. — 2010. — № 3. — С. 60-65.
4. Глозман В. А. Совмещение профессий и должностей. — М.: Юрид. лит., 1969. — С. 25.
5. Договоры о труде в сфере действия трудового права: Учебное пособие // (под ред. К.Н. Гусова) ("Перспект", 2010).

Николаев Алексей Сергеевич
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Институт публичного права и управления
Россия, Москва
alexnik241101@mail.ru
Aleksey Nikolaev
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of Public Law and Administration
Russia, Moscow

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО МОБИЛИЗАЦИИ, И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Аннотация: в статье анализируется действующее федеральное и региональное законодательство, касающееся социальной помощи членам семей военнослужащих, отдельные аспекты судебной практики по защите их нарушенных прав, обозначены различные проблемы и возможные решения, которые предлагается реализовать на законодательном уровне в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: система социального обеспечения, военнослужащих, мобилизация, выплаты, члены семьи, судебная практика.

MEASURES OF STATE SUPPORT FOR CITIZENS CALLED UP FOR MILITARY SERVICE IN ACCORDANCE WITH MOBILIZATION AND THEIR FAMILY MEMBERS

Annotation: in the article author analyzes current federal and regional legislation concerning social assistance for soldiers' family members, certain aspects of court practice regarding protection of violated rights, identifies different problems and

suggests the ways out to solve them which can be implemented at the legislative level in the context of modern challenges.

Key words: social security system, soldier, mobilization, payments, family members, court practice.

В соответствии со статьей 7 Конституции РФ в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются различные гарантии социальной защиты. Одной из важнейших задач современного государства является оказание комплексной и всесторонней помощи наиболее незащищенным категориям граждан. Таковыми, в частности, являются члены семей военнослужащих, объем социальных прав и материальное обеспечение которых носят производный характер, во многом зависят от положения самого военнослужащего [14, с. 137]. Выполняя конституционную обязанность защиты Отечества, гражданин рискует здоровьем и жизнью, чем обусловлен его особый правовой статус как субъекта правоотношений по социальному обеспечению. В свою очередь со стороны государства должны быть установлены гарантии, которые позволят быть уверенным, что в случае утраты лицом трудоспособности или его смерти в период или вследствие несения военной службы членам его семьи будет оказана необходимая поддержка.

Актуальность и острая необходимость реализации указанных государственных гарантий возникла в период проведения специальной военной операции на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской областей и Украины (далее - СВО). Частичная мобилизация, объявленная Указом Президента РФ [5], коснулась нескольких сотен тысяч человек, что не могло не повлиять на материальное положение большого количества семей, особенно в случаях, когда мобилизованный является единственным кормильцем.

В первую очередь, стоит сказать о трудовых гарантиях мобилизованных, так как от их занятости во многом зависят совокупный доход и уровень

материального обеспечения семей. В октябре 2022 г. были внесены поправки в Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) [1], которые предусматривают приостановление действия трудового договора на период прохождения мобилизованным работником военной службы. Отныне работодатель не может уволить его по п. 1 ст. 83 ТК РФ, в данной статье есть соответствующая оговорка. Примечательно, что эти изменения законодательства распространяются на правоотношения, возникшие с 21 сентября 2022 г., т.е. носят отчасти ретроспективный характер. Если работодатель успел уволить мобилизованного работника до вступления в силу этих поправок, он должен отменить приказ об увольнении, издав приказ о приостановлении действия трудового договора на основании заявления работника, иначе действия работодателя будут признаны незаконными.

Так как в период приостановления трудового договора его стороны приостанавливают осуществление своих прав и обязанностей, то работодатель в данный промежуток времени не осуществляет страховые взносы за мобилизованного работника в государственные внебюджетные фонды, т.к. он является военнослужащим по контракту и соответствующую обязанность временно берёт на себя государство. Стоит также отметить поправки в Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», касающиеся порядка исчисления страхового стажа [3]. Так, период участия в СВО засчитывается в двойном размере, что позволит гражданам раньше выйти на пенсию, если они соответствуют остальным необходимым условиям её назначения. Законодатель также заранее предусмотрел, что приобретенные в период участия в СВО пенсионные права преобразуются в индивидуальный пенсионный коэффициент определенного значения (ИПК за один полный календарный год службы равен 3,6).

Значимой статьей расходов многих молодых российских семей являются платежи по потребительским кредитам, займам или ипотеке. В случае несения военной службы мобилизованное лицо или члены его семьи, являющиеся

заемщиками, могут столкнуться с проблемами, связанными с надлежащим исполнением обязательств по соответствующему гражданско-правовому договору (потребительского кредита, займа или залога недвижимого имущества). Например, если его денежное довольствие будет меньше, чем заработная плата по трудовому договору до мобилизации, то бремя несения этих расходов ляжет на членов его семьи, которые могут быть не в состоянии исполнять данные обязательства. Чтобы не допустить существенного снижения уровня социального обеспечения по этой причине, в октябре 2022 г. был принят Федеральный закон [2], предоставляющий мобилизованным и их семьям право оформить «кредитные каникулы». На время мобилизации или службы по контракту устанавливается льготный период, в течение которого исполнение им обязательств по договору приостанавливается (при этом в случае нахождения заемщика в госпитале льготный период продлевается). Механизм оформления «кредитных каникул» является упрощенным (требование может быть направлено по абонентскому номеру, кредитор обязан рассмотреть требование в десятидневный срок), что абсолютно оправданно, так как заемщик обязан явиться по вызову военного комиссариата для определения своего предназначения в период мобилизации, зачастую в короткий срок. Кроме того, Центральный Банк РФ в своих разъяснениях указал на возможность погашения обязательств по возврату сумм основного долга во время льготного периода [11]. Например, денежное довольствие мобилизованного может быть перечислено его родственникам (для этого необходимо оформить доверенность, дополнительную банковскую карту, привязанную к расчетному счету военнослужащего), которые могут вносить «посильные» платежи в целях погашения кредитного обязательства.

Отдельного внимания заслуживает мера государственной поддержки в случае гибели военнослужащего при выполнении задач в период проведения СВО, вследствие увечья, или его признания инвалидом I группы. При таких обстоятельствах государство приняло решение прекратить кредитные

обязательства. Позиция законодателя представляется справедливой, так как гибель военнослужащего (или значительная утрата им трудоспособности вследствие инвалидности) объективно влечет негативное изменение социального положения членов его семьи, значительно повышается риск их материальной необеспеченности [15, с. 244]. Указанный Федеральный закон устанавливает правовой механизм, позволяющий снизить долговую нагрузку молодых семей с кредитными обязательствами. Следует учитывать, что супруга погибшего военнослужащего, осуществляющая уход за детьми, с высокой долей вероятности не сможет осуществлять платежи по кредитным договорам.

В соответствии со статьей 72 Конституции РФ социальная защита, включая социальное обеспечение, находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, что можно в полной мере наблюдать в условиях СВО. Анализ региональных нормативных правовых актов показал, что властями субъектов РФ установлены самые разнообразные меры поддержки военнослужащих и их семей. Наиболее востребованными являются денежные выплаты – например, единовременная материальная помощь была установлена в Московской области в размере 200 тыс. рублей [7], в Костромской области – в размере 30 тыс. рублей [8]. В некоторых регионах предусмотрены выплаты на каждого ребенка призванного на военную службу по мобилизации - в Белгородской области по 3 тыс. рублей ежемесячно [9], в Свердловской области – по 20 тыс. рублей единовременно [10]. К иным мерам социальной поддержки семей мобилизованных, распространенным в большинстве субъектов РФ, можно отнести:

- 1) бесплатное питание в общеобразовательных организациях для обучающихся, осваивающих образовательные программы начального общего, основного общего, среднего общего образования;
- 2) оказание бесплатной психологической помощи;
- 3) оказание бесплатной юридической помощи;
- 4) содействие в поиске подходящей работы;

- 5) внеочередное зачисление детей в детские сады, школы;
- 6) первоочередное право семей с детьми при обеспечении путевками в организации отдыха на безвозмездной основе;
- 7) бесплатное социальное обслуживание для пожилых родственников;
- 8) бесплатное посещение детьми занятий по дополнительным общеобразовательным программам (кружки, секции) и др.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что ввиду различных финансовых возможностей субъектов РФ, объем социальной поддержки граждан отличается, фактически их права ставятся в зависимость от места проживания, несмотря на то, что мобилизованные в условиях специальной военной операции несут одинаковый риск жизни и здоровью. В целях справедливого разрешения данной проблемы необходимо закрепить на федеральном уровне обязательный перечень мер социальной поддержки (например, внести соответствующие поправки в Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»). Гарантированный минимум, в который могут войти меры, апробированные в большинстве регионов, будет соответствовать статье 19 Конституции РФ, согласно которой государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, субъекты РФ смогут расширять этот перечень в зависимости от собственных бюджетных возможностей.

Стоит отметить, что на ряд мер государственной поддержки могут претендовать все мобилизованные, независимо от субъекта их проживания. Например, Указом Президента РФ установлена единовременная денежная выплата в размере 195 тыс. рублей каждому призванному на военную службу по мобилизации, иным гражданам, заключившим в период проведения СВО контракт о прохождении военной службы сроком на один год и более [6]. Примечательно, что Указ распространяется на правоотношения, возникшие с 21 сентября 2022 г., т.е. на них не может претендовать гражданин, заключивший контракт о прохождении военной службы до определенной даты. Другим

Указом Президента РФ установлены специальные квоты приема на обучение по образовательным программам высшего образования в размере 10 % общего объема цифр приема за счет бюджетных ассигнований [4]. Если военнослужащий погиб, получил увечье или заболевание, то прием его ребенка осуществляется без вступительных испытаний. Важной характеристикой статуса мобилизованных является факт признания их ветеранами боевых действий, что дает право на получение индексируемой ежемесячной денежной выплаты, компенсацию расходов на оплату жилых помещений в размере 50 % и другие меры социальной поддержки.

Не менее важным аспектом социальной поддержки семей военнослужащих является эффективный механизм получения ими всех положенных мер. Для этого создаются специализированные координационные центры помощи на базе органов социальной защиты. Можно отдельно отметить, что в ряде регионов (Приморский край, Чувашская Республика) подобные рабочие группы созданы на территории каждого муниципального образования, чтобы максимально быстро и эффективно реагировать на запросы граждан, заниматься их социальным сопровождением.

Представляется целесообразным отказаться от преобладающего в последнее время в праве социального обеспечения принципа адресности мер социальной поддержки в отношении семей мобилизованных военнослужащих. Для реализации этих мер необходимо установление одного юридического факта – принадлежность гражданина к членам семьи военнослужащего. Стоит учитывать, что им оказывается поддержка со стороны государства в нетипичных условиях, к которым члены семьи не были готовы. Необходимо максимально упростить всю процедуру получения социальной помощи (например, уменьшить количество представляемых гражданином документов, возложить на государственный орган получение ряда необходимых сведений посредством межведомственного взаимодействия, не учитывать доходы мобилизованного за предыдущий период при определении права членов его

семьи на ту или иную выплату), оказывать её на протяжении всего срока службы.

Помимо нормативного закрепления права на социальное обеспечение немаловажным является его защита от всевозможных нарушений. Судебная защита занимает особое место в системе юридических гарантий и является наиболее эффективной из них, что обусловлено положением суда как органа государственной власти, процессуальным порядком его деятельности, в результате которой выносится решение, обязательное для всех иных органов [13, с. 55]. Конституцией РФ предусмотрено, что Верховный Суд РФ осуществляет судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов, даёт разъяснения по вопросам судебной практики (в том числе посредством подготовки и опубликования Обзоров судебной практики в целях обеспечения единства судебной практики). Актами Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) не только разрешаются конкретные споры в порядке кассационного, надзорного производства, но и выявляются, восполняются системные проблемы правового регулирования [16, с. 32-33]. Ряд правовых позиций, изложенных в обзорах разных лет, представляет практический интерес в контексте судебной защиты нарушенных прав членов семей военнослужащих.

Федеральными и региональными законами, подзаконными актами установлены разнообразные выплаты (в том числе страховые) в случае гибели военнослужащего. Учитывая, что при обращении нескольких членов семьи за данной мерой социальной поддержки, выплата делится поровну, на практике возможны ситуации, когда биологический родитель погибшего мобилизованного, фактически не участвовавшего в воспитании ребёнка, претендует на выплаты. Приведенная правовая позиция нашла своё отражение в п. 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №4 (2020). Так, И. обратилась с иском о лишении Т. права на выплату единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью их сына –

военнослужащего, полагая, что ответчик не должен получать выплаты ввиду неисполнения обязанностей по воспитанию сына, продолжительной неуплаты установленных судом алиментов, отсутствии фактических семейных связей. Суд первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказал, мотивируя это тем, что закон формально не предусматривает механизма лишения члена семьи права на выплаты, с чем согласился и суд апелляционной инстанции. В свою очередь, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ признала эти выводы основанными на неправильном применении норм материального права, так как цель подобных выплат – компенсировать материальные и нравственные потери родителям, надлежащим образом воспитывавшим будущего защитника Отечества и содержавшим его до наступления совершеннолетия. Судебная коллегия справедливо указала на то, что при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями к лишению родителей родительских прав, допустимо лишение права на получение социальной поддержки.

Вместе с тем следует принять во внимание правовую позицию Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ, содержащуюся в п. 10 тематического Обзора судебной практики [12], о том, что выплата единовременного пособия членам семьи погибшего военнослужащего должна производиться на основании закона, который действовал в момент его гибели. Изложенная позиция Судебной коллегии ВС РФ представляется нам обоснованной и применимой в современных реалиях, так как позволяет в перспективе защитить права членов семей мобилизованных, которые не успели получить меры социальной поддержки, в случае изменения законодательства (уменьшение предусмотренных выплат или вообще их исключение).

Подводя итог, можно сделать вывод, что на данный момент в Российской Федерации предусмотрена система трудовых и социальных гарантий для мобилизованных граждан, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей. В то же время в целях оказания социальной

помощи каждому гражданину, независимо от места его проживания, соблюдения равенства прав, необходимо установление федерального минимума мер поддержки с одновременным наделением субъектов РФ правом расширять такой стандарт на своей территории. В случае нарушения прав мобилизованного или членов его семьи, они не лишены права воспользоваться конституционным правом на судебную защиту как наиболее эффективной юридической гарантией.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 07.10.2022 № 376-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6938.

2. Федеральный закон от 07.10.2022 № 377-ФЗ "Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6939.

3. Федеральный закон от 04.11.2022 № 419-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. 2022. № 251.

4. Указ Президента РФ от 09.05.2022 № 268 "О дополнительных мерах поддержки семей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов" // Собрание законодательства РФ. 2022. № 20. Ст. 3271.

5. Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 "Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2022. № 39. Ст. 6590.

6. Указ Президента РФ от 02.11.2022 № 787 "О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211030044> (дата обращения: 16.11.2022).

7. Постановление Губернатора Московской области от 05.10.2022 № 317-ПГ "О социальной поддержке граждан Российской Федерации, призванных Военным комиссариатом Московской области и призывными комиссиями по мобилизации граждан в Московской области на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, граждан Российской Федерации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а также членов их семей" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000202210070001> (дата обращения: 16.11.2022).

8. Постановление губернатора Костромской области от 29.09.2022 № 222 "О дополнительной мере социальной поддержки гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по частичной мобилизации" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4400202209290002> (дата обращения: 16.11.2022).

9. Постановление Правительства Белгородской области от 10.10.2022 №585-пп "О порядке предоставления выплат семьям граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Белгородской области, призванных на военную службу по мобилизации или заключивших контракт о прохождении военной службы либо контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные силы Российской Федерации" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202210100006> (дата обращения: 16.11.2022).

10. Постановление Правительства Свердловской области от 20.10.2022 №693-ПП "О предоставлении единовременных денежных выплат в связи с

участием граждан в специальной военной операции на территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики или призывом на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6600202210250007> (дата обращения: 16.11.2022).

11. Информационное письмо Банка России от 21.10.2022 № ИН-03-59/126 "О применении Федерального закона от 07.10.2022 № 377-ФЗ "Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Вестник Банка России. 2022. № 52.

12. Обзор практики рассмотрения судами дел о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 6.

13. Защита прав граждан на пенсионное обеспечение: монография / О.В. Ерофеева. – Москва: Проспект, 2013. 171 с.

14. Проблемы правового регулирования социального обеспечения военнослужащих: монография / Н.В. Антипьева. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 382 с.

15. Современное пенсионное обеспечение в Российской Федерации: учебное пособие / Д. Н. Ермаков, С. А. Хмелевская. - Москва : Дашков и К , 2014. 395 с.

16. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение: монография / А. Ю. Гусев. - Москва: Проспект, 2018. 110 с.

УДК 349.3

Шовдра Дарья Ивановна

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

Институт прокуратуры

Россия, Екатеринбург

Shovdra.darya@mail.ru

Shovdra Darya Ivanovna

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of the Prosecutor's Office

Russia, Ekaterinburg

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Аннотация: институт семьи является одним из самых важных в рамках государства. Именно с помощью семьи обеспечивается поддержка прав и интересов каждого индивида. Семейные и родственные связи обеспечивают тесное взаимодействие. При этом важно, что с помощью семьи гарантируется безопасность, которая касается социальной сферы, экономической сферы, а также непосредственно физической безопасности. При этом обязательно нужно обеспечить со стороны государства саму поддержку семей, особенно с детьми, для того, чтобы этот институт мог в полной мере реализовывать свои основные функции.

Ключевые слова: государство, поддержка, дети, семья, программа, помощь.

STATE SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN

Annotation: the institution of the family is one of the most important within the state. It is with the help of the family that the rights and interests of each individual are supported. Family and kinship ties ensure close interaction. At the same time, it is important that with the help of the family, security is guaranteed, which concerns the

social sphere, the economic sphere, as well as physical security itself. At the same time, it is imperative to ensure that the state itself supports families, especially with children, so that this institution can fully implement its main functions.

Key words: state, support, children, family, program, assistance.

В настоящий момент государственная поддержка семей с детьми в первую очередь представлена в виде социального обеспечения. Это комплексная система, направленная на социальную защиту. Ее деятельность затрагивает многие различные группы населения, для обеспечения эффективности и стабильности обеспечивается четкое структурирование этой сферы, подключаются разнообразные министерства и ведомства, а также государственные организации и учреждения.

В настоящий момент подобная система наиболее актуально. Это обусловлено значительными изменениями в социальной и экономической сфере, которые происходят на основании динамики как в Российской Федерации, так и во всем мире.

Радикальные изменения обусловлены были изначально пандемией, а затем прохождением спецоперации на Украине, в результате семьи с детьми стали еще больше нуждаться в государственной поддержке. Сейчас масштабы процесса обнищания, а также заболеваемости и смертности являются фактически критическими тенденциями. Необходимо решать основные процессы для того, чтобы справиться с негативными изменениями самого генофонда нации [3].

Стоит уделить внимание подробному анализу системы пособий, льгот, а также компенсационных выплат, которые позволяют улучшать материальное благосостояние каждой семьи. Сейчас эффективность социальной и экономической защиты находится на сравнительно низком уровне.

В связи со значительными проблемами в экономической сфере государства каждая семья нуждается в более серьезной материальной

поддержки. Конечно, в последние годы можно отследить множество изменений, большое количество разнообразных программ.

Однако, для семей с разным уровнем дохода реализуются одинаковые меры поддержки. В итоге не всегда это приводит к повышению уровня и качества жизни, а также многие вопросы остаются нерешенными, не смотря на многочисленные новые программы со стороны государства. В частности, речь идет о таких вопросах как обеспечение жильем, образованием, медицинскими услугами семей с детьми.

В настоящий момент фактически в Российской Федерации наблюдается сложный период на основании взаимоотношений в международном сообществе. Это означает значительные нарушения, которые касаются всех сфер без исключения.

Кроме того, в условиях рыночной экономике необходимо обеспечивать государственную поддержку для каждой семьи на новом уровне. В свою очередь это позволит решить ряд проблем, связанных с демографическим кризисом.

В настоящий момент в виде государственной поддержки семей с детьми предлагаются разнообразные формы для обеспечения необходимого уровня жизни. Речь идет о материальной поддержке в виде разнообразных пособий и льгот, а также о поддержке с помощью обеспечения жизненно важных услуг и товаров.

В частности, речь идет об образовании, медицине, а также же продуктах питания, одежде и иных задачах. На основании анализа существующей тенденции социальной сферы можно рассчитывать, что государственная поддержка будет только лишь увеличиваться с точки зрения ее уровня качества, а также количества услуг и пособий, которые предлагаются семьям с детьми.

При этом потребности подобных семей также активно растут. Сравнительно недавно были запущены проекты разовой помощи, это единовременное пособие в размере 10 тысяч рублей. Однако, своего эффекта такая

поддержка не производит. Для решения комплекса проблем, которые сейчас актуальны для семей с детьми, необходима поддержка гарантированная, постоянная и адресная, с индивидуальным подходом к потребностям каждой группы населения без исключения.

В частности, требуется реализация территориального разделения, которая позволит учитывать потребности семей с детьми в разных регионах, это может быть связано с культурными и историческими их особенностями, а также непосредственно с особенностями хозяйствования, экономической и социальной системы в конкретном регионе. Государственная политика также реализуется с помощью центров помощи для матерей и детей, которые позволяют получить требуемую помощь.

При анализе статистики в социальной сфере Российской Федерации необходимо обратить внимание непосредственно на тот факт, что огромное количество граждан сейчас живут в неблагоприятных условиях. Многие из них являются семьями с детьми, в том числе и многодетными [4].

При этом активно возрастают масштабы социального сиротства, остаются актуальными проблемы алкоголизма, наркомании, а также домашнего насилия, при этом множество неполных семей, которые также нуждаются в дополнительной поддержке со стороны государства.

Реализация прав матери и ребенка в Российской Федерации – это один из наиболее актуальных вопросов в современной сфере, который находится в рамках полномочий разнообразных государственных органов, в том числе речь идет об органах местного самоуправления отдельных субъектов. Дополнительно стоит обеспечивать государственную поддержку при взаимодействиями с разнообразными общественными объединениями, а также негосударственными институтами для увеличения эффективности работы в этой сфере.

Сейчас материнство и детство – это наиболее актуальная сфера, поэтому существующие в ней проблемы тщательно анализируются. Фактически семьи с

детьми представляют собой будущее государства, которое затрагивает как социальную и экономическую, так и политическую и многие другие сферы.

При этом сейчас государственная поддержка семей с детьми включает в себя большое количество разнообразных проблем, для исправления которых необходимо полноценное эффективное вмешательство органов государственной власти.

В первую очередь речь идет об отношении в обществе к семье. В настоящий момент произошло разрушение традиционных семейных ценностей, а также отсутствует приоритет самой семьи. Вторым фактором является наличие социального сиротства на разных основаниях. Уровень ответственности родителей за воспитание своих детей значительно снизился. Кроме того, стоит обратить внимание на ограниченные условия для реализации каждого ребенка и его дальнейшее развитие с точки зрения получения статуса полноправного члена общества.

Важной проблемой становится тот факт, что сейчас сама система государственной поддержки семей является недостаточно разработанной и эффективной. Кроме того, в рамках представленной поддержки стоит обратить внимание на вопросы, связанные с улучшением демографического уровня, который сейчас находится в упадке.

В некоторых аспектах также возникают проблемы, связанные с законодательством, имеются пробелы и несоответствия международного и национального законодательства в Российской Федерации.

Для полноценного исправления всего описанного комплекса проблем, следует реализовывать государственную поддержку в виде решения ряда основных задач, касающихся в первую очередь вопросов материнства и детства.

Каждая женщина должна быть обеспечена возможностью совмещения профессиональной деятельности и воспитания детей. Центры занятости официально уже предлагают подобную услугу, однако, на практике это

вызывает множество проблем, хотя сейчас и развивается работа в дистанционном формате [2].

Следующим фактором становится повышение благосостояния для семей с детьми. Это реализуется с помощью материальной поддержки в разных форматах, с несколькими программами. Однако, их оказывается недостаточно для решения основных вопросов, например с точки зрения обеспечением жилья.

С точки зрения совершенствования государственной поддержки актуально будет привести стандарт равенства мужчин и женщин в их правах по отношению к детям. На практике сейчас мужчине оказывается значительно сложнее оформить необходимое пособие, а также действовать в интересах ребенка.

Дополнительно стоит обратить внимание на сферу здравоохранения. Требуется усилить контроль за здоровьем женщин и детей. Реализуются медицинские осмотры в учебных учреждениях, а также предлагается диспансеризация, но нередко это осуществляется только лишь формально, эффективность подобных мероприятий ниже ожидаемой.

Большое внимание нужно уделять процессам, которые касаются государственной финансовой поддержки. С помощью активного развития института детства и материнства в этой области можно справиться с большим количеством кризисных ситуаций.

Государственная поддержка в Российской Федерации основана в первую очередь на Конституции РФ, в которой указано, что обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Кроме того, дополнительно в конституции упоминается, что материнство, детство и семья защищаются со стороны государства.

Представленные основные принципы являются базовыми для того, чтобы государство формировало список мероприятий, используемых для поддержки семей. При этом важно, чтобы они гарантировались со стороны права,

обеспечивали повышение рождаемости, а также улучшение качества и уровня жизни каждой семьи.

С точки зрения совершенствования представленной системы необходимо обратить внимание на необходимость увеличения ответственности всех основных структур власти в этой сфере.

Актуальные проблемы семьи в Российской Федерации должны решаться с помощью государственной политики, которая обеспечивает ее защиту. В качестве практических рекомендаций в этой сфере стоит выделить несколько основных факторов [5].

В первую очередь речь идет о медицинской практике, профилактике разнообразных заболеваний, а также активной диагностики с использованием современных технологий под руководством высококвалифицированных врачей. В рамках социальной сферы необходимо создавать необходимые условия, благодаря которым удастся увеличивать эффективность государственной поддержки.

Дополнительно стоит обратить внимание на особенности кадровой работы. Каждый специалист обязательно должен обладать необходимыми навыками и знаниями для того, чтобы обеспечивать оказание услуг на высоком уровне. При этом повышение квалификации профессионалов является постоянной мерой [1].

Для обеспечения изменения общественного мнения стоит расширять просвещение по вопросам семьи, материнства, детства, уделять внимание здоровому образу жизни. При этом подкрепляться информация должна актуальной агитацией.

С точки зрения активного применения государственной поддержки на практике обязательно нужно рассмотреть пособия и иные виды поддержки для семей с детьми, которые реализуются со стороны государства. В частности, речь идет о том комплексе, который актуален на 2022 год.

В первую очередь это ежемесячное пособие будущим матерям, которое представляет собой 50% прожиточного минимума для трудоспособного населения и рассчитывается на основании показателей конкретного региона. Подобная поддержка актуальна для каждой женщины, которая встала на учет в первые 12 недель беременности.

При этом с 12 недели уже начинаются выплаты до родов. Оформление подобной поддержки может быть реализовано в ПФР или же с помощью госуслуг в дистанционном формате.

После рождения ребенка есть возможность получить единовременное пособие. Для всех семей Российской Федерации подобная мера является универсальной. Подобную выплату может оформить на себя один из родителей, при этом на каждого ребенка выплачивается это пособие. В 2022 году с февраля размер этой выплаты в 20472,77 рубля, при этом дополнительно есть повышающие коэффициенты.

До полутора лет каждая женщина получает пособие по уходу за ребенком. Сумма этой выплаты составляет минимум 7667 рублей с 1 февраля 2022 года, она также может меняться в зависимости от коэффициентов конкретных районов страны.

Предусматриваются также выплаты для первого и второго ребенка до трех лет. Для этого необходимо представить, что средний доход семьи на каждого человека меньше, чем 2 прожиточных минимума, ориентируются на показатели конкретных регионов.

От трех до 7 лет непосредственно подключается пособие для семей с детьми, которое выплачивается каждый месяц. Критерием тут является средний доход на душу, который установлен ниже прожиточного минимума в конкретном регионе.

От 8 до 17 лет также некоторые семьи с детьми могут получать материальную поддержку. Речь идет об отдельных категориях лиц, которые относятся к малозащищенным и имеют сложную финансовую ситуацию.

Заявление есть возможность подать с помощью портала Госуслуги, там же представлены конкретные критерии для получения подобного формата государственной помощи [6].

В качестве государственной поддержки для решения жилищных проблем предлагается материнский капитал. Он для первого ребенка представляет собой 524 тысячи рублей, для второго это 168 тысяч рублей в качестве добавления к первой сумме, если же ранее не было реализовано право на материнский капитал, то можно одновременно рассчитывать на 693 тысячи, которые каждая семья может потратить на определенные цели, в том числе и не улучшение жилищных условий.

Жилищные условия – это наиболее острый вопрос для многодетных семей. Актуальным вопросом является поддержка с помощью предоставления 450 тысяч рублей на полное или частичное погашение ипотечного кредита. Эта мера актуальна для детей, которые родились после 2019 года.

В результате можно сделать вывод о том, что государственная поддержка для семей с детьми регулярно расширяется и обновляется, но на основании показателей демографической политики можно говорить о том, что эффективности в этой сфере недостаточно для того, чтоб компенсировать экономические и социальные сложности.

Список литературы:

1. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Новые меры социальной поддержки семей с детьми: оценка государственных расходов //Финансовый журнал. – 2018. – №. 2 (42). – С. 36-46.

2. Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержки семей с детьми: практика современной России //Власть. – 2019. – №. 5. – С. 105-111.

3. Барциц А. Д. Материнский (семейный) капитал как мера дополнительной государственной социальной поддержки семей, имеющих детей //Научные записки молодых исследователей. – 2019. – №. 2. – С. 59-65.

4. Рыбакова О. С. Развитие законодательства в рамках реализации российской правовой политики в сфере поддержки материнства и семей с детьми //Мониторинг правоприменения. – 2018. – №. 4 (29). – С. 37-41.

5. Чашкова С. Ю. Защита права собственности на жилое помещение членов семьи при реализации дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей //Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – №. 5. – С. 35-43.

6. Щербина Н. Доступная, эффективная и справедливая? Какой люди видят белорусскую систему социальной поддержки семей с детьми. – RDP/20/02, Исследовательский центр ИПМ, 2020.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6

Кременец Марина Юрьевна
Тюменский государственный университет
Института государства и права
Россия, Тюмень
stud0000228263@study.utmn.ru

Kremenets Marina Yurevna
University of Tyumen
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ОБЛАСТИ ПРОФИЛАКТИКИ СИБИРСКОЙ ЯЗВЫ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы применения законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия, в частности в области профилактики распространения сибирской язвы и нормативных требований к содержанию сибиреязвенных скотомогильников на территории РФ. Автор обращает внимание законодателя на пробелы в правовом регулировании, предлагает внесение изменений для более оперативного и эффективного применения на практике нормативных актов.

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологическая безопасность, сибирская язва, профилактика, благоприятная окружающая среда, сибиреязвенные скотомогильники.

SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTING LEGISLATION IN THE FIELD OF ANTHRAX PREVENTION

Annotation: the article discusses the problems of applying legislation in the field of sanitary and epidemiological welfare, in particular in the field of preventing the spread of anthrax and regulatory requirements for the maintenance of anthrax cattle burial grounds in the territory of the Russian Federation. The author draws the attention of the legislator to some gaps in legal regulation, proposes amendments for a faster and more efficient application of regulations in practice.

Key words: sanitary and epidemiological safety, anthrax, prevention, favorable environment, anthrax burial grounds.

Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия является одной из значимых в числе функций государства [8, 9]. ФЗ от 30.03.1999 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» определяет санитарно-эпидемиологическое благополучие (далее – СЭБ) населения как состояние отсутствия негативного воздействия факторов среды обитания [10]. Биологическими факторами среды обитания, помимо прочих, являются вирусные факторы. Сибирская язва (далее – СЯ) является давней проблемой на территории России и считается особо опасным вирусом в силу своей устойчивости ко многим физическим и химическим воздействиям. До сих пор этот вопрос поднимается во многих исследованиях. Например, предпринимаются попытки выделить факторы, влияющие на сохранение возбудителя, критерии для характеристики сибиреязвенных скотомогильников и их классификации по степени эпидемиологической опасности [11].

Домашний скот и контамированная почва - основные источники инфицирования людей; с ними связано возникновение новых очагов. Такие местности затем могут признаны стабильно неблагоприятными по СЯ. В наше время масштабных эпизоотий и эпидемий СЯ удастся не допустить в силу доступности необходимых лекарственных препаратов и наличия вакцин. Ненадлежащее содержание скотомогильников и наличие забытых неучтенных захоронений в свою очередь еще больше повышают риск распространения СЯ.

По официальной информации Тюменская область благополучна по сибирской язве с 1984 года [5]; однако не исключен риск появления новых очагов, влекущих опасность для здоровья населения. Печальным примером служит вспышка СЯ в Ямало-Ненецком автономном округе. Множество исследователей из области медицины посвятили свои работы вопросу о причинах, которые могли спровоцировать внезапную эпизоотию и разработке мер для предотвращения подобных событий [12, 13].

В России существует целый ряд правовых актов в области обеспечения СЭБ населения, включая профилактику заболевания вирусом СЯ и недопущения его распространения. Ветеринарные правила, утвержденные приказом Минсельхоза РФ в 2020 г. [6] устанавливают требования к перемещению, обозначению, утилизации отходов, зараженных СЯ, которые относятся к особо опасным биоотходам. В частности, перемещение таких отходов должно исключать любое их высыпание, следует использовать специальные емкости, на которых будет видна надпись «особо опасные отходы». Утилизация осуществляется только под наблюдением государственного специалиста в области ветеринарии. Однако ранее действующие Ветеринарные правила, утвержденные в 1995 году, очень подробно устанавливали требования к содержанию СЯ скотомогильников: необходимость глухого забора высотой 2 метра по периметру захоронения, образование с внутренней стороны траншеи глубиной 0,8 - 1,4 м и другие требования. В новых Правилах подобных положений нет, что, на наш взгляд, является серьезным упущением. Подобные требования устанавливались Санитарными Правилами 3.1.7.2629-10, утвержденными Постановлением Главного санитарного врача РФ. Согласно им, сибирезязвенный скотомогильник надлежит оградить по всему периметру, чтобы исключить случайный доступ людей и животных; снаружи формируются глубокие канавы с обязательной табличкой с надписью «сибирская язва». Этот нормативный акт утратил силу с 1 сентября 2021 года.

На федеральном уровне отсутствует четкое формальное закрепление за какими-либо органами полномочий по обеспечению безопасности сибиреязвенных скотомогильников. В ранее названных утративших силу Санитарных правилах эта обязанность была возложена на органы исполнительной власти субъектов РФ. На наш взгляд, будет целесообразно при внесении изменений в действующие нормативные акты обратить внимание на данное положение и нормативно закрепить. Судебная практика по делам о нарушении правил содержания сибиреязвенных скотомогильников [1] показывает, что суды признают администрации населенных пунктов надлежащими субъектами правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 10.8. КоАП РФ [3]. Доводы органов местного самоуправления о том, что обязанность по содержанию сибиреязвенных скотомогильников возложена на органы субъектов РФ признаются несостоятельными. Думается, чтобы раз и навсегда прояснить этот важное обстоятельство, региональным законодателям, в свою очередь, следует формально закрепить фактически существующее на практике у муниципалитета обязанности по содержанию сибиреязвенных скотомогильников.

Например, Закон Тюменской области от 5 ноября 2019 г. № 65 [2] закрепляет за органами местного самоуправления обязанность реализации отдельных государственных полномочий, в том числе по предупреждению и ликвидации болезней животных, защите населения от болезней, содержание в надлежащем состоянии скотомогильников. Активная деятельность по выявлению и учету сибиреязвенных захоронений, особенно в очагах, если источник не был установлен, контролю за их состоянием, способствует минимизации риска возникновения эпизоотий и опасности для здоровья людей. В своем Письме Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека обратила внимание органов исполнительной власти на необходимость проведения соответствующих мероприятий [7]. 1 марта 2021 г. Роспотребнадзором были утверждены

Методические рекомендации [4], унифицирующие подход к оценке опасности почвенных очагов СЯ. Указывается на тот факт, что расположение территорий, признанных неблагополучными по СЯ, совпадает с полосой чернозёмных почв, где споры СЯ наиболее длительное время сохраняют активность. Это говорит о том, что в принятии данных рекомендаций была практическая необходимость, их следует придерживаться при планировании работ, связанных с выемкой и перемещением грунта.

Проанализировав ряд нормативных актов в области профилактики СЯ мы пришли к выводу, что угроза распространения опасной инфекции сохраняется; вносятся изменения в существующие и принимаются новые акты, однако их эффективное применение на практике возможно тогда, когда федеральным и региональным законодателем определен ответственный орган.

Список литературы:

1. Дело № 21-360/2019 // Архив Тюменского областного суда [Электронный источник]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8zxJzpAC4tB/> (дата обращения: 01.12.2022).

2. Закон Тюменской области от 05.11.2019 № 65 «О внесении изменений в Закон Тюменской области «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» [Электронный источник] / <https://base.garant.ru/72954966/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 01.12.2022).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.12.2022).

4. Методические рекомендации МР 3.1.0232-21 «Определение эпидемиологической опасности почвенных очагов сибирской язвы» (утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и

благополучия человека 01.03.2021) [Электронный источник] / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400555146/> (дата обращения: 01.12.2022).

5. Официальный портал органов государственной власти ТО: [сайт]. URL: <https://admtyuumen.ru/> (дата обращения: 01.12.2022).

6. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 26.10.2020 № 626 «Об утверждении Ветеринарных правил перемещения, хранения, переработки и утилизации биологических отходов» [Электронный источник] / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74739369/> (дата обращения: 01.12.2022).

7. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 07.06.2010 № 01/8458-0-32 «О сибиреязвенных скотомогильниках» [Электронный источник] / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12076484/> (дата обращения: 01.12.2022).

8. Устьянцева О.В. Правовое содержание понятия «среда обитания человека» для целей санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Гражданин и право. 2015. № 3. С. 66-72.

9. Устьянцева О.В. Государственные программы в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России // Современное право. 2015. № 12. С. 30-34.

10. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [Электронный источник] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 01.12.2022).

11. Эпидемиологическая опасность сибиреязвенных захоронений: теоретико-методологические аспекты / Е. Г. Симонова, С. А. Картавая, М. Н. Локтионова, В. И. Ладный // Медицина в Кузбассе. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 26-31.

12. Шестакова, И. В. Сибирская язва: новые сведения о старой болезни после вспышки на Ямале летом 2016 г / И. В. Шестакова // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. – 2016. – № 4(17). – С. 12-23.

13. Вспышка сибирской язвы в Ямало-Ненецком автономном округе в 2016 году, эпидемиологические особенности / А. Ю. Попова, Ю. В. Демина, Е. Б. Ежлова [и др.] // Проблемы особо опасных инфекций. – 2016. – № 4. – С. 42-46.

УДК 349.6

Молчанов Максим Дмитриевич
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт Частного права
Россия, Москва
molchanov2014@gmail.com
Molchanov Maksim Dmitrievich
The University named after O.E. Kutafin (MSAL)
The Institute of Private Law
Russia, Moscow

ЗЕЛЕННЫЕ ТАРИФЫ

Аннотация: быстрый экономический рост был достигнут главным образом за счет ускоренного потребления природных ресурсов, которое выходит далеко за экологические пределы планеты. Одно из очевидных решений проблемы истощения ресурсов связано с переходом от эксплуатационного одноразового использования к циклическому повторному использованию экологических ресурсов и финансированию низкоуглеродных стратегий, которые составляют основу зеленой экономики. Это тенденция, которой необходимо следовать, и она уже широко применяется в Украине, США, Германии и других странах. В данной статье упор был сделан именно на правовое регулирование в США и Украине.

Ключевые слова: зеленые тарифы, возобновляемые источники энергии, объекты микрогенерации, зеленые аукционы, зеленая энергетика

Feed-in tariff

Annotation: Rapid economic growth has been achieved mainly due to accelerated consumption of natural resources, which goes far beyond the ecological limits of the planet. One of the obvious solutions to the problem of resource depletion is

associated with the transition from operational one-time use to cyclical reuse of environmental resources and financing of low-carbon strategies that form the basis of a green economy. This is a trend that needs to be followed, and it is already widely used in Ukraine, the USA, Germany and other countries. In this article, the emphasis was placed on legal regulation in the USA and Ukraine.

Key words: feed-in tariff, renewable energy sources, microgeneration facilities, green auctions, green energy

Зелёный тариф — экономический механизм, предназначенный для стимулирования развития зеленой энергетики. Впервые данный тариф был введен в США в 1978 году, когда президент Джимми Картер подписал Национальный энергетический закон и Закон о регулировании коммунального хозяйства. Смысл данного тарифа заключается в том, что государство выкупает излишки произведенной энергии у лица если она произведена из возобновляемых источников. Если лицо установило солнечную панель и двунаправленный счетчик, то избыток энергии производимой солнечной панелью будет поступать в общую электрическую сеть. Чтобы тариф был экономически эффективным используется пошаговый подход. Сначала устанавливается финансовая поддержка для привлечения людей и стимулировании установки солнечных установок, а затем ее поэтапно снижают, чтобы избежать сверхприбылей и повысить эффективность. По состоянию на 2019 год данный экономический механизм был введен в действие более чем в 50 странах.

В России развитие зеленых тарифов началось с утверждения «Плана мероприятий по стимулированию развития генерирующих объектов на основе возобновляемых источников энергии с установленной мощностью до 15 кВт» 24 июля 2017 года Правительством РФ. Планом предусматривалось внесение изменений в законодательство об электроэнергетике в части установления основных принципов договорных отношений между частными владельцами

микрoгенерации и субъектами рынка электрической энергии. В связи с этим планом также были внесены поправки в Федеральный закон "Об электроэнергетике", которые ввели понятие объекта микрoгенерации и закрепили основные принципы договорных отношений [1]. Ниже более подробно рассматриваются данные положения.

В России возобновляемые источники энергии относятся к объектам микрoгенерации. Объектом микрoгенерации являются объекты по производству электрической энергии, принадлежащие на праве собственности или ином праве потребителю (частному лицу или организации). Генераторами могут выступать как солнечные батареи, ветрогенераторы и так далее, так и объекты традиционной энергетики (например, дизельные генераторы). Сами требования к объекту микрoгенерации указаны в определении самого объекта в Федеральном Законе "Об электроэнергетике". Объект микрoгенерации - объект по производству электрической энергии, принадлежащий на праве собственности или ином законном основании потребителю электрической энергии, энергопринимающие устройства которого технологически присоединены к объектам электросетевого хозяйства с уровнем напряжения до 1000 вольт, функционирующий в том числе на основе использования возобновляемых источников энергии и используемый указанным потребителем для производства электрической энергии в целях удовлетворения собственных бытовых и (или) производственных нужд, а также в целях продажи в порядке, установленном основными положениями функционирования розничных рынков, в случае, если объем выдачи электрической энергии таким объектом по производству электрической энергии в электрическую сеть не превышает величину максимальной присоединенной мощности энергопринимающих устройств указанного потребителя и составляет не более 15 киловатт и если для выдачи электрической энергии такого объекта в электрическую сеть не используется электрическое оборудование, предназначенное для обслуживания более одного помещения в здании, в том числе входящее в состав общего

имущества многоквартирного дома. Из этого понятия можно сделать вывод, что объект должен обладать уровнем напряжения 1000 вольт и иметь максимальную мощность 15 киловатт [2]. Если объект соответствует требованиям закона лицо, которое хочет подключиться к “Зеленому тарифу” должен пройти определенную процедуру. Лицо должно подать заявку в сетевую организацию на подключение. Сетевая организация создает на основе заявки личный кабинет заявителя, в котором размещает проект договора купли-продажи энергетической энергии, произведенной на объектах микрогенерации. Если лицо не согласно с условиями договора, то оно может направить протокол разногласий сетевой компании. Если заявитель со всем согласен, то производится установка двунаправленного счетчика и подключение к общей городской энергосети. Как указывается в Постановлении Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 (ред. от 30.06.2022) "О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии" договор купли-продажи электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации, признается заключенным между заявителем и гарантирующим поставщиком со дня составления и размещения в личном кабинете заявителя на сайте сетевой организации акта об осуществлении технологического присоединения энергопринимающих устройств и объектов микро генерации заявителя, подписанного со стороны сетевой организации, но не ранее совершения заявителем действий, свидетельствующих о начале фактического потребления электрической энергии или производства и отпуска электрической энергии в электрическую сеть, вне зависимости от подписания договора заявителем [3].

Планом также предусматривается исключение налоговых обязательств у физических лиц, осуществляющих операции по реализации электрической энергии, выработанной с использованием микрогенерации ВИЭ для собственных нужд своего домохозяйства.

Исходя из анализа законодательства можно выделить соответствующие плюсы и минусы зеленого тарифа. Зеленый тариф в настоящее время является необходимым шагом, стимулирующим инвестиционную активность в области ВИЭ. У этого тарифа имеются положительные и отрицательные стороны.

Можно назвать следующие преимущества: дополнительный доход для лиц, владеющих альтернативными станциями; полученный таким образом доход, не облагается налогом, поскольку законодателю выгодно развивать данное направление; с помощью такой системы снабжения энергии значительно уменьшаются выбросы в окружающую среду; использование ВИЭ в коммунальной энергетике расширяет доступ потребителей к электроэнергии или увеличивает число доступных им вариантов энергоснабжения [4].

Не обошелся такой метод без недостатков: изменения в налоговой системе, связанные с работой альтернативных станций, уменьшают финансовые поступления в бюджеты местного и федерального уровней; такие меры должны затрагивать как усовершенствование нормативного регулирования на международном уровне, так и сотрудничество с национальными финансовыми партнерами для разработки общих стратегий интегрированного финансирования, учитывающих особенности различных правовых порядков, финансовые барьеры и риски, связанные с этими проектами, с целью стимулирования местных частных инвестиций [5, с. 213];

стоимость электрической энергии увеличится для предприятий Энергосбыта.

Зеленый тариф был введен и в других странах. По состоянию на 2019 год политика льготных тарифов была введена в более чем 50 странах, включая Алжир, Австралию, Австрию, Бельгию, Бразилия, Канада, Китай, Кипр, США, Чешская Республика, Дания, Эстония, Франция, Германия, Греция, Гонконг, Венгрия, Иран, Республика Ирландия, Израиль, Италия, Кения, Республика Корея, Литва, Люксембург, Нидерланды, Мальта, Пакистан, Португалия, Южная Африка, Испания, Швейцария, Танзания, Таиланд, Турция, Украина и

Великобритания. На мой взгляд необходимо рассмотреть опыт введения данной политики и в других странах.

Из всех стран СНГ наибольшее развитие зеленого тарифа было в Украине. Прежде чем понять, как регулируется данное направление в Украине следует обратиться к законодательству за тем, чтобы узнать, как законодатель Украины понимает это понятие. Закон Украины «Об альтернативных источниках энергии» гласит:

зеленый тариф - специальный тариф, по которому закупается электрическая энергия, произведенная на объектах электроэнергетики, в том числе на введенных в эксплуатацию очередях строительства электрических станций (пусковых комплексах), из альтернативных источников энергии (а с использованием гидроэнергии - только микро-, мини - и малыми гидроэлектростанциями); (перевод с украинского).

микрогидроэлектростанция - электрическая станция, производящая электрическую энергию за счет использования гидроэнергии, установленная мощность которой не превышает 200 кВт;

минигидроэлектростанция - электрическая станция, производящая электрическую энергию за счет использования гидроэнергии, установленная мощность которой составляет более 200 кВт, но не превышает 1 МВт;

малая гидроэлектростанция - электрическая станция, производящая электрическую энергию за счет использования гидроэнергии, установленная мощность которой составляет более 1 МВт, но не превышает 10 МВт;» [6].

Регулирование альтернативными источниками энергии осуществляется Верховной Радой, Кабинетом Министров, а именно, они, в пределах своих полномочий: разрабатывают общегосударственные, отраслевые и местные программы в сфере альтернативных источников энергии, а также их научное, научно-техническое и финансово-экономическое сопровождение, разработку и выполнение заданий, соответствующих общегосударственным целевым научным и научно-техническим программам; осуществляют разработку и

принятие органами исполнительной власти в пределах их компетенции нормативно-правовых актов, государственных норм, правил, методических документов по использованию альтернативных источников энергии; осуществляют координацию и согласование отраслевых и местных программ в сфере альтернативных источников энергии с общегосударственными программами; осуществляют контроль за соблюдением требований законодательства в сфере альтернативных источников энергии и с выполнением общегосударственных программ в этой сфере и др.

Зеленый тариф в настоящее время является основным стимулом для иностранных инвесторов, работающих на украинском рынке возобновляемых источников энергии. Продвижение возобновляемых источников энергии в Украине восходит к введению льготного (“зеленого” в Украине) тарифа в поправке 2008 года к Закону Украины 1997 года “Об электроэнергетике”. Поправка дала производителям возобновляемой энергии право продавать энергию государству по ставке зеленого тарифа на период с 2009 года до конца 2029 года. В настоящее время зеленый тариф регулируется Законом Украины 2003 года “Об альтернативных источниках энергии” и Законом Украины 2017 года “Об энергетическом рынке”, которые усиливают обязательство правительства поддерживать зеленый тариф до конца 2029 года.

Ставки зеленого тарифа рассчитываются следующим образом: «базовый тариф (представляющий розничный тариф для потребителей второго класса напряжения, установленный по состоянию на январь 2009 года (0,5846 грн. за кВт/ч)), умноженный на коэффициент зеленого, величина которого зависит от типа производимой энергии и мощности станции, ее производящей. Зеленые коэффициенты для новых объектов будут постепенно снижаться с течением времени в зависимости от даты ввода объекта в эксплуатацию» [7].

Зеленый тариф привязан к евро (что делает его независимым от украинской валюты), и его ставки пересматриваются каждые три месяца на основе официальных обменных курсов валют. Он является одним из самых

высоких в Европе и был признан инвесторами привлекательным. Срок окупаемости проектов в области возобновляемых источников энергии в настоящее время оценивается от трех до пяти лет (государственными чиновниками) и около семи лет (инвесторами).

Чтобы воспользоваться зеленым тарифом, производители должны участвовать в рынке электроэнергии и подписывать контракты с государственным предприятием, покупающим и продающим электроэнергию “на сутки вперед” (гарантированный покупатель). Затем электроэнергия продается Гарантированным покупателем на оптовом рынке по рыночной цене, а разница между ценой зеленого тарифа, уплаченной Гарантированным Покупателем, и рыночной ценой компенсируется другим государственным предприятием, Оператором системы передачи. Эта компенсация является частью тарифа на передачу электроэнергии, оплачиваемого конечными пользователями системы передачи.

В последующем из-за бурного развития возобновляемых источников энергии было решено ввести взамен зеленого тарифа, зеленые аукционы. В сложившейся ситуации цены на зеленый тариф при высоких темпах развития альтернативной энергетики стали непосильной ношей для бюджета. В результате стало проблематично поддерживать те мощности, которые уже существуют и занимают генерацией, не говоря о возможном развитии. Кроме того, со времени принятия закона о зеленом тарифе ситуация на рынке существенно изменилась, речь идет, прежде всего, о значительном снижении стоимости оборудования, что сделало генерацию прибыльнее.

Утверждение озвученное выше подтверждается политикой Украинского правительства. В 2019 году правительство заявило, что зеленый тариф стал слишком обременительным с финансовой точки зрения, и начало обсуждать возможное снижение ставок зеленого тарифа. Ситуация привела к посредническим процедурам, в первую очередь между крупными инвесторами и правительством, под эгидой Секретариата ДЭХ. Между тем, украинский

энергетический регулятор снизил тариф на передачу электроэнергии с сентября 2019 года, что привело к снижению уровня компенсации, которую Гарантированный покупатель в противном случае внес бы в оплату зеленого тарифа. Сумма, остающаяся причитающейся к уплате зеленого тарифа производителям, продолжала расти в 2020 году.

В начале 2020 года было объявлено, что энергетический сектор Украины находится в кризисе, в частности, из-за падения потребления энергии после замедления промышленного производства, теплой зимы в 2019-2020 годах, а затем карантина из-за COVID-19.

4 мая 2020 года правительство Украины создало Антикризисную целевую группу по энергетике под председательством премьер-министра со следующими задачами и целями: заключение меморандума с инвесторами о снижении ставок зеленого тарифа, запрет на строительство новых ветряных и солнечных электростанций и переход на систему зеленых аукционов.

Однако стоит уточнить, что зеленые тарифы действуют и сейчас в отношении определенных объектов. Зеленый тариф применяется к тем производителям возобновляемой энергии, которые либо ввели в эксплуатацию свои объекты к 1 января 2020 года, либо заключили предварительный контракт с Гарантированным Покупателем при условии, что ввод в эксплуатацию состоится в течение определенного установленного периода после подписания контракта (два года для проектов солнечной энергетики и три года для всех других источников энергии).

Для тех объектов возобновляемой энергетики, которые не имеют контрактов с гарантированным покупателем на покупку своей энергии по тарифу зеленый тариф, государственная поддержка будет предоставляться посредством так называемых "зеленых аукционов". Зеленые аукционы потребуются для всех таких ветряных установок мощностью более 5 МВт и солнечных установок мощностью более 1 МВт. Все другие виды возобновляемых источников энергии могут участвовать в зеленых аукционах

добровольно. Зеленые аукционы были введены для снижения затрат на возобновляемую энергию для потребителей. Победители зеленых аукционов получают государственную поддержку в виде квоты, то есть объема электроэнергии, который государство гарантирует купить у них по выгодной цене. Максимальная выигрышная цена не должна превышать соответствующую ставку зеленого тарифа.

Зеленые аукционы планировалось провести с 1 апреля 2020 года, но они были отложены на неопределенный период времени.

В Украине зеленый тариф развивался достаточно быстро по сравнению с Россией и получил более широкое применение. Основная цель в создании зеленого тарифа заключалась в поощрение развития новейших типов энергоресурсов и благоприятных условий для инвесторов, которые вкладывают средства в альтернативные источники электроэнергии. Однако в последующем из-за событий в мире и спадом экономики развитие данной политики замедлилось.

Если говорить про сравнение с Российским законодательством, то можно выделить некоторые отличия. Во-первых, в Украине зеленый тариф привязан к евро, а в России привязан к национальной валюте. Данное решение хоть и может привлечь больше инвестиций, потому что евро является более стабильной валютой по сравнению с гривной, но данное решение подрывает национальную валюту и так же размер зеленых тарифов в национальной валюте будет зависеть от кредитно денежной политики ЕС и курса евро, что может негативно сказываться на национальную валюту. Так же в Украине существует зеленый аукцион в отличии от России, но стоит учитывать что он был введен из-за бурного развития возобновляемых источников энергии и возрастающей из-за этого нагрузки на бюджет. На мой взгляд на данный момент из за слабого развития возобновляемых источников энергии наличие зеленых аукционов в России является нецелесообразным.

Как уже отмечалось ранее, впервые данный тариф был введен в США Джимми Картером в 1978 году который подписал Закон о национальной энергетике (NEA). Этот закон включал пять отдельных актов, одним из которых был Закон о политике регулирования коммунальных предприятий (PURPA). Закон был принят в ответ на энергетический кризис 1973 года.

PURPA был принят с целью экономии электроэнергии. В рамках PURPA было положение, которое требовало, чтобы коммунальные предприятия покупали электроэнергию, произведенную у квалифицированных независимых производителей электроэнергии, по ставкам, не превышающим их себестоимости [8]. PURPA предоставила льготные условия компаниям, производящим электроэнергию из возобновляемых (не ископаемых видов топлива) способов. Более детальное регулирование зеленых тарифов происходит каждым штатом отдельно. К примеру штат Калифорния увеличила мощность ветровых электростанций с 10 МВт в 1981 году до 1700 МВт в начале 1990-х годов.

За исключением некоторых экспериментальных программ, большинство контрактов в США являются долгосрочными (10-20 лет). Это гарантирует владельцам возобновляемых источников энергии стабильный долгосрочный доход. Коммунальные службы США часто устанавливают тарифы, которые зависят от размера проекта (небольшие проекты, как правило, получают более высокие тарифы) и технологии (солнечные фотоэлектрические станции, как правило, получают более высокие тарифы, чем другие). Тарифы также могут зависеть от общей цели программы или ограничений по размеру (например, тарифы, которые снижаются по мере приближения мощности к предельному значению программы), коммунальные предприятия или штаты могут пересматривать свои тарифы в случаях чрезмерного или недостаточного взноса.

Большинство программ связанные с Зелеными тарифами в США имеют максимальный размер для отдельных проектов и могут ограничивать участие

определенным категориям, такие как бытовой потребитель. Например, новая программа покупки солнечной энергии “Dominion Virginia Power” применяется только к жилым системам мощностью до 20 киловатт (кВт) и коммерческим системам мощностью до 50 кВт, в то время как “Hawai's FIT”, которая распространяется на все принадлежащие инвесторам коммунальные предприятия Гавайев, имеет максимальный размер системы в диапазоне от 2700 кВт до 5000 кВт, в зависимости от острова.

В основном в США устанавливают совокупный потолок, устанавливаемый либо ежегодно, либо на уровне программы, ограничивающий объем мощности, который может воспользоваться преимуществами тарифа. Это важный механизм сдерживания затрат для программ связанных с зелеными тарифами.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в отличии от Российского регулирования в США решения по размерам зеленого тарифа и какие объекты соответствуют требованиям сами штаты. Также тарифы могут отличаться в зависимости от вида возобновляемого источника энергии. В рамках российского регулирования зеленый тариф одинаков в отношении всех видов объектов возобновляемой энергии. На мой взгляд данный способ является более гибким по сравнению с отечественным регулированием, так как в зависимости от развития той или иной сферы возобновляемых источников энергии, сам субъект может устанавливать более гибкое правовое регулирование.

В заключение хотелось бы сказать, что Россия обладает огромным потенциалом по развитию зеленой энергетики по сравнению с Европой. Как отмечали эксперты Роснано уровень солнечной активности в Бурятии выше, чем в Риме, а в Москве больше, чем в Берлине, который является лидером по использованию солнечных батарей. Зеленые тарифы являются эффективным средством для стимулирования развития возобновляемых источников энергии. Однако на данный момент темп развития возобновляемых источников

энергии достаточно медленный. На мой взгляд Правительство должно рассмотреть возможность повышения ставок по “Зеленым тарифам” для стимулирования установки возобновляемых источников энергии и ввести нулевую ставку для технологического присоединения объектов микрогенерации на основе ВИЭ для всех категорий заявителей. В связи с этим необходимо внести поправки в Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. N 1178 "О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике". Так же исходя из опыта США на мой взгляд было бы целесообразно установить разные тарифы в зависимости от потребностей и условий соответствующего региона. В связи с этим установка тарифов и их размеры должны устанавливать государственные органы субъектов Российской Федерации. В связи с этим необходимо внести поправки в Федеральный Закон "Об электроэнергетике".

Список литературы:

1. Проект Федерального закона N 581324-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике" в части развития микрогенерации" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.11.2018) // СПС-Консультант Плюс
2. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 11.06.2022) "Об электроэнергетике" // СПС-Консультант Плюс
3. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 (ред. от 30.06.2022) "О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии" (вместе с "Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии", "Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии") // СПС-Консультант Плюс

4. Международное сотрудничество в сфере энергетики и правовые вопросы экологии (Ефимовская И.В., Мамедова Г.Х. кызы) ("Право и бизнес", 2022, N 2) // СПС-Консультант Плюс

5. William, E. G. Geothermal Energy Renewable Energy and the Environment / E. G. William. — Second Edition. — : CRC Press, 2015. — 423 с. — Текст : непосредственный.

6. Закон Украины «Об альтернативных источниках энергии» Документ 555-IV, действующий, текущая редакция. — Текст : электронный // Верховна Рада України : [сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/555-15/card3#Files> (дата обращения: 20.11.2022).

7. H.R. 4018 (95th): Public Utility Regulatory Policies Act. — Текст : электронный // govtrack : [сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/95/hr4018/text> (дата обращения: 20.11.2022).

8. "Restructuring or Deregulation?" Smithsonian Museum of American History. — Текст : электронный // American History : [сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <http://americanhistory.si.edu/powering/dereg/dereg1.htm> (дата обращения: 20.11.2022).

УДК 349.41

Орищенко Анастасия Сергеевна

Спицин Кирилл Олегович

Саратовская государственная юридическая академия

Институт прокуратуры

Россия, Саратов

anastasiyaorishchenko@yandex.ru

kirr-2001@inbox.ru

Orishchenko Anastasia

Spitsin Kirill

Saratov State Law Academy

Institute of Prosecutor's

Russia, Saratov

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ИЗМЕНЕНИЯ ВИДА РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Аннотация: в статье рассматривается значение прокурорского надзора в выявлении нарушений в сфере изменений вида разрешенного использования земельного участка. Анализируются меры прокурорского реагирования, принимаемые прокурором в связи с выявлением нарушений закона, определяется их достаточность и эффективность. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства, исходя из анализа прокурорской практики, и актуализируется вопрос совершенствования прокурорской деятельности в рассматриваемом направлении через межведомственное взаимодействие.

Ключевые слова: земельный участок, вид разрешенного использования, прокурорский надзор, акты прокурорского реагирования, обращение в суд.

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE LEGALITY OF CHANGING THE TYPE OF PERMITTED USE OF THE LAND PLOT

Annotation: the article discusses the importance of prosecutorial supervision in identifying violations of the law of changes in the type of permitted use of land. The measures of the prosecutor's response taken by the prosecutor in connection with the detection of violations of the law are analyzed, their sufficiency and effectiveness are determined. Measures are proposed to improve legislation based on the analysis of prosecutorial practice, and the issue of improving prosecutorial activity in this direction through interdepartmental interaction is being updated.

Key words: land plot, type of permitted use, prosecutorial supervision, acts of prosecutorial response, appeal to the court.

В России земля с давности является не просто драгоценным природным ресурсом, но и основным средством производственной деятельности. Также земельные участки используются физическими лицами для удовлетворения своих личных потребностей, например, строительства жилых помещений, выращивания сельскохозяйственной продукции. В связи с развитием оборота земельных участков возникает необходимость осуществления эффективного прокурорского надзора за исполнением земельного законодательства, поскольку соблюдение выверенных общеобязательных правил позволяет сохранить и приумножить природные ресурсы Российской Федерации.

Особую важность прокурорского надзора в обозначенной сфере указывает Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 7 декабря 2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдение прав и свобод человека и гражданина», где в п. 8 прокурорам предписано сосредотачивать усилия на надзоре за исполнением законов о земле [1]. При этом отдельного внимания заслуживает вопрос вида разрешенного использования (далее – ВРИ) земельного участка, в частности, правомерность

его изменения, в связи с тем, что нарушение порядка способно привести к нарушению публичных и общественных интересов в различных формах.

Из толкования п. 8 ч. 1 ст. 1 ЗК РФ, а также ст. 7 ЗК РФ и ст. 37 ГрК РФ следует, что законодатель устанавливает деление земель по целевому назначению, а также предполагает их деление на категории, что предопределяет их соотношение как содержания (целевое назначение) и формы (категория) и [2], тем самым, категория лишь в понятийной форме указывает на то, для каких целей может использоваться земля. Однако правовой режим земель определяется не только категорией земли, но и видом разрешенного использования. Соответственно, целевое назначение и разрешенное использование являются частями единого целого – правового режима земель.

Верным представляется подход, согласно которому широкая категория «целевое назначение земель» определяется как установленные законодательством порядок, условия, предел эксплуатации для конкретных целей в соответствии с категориями земель [3, с. 56]. Данные критерии зависят от отнесения земли к определенной категории – укрупненной группе. В свою очередь, разрешенное использование отвечает на вопрос, каким образом можно использовать данный земельный участок с тем, чтобы особенности его эксплуатации не противоречили принципам земельного законодательства, как то: учет значения земли как основы жизни и деятельности человека, свобода владения, пользования и распоряжения землей ее собственником при недопущении нанесения ущерба окружающей среде, жизни, здоровью иных лиц (ст. 1 ЗК РФ). Иными словами, вид разрешенного использования можно раскрыть через понятие «вида деятельности, допускаемой на земельном участке», которое прямо не указывается в нормативном правовом акте – Приказе Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» [4], но может использоваться как синоним, исходя из судебной практики. Так, разрешенное использование земельного

участка, основанное на зонировании территории, заключается в определении конкретных видов деятельности, которые могут вестись землепользователем на предоставленном ему земельном участке [5, 6, 7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для достижения единого результата – определения цели использования земельных участков – степень детализации различна и варьируется от наиболее общего регулирования (целевое назначение) до наиболее конкретного (виды разрешенного использования).

Разумеется, соблюдение категории и целевого назначения земельного участка является предметом прокурорского надзора, однако особый интерес представляет именно соблюдение законности изменения вида разрешенного использования земельного участка, поскольку данный вопрос неизбежно связан с категорией и целевым использованием земельного участка, и представляется более доступным для нарушения, поскольку может быть изменен в более «простом» порядке. В соответствии с ВРИ определяется конкретный вид допустимой деятельности, что предопределяет проблему нарушения прав третьих лиц при осуществлении соответствующей деятельности на земельном участке, ее соответствие целевому назначению земельного участка и др. Кроме того, ВРИ обуславливает и порядок предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду или в собственность.

В первую очередь следует заметить, что отсутствует единая процедура изменения вида разрешенного использования, поскольку применение конкретной процедуры зависит от наличия в населенном пункте правил землепользования и застройки, а также и от вида испрашиваемого разрешенного использования – основной или условно разрешенный. Так, при изменении основного ВРИ порядок заключается в уведомлении органов местного самоуправления без дополнительных разрешений и согласований, в то время как изменение условно разрешенного ВРИ предполагает получение

разрешения указанных органов [8]. Соответственно, имеют место нарушения в части соблюдения установленных порядков изменения ВРИ.

Особое внимание в прокурорской практике уделяется вопросу изменения ВРИ в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, поскольку в отношении данных земельных участков собственниками выступают органы публичной власти, которые своими противоправными действиями причиняют ущерб общественным и публичным интересам, и являются поднадзорными субъектами.

Так, в г. Нефтекамске Республики Башкортостан органы прокуратуры выявили, что работниками органов местного самоуправления была разработана незаконная схема выделения земель для жилищного строительства, которая заключалась в том, что с целью реализации земли без проведения торгов они предоставляли участки формально для возведения социальных объектов, изменяя впоследствии ВРИ на строительство многоквартирных домов и построек на дачных участках. Ряд граждан вместо строительства лечебно-оздоровительных центров размежевали 14 га земли и реализовали полученные участки иным лицам для ведения дачного хозяйства и садоводства. Всего таким образом было реализовано 18 земельных участков общей площадью около 30 га, имеющих кадастровую стоимость свыше 500 млн рублей [9, С. 15-16].

Таким образом, в действующем земельном законодательстве отсутствуют нормы, которые бы предупреждали подобные нарушения, что требует соответствующей правовой регламентации. Представляется целесообразным установить срок для повторного изменения ВРИ земельного участка после его передачи частным лицам. В качестве такого срока возможно определить период, в течение которого в соответствии с законом лицо должно осуществлять определенный вид деятельности. Ориентироваться возможно на сроки, которые установлены для решения вопроса об изъятии земельного участка, что позволит не просто предупредить нарушение при изменении ВРИ, но и обеспечить использование земельного участка в соответствии с ВРИ.

Например, в силу ст. 284 ГК РФ земельный участок может быть изъят у собственника в случаях, когда участок предназначен для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства и не используется по целевому назначению в течение трех лет, если более длительный срок не установлен законом. Представляется, что предлагаемый порядок позволит выявить действительность цели предоставления и получения земельного участка и при ее несоответствии оспорить сделку по передаче земельного участка ввиду нарушения требований закона или изъять соответствующий земельный участок. Также альтернативным либо дополнительным вариантом решения данной проблемы может стать установление обязанности публичных органов сообщать прокуратуре соответствующие сведения в случае изменения ВРИ с того, при котором земельный участок предоставляется без проведения торгов, на тот, при котором проведение торгов предусмотрено. Тем самым, органы прокуратуры будут обладать оперативной информацией о фактическом содержании отношений в сфере предоставления земельных участков публичной собственности и реагировать в короткие сроки, предупреждая и пресекая нарушения действующего законодательства.

Кроме того, в прокурорской практике встречаются случаи неправильного установления ВРИ земельных участков, что приводит к занижению его стоимости и недополучению соответствующим бюджетом денежных средств [10, С. 8], поскольку в соответствии с Приказом Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» кадастровая стоимость ставится в зависимость от ВРИ [11]. В таких случаях прокурору требуется правильно выбирать меры прокурорского реагирования, в частности, вносить представление об устранении нарушений закона либо обращаться в суд с иском о применении последствий ничтожности притворной сделки, если земельный участок уже был передан. Думается, что предложенные выше меры также способны предупредить и рассмотренные нарушения, а также обеспечить

прокурора таким средством реагирования, как иск о применении последствий ничтожности сделки ввиду нарушения требования закона или иного правового акта, что сделает возможным возвращение земельного участка в публичную собственность для его эффективного использования или передачи другому действительно заинтересованному лицу. Применение же последствий притворной сделки в настоящее время предполагает применение правил сделки, которую другая (притворная) прикрывала, то есть делает возможным получение соответствующим бюджетом недополученного, но сохраняет земельный участок у того лица, которое может быть по известным причинам незаинтересованным в его развитии в соответствии с верно установленным ВРИ после уплаты полной стоимости.

Также следует обратить внимание и на такое направление деятельности прокуроров, как выявление построек, возведенных с нарушениями законодательства, и подачи исков об их признании самовольными и сносе в соответствии с положениями гражданского законодательства [12, С. 50]. Так, у правообладателя, который не обращается в органы местного самоуправления для изменения вида разрешенного использования либо изменяет его на более выгодный из налоговых соображений, поскольку налоговая база, согласно ст. 391 НК РФ, определяется исходя из кадастровой стоимости [13], но при этом осуществляет строительство капитального объекта, отсутствует возможность в дальнейшем легализовать действия по фактическому изменению вида разрешенного использования. Такой объект подлежит сносу как самовольно возведенный, так как земельный участок под ним не отвечает требованию, согласно которому использование должно осуществляться только в пределах, разрешенных компетентным органом, а также возведение самого здания осуществлено (или осуществляется) вне рамок законной процедуры строительства. При установлении таких обстоятельств прокурор обращается в суд с иском о сносе самовольно возведенного объекта, а также возбуждает

производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренным ст. 8.8, ч. 1 ст. 9.4 КоАП РФ.

Кроме того, имеют место случаи, когда ВРИ изменяется на тот, который не соответствует категории земли, без изменения при этом категории, либо когда перевод земель из одной категории в другую не допускается без наличия специально предусмотренных в Федеральном законе «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» оснований и условий [14]. Значение соблюдения данного требования закона не вызывает каких-либо вопросов, поскольку иное может привести к тому, что в полной мере не удастся обеспечить сохранность земли и защиту интересов правообладателя. В этом направлении показателен пример обращения в суд Можайского городского прокурора с исковым заявлением об отмене постановления главы сельского поселения «Бородинское», которым изменен вид разрешенного использования земельного участка, где расположен особо ценный объект культурного наследия (военно-исторический музей-заповедник), что, по мнению прокурора, привело бы к неконтролируемой застройке территории музея-заповедника. Последствия, которые могли бы наступить – нарушение режима содержания памятника культуры, нарушение исторического ландшафта и целостной исторической концепции всей территории памятника – неизбежно повлекли бы существенное нарушение охраняемых государством общественных интересов, прав граждан на пользование объектами культурного наследия [15].

Также стоит обратить особое внимание на остро стоящую проблему распространения противозаконной практики изменения вида разрешенного использования в отношении земель сельскохозяйственного назначения. Поскольку сельскохозяйственные угодья воспринимаются законодателем как особо ценные земли, которые подлежат особой охране, предполагается установление особого правового режима, имеющего целью недопущение выведения таких земель из сельскохозяйственного оборота либо возведения каких-либо строений, в том числе в целях их использования в

сельскохозяйственной деятельности, что следует из ст. 1 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [16], для недопущения возникновения риска неконтролируемой застройки и разрушения плодородия земель.

Собственники земельных участков для изменения вида разрешенного использования применяют подп. 3 п. 1 ст. 4 ФЗ № 191-ФЗ «О введении в действие градостроительного кодекса Российской Федерации» [17], допускающий изменение вида использования решением органа местного самоуправления до принятия правил землепользования и застройки. Однако данный подпункт не может являться правовым основанием для осуществления подобного действия, поскольку правило ч. 6 ст. 36 ГрК РФ предполагает [8], что градостроительные регламенты не устанавливаются для сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения. Данное изъятие обуславливается направленностью охраны данной категории земель.

Тем самым, действующим законодательством не предусмотрены основания для изменения вида разрешенного использования данного земельного участка по заявлению собственника участка, а, следовательно, изменение вида разрешенного использования возможно только после изменения категории земель для сельскохозяйственных угодий, что подтверждается судебной практикой [18]. При этом отказ суда в изменении вида разрешенного использования не нарушает законные права и интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности правообладателя участка, поскольку дальнейшее использование спорного земельного участка в рамках разрешенных целей не ограничивается.

Прокуратура бескомпромиссно реагирует на нарушения в данной сфере регулирования. Так, в ходе проверки исполнения законодательства при проведении реконструкции автомобильной дороги «Мещовск-Ломатино-Юрасово» прокурором было установлено, что реконструкция осуществляется с

использованием земельных участков сельскохозяйственного назначения общей площадью 2,5 Га. При этом земли не были переведены в категорию земель промышленности и транспорта, а также не были изъяты для муниципальных нужд. В связи с выявленными нарушениями законодательства прокурор Мещовского района внес главе районной администрации представление [19].

Тем самым, прокуратура обращает пристальное внимание также на соответствие ВРИ категории земли, в состав которой входит земельный участок, чтобы обеспечить соблюдение целевого назначения и не допустить нанесения ущерба как самому земельному участку, так и публичным интересам. Для предупреждения и пресечения подобных нарушений, думается, что прокурорам следует активно взаимодействовать с компетентными органами, на которые возложены обязанности по осуществлению государственного контроля за состоянием, содержанием, использованием и охраной соответствующих территорий, в частности, с Министерством культуры РФ [20], Росреестром, Россельхознадзором и др. [21], в том числе, с соответствующим органами субъектов РФ и органами местного самоуправления. Кроме того, в современных условиях у прокурора имеется возможность постоянного мониторинга за правовым режимом земельных участков посредством обращения к публичной кадастровой карте. Без сомнений, такой мониторинг не должен осуществляться в отношении всех без исключения земельных участков, а только в отношении тех, по которым у прокурора имеется информация о потенциальных или допущенных нарушениях, в том числе в целях отслеживания исполнения мер прокурорского реагирования.

Таким образом, надзор за исполнением законов при изменении вида разрешенного использования является важным направлением деятельности органов прокуратуры. В настоящее время в данной сфере имеют место различные нарушения, которые могут быть исключены совершенствованием нормативно-правового регулирования, а также предупреждены посредством

своевременного и активного взаимодействия органов прокуратуры с уполномоченными органами власти в целях получения актуальной информации о правовом режиме земельного участка. Разумеется, на практике имеют место и другие нарушения, например, незаконный отказ администрации муниципального образования в установлении вида разрешенного использования земельного участка в случаях, когда вид разрешенного использования земельных участков не был определен при его предоставлении; принятие решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или об отказе в таком разрешении без соблюдения установленной законом процедуры, включая организацию и проведение общественных обсуждений или публичных слушаний [22]. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости сохранения органами прокуратуры текущего уровня активности в выявлении нарушений законов, их устранения и предупреждения.

Список литературы:

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 7 декабря 2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдение прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256732/> (дата обращения 18.11.2022).
2. Мартынов А.С. Проблемы правового регулирования категорий «Целевое назначение» и «Разрешенное использование» // Сибирский юридический вестник. 2012. №3. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-kategoriy-tselevoe-naznachenie-i-razreshennoe-ispolzovanie> (дата обращения: 18.11.2022).
3. Ерофеев Б. В. Земельное право России: учебник / отв. ред. Н. И. Краснов. 9-е изд., перераб. М., 2004. С. 56.
4. Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 № П/0412 «Об утверждении классификатора

видов разрешенного использования земельных участков» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74962082/> (дата обращения 29.11.2022).

5. Определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2014 г. № 18-КГ14-95 [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/57591179/#block_11 (дата обращения 18.11.2022).

6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 января 2016 г. № Ф04-28998/15 [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/57591179/#block_11 (дата обращения 18.11.2022).

7. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 27 ноября 2019 г. по делу № А32-49434/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/77SaKNOseqLk/> (дата обращения 18.11.2022).

8. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1), ст. 16.

9. Бойко И.В. О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации при распоряжении земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности // Проблемы правового регулирования земельных отношений и практика рассмотрения земельных споров судами: сб. материалов науч.- практ. семинара (г. Симферополь, 29 августа 2017 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; сост. О.В. Боброва, Т.Л. Козлов; науч. ред. А.Ю. Винокуров; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. – 91 с.

10. Вступительное слово Сомова К.С. // Проблемы правового регулирования земельных отношений и практика рассмотрения земельных споров судами: сб. материалов науч.- практ. семинара (г. Симферополь, 29 августа 2017 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; сост. О.В. Боброва, Т.Л. Козлов; науч. ред. А.Ю. Винокуров; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. – 91 с.

11. Приказ Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=6310ZNT0sc9GAjSp&casheid=1547F73043E501FB714A739AD96BD629&mode=splus&rnd=caW0ZNT8eh9J36Ru&base=LAW&n=403900&dst=1000000001#kFs1ZNTklS4FzJAK> (дата обращения 18.11.2022).

12. Насонов Ю.Г. Участие прокуроров в рассмотрении судами общей юрисдикции дел в сфере земельных отношений // Проблемы правового регулирования земельных отношений и практика рассмотрения земельных споров судами: сб. материалов науч.- практ. семинара (г. Симферополь, 29 августа 2017 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; сост. О.В. Боброва, Т.Л. Козлов; науч. ред. А.Ю. Винокуров; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. – 91 с.

13. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340.

14. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СЗ РФ. 2004. № 52 (часть 1), ст. 5276.

15. Определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 23 октября 2012 года по делу № 33-21202 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/468594129> (дата обращения 18.11.2022).

16. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3018.

17. Федеральный закон от 29.12.2004 № 191-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1), ст. 17.

18. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.02.2009 по делу № А13-3769/2008 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/885041315> (дата обращения 18.11.2022).
19. Новости Прокуратуры Калужской области о выявлении нарушений законодательства [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=6578535> (дата обращения 18.11.2022).
20. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1093 (ред. от 26.11.2021) «О федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия» // СЗ РФ. 2021. № 28 (часть I), ст. 5523.
21. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 (ред. от 07.02.2022) «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» // СЗ РФ. 2021. № 28 (часть I), ст. 5511.
22. «Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5. май.

УДК 349.41

Рассказов Александр Александрович
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
alexandr.ras.505@yandex.ru
Rasskazov Alexander Alexandrovich
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация: в настоящей статье рассмотрен вопрос о совершенствовании процедуры регистрации особо охраняемых природных территорий и последствий этих действий. Предлагается изменение последствий регистрации земель в качестве природоохранной территории, а именно изменение права собственности на землю с целью обеспечения сохранности данных территорий.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, право собственности на землю, государственная регистрация, охрана природных ресурсов, природный парк.

PROBLEMS OF PROTECTION OF LANDS OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES

Annotation: this article discusses the issue of improving the registration procedure for specially protected natural areas and the consequences of these actions. It is proposed to change the consequences of registering land as a nature protection territory, namely, changing the ownership of land in order to ensure the safety of these territories.

Key words: specially protected natural territories, land ownership, state registration, protection of natural resources, nature park.

Земли особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) представляют собой участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны [1]. На сегодняшний день существуют следующие категории этих территорий: 1) государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники; 2) национальные парки; 3) природные парки; 4) государственные природные заказники; 5) памятники природы; 6) дендрологические парки и ботанические сады [2]. Земли ООПТ могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации и в муниципальной собственности, также в состав этих земель могут быть включены участки, принадлежащие на праве собственности гражданам и юридическим лицам.

По данным на 2017 г. в России существовало около 12 тысяч ООПТ, находящихся в собственности различных субъектов. Общая площадь территорий составила 235,5 млн. га, т.е. 13,6 % от всей территории страны [3]. Данные территории представляют собой особые ресурсы России, которые благодаря комплексу природных особенностей содержат подавляющий объем биологического разнообразия страны [4]. Это свойство данных земель позволяет сказать, что они также представляют особый интерес с коммерческой точки зрения, поскольку обладают и ценными недрами, и высокой степенью плодородия, и большим объемом биологических ресурсов. Данный факт

значительно осложняет процесс их охраны в связи с большим количеством лиц, заинтересованных в их использовании.

Таким образом вопрос защиты земель особо охраняемых природных территорий представляется актуальным, поскольку охватывает большую территорию страны, на которой находятся основы её биологического богатства.

Следует начать рассмотрение с определения особенностей режима каждой из категорий территорий с целью выявления их общих черт и, как следствие, общих проблем.

Государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники представляют собой природные территории федерального значения, в зоне которых природная среда сохраняется в естественном состоянии и полностью запрещается экономическая и иная деятельность. Следовательно, данная категория ООПТ представляет собой наиболее охраняемые зоны. Национальные парки – это природные территории федерального значения, в которых выделяются зоны, где среда сохраняется в естественном состоянии и запрещается осуществление любой деятельности, не предусмотренной федеральным законодательством и зоны, в которых ограничивается экономическая и иная деятельность в целях сохранения объектов природного и культурного наследия и их использования в рекреационных целях. На территориях национальных парков уже допускает коммерческая и иная деятельность, в формах, предусмотренных законом. С точки зрения земельного права в данном случае представляется интересным вопрос о предоставлении данных земель в аренду. Также в случаях, когда земельные участки находятся в пределах территорий населенных пунктов, допускается их отчуждение, что создаёт угрозу их передачи различными противоправными способами. Природные парки представляют собой ООПТ регионального значения, ограничения в которых устанавливаются в соответствии с уровнем значимости этой зоны для региона. Государственные природные заказники представляют собой территории как федерального, так и

регионального значения имеющими особое значение для сохранения или восстановления природных комплексов или их компонентов и поддержания экологического баланса. Памятники природы – уникальные, невозполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения. Дендрологические парки не представляются интересными, поскольку представляю собой созданные специально для формирования биологического разнообразия комплексы, при этом они являются ограниченным в обороте имуществом.

Таким образом в России создаётся комплекс территорий, которые обеспечивают сохранение биологического разнообразия и ресурсов страны, однако, общей чертой каждого объекта является то, что это земли, которые формируются в особом порядке, предусмотренным Правительством РФ [5] и законодательством субъектов РФ. Именно процесс формирования и определения границ ООПТ на практике вызывает множество трудностей. Поскольку в данном случае ущерб может быть причинен как добросовестным собственникам в результате ошибочного включения их земельных в состав ООПТ, так и действиями, направленными на неправомерное отчуждение земель этих территорий.

Сегодня процесс присвоение статуса ООПТ вызывает множество трудностей. Это связано, как с порядком их регистрации, так и со сложностью установления их границ, поскольку, как следует из определений закона, большинство из них представляют собой природный комплекс. По мнению учёных, данные образования представляют собой обширные территории, которые могут вплотную граничить с объектами хозяйственной деятельности человека. Отметим, что в зависимости от значения территории процедуру её регистрации осуществляет соответствующий субъект, то есть ООПТ федерального значения регистрирует Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, [6] а территории регионального значения

профильные министерства субъектов РФ. Однако начало процедуры регистрации не приостанавливает на время её проведения какую-либо хозяйственную деятельность на территории будущей ООПТ. Более того все работы по определению границ, учёту состояния территории и оценке её значимости осуществляет субъект регистрации. Также следует понимать, что после установления статуса ООПТ для какой-либо земли, она фактически выходит из хозяйственного оборота, более того требует дальнейшего хозяйственного обслуживания [7].

В этом свете возникает закономерный вопрос: «Будет ли интересен субъекту РФ процесс создания и дальнейшего обслуживания ООПТ?» Представляется, что в свете существующей процедуры ответ на данный вопрос не позволит создать и обеспечить защиту необходимого для сохранения природного богатства России ООПТ. Видится необходимым изменение результата признания земли данной территорией. Необходимо, чтобы по окончании процедуры регистрации и присвоения особого статуса земле, она переходила в федеральную собственность. Это решение позволит обеспечить заинтересованность органов государственной власти субъектов в передачи соответствующих земель. Также следует предусмотреть ответственность для профильных органов в случае умышленной непередачи сведений о существовании данных территорий.

Следует отметить, что в использовании земель ООПТ заинтересованы различные субъекты общественных отношений, поскольку они являются не только природным ресурсом с точки зрения добычи чего-либо на их территориях, но представляют особую рекреационную ценность, что следует их определений. Например, Верховный Суд РФ в определении от 23 марта 2017 г. по делу № 308-ЭС15-18307 признал, что действия представителей федеральных органов государственной власти по использованию ООПТ противоречат законодательству РФ и потребовал восстановления его первоначального

состояния [8]. В рассматриваемом случае именно рекреационные свойства территории представляли интерес.

Таким образом существующий процесс, определяемый тем, что вопрос охраны окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, ООПТ относятся к совместному ведению РФ и её субъектов [9] представляется урегулированным недостаточно и без учёта особенностей данной сферы на подзаконном уровне. Следовательно, необходимо рассмотреть установление нового порядка и итога закрепления за землёй статуса ООПТ, а именно предоставить субъектам РФ право ходатайствовать об установлении этого режима для территории с последующим переходом всех прав и обязанностей Российской Федерации. При этом представляется возможным применение механизма, который предусматривает передачу земли в собственность РФ с дальнейшим предоставлением его субъекту РФ в пользование при условии полного финансирования охраны этой территории. В результате субъект РФ при реализации такой процедуры присвоения статуса ООПТ фактически не лишается территорий, на которых можно осуществлять рекреационную и иную, предусмотренную законом деятельность. В свою очередь сама территория получает надлежащие финансирование и защиту на федеральном уровне. Данное предложение может быть реализовано в отношении таких ООПТ как: природные парки, государственные природные заказники и памятники природы. Представляется, что данное решение значительно упростит осуществление контроля и надзора за соблюдением законодательства, регулирующего положение ООПТ, который на сегодняшний день осложняется множеством других факторов [10].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 14 марта 1995 № 33-ФЗ (ред. от 01 мая 2022) «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства РФ. 20 марта 1995, № 12, ст. 1024.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ (ред. от 13 октября 2022) // Собрание законодательства РФ. 29 октября 2001, № 44, ст. 4147.

3. Особо охраняемые природные территории России. [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Особо_охраняемые_природные_территории_России

4. Присяжная А.А., Чернова О.В., Снакин В.В. Развитие системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) - основа сохранения биологического разнообразия природных комплексов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016. №1.

5. Постановление Правительства РФ от 19 февраля 2015 № 138 (ред. от 04 ноября 2021) «Об утверждении Правил создания охранных зон отдельных категорий особо охраняемых природных территорий, установления их границ, определения режима охраны и использования земельных участков и водных объектов в границах таких зон» // Собрание законодательства РФ. 02 марта 2015, № 9, ст. 1323.

6. Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219 (ред. от 04 августа 2022) «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23 ноября 2015, № 47, ст. 6586

7. Розумович Ирина Николаевна, Рамазанова Лейла Октай Кызы Правовые проблемы в присвоении статуса особо охраняемой природной территории // Научный вестник Крыма. 2017. №2 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-v-prisvoenii-statusa-osobo-ohranyaemoj-prirodnoj-territorii>.

8. Определение Верховного Суда РФ от 23 марта 2017 г. по делу № 308-ЭС15-18307 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. С. 4398.

10. Добрецов Денис Григорьевич Мониторинг законодательства об особо охраняемых природных территориях и об охране и использовании объектов животного мира // Мониторинг правоприменения. 2018. №1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-zakonodatelstva-ob-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territoriyah-i-ob-ohrane-i-ispolzovanii-obektov-zhivotnogo-mira>.

УДК 349.41

Чернигова София Андреевна
Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
Институт государственного и международного права
Россия, Екатеринбург
sofia_chernigova@mail.ru
Chernigova Sofia Andreevna
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Institute of State and International Law
Russia, Ekaterinburg

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗЕМЕЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в данной статье рассмотрено осуществление правового регулирования контрольно-надзорной деятельности в сфере земельных отношений. Представлено описание государственного земельного надзора, как механизма реализации охраны земель и важного звена в системе государственного управления в сфере землепользования. Изучены нормативно-правовые основы контрольно-надзорной деятельности в области земельных отношений.

Ключевые слова: земельный надзор, проверки, земельное законодательство, собственность, земельные правоотношения.

STATE SUPERVISION OF LAND USE IN THE IRKUTSK REGION

Annotation: this article discusses the implementation of legal regulation of control and supervisory activities in the field of land relations. The description of the state land supervision as a mechanism for the implementation of land protection and an important link in the system of public administration in the field of land use is

presented. The regulatory and legal bases of control and supervisory activities in the field of land relations have been studied.

Key words: land supervision, inspections, land legislation, property, land legal relations.

Человек очень активно использует земли в своих хозяйственных и иных целях, это в свою очередь оказывает определённое, чаще всего неблагоприятное воздействие не только на сами земли, но и на воды, леса, недра, животный и растительный мир, атмосферный воздух. Данные природные объекты находятся под угрозой и нуждаются в наблюдении и рациональном использовании. Поэтому правовой институт охраны земель призван сохранить и приумножить как земельные, так и иные природные ресурсы, необходимые для жизнедеятельности людей [1, 152 с.].

Как и за любыми субъектами правоотношений, в Земельном кодексе Российской Федерации от 25.10.2001 зафиксирована обязанность по охране земель и для субъектов земельных отношений, к ним относятся собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков.

Охрана земель и почв всех уровней реализуется в том числе и с помощью специальных программ. Данные документы на федеральном уровне утверждаются Правительством РФ, в представительных органах субъектов Федерации, муниципальными органами.

Главной целью охраны земель и почв является предотвращение отрицательного воздействия на землю в процессе хозяйственной и иной деятельности человека.

Выполнение ряда задач, которые сопровождают достижение данной цели, реализуются системой правовых, организационных, экономических мероприятий, направленных на рациональное использование земли и почв, исключение фактов изъятия земель из сельскохозяйственного оборота в

отсутствие оснований для этого, а также защиту от негативных воздействий. Очень важно не только предотвратить нежелательные действия субъектов, но и восстановить земли для дальнейшего использования, если такие действия уже были совершены.

Конституцией РФ регулируется ряд важнейших правоотношений, земельные относятся к одним из них. Статьей 9 Конституции РФ провозглашается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Как уже отмечалось ранее, в процессе деятельности человеком не всегда соблюдаются предписания закона по должному использованию земельных ресурсов. Государство являясь источником власти и защиты разработало особый механизм по охране и предупреждению правонарушений, связанных с таким особо важным видом ресурсов, как земля. Таким механизмом является государственный земельный надзор. Нормативно-правовая база Российской Федерации на сегодняшний момент имеет значительное количество актов нормы которых регламентируют многие элементы системы экологической безопасности, однако, несмотря на то, что на протяжении последнего десятилетия политика нашей страны была направлена на защиту природы, современное ее состояние свидетельствует о необходимости доработки и оптимизации экологического и земельного законодательства.

Действующая система государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля в данное время требует своего дальнейшего совершенствования. На сегодняшний момент существует несколько явных нерешенных задач для законодателя, в основном они связаны с дублированием правовых норм, на основании которых происходит контроль и надзор. Также стоит обратить внимание на полномочия органов власти федерального уровня, субъектов Федерации и муниципалитетов, которые проводят контрольные мероприятия [2]. В соответствии со статьей 71 ЗК РФ

под государственным земельным надзором понимается такая деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, которая направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений земельного законодательства, ответственность за данные нарушения предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Стоит разобраться в том, почему же ответственность за нарушение земельного законодательства закреплена именно в КоАПе. Административная реформа привнесла большие изменения в структуру государственных органов по управлению земельными ресурсами. Как всем известно для реализации исполнительной власти созданы следующие органы: федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства. Особенностью земельного надзора является именно то, что по отношению к нарушителям применяются меры административного принуждения. Данный вид ответственности проявляется в виде предупреждения или штрафа, административного пресечения. К последнему виду относится следующее: меры пресечения нарушений санитарного законодательства, а также выдача предписаний. Задачей государственного земельного надзора является обеспечение соблюдения организациями независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, их руководителями, должностными лицами, а также гражданами земельного законодательства, требований охраны и использования земель [3, с. 68 - 70].

Для реализации названных задач и целей необходимо утверждение форм проведения контроля за использованием земель.

Государственный земельный надзор осуществляется в следующих формах:

- проведения плановых и внеплановых проверок;
- систематического наблюдения за исполнением требований земельного законодательства. В свою очередь оно осуществляется путем проведения административного обследования объектов земельных отношений, анализа

правовых актов, принятых органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам использования и охраны земель и земельных участков, а также в иных формах, предусмотренных земельным законодательством;

- принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и устранению последствий выявленных нарушений.

Что касается порядка осуществления государственного земельного надзора, то он прописан в «Административном регламенте осуществления Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственного земельного надзора». Обязательные проверки осуществляются в соответствии с утверждёнными органами прокуратуры планами проверок не чаще одного раза в три года. Однако в особых случаях законодательством предусмотрено возможное проведение и внеплановых проверок.

Однако в особых случаях возможно проведение и внеплановых проверок, к таким случаям относятся:

1. Контроль за исполнением предписаний, которые были выданы, для контроля устранения ранее выявленных нарушений земельного законодательства.

2. Обнаружение обстоятельств, которые позволяют предполагать нарушение земельного законодательства.

3. Получение от органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц или граждан жалоб, документов и иных доказательств, которые подтверждают нарушения земельного законодательства.

Основами государственной политики использования земельного фонда РФ на 2012-2020 гг., утвержденными распоряжением Правительства РФ от 3 марта 2012 г., в числе основных направлений государственной земельной политики выделяется совершенствование государственного земельного надзора

и муниципального земельного контроля, включая уточнение полномочий органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Эти вопросы являются немаловажными в области осуществления охраны земельного фонда, так как эффективность государственного земельного надзора во многом зависит от органов власти, осуществляющих надзорную деятельность, их состава и полномочий.

На федеральном уровне функция контроля в сфере земельных отношений возложена сразу на несколько органов исполнительной власти и их территориальные органы, они возложены на данные органы Правительством Российской Федерации и указаны в Положении о государственном земельном надзоре. Рассматриваемый нами вид государственного контроля осуществляется Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, именуемой также Росреестром, Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору (сокращенно - Россельхознадзором) и Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзором).

Государственные инспекторы по использованию и охране земель при выполнении возложенных на них обязанностей имеют право:

а) посещать в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, при предъявлении служебного удостоверения организации и объекты, обследовать земельные участки, находящиеся в собственности, владении, пользовании и аренде, а также земельные участки, занятые военными, оборонными и другими специальными объектами (с учетом установленного режима посещения);

б) давать обязательные для исполнения предписания по вопросам соблюдения требований земельного законодательства, а также об устранении нарушений, выявленных в ходе проведения проверок;

в) составлять по результатам проверок акты с обязательным ознакомлением с ними собственников, владельцев, пользователей, арендаторов земельных участков;

г) составлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, протоколы о нарушениях земельного законодательства и направлять их соответствующим должностным лицам для рассмотрения дел об административных правонарушениях с целью привлечения виновных лиц к ответственности;

д) безвозмездно получать сведения и материалы о состоянии, использовании и охране земель, в том числе документы, удостоверяющие право на землю, необходимые для осуществления государственного земельного контроля;

е) обращаться в органы внутренних дел за содействием в предотвращении или пресечении действий, препятствующих осуществлению инспекторами законной деятельности, а также в установлении личности граждан, виновных в нарушении земельного законодательства;

ж) носить форменную одежду.

Главный государственный инспектор Российской Федерации по использованию и охране земель и его заместители, главные государственные инспекторы субъектов Российской Федерации, городов, районов и их заместители, также имеют право:

а) рассматривать в пределах своей компетенции дела об административных правонарушениях, налагать штрафы на лиц, виновных в нарушении земельного законодательства, и выносить предупреждения о допущенных земельных правонарушениях по форме согласно приложению с уведомлением об этом соответствующих органов, осуществляющих предоставление земельных участков;

б) выдавать предписания о приостановлении промышленного, гражданско-жилищного и другого строительства, разработки месторождений

полезных ископаемых и торфа, эксплуатации объектов, проведения агрохимических, лесомелиоративных, геологоразведочных, поисковых, геодезических и иных работ, ведущихся с нарушением права юридических лиц и граждан на землю или создающих угрозу их нарушения;

в) направлять в соответствующие органы материалы о нарушениях земельного законодательства для рассмотрения вопроса о привлечении виновных лиц к ответственности;

г) направлять в государственные органы исполнительной власти или органы местного самоуправления материалы о принудительном прекращении права на земельные участки ввиду их ненадлежащего использования в случаях, предусмотренных земельным законодательством;

д) вносить в установленном порядке предложения о приведении актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, касающихся вопросов земельных отношений, в соответствие с земельным законодательством.

Кроме того, Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости и ее территориальные органы оказывают методическую помощь в организации муниципального, производственного и общественного земельного контроля (Гагаринова, 2018). При осуществлении деятельности надзорных органов исполнительной власти очень часто выявляются нарушения использования земельных участков.

К основным нарушениям земельного законодательства относятся:

1. Самовольное занятие земельного участка (ст. 7.1 КоАП РФ)

Неважно занят ли участок в несколько гектаров или забор поставлен на несколько метров дальше положенного, такие действия одинаково незаконны и за них предусмотрено наказание. Нарушителю начисляется штраф исходя из кадастровой стоимости незаконно занятого участка. Правообладателю кроме штрафа устанавливается еще и срок не позднее тридцати дней со дня привлечения виновного лица к ответственности, в течение которого нарушения

должны быть устранены. По истечению этого срока инспектором проводится дополнительная проверка и, если нарушение не было устранено штраф придется заплатить повторно, к тому же он может быть увеличен (Сегаев, Поршакова, Новикова, 2014).

Если собственник и после этого не устраняет нарушение, то его могут заставить освободить незаконно занятый участок принудительно по решению суда.

2. Использование земли не по назначению (ст. 8.8 КоАП РФ);

Каждому участку предписывается целевое назначение и разрешенное использование (сельско-хозяйственное использование, индивидуальное жилищное строительство, для производственной деятельности и др.).

За использование земли не по целевому назначению полагается штраф, исходя из кадастровой стоимости участка, на котором допущено правонарушение. У правообладателя есть право изменить целевое назначение своего участка, для этого он должен обратиться с заявлением в орган местного самоуправления. Узнать текущее назначение своего участка можно из кадастровой выписки о земельном участке или в правоустанавливающих документах на него (Гагаринова, Кузелева, Терновская, 2016).

3. Неиспользование земельного участка (ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ).

Примером неиспользования может служить зарастание бурьяном, отсутствие разрешения на строительство, наличие бытового мусора на земельном участке, предназначенном для ИЖС. Нарушителю также может быть начислен штраф исходя из кадастровой стоимости земельного участка (Хлевная, Шейкина, 2016).

Проверки осуществляются с применением риск-ориентированного подхода. Именно деление всех потенциально обследуемых земельных участков на категории риска позволяет добиться наиболее эффективного надзора в сфере соблюдения законодательства в области землепользования.

Информация о категоризации земельного участка носит закрытый характер, чаще всего на уровне ведомства.

При этом каждое заинтересованное лицо (правообладатель участка) имеет право направить в надзорный орган запрос о предоставлении информации об отнесении к той или иной категории риска. Поскольку форма запроса не утверждена, заинтересованное лицо составляет его в форме обращения. Ответ на запрос представляется надзорным органом в срок не более 15 дней с момента направления запроса.

Должностные лица самостоятельно выделяют и составляют критерии отнесения земельного участка при определении категории риска. Должностные лица самостоятельно (главные инспекторы) определяют критерии отнесения участков к категориям риска.

Выделяют следующие категории риска:

- категория среднего риска;
- категория умеренного риска;
- категория низкого риска.

Периодичность проверок:

- для земельных участков, отнесённых к категории среднего риска, – не чаще чем один раз в 3 года и не реже чем 1 раз в 6 лет;
- для земельных участков, отнесённых к категории умеренного риска, – не чаще чем один раз в 5 лет и не реже чем 1 раз в 6 лет;
- в отношении земельных участков, отнесённых к категории низкого риска, плановые проверки не проводятся.

Срок проведения плановых проверок использования юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями земельных участков, отнесённых к категории умеренного риска, не должен превышать 17 рабочих дней.

Теперь хочется обратиться к анализу государственного земельного надзора на примере конкретного субъекта Российской Федерации. Иркутская

область – регион на юго-востоке Сибирского федерального округа. По состоянию на 1 января 2020 года в структуре земельного фонда Иркутской области по количеству на первом месте находятся земли лесного фонда (89,48% от всей территории региона или 69328,8 тыс. га). На втором земли сельскохозяйственного назначения - 3,71% (2875,6 тыс. га), земли водного фонда это 2,89% (2241,5 тыс. га), земли особо охраняемых территорий и объектов – 2% (1552,4 тыс. га), земли промышленности и иного специального назначения составляют 0,75% (579,6 тыс. га), земли запаса – 0,64% (494 тыс. га), земли населенных пунктов – 0,53% (412,7 тыс. га).

На территории региона Управление Федеральной службы государственной регистрации кадастра и картографии по Иркутской области является исполнительным органом государственной власти Иркутской области, уполномоченным на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований земельного законодательства. В рамках осуществления деятельности в области государственного земельного надзора данное Управление руководствуется основным законом страны - Конституцией Российской Федерации, а также нормативно-правовыми актами, изданными на её основе - федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, приказами и распоряжениями Министерства экономического развития Российской Федерации, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, а также Положением об Управлении, утвержденным приказом Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 30.05.2016г. №П/0263.

Главным государственным инспектором Иркутской области по использованию и охране земель является руководитель Управления, у него также есть и заместитель. Заместитель руководителя Управления также занимается вопросами охраны земель Иркутской области.

В системе Управления существуют соответствующие отделы по направлениям деятельности. Отдел государственного земельного надзора является структурным подразделением Управления, исполняющим функцию государственного земельного надзора на территории Иркутской области и осуществляющим общую координацию деятельности государственных инспекторов Управления в указанной сфере. Штатная численность сотрудников варьируется из года в год, но примерное число составляет 19 человек. Начальник отдела государственного земельного надзора Управления по Иркутской области является заместителем главного государственного инспектора региона по использованию и охране земель.

Функции по государственному земельному надзору на территории Иркутской области Управление осуществляет, в том числе, через свои структурные подразделения, чтобы обеспечить полноценную охрану и защиту земель от незаконного использования. Для этого были созданы подразделения в таких городах Иркутской области как: Иркутск (непосредственно региональный центр), Шелехов, Ангарск; также районов: Иркутского, Шелеховского, Ангарского, Ольхонского, Бодайбинского и Мамско-Чуйского.

С 2022 года контролируемыми лицами муниципального земельного контроля являются юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане, самовольно использующие земли, земельные участки, части земельных участков в границах городского округа муниципального образования города Иркутска, а также обладающие правом владения, пользования, распоряжения землями, земельными участками, частью земельного участка в границах городского округа муниципального образования город Иркутск в целях личного использования, ведения хозяйственной или иной деятельности, при котором могут быть допущены нарушения обязательных требований земельного законодательства в отношении объектов земельных отношений, за нарушение которых законодательством

предусмотрена административная ответственность (далее – контролируемые лица).

До 2022 года подконтрольными субъектами муниципального земельного контроля являются юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане, самовольно использующие земли, земельные участки, части земельных участков в границах городского округа муниципального образования города Иркутска, а также обладающие правом владения, пользования, распоряжения землями, земельными участками, частью земельного участка в границах городского округа муниципального образования город Иркутск в целях личного использования, ведения хозяйственной или иной деятельности, при котором могут быть допущены нарушения обязательных требований, требований, установленных муниципальными правовыми актами города Иркутска, оценка соблюдения которых является предметом муниципального земельного контроля (далее – подконтрольные субъекты).

В рамках исполнения государственной функции по осуществлению государственного земельного надзора должностные лица Управления и его территориальные подразделения:

- запрашивают в соответствии со своей компетенцией и безвозмездно получают от федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и граждан необходимые для осуществления государственного земельного надзора сведения и материалы о состоянии, использовании и охране земель;

- в целях контроля соблюдения требований земельного законодательства при использовании земельных участков проводят плановые и внеплановые проверки соблюдения требований земельного законодательства, административные обследования объектов земельных отношений;

- по результатам проведенных проверок, в случае выявления нарушений, выдают предписания об устранении выявленных нарушений в адрес нарушителей, составляют протоколы об административных правонарушениях в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

- рассматривают протоколы об административных правонарушениях иных государственных и правоохранительных органов, постановления прокуроров о возбуждении производств по делам об административных правонарушениях в сфере земельных отношений, акты проверок, составленные по результатам проведения муниципального земельного контроля;

Кроме того, Управление и его территориальные подразделения в соответствии с возложенными полномочиями в сфере государственного земельного надзора осуществляет следующие функции:

- составление планов проведения плановых проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, граждан, органов местного самоуправления, органов государственной власти;

- предоставление в установленном порядке информации по вопросам государственного земельного надзора на территории Иркутской области;

- осуществление консультационной и информационной работы по вопросам государственного земельного надзора;

Для более эффективного осуществления функций по государственному земельному надзору Управление активно взаимодействует с различными органами государственной власти и органами местного самоуправления, таким относятся: Министерство имущественных отношений Иркутской области, Межрегиональное территориальное управление Росимущества по Иркутской области, а также в Республике Бурятия и Забайкальском крае, Управление Росприроднадзора по Иркутской области, Управлением Россельхознадзора по Иркутской области, Управлением Федеральной службы судебных приставов, органами прокуратуры и судебными органами. Например, с Арбитражным судом Иркутской области, Иркутским областным судом, районными судами,

мировыми судами, а также с администрациями районных, городских и сельских поселений, расположенных на территории Иркутской области.

Что касается взаимодействия с органами прокуратуры, то оно осуществляется в виде рассмотрения документов о нарушениях в сфере земельного законодательства, направленных органами прокуратуры, участия специалистов Управления в проведении совместных проверок, направления информации и документов о выявленных нарушениях закона.

Взаимодействие Управления с органами государственной власти и органами местного самоуправления осуществляется как в форме совместных проверок, совещаний, рабочих встреч, так и в виде обмена информацией о выявленных нарушениях земельного законодательства.

Взаимодействие с органами муниципального земельного контроля осуществляется в соответствии со ст. 72 Земельного кодекса Российской Федерации, Постановлением Правительства РФ от 26.12.2014г. №1515 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный земельный надзор, с органами, осуществляющими муниципальный земельный контроль» и в основном представляет собой направление в адрес Управления материалов проверок, подготавливаемых органами муниципального земельного контроля, для решения вопроса о привлечении виновных лиц к административной ответственности, а также в виде согласования планов проведения плановых проверок.

За 2020 год Управлением на территории Иркутской области проведено 1991 проверка соблюдения требований законодательства, из числа указанных проверок 6 проверок Управлением и его территориальными отделами проведены в отношении органов местного самоуправления по вопросам предоставления земельных участков, что на 20% меньше, чем в 2019 году (2507 проверок) и 927 административных обследований объектов земельных

отношений, что больше на 29%, чем в 2019 году (657 административных обследований).

Снижение количества проведенных проверок обусловлено введением в 2020 году Правительством Российской Федерации ограничений на проведение проверочных мероприятий в отношении граждан и запретом на проведение проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с распространением коронавирусной инфекции Covid-19, что привело к сокращению возбужденных дел об административных правонарушениях и привлеченных к административной ответственности лиц.

В результате проведения проверочных мероприятий на территории Иркутской области выявлено 2012 нарушений. Из указанного количества 1158 нарушений - нарушения требований земельного законодательства, 854 нарушения - административные правонарушения против порядка управления и общественного порядка (ст. 19.4, ст. 19.4.1, ч.25, ч. 26 ст. 19.5, ч. 1 ст. 20.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

В итоге принятых мер на конец 2020 года устранено 403 нарушения требований земельного законодательства на общей площади 21,4 гектар, выдано 1350 предписаний об устранении выявленных нарушений требований земельного законодательства, 218 материалов о неисполнении предписаний направлено в органы государственной власти и органы местного самоуправления в соответствии с п.9 ст. 71 Земельного кодекса Российской Федерации, выдано 16 предостережений, направлено 55 уведомлений о выявлении самовольных построек.

В 2020 году при рассмотрении протоколов, возбужденных по делам об административных правонарушениях, 1451 лицо (72% от всех выявленных нарушений) признаны виновными в допущенных правонарушениях и привлечены к административной ответственности, общая сумма наложенных административных штрафов составила 6716,04 тыс. руб.

Также в рамках программы профилактики нарушений обязательных требований комитетом в 1 полугодии 2020 года проведено 36 плановых рейдовых осмотров земельных участков в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в результате которых выявлены нарушения требований земельного законодательства, в том числе 29 фактов самовольного занятия земельных участков, 10 фактов нецелевого использования земельных участков.

В результате указанных мероприятий субъектам предпринимательства, допустившим нарушения, было направлено 33 предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований земельного законодательства.

Наиболее часто встречающимися нарушениями требований земельного законодательства, допускаемыми подконтрольными субъектами, являются:

- нарушение ст. ст. 25, 26 ЗК РФ, состоящее в самовольном занятии земельного участка, в том числе использование земельного участка лицом, не имеющим предусмотренных законодательством Российской Федерации прав на указанный земельный участок, ответственность за что предусмотрена ст. 7.1 КоАП РФ;

- нарушение ст. 42 ЗК РФ в части использования земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием, ответственность за что предусмотрена ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

В целях недопущения указанных нарушений требований земельного законодательства КУМИ администрации города Иркутска рекомендует:

- не допускать фактического увеличения площади земельного участка путем установления заборов, строений, иных объектов за установленными границами земельных участков; случаев самовольного строительства на земельных участках, права на которые не оформлены в установленном законом порядке;

- своевременно оформлять документы на земельные участки для эксплуатации принадлежащих на праве собственности (ином праве) зданий, строений, сооружений;

- в случае использования земельного участка не в соответствии с установленным видом его разрешенного использования, необходимо в установленном порядке изменять вид использования земельного участка на тот вид, в соответствии с которым фактически используется земельный участок.

В первом полугодие 2020 года начислено:

- за фактическое пользование земельными участками, находящимися в собственности муниципального образования город Иркутск – 9 028 164,75 руб.;

- за фактическое пользование земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена – 19 352 060,52 руб.;

В первом полугодие 2020 года поступило в Бюджет города Иркутска платы за фактическое пользование земельными участками, находящимися в собственности муниципального образования город Иркутск или государственная собственность на которые не разграничена – 18 707 044,94 руб.

В целом можно сделать вывод о том, что закрепленные в Земельном кодексе РФ правовые нормы, регламентирующие порядок проведения государственного земельного надзора, направлены на повышение его эффективности, снижение количества нарушений земельного законодательства и как следствие развитие земельных отношений. На основе статистических данных можно проследить как изменялось количество нарушений земельного законодательства на территории Иркутской области и сделать вывод о том, что по сравнению с 2019 годом, количество выявленных правонарушений сократилось. Показатели государственного земельного контроля за 2020 год говорят о его эффективности.

Список литературы:

1. Гагаринова Н. В. Правовое обеспечение землеустройства и кадастров: учеб. пособие / Н. В. Гагаринова, К. А. Белокур, А. В. Матвеева. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – 175 с.
2. Сегаев И.Н., Поршакова А.Н., Новикова Т.С. Государственный земельный надзор, как элемент управления земельными ресурсами // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5.
3. Коваль М. Т. Проблемы осуществления государственного земельного надзора в Российской Федерации // Путь науки. – № 8(30). – 2016. – С. 68 - 70.
4. Гагаринова Н.В., Кузелева М.Г., Терновская О.И. Охрана и эффективное использование земельных ресурсов // В сборнике: Актуальные проблемы природообустройства, кадастра и землепользования Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию факультета землеустройства и кадастров ВГАУ. 2016. С. 25-28.
5. Хлевная А.В., Шейкина Е.А. Совершенствование государственного земельного надзора за использованием земельных участков АПК, находящихся в собственности юридических лиц // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. 2016. С. 1129-1130.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС;
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.14

Аристархов Артем Павлович
Тюменский государственный университет
Институт государства и права
Россия, Тюмень
stud0000207939@study.utmn.ru

Aristarkhov Artem
University of Tyumen
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ УВЕДОМЛЕНИЯ О
ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ДЕЙСТВИЙ**

Аннотация: в данной статье автор рассмотрел правомерность использования таких средств связи как СМС-сообщения и мессенджеры для уведомления участников уголовного дела о производстве следственных и иных процессуальных действий. Для ответа на указанный вопрос были проанализированы положения УПК РФ, а также правоприменительная практика судов и адвокатских палат. Автор приходит к выводу о правомерности использования подобных средств связи, а также о слабой регламентированности данной проблемы.

Ключевые слова: следственные действия, уведомление, мессенджеры, СМС-сообщения, социальные сети.

USE OF SOCIAL NETWORKS FOR NOTIFICATION OF THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE AND OTHER PROCEEDING ACTIONS

Annotation: in this article, the author considered the legitimacy of using such means of communication as SMS messages and instant messengers to notify participants in a criminal case about the production of investigative and other procedural actions. To answer this question, the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the law enforcement practice of courts and bar associations, were analyzed. The author concludes about the legitimacy of using such means of communication, as well as the weak regulation of this problem.

Key words: investigative actions, notification, instant messengers, SMS messages, social networks.

Мессенджеры и СМС-сообщения давно стали неотъемлемой частью жизни людей. Эти технологии используются повсеместно: межличностное общение, уведомления о банковских операциях, досуг, не исключением стала и уголовно-процессуальная деятельность государства. Однако ни органы государства (следствия, дознания, судебной власти), ни адвокаты не могут прийти к единому мнению по этой проблеме. В связи с чем нам представляет важным разобраться в том, правомерно ли использование следователями и дознавателями мессенджеров и СМС-сообщений для уведомления о производстве следственных и иных процессуальных действий. Стоит отметить, что это дискуссионный вопрос, который указывает на пробел в правовом регулировании. Вместе с тем важно заметить, что институт уведомления является крайне важным для уголовного процесса, потому что гарантирует соблюдение прав участников уголовного судопроизводства [1, 70].

Прежде всего необходимо понять, что по этому поводу сказано в уголовно-процессуальном законе. Если вести речь про уведомление адвокатов о производстве следственных действий, то после анализа норм УПК РФ, можно прийти к выводу, что прямо закреплённой у следователей и дознавателей

обязанности уведомлять защитника о производстве этих действий нет, следовательно нет и необходимости использовать средства связи. На что также указывает Р. Лисицын [2]. Хотя есть действия, при которых участие защитника обязательно, например, допрос. Вместе с тем, Бравилова Е.А., с позицией которой мы солидарны, считает, что обязанность уведомлять защитника о производстве следственных действий в уголовно-процессуальном законе закреплена косвенно и вытекает из принципов уголовного судопроизводства [3, с. 16].

Для остальных участников уголовного дела (подозреваемый, обвиняемый, свидетель и т.д.), вызов на производство следственного действия осуществляется по общим правилам, т.е. допускается использование средств связи, для уведомления и обеспечения права на своевременное уведомление. Так, например, в ч. 2 ст. 188 УПК РФ сказано, что повестка на допрос может передаваться с помощью средств связи. Следовательно, УПК РФ предусматривает возможность использования СМС-сообщений и мессенджеров для уведомления, но порядок направления этих сообщений не регламентирован.

С иными процессуальными действиями дела обстоят следующим образом. В соответствии с ч.ч. 2 и 4 ст. 172 УПК РФ, обвиняемый извещается о дате, времени и месте предъявления обвинения в порядке, предусмотренном для вызова на допрос т.е. допускается уведомление через средства связи. Аналогичным образом обстоят дела и с другими видами иных процессуальных действий. Хотелось бы отметить, что по личному опыту мне известно, что суды вызывают на судебное заседание участников дела повесткой и звонком на телефон. Причем уведомление с использованием средства связи является основным способом передачи информации, а повестка выступает формализованным способом донести информацию и основанием для применения в неявившемся лицу привода.

По общему правилу подозреваемый/обвиняемый могут быть вызваны на следственное действие с использованием средств связи (что подтверждается

примерами ниже). Но не понятно, что такое средство связи. В данном случае следует обратиться к ФЗ «О связи». В п. 28 ст. 2 этого закона законодатель дал определение этого термина. Итак, под **средствами связи понимаются** технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи, включая технические системы и устройства с измерительными функциями. В то же время, законодательство не дает определений понятий СМС-сообщения и социальной сети (хотя этот термин широко используется в актах нормотворчества). Но не возникает сомнений, что это технологии, направлены на отправку и получение сообщений, а это значит, что они подпадают под категорию средств связи. Отсюда следует вывод, что использование СМС-сообщений и мессенджеров законом допускается.

Также стоит отметить следующее. В ч. 2 ст. 188 УПК РФ сказано: «повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передается с помощью средств связи». Буквально толкуя эту часть закона, можно прийти к выводу, что следователю, дознавателю в любом случае нужно составлять повестку, но ее можно не вручать лично, а направить с использованием средств связи. Однако полагаем, что верная трактовка следующая. Первый вызов должен осуществляться повесткой, которая вручается лицу лично или с использованием средств связи. После реальной явки лицо получает возможность дать согласие на информирование его с использованием СМС-сообщений или мессенджеров. И в дальнейшем уже можно не составлять повестку каждый раз, а лишь ограничиться простым уведомлением посредством вышеуказанных средств связи. Хотя в этой статье речь идет о вызове на допрос, полагаем, что это справедливо для всех случаев вызова на производство следственных действий.

Позицию органов судебной власти можно увидеть в ряде актов: Постановлениях Пленума ВС РФ, а также в некоторых решениях судов. Так, в п. 15.1 Постановления Пленума ВС РФ от 5 марта 2004 г. N 1 "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" сказано, что уведомление участников судебного заседания допускается с использованием СМС сообщений, но в случае их согласия, которое проявляется в заполнении соответствующей расписки (подобные положения также содержатся ряде иных Постановлений Пленума ВС РФ[4]). Полагаем, что это в некоторой мере не соответствует положениям закона, потому что, как мы выяснили ранее, УПК РФ не содержит каких-либо предписаний касательно этой проблемы и не предусматривает такого документа, как Расписка о согласии извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений.

Стоит отметить, что по этой проблеме есть и судебная практика. Так, Тамбовский областной суд отменяя решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 10.06.2020 г., указал на то, что уведомление, которое направил следователь обвиняемому и его защитнику по средствам СМС-сообщения, не является надлежащим. Судом апелляционной инстанции было установлено, что следователь СЧ СУ УМВД России по Тамбовской области уведомил о дате и месте предъявления обвинения по средствам СМС-сообщения, а также извещением, отправленным почтой, которое обвиняемый получил только по истечении 5 дней после того, как ему должно было быть предъявлено обвинение. На основании того, что обвиняемый не давал согласия на уведомление его по средствам СМС-сообщений о производстве следственных и иных процессуальных действий, суд отменил решение суда первой инстанции и отправил дело на новое рассмотрение [5]. Аналогичных позиций придерживается и адвокатура.

Так Совет Адвокатской палаты города Москвы прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката А., который не явился на

предъявление обвинения и последующий допрос его подзащитного в связи с тем, что не был должным образом уведомлен следователем. Совет установил, что следователь, используя социальную сеть «WhatsApp», направил адвокату А. информацию о дате, времени и месте проведения выше указанных действий, на которые он не явился, мотивируя тем, что переписка в интернет-мессенджере ставит защиту в уязвимое положение, поскольку лишает адвоката возможности удостовериться в отправке и получении сообщений, а также предоставляет следователю возможность в любой момент удалить часть переписки. Совет Адвокатской палаты отметил, что порядок извещения адвоката УПК РФ не регламентирован, однако указал на то, что в соответствии с ранее рассмотренным Постановлением Пленума ВС РФ, должно быть дано согласие на уведомление по средствам СМС-сообщений или мессенджеров, которое в данном случае отсутствовало [6].

Таким образом, позиция органов судебной власти и адвокатуры схожи: они допускают возможность уведомления сторон о производстве следственных и иных процессуальных действий по средствам СМС-сообщений или мессенджеров, но при наличии согласия, которое подтверждается соответствующей распиской.

Вместе с тем, Совет Адвокатской палаты город Москвы указал на примеры надлежащего уведомления о проведении действий: почтовым уведомлением, телефонным сообщением, телефонограммой лично адвокату или в адрес адвокатского образования. Вместе с тем, адвокаты указали и на то, что следователь во всех случаях должен надлежащим образом, не вызывающим сомнений в достоверности, подтвердить факт своевременного извещения адвоката о дате, времени и месте проведения процессуальных действий, а также о направлении извещения адвокату.

Не менее важным представляется следующий вопрос. Приравнены ли к друг другу повестка о вызове на производство следственного или иного процессуального действия и уведомление, полученное через СМС-сообщение

или социальную сеть. Полагаем, что однозначно ответить на этот вопросе нельзя. Как уже было сказано ранее, суды и адвокатура признают уведомление через СМС-сообщение или мессенджер надлежащим только при наличии соответствующего согласия. Отсюда можно сделать следующий вывод: повестка и уведомление, полученное через СМС-сообщение или мессенджер, не приравнены друг к другу, однако при наличии согласия лица на уведомление посредством информационных технологий, они приобретают равную юридическую силу, что подтверждается ранее рассмотренным решением суда.

Интересными также представляются и зарубежные законы. Так, УПК ФРГ в ст. 133, закрепляет, что вызов обвиняемого на допрос возможен только в письменной форме, аналогичная норма закреплена и в ст. 216, которая регламентирует порядок вызова на судебное заседание. Довольно близок к УПК РФ уголовно-процессуальный закон Республики Казахстан. В ст. 208 УПК РК сказано, что вызов на допрос осуществляется повесткой, однако повестка может быть вручена разными способами: лично вручена лицу, передана с использованием средств связи и др. УПК Белоруссии не содержит каких-либо указаний на то, каким образом следует вручать лицу повестку в суд или производство следственного действия. На основании изложенного можно сделать вывод, что многие европейские уголовно-процессуальные законы не содержат каких-либо правовых предписаний по данной проблеме. Некоторые законы закрепляют обязательный письменный порядок, некоторые не урегулируют этот вопрос напрямую, а некоторые вовсе не содержат никаких предписаний касательно порядка уведомления.

Полагаем, что позиции адвокатского и судейского сообществ наиболее рациональны, хотя и не соответствуют закону. УПК РФ не устанавливает необходимости заполнять какие-либо документы, для того чтобы получать уведомления о производстве каких-либо действий по средствам мессенджеров или СМС-сообщений. Вместе с тем, в Постановлениях Пленума ВС РФ сказано про уведомления участников судебного заседания, однако на стадии

предварительного расследования ни подозреваемый/обвиняемый, ни защитник не являются участниками судебного заседания.

Использование подобных информационных технологий может в значительной мере облегчить службу следователей и дознавателей, потому что проще, а главное и быстрее, отправить сообщение в социальной сети, чем оформлять его заказным письмом с описью вложения и ждать пока оно дойдет до адресата. Полагаем, что наиболее целесообразно было бы закрепить в УПК РФ презумпцию согласия на уведомления о производстве каких-либо следственных и иных процессуальных действий с использованием СМС-сообщений и мессенджеров. Если какой-либо участник уголовного дела не желает использовать их, ему следует выразить свой отказ соответствующим заявлением или ходатайством. Полагаем, что такое заявление должно подлежать обязательному удовлетворению, так как некоторые участники могут не иметь доступа к сети «Интернет», не обладать соответствующими техническими устройствами или навыками. Конечно, остается не разрешенными множество вопросов. В течении какого времени необходимо прочесть сообщение? За какой промежуток времени следователю или дознавателю следует направить соответствующее уведомление? Как обезопасить сторону защиты от недобросовестных следователей, которые могут удалить сообщение или отредактировать его? Считается ли прочтенное сообщение подтверждением надлежащего уведомления? И множество других вопросов.

Вместе с тем, использование социальных сетей и СМС-сообщение позволит более эффективно обеспечивать права участников уголовного дела на своевременное уведомление (как часть доступа к правосудию, права на защиту и права на судебную защиту). Уведомление с помощью указанных технологий позволяет участнику дела реально, а не формально получать актуальные и важные для него сведения из информационных источников, которыми это лицо пользуется.

Список литературы:

1. Иванов Е.Е. Правовая природа уведомления в уголовном процессе и совершенствование ее с помощью средств технических коммуникаций // Академическая мысль. - 2018. - №4 (5). - С. 69-71;
2. Лисицин Руслан Дмитриевич ЧТО ДЕЛАТЬ СЛЕДОВАТЕЛЮ, ЕСЛИ ЗАЩИТНИК НЕ ЯВИЛСЯ НА ДОПРОС // Российская юстиция, 2000. - № 6. - С. 40-42;
3. Бравилова Екатерина Александровна НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2021. - №1. - С. 15-23;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // «Биллетень Верховного Суда РФ». - № 9 - 2008;
5. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда по делу № 22-1159 от 6 августа 2020 года // Интернет-ресурс "Судебные и нормативные акты Российской Федерации" (СудАкт.Ру). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kU5Z5TLXcPm1/> (дата обращения: 05.09.2022);
6. Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25.02.2021. URL: https://www.advokatymoscow.ru/upload/resheniya-soveta-advokatov-moskvy/2021.02.25_7_ed.pdf (дата обращения: 21.08.2022).

УДК 343.431

Говорухин Данил Андреевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

danil158.govoruhin@yandex.ru

Govorukhin Danil

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 127.1 УК РФ

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос уголовно-правовой оценки деяний, предусмотренных статьей 127.1 УК РФ. Выделяется проблема разграничения преступного деяния от непроступного, проводится сравнение с международными актами, и актами зарубежного уголовного законодательства. Раскрываются и подробно анализируются действия, составляющие часть торговли людьми.

Ключевые слова: торговля людьми, эксплуатация человека, уголовное право, Палермский протокол, квалификация, объективная сторона преступления.

CERTAIN ISSUES OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF ACTS UNDER ARTICLE 127.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: this article deals with the issue of criminal law assessment of acts under article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article highlights the problem of differentiating a criminal act from a non-criminal one, making a comparison with international acts and acts of foreign criminal legislation. The actions which make part of human trafficking are disclosed and analysed in detail.

Key words: human Trafficking, Human Exploitation, Criminal Law, Palermo Protocol, Qualification, Objective Side of the Crime.

Несмотря на то, что мы живем в XXI веке, торговля людьми по-прежнему продолжает оставаться актуальной. Согласно докладу ООН от 30 сентября 2020 года, в 2016 году 28,7 миллиона женщин и девочек по всему миру стали жертвами принудительных браков, принудительного труда. Пандемия же поставило под угрозу свободу еще большего количества людей [1]. Сейчас век цифровых технологий, развитие интернета, онлайн-платформ. Люди начинают осваивать киберпространство. Но есть и негативные стороны прогресса. 28 июля 2022 года, ООН в своем докладе заявил, что интернет-пространство предоставило преступникам новые возможности для вербовки, эксплуатации, контроля, а также рекламы и налаживания контактов с потенциальными клиентами [2]. По данным ООН, после пандемии количество обнищавших людей увеличилось на 124 миллиона, и многие из этого числа могут стать жертвами торговцев людьми [2]. Согласно статистике ООН, в 2018 году было зарегистрировано примерно 50 000 жертв торговцев людьми, 46% которых составляют женщины, а 19% - девочки [2]. Каждая третья жертва торговцев – ребенок, и за последние 15 лет количество детей, ставших жертвами выросло втрое, а мальчиков как жертв выросло в пять раз [2].

В Российской Федерации, согласно судебной статистике, в 2021 году, 10 человек осуждено по ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. В 2020 году было осуждено 16 человек, что говорит о снижении данного вида преступности в России. Всего по ст. 127.1 УК РФ в 2018 году было осуждено 18 человек. 26 человек было осуждено в 2017 году, 24 в 2016 году [3]. Но несмотря на положительную динамику, проблема продолжает оставаться актуальной.

Чем является торговля людьми? Согласно диспозиции части 1 статьи 127.1 УК РФ, торговля людьми может выражаться в купле-продаже человека, а также в совершении иных сделок в отношении человека, а равно совершенные

в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение [4]. Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда от 24.12.2019 N 58 "О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми" (далее – ППВС №58 от 24.12.2019), определяет **куплю-продажу** человека как *совершение действий, состоящих в передаче человека одним лицом другому лицу (лицам) за денежное вознаграждение)*» [5]. Иные сделки в отношении человека ВС РФ определяет, как *другие противоправные действия, приводящие к передаче потерпевшего от одного лица другому лицу (например, безвозмездная передача, обмен на какие-либо материальные ценности)* [5]. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, более известный под названием, как «**Палермский протокол**» дает более емкое определение в статье 3: «торговля людьми» следующим образом – *осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов* [6]. Пункт 12 ППВС №58 от 24.12.2019 говорит о том, что торговля людьми может выражаться в совершении одного или нескольких указанных в части 1 статьи 127.1 УК РФ действий - купли-продажи или иной сделки в отношении человека - независимо от целей их осуществления, а равно вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека в целях его эксплуатации [5]. ВС РФ дополнительно уточняет, что цель эксплуатации

человека – обязательный признак состава для вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения, а для купли-продажи цель эксплуатации не обязательна, хотя виновный может руководствоваться ей.

Как можно заметить, определения УК РФ, ППВС 58 от 24.12.2019 и Палермского протокола имеют общие элементы: деяние, способ воздействия и цель. Но, при этом, есть и отличия. Первое отличие заключается в том, что УК РФ не указывает на связь торговли людьми с применением средств воздействия, а в Палермском протоколе такое указание имеется. Отдельные обстоятельства из Палермского протокола имеются в ч.2 статьи 127.1 УК РФ, то есть являются обстоятельствами, отягчающими наказание, по мнению нашего законодателя (например, использование своего служебного положения (п. «в» ч.2 ст. 127.1 УК РФ), применение насилия (п. «е» ч.2 ст. 127.1 УК РФ), использование беспомощного состояния потерпевшего (п. «з» ч.2 ст. 127.1 УК РФ)) [6]. Второе отличие заключается в том, что согласно диспозиции статьи 127.1 УК РФ торговля людьми может совершаться в форме сделки, не предусматривающей в качестве обязательного признака состава ни применения принуждения, ни наличие цели эксплуатации человека [4]. Третье отличие УК РФ от Палермского протокола заключается в том, что УК РФ понимает эксплуатацию как использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние. В Палермском протоколе, помимо того, что называет УК РФ, также относит и извлечение органов [6]. УК РФ относит извлечение органов не к форме проявления эксплуатации, а к квалифицирующему признаку состава преступления (п. «ж» ч.2 ст. 127.1 УК РФ). Также, в Палермском протоколе к эксплуатации относит «принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние», а УК РФ выделяет рабство, а именно, использование рабского труда как отдельный состав преступления, предусмотренный статьей 127.2 [6].

Особое внимание и соответствующая защита представлена одному из незащищенных слоев населения – детям. В Палермском протоколе это выражается в подпункте «с» статьи 3, которая говорит о том, что вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации считаются «торговлей людьми» даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из средств воздействия, указанных в подпункте «а» настоящей статьи, где раскрывается понятие торговли людьми [6]. То есть, Палермский протокол делает исключение из общего правила по отношению к детям (лицам, не достигшим 18 лет (подпункт «d» статьи 3 Палермского протокола)). Российский законодатель тоже усиленно защищает свободу детей. Пункт «б» ч.2 ст. 127.1 УК РФ выступает в качестве квалифицирующего признака, усиливая ответственность за преступление, предусмотренного частью первой статьи 127.1 УК РФ [4].

Кроме того, помимо уже перечисленных актов, дополнительно детей защищает Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятый резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 года (далее – **Протокол о правах ребенка**) [7]. В нем, в подпункте «а» статьи 2 дается определение понятия торговля детьми. *Это любой акт или сделку, посредством которых ребенок передается любым лицом или любой группой лиц другому лицу или группе лиц за вознаграждение или любое иное возмещение.* Как можно заметить, это определение сильно отличается от того, что дано в Палермском протоколе. В определении из Протокола о правах ребенка отсутствует цель эксплуатации, вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение. Также, отсутствует и используемые средства (насилие, иные формы принуждения, похищение, мошенничество, обман, злоупотребление властью, злоупотребление уязвимым положением потерпевшего, подкуп) [6]. Для того, чтобы признать торговлю детьми таковой, достаточно совершить любую сделку, во исполнение которой выполняется передача ребенка другим лицам за

вознаграждение или любое другое возмещение. Конечно, возможно предположить, что ребенок передается безвозмездно, но вероятность этому близка к нулю, так как преступникам необходимо извлекать выгоду из своей деятельности. Также, этот Протокол о правах ребенка в статье 3 уточняет какие действия, связанные с детьми в контексте торговли детьми необходимо установить национальному законодателю. К таковым относятся предложение, передача или получение какими бы то ни было средствами ребенка с целью: [7]

- сексуальной эксплуатации ребенка;
- передачи органов ребенка за вознаграждение;
- использования ребенка на принудительных работах;
- неправомерное склонение, в качестве посредничества, к согласию на усыновление ребенка в нарушение применимых международно-правовых актов, касающихся усыновления;
- предложение, получение, передача или предоставление ребенка для целей детской проституции, определяемой в статье 2 Протокола о правах ребенка;
- производство, распределение, распространение, импорт, экспорт, предложение, продажа или хранение в вышеупомянутых целях детской порнографии, определяемой в статье 2 Протокола о правах ребенка

Из статьи 3 Конвенции о правах ребенка можно сделать вывод о том, что сама Конвенция дает фундамент, на основании которого отдельно взятые государства уточняют положения Конвенции и устанавливают уголовную ответственность. По мнению Староверова, чтобы соблюсти положения Палермского протокола и Конвенции о правах ребенка, национальному законодателю необходимо вводить в УК страны отдельную статью за торговлю детьми. В УК РФ такая статья отсутствует, в отличие от Казахстана. В УК Республики Казахстан введена статья 135, которая называется «торговля несовершеннолетними» [15].

Диспозиция части 1 статьи 127.1 УК РФ включает несколько составообразующих действий. В качестве одного из них выступает **вербовка** [4]. Чем же является вербовка? ППВС №58 от 24.12.2019 понимает под вербовкой *поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека*. Притом, для получения согласия потерпевшего могут использоваться разные способы, такие как обещание вознаграждения, шантаж, обман или злоупотребление доверием (в частности, под предлогом предоставления работы или возможности обучения по той или иной профессии). Копенкина определила вербовку как *деятельность по набору, найму желающих, которая может производиться как путем обмана, так и путем запугивания, угроз, применения насилия, то есть она может включать в себя признаки состава иных преступлений*. [8, с.123]. Староверов понимает под вербовкой *действия, связанные с заключением соглашения, согласно которого вербовщик обязуется предоставить вербуемому им лицу работу, которую он рекламирует, а завербованное лицо принимает на себя обязательство выполнять соответствующие ей обязанности, уплатив вербовщику оговоренное ими вознаграждение* [9, с.137]. В целом, наблюдается единый взгляд на юридическую природу этого действия как у ВС РФ, так и у научного сообщества.

Вторым действием для выполнения состава преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ является перевозка. ВС РФ определяет перевозку как перемещение человека любым видом транспорта из одного места в другое, в том числе в пределах одного населенного пункта, для дальнейшей эксплуатации потерпевшего [5]. Костылева в своей работе утверждает, что перевозка человека означает перемещение потерпевшего любым видом транспорта из одного места в другое как внутри страны, так и с пересечением

государственной границы [10, с.62]. Смирнов в своем справочно-методическом пособии «Защита жертв торговли людьми в уголовном судопроизводстве» дал следующее определение понятия перевозки [11, с.15]. Это перемещение человека в пространстве любым способом с использованием какого-либо транспортного средства. По его мнению, одним из обязательных условий инкриминирования деяния лицу является факт нахождения перевозимого лица вместе с лицом, совершающим перевозку. Соответственно, любые действия, где перемещается сам обвиняемый нельзя рассматривать как элемент состава преступления. К таковым относится какое-либо приглашение, покупка билетов, организация встречи и любые другие действия, где потерпевший передвигается самостоятельно, по своей воле. Вторым фактом, требующий установления является знание лица, осуществляющего перевозку человека с целью эксплуатации последнего другими лицами [11, с.15]. Подобная позиция наблюдается и на практике. Уссурийский городской суд Приморского края, согласился с мнением государственного обвинителя и исключил из обвинения Х. перевозку человека на том основании, что перевозка может осуществляться только в сопровождении виновного или других лиц, а в ходе судебного разбирательства было установлено, что потерпевшие получили авиабилеты от соучастников Х. в аэропорту г. Ташкента и самостоятельно прибыли в г. Хабаровск, где их и встретил Х. [12, с.15]. Любопытно, что у географических соседей РФ, Республики Казахстан противоположная трактовка термина «перевозка человека». Пункт 6 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми» говорится, что «Перевозка может выражаться не только в доставке перевозимого лица в сопровождении кого-либо, но и в приобретении перевозимому лицу проездных документов до места следования, куда потерпевший добирается самостоятельно. Перевозка считается оконченной с момента начала ее осуществления» [13, с.3]. Понимание перевозки в таком

смысле можно наблюдать не только в Казахстане, но и в мире. Так, в материалах Международной организации труда, подготовленных для законодательных органов, транспортировка (*transportation*) может производиться с участием торговцев людьми, а может осуществляться авиакомпаниями или другими добропорядочными транспортными компаниями [14, с.10].

Третьим действием для выполнения состава преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ является передача и получение. Это корреспондирующие действия, так же, как и купля-продажа [11, с.14]. Без совершения одного действия невозможно совершить другое. Такого же мнения придерживается Староверов, говоря о том, что передача и получение человека – это есть взаимосвязанные между собой действия, результатом которых является перевод жертвы торговли людьми из-под контроля одного лица под контроль другого [9, с.138]. Их мнения отличаются от диспозиции части первой статьи 127.1 УК РФ, где передача и получение разделены как два самостоятельных деяния [4]. Это, по мнению Староверова, противоречит смыслу Палермского протокола, в котором под передачей и получением понимаются действия противоположных сторон преступного соглашения [9, с. 138]. Свое определение понятий передачи и получения дал ВС РФ в своем Постановлении №58 от 24.12.2019 как предоставление потерпевшего другому лицу, в том числе для осуществления перевозки, укрывательства, эксплуатации потерпевшего, а получение, соответственно, в принятии потерпевшего от лица, его передающего, в частности, для перевозки или укрывательства, а равно для его эксплуатации [5]. Костылева определяет передачу и получение человека как переход жертвы торговли людьми от одного лица к другому [10, с.63]. Международная Организация Труда в своем руководстве для законодательных и правоохранительных органов говорит о том, что в понятие «передача» входит деятельность лиц, которые могут способствовать торговле людьми в транзитных странах [14, с.10]. Нормативное постановление Верховного Суда

Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми» определяет передачу человека как непосредственную передачу потерпевшего лицу для его эксплуатации. Действия лиц, передавших и получивших человека с целью его эксплуатации ими самими или другими лицами, подлежат квалификации по соответствующей части статьи 128 УК, а в отношении несовершеннолетнего - по соответствующей части статьи 135 УК [13, с.3].

Четвертым действием для выполнения состава преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ является укрывательство [4]. ППВС №58 от 24.12.2019 определяет укрывательство как деяние, направленное на сокрытие потерпевшего при совершении действий, относящихся к торговле людьми, от органов власти, родственников, заинтересованных лиц, например, путем сообщения заведомо ложных сведений о личности или месте нахождения потерпевшего [5]. Староверов в своей работе дает схожее определение понятия «укривательство». По его мнению, это есть утаивание потерпевшего (в нашем случае жертвы торговли людьми) от органов внутренних дел, лиц, осуществляющих его розыск по своей инициативе, лиц, близких ему [9, с.138]. Костылева также дает определение укрывательства как сокрытие потерпевшего от правоохранительных органов, родственников или других лиц [10, с.63]. Кустов и Смирнов в своем научно-методическом пособии определяют укрывательство как любые действия, направленные на его сокрытие, утаивание от заинтересованных лиц – родственников, близких, иных лиц, заинтересованных в судьбе сокрытого лица, а также правоохранительных органов в подконтрольных помещениях или на контролируемой территории [12, с.15]. При этом, они не относят к укрывательству несообщение информации о месте нахождения разыскиваемого человека заинтересованным лицам. Не относят и предоставление человеку поддельных документов, удостоверяющих личность, или же конфискацию личных документов потерпевшего, что отличает их позицию от мнения Староверова, который

считает, что укрывательство может совершаться путем переклеивания фотографии в документах, удостоверяющих личность потерпевшего [9, с.138]. По сути, по их мнению, укрывательство не может совершаться в форме бездействия. Для вменения лицу совершение укрывательства необходимо установить знание этого лица о том, что укрываемого им человека впоследствии будут эксплуатировать. Укрывательство – делящееся преступление, в отличие от других действий, образующих объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ [12, с. 16]. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми» в пункте 8 определяет укрывательство как сокрытие потерпевшего от правоохранительных органов, родственников и других лиц до наступления благоприятного момента для совершения перевозки, передачи, купли-продажи, других сделок, (например, утаивание в специальных помещениях, воспрепятствование свободному передвижению, медикаментозное подавление физической или психической активности). Верховный Суд Республики Казахстан придерживается схожего с Староверовым мнения и говорит о том, что укрывательство может выражаться не только в физическом сокрытии потерпевшего, но и в иных действиях, затрудняющих обнаружение потерпевшего (изменение документов, внешности и так далее) [13, с.3].

Как понимать термин эксплуатация человека? Примечание 2 к статье 127.1 УК РФ раскрывает эксплуатацию как использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние [4]. Анализ ключевых концепций Протокола о торговле людьми, подготовленный Секретариатом ООН говорит о том, что термины «эксплуатация проституции других лиц» и «сексуальная эксплуатация» умышленно не были определены в Протоколе, с тем чтобы позволить всем государствам ратифицировать Протокол независимо

от их внутренней политики в отношении проституции. В Протоколе эксплуатация проституции других лиц затрагивается только в контексте торговли людьми. Также, в Протоколе не установлено обязательство признавать проституцию уголовно наказуемым деянием [16, с.4]. Международная Организация Труда в своих материалах, подготовленных для законодательных и правоприменительных органов определили эксплуатацию как минимум эксплуатацию проституции или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или методы, подобные рабству, неволю или изъятие органов [14, с.9]. Данное определение схоже с примечанием 2 к статье 127.1 УК РФ. Костылева дает устоявшееся в теории и практике понимание использования проституции. Это незаконное получение финансовой или иной материальной выгоды от занятия проституцией другим лицом, а под иными формами сексуальной эксплуатации Костылева понимает участие лица в изготовлении порнографических материалов, передача человека для вступления в сексуальные отношения с другим лицом [10, с.69]. Аналогичного мнения придерживается и Староверов, который определил использование занятия проституцией как противоправное извлечение имущественной выгоды лицом, поставившим под свой контроль лицо, занимающееся проституцией, которую приносит ему занятие данной деятельностью [9, с.138]. Смирнов и Щепилов выявили проблему разграничения составов, предусматривающих торговлю людьми в форме вербовки и вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ). Основное отличие между составами ст. 127.1 и 240 УК РФ заключается в том, что в первом случае вербовка совершается путем обмана, вследствие чего потерпевший добровольно дает согласие на свой наем, заблуждаясь относительно существенных условий предлагаемой ему трудовой деятельности и не зная, что он в дальнейшем подвергнется сексуальной эксплуатации, а при вовлечении в занятие проституцией потерпевший изначально не согласен заниматься данным видом деятельности, но под воздействием на волю

потерпевшего, последний вынужден дать свое согласие [11, с.27]. Также, при выполнении состава преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ, виновный имеет конкретизированный относительно личности умысел, в отличие от ст. 127.1 УК РФ, где умысел неопределенный, не конкретизированный [11, с.28]. Данной позиции придерживается Верховный Суд Республики Казахстан, который в абзаце 3 пункта 5 Нормативного постановления от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми», сказал, что в случае направленности умысла лица при вербовке только на вовлечение в занятие проституцией содеянное подлежит уголовно-правовой оценке по соответствующей статье 308 (*Вовлечение в занятие проституцией*) или 134 УК РК (*Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией*), поскольку нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за вербовку с целью сексуальной эксплуатации и вовлечение в занятие проституцией, находятся в состоянии конкуренции, предусмотренной частью третьей статьи 12 УК (*Не признается неоднократным продолжаемое уголовное правонарушение, то есть уголовное правонарушение, состоящее из ряда одинаковых противоправных деяний, которые охватываются едиными умыслом и целью и образуют в целом одно уголовное правонарушение*) [13, с.3].

Исходя из примечания 2 статьи 127.1 УК РФ выделяется также и использование рабского труда. При этом, ответственность за его использование предусмотрено 127.2 УК РФ. Таким образом, законодатель в 127.1 наказывает не непосредственную эксплуатацию рабского труда, а совершение сделки, направленной на будущее использование человека в качестве раба [4].

И третьим деянием, понимаемым как эксплуатация человека является подневольное состояние. ВС РФ не дал определение этого понятия. Международно-правовые акты его дали, но оно не идентичное. Всеобщая декларация прав человека в статье 4 разделила такие термины, как рабство и подневольное состояние [17]. Рабский труд понимается как труд человека,

которого используют как традиционного раба, то есть, человек является по сути вещью и объектом гражданского оборота. Подневольное состояние является более широким понятием по отношению к рабству и подразумевает под собой пребывание под действием обычаев, сходных с рабством [18, с.71]. Мизулина Е.Б. считает, что нет никакого логического обоснования тому, чтобы по примеру Палермского протокола ставить рядом термины «подневольное состояние» и «обычай, сходные с рабством» [19, с. 90-91]. Руководство для парламентариев по борьбе с торговлей людьми определяет подневольное состояние как *положение или состояние зависимости лица, которое другое лицо незаконно вынуждает или принуждает выполнять какие-либо работы (оказывать какие-либо услуги) для него или других лиц и у которого нет альтернативы выполнению этой повинности* [21]. Основное отличие подневольного состояния от рабства заключается в том, что человек, находясь в подневольном состоянии полностью не лишается возможности изменить свое положение или отказаться от навязываемых ему условий трудовой деятельности [10, с.70]. Подтверждает данный тезис тот факт, что в Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством, закреплен термин «обычай, сходные с рабством» в ст. 1 следующим образом: это [20]

1. Долговая кабала, т.е. положение или состояние, возникающее вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда или труда, зависимого от него лица, если надлежащим образом определяемая ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга или продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен;

2. Крепостное состояние, т.е. такое пользование землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для другого лица за вознаграждение или без такового, и не может изменить это свое состояние;

3. Любой обычай или традиция, когда:

3.1 Женщину обещают выдать или выдают замуж без права отказа с ее стороны ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой;

3.2 Муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом;

3.3 Женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу;

4. Любой институт или обычай, в силу которого несовершеннолетний передается одним или обоими своими родителями, или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого несовершеннолетнего.

Подводя итог, можно сказать, что как у российского законодателя, так и у судов, понимание того, что образует торговлю людьми отличается от международной практики. Но, при этом, сами действия, такие как эксплуатация, вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение, которые образуют состав 127.1 УК РФ схожи с международными. Но понимание этих действий у российской судов отличное. Также, в УК РФ, не предусмотрен отдельный состав за торговлю несовершеннолетними, а выделяется как квалифицирующий признак потерпевшего, что отличает отечественный подход от международного, в котором принято выделять торговлю несовершеннолетними в отдельный состав преступления.

Список литературы:

1. Доклад ООН: пандемия усугубила угрозу торговли людьми, особенно для женщин и девочек // URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1387132>

2. ООН: торговцы людьми активно осваивают киберпространство // URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1428512>

3. Судебная статистика РФ: Данные о назначенном наказании по статьям УК // URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17>

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 "О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми" // СПС «Консультант Плюс».

6. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // URL:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml

7. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятый резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 года

8. Копенкина Л. А. О совершенствовании ст. 127-1 УК РФ (торговля людьми) // Ленинградский юридический журнал. 2007. №3. // URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-st-127-1-uk-rf-torgovlya-lyudmi> (дата обращения: 04.12.2022)

9. Староверов А.В. Международно-правовые нормы и некоторые аспекты квалификации преступления, предусмотренного статьей 127.1 (торговля людьми) УК РФ // Вестник экономической безопасности. 2021. №1. // URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-normy-i-nekotorye-aspekty-kvalifikatsii-prestupleniya-predusmotrennogo-statiei-127-1-torgovlya-lyudmi-uk-rf>

10. Костылева О.В. Торговля людьми: имплементация международно-правовых норм и вопросы квалификации преступления по ст. 127¹ ук РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №3. // URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-lyudmi-implementatsiya-mezhdunarodno-pravovyh-norm-i-voprosy-kvalifikatsii-prestupleniya-po-st-127-uk-rf>

11. Смирнов Г.К., Щепилов О.О. Защита жертв торговли людьми в уголовном судопроизводстве: Справ. -метод. пособие. СПб., 2009. С. 100. // URL: <https://spbredcross.org/images/docs/PROTECTION-OF-VICTIMS-OF-TRAFFICKING-BY-HUMAN-BEINGS.PDF>
12. Методика расследования торговли людьми: Науч.-метод. пособие / Под ред. А.М. Кустова и Г.К. Смирнова. Москва., 2009. С. 135
13. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 г. № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми». // URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79692/2012>
14. Торговля людьми и эксплуатация принудительного труда. Руководство для законодательных и правоохранительных органов. Женева, 2006. С. 79. // URL <https://spbredcross.org/images/docs/Trafficking-in-persons-and-exploitation-of-forced-labor.pdf>
15. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2022 г.)
16. Анализ ключевых понятий Протокола о торговле людьми. Рабочая группа по торговле людьми. Вена, 27–29 января 2010 г. Предложения Секретариата в отношении ключевых концепций Протокола о торговле людьми // URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/organized_crime/2010_CTOC_COP_WG4/WG4_2010_2_R.pdf
17. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998
18. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 499 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-04855-1. — Текст: электронный //

Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/472714>
(дата обращения: 05.12.2022)

19. Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. / М., 2006. 310 с.

20. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством (Принята Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета от 30 апреля 1956 года, и составлена в Женеве 7 сентября 1956 года) [Электронный ресурс] / Путь доступа:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml

21. Борьба с торговлей людьми. Руководство для парламентариев. [Электронный ресурс]: Сайт Управления ООН по наркотикам и преступности: // URL: http://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Handbook_for_Parliamentarians_Russian_V0983316.pdf

УДК 343.2

Огородникова Арина Евгеньевна
Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
Ogorodnikovaarinaa@yandex.ru
Ogorodnikova Arina
Saratov State Law Academy
Institute of prosecution
Russia, Saratov

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются основные научные подходы к вопросу о правильной квалификации преступлений, совершенных несколькими лицами, одно из которых не подлежит уголовной ответственности. Также проанализирована судебная практика. Автором предложен наиболее оптимальный вариант квалификации такого рода деяний.

Ключевые слова: уголовное право, институт соучастия, квалификация преступлений, группа лиц, невменяемый, субъект преступления.

ON THE QUESTION OF THE QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE PARTICIPATION OF PERSONS NOT SUBJECT TO CRIMINAL LIABILITY

Annotation: the article discusses the main scientific approaches to the question of the correct qualification of crimes committed by several persons, one of which is not subject to criminal liability. Judicial practice is also analyzed. The author suggests the most optimal variant of the qualification of such acts.

Key words: criminal law, institute of complicity, qualification of crimes, group of persons, insane, subject of crime.

Специфика уголовно-правовых норм состоит в том, что их конструкция предполагает запрет общественно-опасного деяния, совершенного одним лицом. Однако, к сожалению, в современной действительности отмечается рост количества групповых преступлений [11]. Очевидно, что преступления, совершенные несколькими лицами, содержат в себе большую общественную опасность, чем уголовно-противоправные деяния, совершенные лицом в одиночку. Это объясняется, прежде всего, тем, что согласованность действий участников преступления повышает вероятность успешного его окончания.

Нецелесообразность законодательного закрепления отдельного состава преступления для каждого лица, участвующего в совместном совершении деяния, запрещенного Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], обусловила необходимость формирования института соучастия. Несмотря на достаточно детальное исследование данного института в доктрине российского уголовного права, правоприменители до сих пор сталкиваются с неоднозначными ситуациями. Одной из таких проблем является вопрос о квалификации деяний, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности. В связи с этим целью настоящей статьи является формирование представления об особенностях квалификации действий лиц, совершивших преступление в ситуации, когда один из участников не обладает признаками субъекта преступления.

В уголовно-правовой науке нет единого ответа на вопрос о том, как правильно квалифицировать такого рода деяния, поэтому представляется особо интересным изучение каждой из точек зрения учёных. Так, А.П. Козлов и С.Д. Макаров считают, что совершение преступления несколькими лицами, одно из которых не подлежит уголовной ответственности, необходимо рассматривать как соучастие и, соответственно, квалифицировать как групповое

преступление. В доказательство данной позиции приводятся доводы о повышенной общественной опасности совместно совершенного преступления в силу более серьезных общественно опасных последствий такого деяния [5, с. 237]. Также авторы утверждают, что факт согласованности действий участников предопределяет наступление общего для них преступного результата [8, с. 25].

Противоположной точки зрения придерживаются И.Э. Звечаровский и В.Н. Шиханов, предлагая квалифицировать посягательство, совершенное совместно с ненадлежащим субъектом, как деяние, совершенное единолично. Главным аргументом сторонников данной точки зрения является обращение к содержанию понятия «лицо», под которым в уголовном праве понимается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Человек, не отвечающий требованиям ст. 19 УК РФ, соответственно, не будет рассматриваться как субъект преступления. Следовательно, отсутствие количественного признака соучастия (двух и более лиц в уголовно-правовом понимании) исключает возможность квалификации по правилам данного института [7, с. 32]. Также не менее важно отметить и отсутствие субъективного признака соучастия, в силу которого все лица, принимающие участие в совершении преступления, должны осознавать общественно опасный характер своего поведения, предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в результате совместных действий и желать или сознательно допускать их наступления [10, с. 59].

В юридической науке имеется и промежуточная позиция, согласно которой совершение преступления совместно надлежащим и ненадлежащим субъектами необходимо определять, как преступление, совершенное «групповым способом», в отсутствие соучастия. Так, Ю.А. Власов считает, что такое деяние следует рассматривать не как соучастие, а как «соисполнительство или сопричинение, а его квалификация в обязательном порядке должна содержать отягчающий признак – «группа лиц» по способу

совершения преступления [6, с. 36]». Одним из аргументов автора в пользу занимаемой позиции является то, что отнесение к объективной стороне состава преступления таких признаков, как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору дает возможность рассматривать их как способ совершения преступления.

Тенденция разрозненности мнений по рассматриваемому вопросу проявляется не только среди ученых-правоведов, но и в судебной практике. При этом наличие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором имеется руководство по квалификации преступлений, совершенных совместно с негодным субъектом, значительно облегчает бремя судов по окончательной квалификации такого деяния. Если постановление Пленума содержит положение, согласно которому для применения норм о соучастии необходимо установить деликтоспособность всех участников преступления, то суды не вменяют данный признак.

Так, в соответствии с п. 12 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» действия лица, совершившего преступление из названной категории дел с помощью других лиц, не обладающих признаками субъекта, следует квалифицировать по частям 1 статей 158, 161 или 162 УК РФ как действия непосредственного исполнителя преступления. Игнорирование данного пункта при разрешении дела может рассматриваться как основание для изменения приговора судом вышестоящей инстанции [2].

Обратной стороной такого подхода является применение судами норм о соучастии к деликтоспособному лицу, совершившему преступление совместно с ненадлежащим субъектом, даже в случае если Пленум ВС РФ на этот счет никаких разъяснений по данной категории дел не дает [10, с. 56].

На данный момент большое распространение получила практика квалификации такого преступления в целом как деяния, совершенного в соучастии. В таком случае ответственность возлагается на единственное

деликтоспособное лицо, вследствие того, что виновный не был осведомлен о невменяемости соисполнителя. Соответственно, в данном случае имеет место юридическая ошибка (субъект заблуждается в деликтоспособности второго участника посягательства), которая, по общему правилу, не влияет на квалификацию, вид и размер наказания.

Так, Охотский районный суд, вынося приговор по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ в отношении Лизнова В.В., совершившего деяние совместно с лицом, признанным впоследствии невменяемым, указал, что непривлечение к уголовной ответственности последнего не влияет на квалификацию деяния подсудимого как преступления, совершенного группой лиц, с учетом того, что Лизнов В.В. не знал о состоянии невменяемости другого участника посягательства [3].

Хотелось бы отметить, что мнение судов, квалифицирующих таким образом рассматриваемые деяния, абсолютно не совпадает с позицией ученых. А именно, А.И. Рарог и Г.А. Есаков утверждают, что для квалификации деяния как преступления, совершенного в соучастии, необходимо не только осознание виновным лицом отсутствия деликтоспособности у остальных соисполнителей, но и использование этого для достижения преступного результата [9, с. 51].

Другие суды, квалифицируя такое деяние как групповое преступление, не учитывают осознание (неосознание) подсудимым факта недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости других соисполнителей, а основываются на фактических данных, свидетельствующих о том, что субъект преступления совместно с неделиктоспособным лицом выполнил объективную сторону состава преступления.

К примеру, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ, признавая необоснованность решения суда нижестоящей инстанции указала, что судом не было дано никакой оценки фактическим действиям подсудимого, который собственно и предложил лицу, признанному впоследствии невменяемым,

совершить посягательство, а также лично участвовал в завладении чужим имуществом [4].

Критикуя данную позицию правоприменителя, отметим, что, несмотря на выполнение невменяемым лицом объективной стороны деяния, говорить о наличии в его действиях субъективной стороны некорректно. Следовательно, необходимо ставить под сомнение и юридическое значение договоренностей с таким лицом, и сам факт соучастия.

Исходя из вышесказанного, очевидно отсутствие единства как в теории уголовного права, так и в практике его применения по вопросу квалификации преступлений, совершенных совместно с ненадлежащим субъектом. На наш взгляд, наиболее обоснованной является позиция, согласно которой судам следует рассматривать совместное посягательство деликтоспособного и неделиктоспособного лица как преступление, совершенное единолично. Акцентируем внимание на том, что невменяемое лицо или лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, совершает не преступление, а общественно опасное деяние. В этом случае не может идти речи о наличии субъективной стороны, а, следовательно, отсутствует и преступность деяния. Данный факт исключает соучастие. Это позволяет сделать вывод, что практика окончательной квалификации преступления, совершенного совместно с «негодным» субъектом, на основании норм о соучастии не состоятельна.

Представляется разумным в целях обеспечения единства и стабильности правоприменительной практики внести соответствующие изменения в УК РФ, закрепляющие правила квалификации подобных деяний. При этом представляется разумным включение в законодательство норм, влекущих более строгую ответственность для единственного деликтоспособного субъекта.

Таким образом, посредством изучения неоднозначных мнений учёных и судебной практики удалось сформировать представление об особенностях квалификации преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих

уголовной ответственности, а также предложить возможные пути преодоления возникающих на практике проблем.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.
2. Постановление Забайкальского краевого суда № 44У-230/2019 4У-438/2019 от 21 ноября 2019 г. по делу № 44У-230/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Fes36TovaZWm/> (дата обращения 04.10.2022).
3. Приговор Охотского районного суда № 1-53/2015 от 31 июля 2015 г. по делу № 1-53/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n8CRk2LoBBYn/> (дата обращения 05.10.2022).
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 № 75-УДП21-8-К3 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Соучастие: традиции и реальность / Козлов А.П. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
6. Власов Ю. Квалификация деяния, совершенного с лицом, не обладающим признаками субъекта // Уголовное право. 2007. № 2. С. 32-36.
7. Звечаровский И. Совершение преступления в соучастии: проблема квалификации // Законность. 2009. № 11. С. 28-32.
8. Макаров С.Д. Квалификация соучастия в преступлении с ненадлежащим субъектом // Российский судья. 2005. № 8. С. 22-25.
9. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. N 1. С. 51-53.
10. Шиханов В.Н. Участие в совершении преступления с лицами, не подлежащими уголовной ответственности: подходы к правовой оценке в

современной судебной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 52 -62

11. В России значительно выросло количество групповых тяжких преступлений // [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/11/20/n_16886467.shtml (дата обращения 01.10.2022).

УДК 343.01

Рыбакова Татьяна Игоревна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

rybakova.tatyana02@yandex.ru

Rybakova Tatiana

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Yekaterinburg

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация: в статье автором рассматривается такое понятие, как принудительные меры воспитательного воздействия, раскрывается содержание указанных мер, обозначается их место в системе мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетние, уголовная ответственность, преступление, ювенальная юстиция.

CONCEPT AND TYPES OF COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE APPLIED TO MINORS

Annotation: in the article the author considers such a concept as compulsory measures of educational influence, reveals the content of these measures, indicates their place in the system of measures of a criminal law nature.

Key words: compulsory measures of educational influence, minors, criminal liability, crime, juvenile justice.

В соответствии с докладом Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева по итогам работы судов за 2021 год результатом гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики является сокращение количества осужденных несовершеннолетних – за последние 10 лет их количество сократилось более чем в 2 раза – с 39 тысяч лиц в 2011 году до 15 тысяч лиц в 2021 году. За 2021 год их численность сократилась также на 300 лиц. Количество несовершеннолетних, осужденных к реальному лишению свободы, составляет 2,5 тысяч лиц или 17%, при этом 74% из них осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления, 57% совершили преступление в составе группы лиц, 51% имели судимости. Важно заметить, что по состоянию на 1 января 2022 года в воспитательных колониях отбывали наказание 842 несовершеннолетних – это меньше, чем в 2020 году [4].

Прежде всего отметим, что сокращение количества несовершеннолетних осужденных связано с широким применением принудительных мер воспитательного воздействия.

К сожалению, в Уголовном кодексе Российской Федерации не дается полного и точного определения принудительных мер воспитательного воздействия. А как же раскрывается данное понятие в научной литературе? В науке приводится следующее определение: «принудительные меры воспитательного воздействия – это вид иных мер уголовно-правового характера, назначаемых судом несовершеннолетнему, достигшему возраста уголовной ответственности и совершившему деяние, запрещенное уголовным законом. Они заключаются в оказании на подростка специфического психолого-педагогического влияния, направленного на его исправление, ресоциализацию и предупреждение новых преступлений» [11, с. 101]. Данные меры применяются в тех случаях, когда исправление возможно без применения наказания.

Вышеуказанные меры схожи в том, что все они, как отмечают Н.К. Семернева, С.А. Корнеев, И.Н. Тюрина и многие другие авторы, не имеют карательной направленности, а являются воспитательными, то есть каждая из данных мер в какой-то степени преследует цель воспитания подростка в духе уважения к нормам права, морали и нравственности, правилам поведения подростков в различных случаях: дома, в учебных заведениях, на улице, в общественных местах. Однако необходимо принимать во внимание и то, что хотя меры и называются воспитательными, они носят принудительный характер, то есть применяются волей органов государственной власти, которые наделены специальными полномочиями по их применению, не учитывая при этом желание подростка и его родителей [5, с. 685].

Принудительные меры воспитательного воздействия имеют большую направленность на ресоциализацию подростков, чем наказание. Акцент при их осуществлении делается на психолого-педагогическом воздействии, которое направлено «на сознание и волю несовершеннолетнего правонарушителя, корректировку его взглядов, привычек, на внушение и убеждение в необходимости изменения образа жизни, потребностей и интересов» [11, с. 99].

Необходимо отметить, что в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующих применение принудительных мер воспитательного воздействия, имеется ряд пробелов теоретического и практического характера. К ним можно отнести: 1) отсутствие в УК РФ указания на понятие и цели принудительных мер воспитательного воздействия; 2) неконкретизированность сроков применения некоторых из мер; 3) отсутствие регламентации отмены рассмотренных мер в случае систематического уклонения от их исполнения либо их продления; 4) неясность ряда понятий (например, систематического неисполнения принудительных мер воспитательного воздействия) и др.

Правильное и единообразное применение мер воспитательного воздействия на практике невозможно без четкого и однозначного закрепления в

законе их определения и целей, как это сделано, в частности, в отношении наказания и принудительных мер медицинского характера [9, с. 64].

Представляется важным отметить, что принудительные меры воспитательного воздействия законодательно включены в раздел Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященный уголовной ответственности несовершеннолетних, где непосредственно определены виды наказаний, которые могут быть назначены рассматриваемой категории, порядок условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, сроки давности и погашения судимости. По формальному же признаку указанные меры являются альтернативой наказания, материальным выражением уголовной ответственности, ее самостоятельной формой реализации, что свидетельствует об отступлении законодателя от выработанных в науке советского уголовного права постулатов о сущности мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетнего в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом [10, с. 85].

В соответствии с частью 1 статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации несовершеннолетнего, осужденного за совершение преступления небольшой или средней тяжести, суд может освободить от наказания с возможностью применения принудительных мер воспитательного воздействия, которые предусмотрены в части 2 статьи 90 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

В настоящее время в науке уголовного права различных стран уголовное преследование с назначением наказания не рассматривается как единственно возможный механизм уголовно-процессуального регулирования. Изменение отношения в обществе к самой преступности, в том числе к ее последствиям, повышение интереса к личности несовершеннолетнего правонарушителя или преступника стимулируют законодателя и правоприменителя в отдельных случаях отказаться от назначения наказания или найти альтернативу наказанию.

Этот вопрос представляет теоретический и практический интерес в сфере изучения разнообразных аспектов производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних как формы уголовного судопроизводства. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних предполагает расширенный (дополнительный) объем процессуальных гарантий и должно выполнять превентивные и охранительные функции. В правилах 11, 17 и 18 Минимальных стандартных правил Организации объединенных наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), акцентируется внимание на «возможности и необходимости применения к несовершеннолетним правонарушителям именно мер воспитательного воздействия, которые носят так называемый полиальтернативный характер» [7, с. 388]. В правиле 18.1 вышеуказанного акта говорится о том, что «в целях обеспечения большей гибкости и во избежание по возможности заключения в исправительные учреждения компетентный орган власти должен располагать при разрешении дела широким комплексом мер воздействия» [3]. Такие меры довольно широко распространены и применяются в различных государствах в связи с развитием в них ювенальной юстиции.

По смыслу части 2 статьи 87 Уголовного кодекса Российской Федерации к несовершеннолетним, которые совершили преступления, суды могут применить принудительные меры воспитательного воздействия или назначить им наказание, а при освобождении судом от наказания несовершеннолетние также могут быть помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Такой вид государственного реагирования предполагает способ воздействия, отличающийся от уголовного наказания.

Прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего и применение к нему мер воспитательного воздействия возможно на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Следователь при согласии руководителя следственного органа, дознаватель с согласия прокурора вправе принять постановление о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, и о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия. Для этого необходимо исследовать все обстоятельства и установить, что исправление несовершеннолетнего возможно без применения наказания.

Как законодатель определяет возможность исправления несовершеннолетнего без применения наказания? К сожалению, ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 не раскрывается, что понимается под «возможностью исправления несовершеннолетнего принудительными мерами воспитательного воздействия» [9, с. 64]. Хотелось бы отметить, что в нашем понимании об этом может свидетельствовать отсутствие алкогольной или наркотической зависимости, положительная характеристика по месту жительства, учебы и работы, наличие постоянного места жительства, совершение преступления впервые, отсутствие судимости, совершение преступления вследствие стечения неблагоприятных для несовершеннолетнего обстоятельств, отсутствие фактов привлечения к административной ответственности и т.д.

Теперь считаем необходимым перейти к вопросу о том, какие виды принудительных мер воспитательного воздействия выделяются в российском уголовном законодательстве. В статье 90 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрено четыре вида данных мер, содержание которых подробно раскрывается в статье 91 Уголовного кодекса Российской Федерации. К ним относятся:

- а) вынесение предупреждения несовершеннолетнему;

- б) передача несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, которые их заменяют, либо специализированного государственного органа;
- в) возложение на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред;
- г) ограничение досуга несовершеннолетнего и установление особых требований к его поведению.

Кроме того, статья 92 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает еще одно законоположение – возможность помещения несовершеннолетнего преступника в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа [1].

В доктрине уголовного права возникают трудности при определении сущности последней меры государственного принуждения. Мы поддерживаем точку зрения, высказанную С.А. Корнеевым, о том, что данная мера относится к принудительным мерам воспитательного воздействия, что согласуется с законодательным регулированием. Указанная мера применяется в превентивных целях в рамках освобождения несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести либо тяжкое преступление, от наказания. Отличительным признаком рассматриваемой меры являются специфические ограничения, испытываемые несовершеннолетним, однако эти обременения существенным образом отличаются от наказания в виде лишения свободы с отбыванием в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказания России [10, с. 85].

Представляется важным добавить, что согласно части 3 статьи 90 Уголовного кодекса Российской Федерации, несовершеннолетнему, который совершил преступление, может быть назначено одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия [1]. Нельзя не отметить, что суды активно пользуются предоставленной законодателем возможностью назначения нескольких мер.

Принудительными мерами, не связанными со сроками, являются предупреждение и возложение обязанности загладить причиненный вред. В качестве принудительных мер воспитательного воздействия, предполагающих указание конкретного срока, на который они применяются, рассматриваются ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего и передача под надзор родителей. Срок применения таких принудительных мер может быть установлен продолжительностью от 1 месяца до 2 лет, если несовершеннолетний совершил преступление небольшой тяжести, и от 6 месяцев до 3 лет – если несовершеннолетний совершил преступление средней тяжести.

Под предупреждением принято понимать разъяснение несовершеннолетнему вреда, который причинен его преступным деянием, и последствий совершения им новых преступлений, которые предусмотрены Уголовным кодексом Российской Федерации. Предупреждение может быть выражено как «в порицании и публичном осуждении совершенного преступления, так и в разъяснении несовершеннолетнему характера и степени не осознанного им морального вреда, который был причинен при совершении преступлений; особенно это касается преступлений с формальным составом» [6, с. 544-545].

На наш взгляд, разъяснение несовершеннолетнему вреда, который причинен его преступным деянием, и последствий совершения им новых преступлений не включает в себя признаки принуждения, поскольку несовершеннолетний при применении данной меры не претерпевает какие-либо неблагоприятные последствия. Таким образом, предупреждение как принудительная мера воспитательного воздействия в действительности не обязывает лицо, совершившее преступление, выполнить какие-либо действия, а, значит, в данном случае также отсутствует принуждение. Кроме того, под сомнение ставится возможность реального воспитательного воздействия данной меры, поскольку она носит разовый характер. Полагаем, что

юридическое значение предупреждения является несущественным и указанная мера вполне могла бы применяться вместе с какими-то более значительными мерами.

Следующей мерой воспитательного воздействия на несовершеннолетнего преступника выступает передача под надзор родителей или лиц, которые их заменяют, либо специализированного государственного органа (комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, детский дом, интернат). Смысл применения этой меры состоит в возложении на взрослых субъектов обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего преступника и контролю за его поведением.

В соответствии с пунктом 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» при разрешении вопроса о передаче несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, которые их заменяют, суду следует убедиться в том, что указанные лица имеют положительное влияние на несовершеннолетнего, правильно оценивают содеянное им, могут обеспечить его надлежащее поведение и повседневный контроль за ним. Для этого необходимо, например, истребовать данные, характеризующие родителей или лиц, которые их заменяют, проверить условия их жизни и возможность материального обеспечения несовершеннолетнего [2].

Такие характеристики могут быть истребованы, в частности, с места работы, места жительства родителей или лиц, которые их заменяют. Об условиях жизни семьи несовершеннолетнего могут предоставить информацию участковый, отдел по делам несовершеннолетних. Можно дополнительно истребовать у работодателей родителей или лиц, которые их заменяют, график их работы, поскольку частые ночные смены, отъезды в командировки негативно сказываются на возможности осуществлять надзор за несовершеннолетним. При применении такой меры воспитательного

воздействия должно быть получено согласие родителей или лиц, которые их заменяют, на передачу им под надзор несовершеннолетнего. В противном случае, при отсутствии такого согласия эффективность применения передачи под надзор родителей или лиц, которые их заменяют, будет отсутствовать. Действие данной меры воспитательного воздействия прекращается по достижении несовершеннолетним восемнадцатилетнего возраста.

Из смысла указанной меры принудительного воздействия фактически следует, что она обращена не к самому несовершеннолетнему преступнику, а также не предусматривает каких-либо ограничений для него. В рассматриваемой мере также содержится еще одно значительное противоречие. В соответствии со статьей 38 Конституции Российской Федерации и статьей 63 Семейного кодекса Российской Федерации родители обязаны воспитывать своих детей. Обычно в благополучных семьях дети всегда находятся под надзором своих родителей. Таким образом, возникает проблема: в случае если родители или другие лица, которые их заменяют, ранее не справились с принадлежащей им обязанностью по воспитанию детей, стоит ли судам назначать данную принудительную меру воспитательного воздействия. Представляется необходимым отметить, что из указанной нормы целесообразно исключить передачу под надзор родителей или лиц, которые их заменяют, а оставить только передачу несовершеннолетнего под надзор специализированного органа.

Еще одна мера принудительного воспитательного воздействия на несовершеннолетнего преступника представляет собой возложение на него обязанности загладить причиненный им вред. Данная мера воспитательного воздействия с социальной точки зрения является очень справедливой.

Загладить причиненный вред материального и морального характера несовершеннолетний может следующими способами:

а) возместить стоимость вреда, который им причинен, в денежном эквиваленте из своих личных средств (например, стипендия, зарплата, проценты от вкладов, гонорар за свою интеллектуальную деятельность и др.);

б) возместить вред своим трудом (например, установить на автомобиль колеса, которые снял, вставить стекло в окно, отремонтировать забор, дверь и т.д.);

По мнению Н.К. Семерневой, заглаживание вреда личным трудом – наиболее эффективная среди прочих мера воздействия на подростков [5, с. 685].

в) осуществлять уход за потерпевшим, устройством его быта, нарушенного преступлением, принести извинения и др. [6, с. 545-546].

Способы возмещения материального ущерба и заглаживания причиненного преступлением морального вреда законом не ограничены.

Считаем важным отметить, что при назначении данной меры необходимо учитывать имущественное положение несовершеннолетнего преступника и факт обладания им необходимыми трудовыми навыками. Возмещение стоимости вреда в денежном эквиваленте стоит применять особенно аккуратно, чтобы не побудить несовершеннолетнего к совершению новых преступлений против собственности (краж, грабежей и т.д.) [5, с. 685].

Кроме вышеупомянутых Уголовный кодекс Российской Федерации к числу принудительных мер воспитательного воздействия относит ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Данный вид воздействия представляется более реалистичным для его достижения, а способы воспитательного воздействия соответствуют содержанию правила 18 Пекинских правил.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения им определенных мест (например, баров, пивных, торгово-развлекательных центров, спортивных стадионов), запрет использования определенных форм, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством,

ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток (например, после 22.00 часов), выезда за пределы населенного пункта без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть установлено также требование возвратиться на учебу в образовательное учреждение либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа. Настоящий перечень, как предусматривает часть 4 статьи 91 Уголовного кодекса Российской Федерации, не является исчерпывающим. Все вышеперечисленные ограничения преследуют позитивную цель, а именно оградить несовершеннолетнего преступника от вредных влияний микросреды и, кроме того, с помощью контроля обеспечить нормализацию его поведения.

В качестве вывода следует отметить, что воспитательное воздействие на несовершеннолетнего и надлежащий контроль за его поведением дают возможность исправления несовершеннолетнего без применения уголовного наказания.

Дополнительно следует обратить внимание на необходимость воспитания в несовершеннолетних нравственных убеждений и правовой культуры. У большей части несовершеннолетних, совершающих преступления, нравственные чувства приглушены или совсем не развиты; в частности, у них отсутствует сострадание к чужому горю, жалость к потерпевшему в результате совершенного преступления. Правовое воспитание несовершеннолетних преступников – это процесс формирования у них сознательного отношения и глубокого уважения к законам, а также выработка устойчивой и необходимой привычки исполнения законов [12, с. 5-6].

Кроме того, И.М. Ильинский характеризует несовершеннолетних преступников как людей, не обладающих запасом «инструментальных знаний, качеств характера и навыков, позволяющих достойно выходить из необычных ситуаций, в которые их ставит жизнь». Автор указывает на недопущение применения к рассматриваемой категории лиц карательных мер уголовно-

правового воздействия, так как у них отсутствуют «духовные установки», «моральные принципы», «нравственный сторож, оберегающий личность...» [13, с. 56].

Уделяя внимание несовершеннолетнему, проводя более тщательную воспитательную работу, родители и специализированный государственный орган способствуют не только развитию личности несовершеннолетнего, изменению его взглядов, образа жизни, интересов, привычек, но и предупреждению совершения им новых правонарушений и преступлений.

Так, еще в 1990-е годы Нерсесян А. справедливо отмечал, что «исправление преступника возможно в первую очередь не в результате самого факта отбывания наказания, а посредством повышения эффективности иных воспитательных институтов общества» [8, с. 6].

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // СПС «Консультант Плюс»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 28.10.2021) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" // СПС «Консультант Плюс»
3. Минимальные стандартные правила Организации объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»). Резолюция 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739166> (дата обращения: 28.11.2022).
4. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов

РФ 09.02.2022 [Электронный ресурс] // URL: <http://vs.pf/files/30761/> (дата обращения: 28.11.2022).

5. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2008. — 720 с.

6. Уголовное право России. В 2-х т. Т. 1. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. Москва : НОРМА, 2000. - 639 с.

7. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. — 544 с.

8. Нерсесян А. Личность преступника и наказуемость // Советская юстиция. М.: Юрид. лит., 1990, № 13. С. 5-7.

9. Карпов, К. Н. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних / К. Н. Карпов, К. Д. Николаев, Д. Ю. Фисенко // Законодательство и практика. – 2016. – № 2(37). – С. 62-67.

10. Корнеев, С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия в системе мер государственного принуждения // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 1(37). – С. 84-88.

11. Козлова, Т. С. Применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия // Научный портал МВД России. – 2016. – № 2(34). – С. 97-103.

12. Вилкова А.В., Литвишков В.М. Воспитательная работа с несовершеннолетними осужденными // Вопросы ювенальной юстиции. - М.: Юрист, 2015, № 4 (58). - С. 4-7.

13. Ильинский И.М. О воспитании жизнеспособных поколений российской молодежи // Государство и дети: реальности России: сборник трудов. М.: Центральный научно-исследовательский институт экономики и научно-технической информации угольной промышленности, 1995. С. 52-58.

УДК 343.24

Солоненко Кристина Михайловна
Донецкий национальный университет
Юридический факультет
Россия, Донецк
Sol-kriis@mail.ru
Solonenko Kristina
Donetsk national university
Faculty of law
Russia, Donetsk

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье автором рассмотрены особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и вопросы, связанные с назначением несовершеннолетним наказания в виде ареста. Сделан вывод о том, что система уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников требует комплексного решения. Принимая во внимание результаты проведенного исследования, ч.2 ст. 54 УК РФ и ч.1 ст. 88 УК РФ предложено изложить в новой редакции.

Ключевые слова: арест, назначение наказания, преступность несовершеннолетних, система уголовно-правового воздействия, уголовная ответственность несовершеннолетних.

PROBLEM ISSUES OF LIABILITY OF MINORS UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: in the article, the author considers the features of the criminal liability of minors and issues related to the appointment of minors as a punishment in the form

of arrest. It is concluded that the system of criminal law influence on juvenile delinquents requires a comprehensive solution. Taking into account the results of the study, Part 2 of Art. 54 of the Criminal Code of the Russian Federation and part 1 of Art. 88 of the Criminal Code of the Russian Federation it is proposed to state in a new edition.

Key words: arrest, sentencing, juvenile delinquency, system of criminal law influence, criminal liability of minors.

Актуальность исследования. Проблема преступности несовершеннолетних постоянно привлекает особое внимание ученых и практиков. Обусловлено это не только тем, что несовершеннолетних всегда признавали преступниками особого рода, но и тем, что в наше время несовершеннолетние – один из самых уголовно пораженных слоев населения.

Вызывает беспокойство то, что характерной особенностью преступности несовершеннолетних в настоящее время является тенденция к ее росту в то время как прослеживается значительное сокращение уровня рождаемости.

На фоне роста преступности среди несовершеннолетних растет и количество общественно опасных деяний, которые совершают лица до достижения возраста уголовной ответственности. Очевидно, что система уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников требует комплексного решения. Ведь здесь входят между собой в коллизию, с одной стороны, интересы общества, которые нуждаются в защите, а с другой – интересы охраны молодого поколения, важность которых для будущего каждой нации не вызывает сомнений.

Ряд социальных предпосылок в Российской Федерации, безработица, нерешенные задачи культурно-воспитательного характера интенсивно влияют на формирование молодого поколения. Социальная запущенность несовершеннолетних в условиях плюрализма взглядов, отсутствия четких моральных ориентиров способствует возникновению и распространению в

среде несовершеннолетних преступности. На данный момент очевидно, что система уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников требует комплексного решения.

Степень изученности проблемы. Существенный вклад в решение проблем уголовной ответственности несовершеннолетних внесли в своих трудах такие ученые, как А.Ф.Газизова, З.А.Чочуева, Б.Я. Батчаев, Ю.В.Голубев, Л.М.Прозументов, Н.В.Ольховик, Д.В.Карелин, Е.Н.Федотова, Н.Н.Кадырова, Н.В.Валуйсков, Ю.А.Кашуба и другие.

Вариант решения проблемы. Общая система наказаний, которые могут применяться к совершеннолетним преступникам, предусмотрена ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) [1]. В уголовно-правовой науке под системой наказаний принято понимать установленный уголовным законом и обязательный для суда исчерпывающий перечень наказаний, расположенных в определенном порядке по степени их суровости [2, с. 139-141].

К признакам, присущим системе наказаний, относят следующие: устанавливается только уголовным законом; перечень наказаний, образующих систему, обязателен для суда; перечень наказаний является исчерпывающим; система наказаний предусматривает их построение в определенном порядке по степени их тяжести [3, с. 88-92].

Система наказаний в действующем УК РФ построена по принципу «от менее строгого к более строгому наказанию» и включает 13 видов наказаний: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. При этом следует отметить, что к

несовершеннолетним может быть назначено только шесть наказаний: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; лишение свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 88 УК РФ).

Придерживаясь точки зрения Л.М.Прокументова, Н.В.Ольховика и Д.В.Карелиной, полагаем, что данная система наказаний для несовершеннолетних является дополнительной или усеченной [4, с. 305-312]. Наличие отдельной системы наказаний для несовершеннолетних обосновывается тем, что законодатель руководствуется принципами справедливости, гуманизма, экономии уголовной репрессии.

Наказания для несовершеннолетних можно дифференцировать по аналогии с общей системой наказаний для взрослых лиц и с использованием, в частности, классификацией Е.Н.Федотовой [5, с. 295-300], таким образом: 1) наказания, не связанные с обязательной трудовой деятельностью (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы), 2) наказания, связанные с обязательной трудовой деятельностью (обязательные работы, исправительные работы); 3) наказание, связанное с лишением свободы (лишение свободы на определённый срок).

После принятия действующего УК РФ отечественные ученые начали обращать внимание на дискриминационный характер его норм в части наказания несовершеннолетних, справедливо подчеркивая необходимость внесения соответствующих изменений, приводя похожие примеры и ситуации. Так, в первоначальной редакции УК РФ (ч. 5 ст. 88) предусматривалась для несовершеннолетних, которым на момент вынесения приговора исполнилось шестнадцать лет, такая форма наказания, как арест сроком от одного до четырех месяцев. Последнее должно было стать альтернативой лишению свободы. Позже арест несовершеннолетних был исключен, а в ч. 2 ст. 54 УК РФ внесены изменения, согласно которым наказание в виде ареста не назначается

лицам, не достигшим возраста 18 лет к моменту вынесения судом приговора [6, с. 27-31].

По мнению Н.Н. Кадыровой, одной из проблем существующей системы наказаний выступает неправильная оценка строгости отдельных видов наказаний. Так, принудительные работы являются более мягкой формой наказания по сравнению с арестом, но в то же время статья 53.1 УК РФ определяет эти работы как альтернативу тюремному заключению, которое является более строгим по сравнению с арестом [7, с. 90-93].

Полагаем, что арест, в отличие от лишения свободы, является более эффективным наказанием для несовершеннолетних осужденных. Как отмечал Н.В. Валуйсков, если преступник во время ареста содержится строго в одиночестве, это защищает его от негативного воздействия криминальной среды; а короткий срок заключения позволяет преступнику сохранить общественно полезные связи и не потерять жизненные навыки на свободе [8, с. 21].

Результаты и выводы. Считаем, что с целью оптимизации, рационализации и гуманизации уголовного законодательства в части наказания несовершеннолетних, а также повышение эффективности правоприменительной практики необходимо внесение ряда изменений в УК РФ. В частности, перспективным представляется внесение изменения в ст. ст. 54, 88 УК РФ.

Принимая во внимание результаты вышеизложенного, ч.2 ст. 54 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«2. Арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора шестнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет».

Исходя из этих соображений ч.1 ст. 88 УК РФ дополнить таким наказанием как арест и изложить в следующем виде:

«1. Видами наказаний, назначаемых несовершеннолетним, являются:

- а) штраф;
- б) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- в) обязательные работы;
- г) исправительные работы;
- д) ограничение свободы;
- е) арест;

ж) лишение свободы на определенный срок» и внести соответствующие корректировки в ч.2 ст.88 УК РФ.

Практическое значение полученных результатов заключается в том, что выводы и предложения, содержащиеся в работе, как представляется, могут быть использованы для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства относительно особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних, содействовать совершенствованию судебной практики в данной категории дел.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25. Ст.ст.44, 54, 88.
2. Газизова А.Ф. Система наказаний в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №12-2. С. 139-141.
3. Голубев Ю.В. Теоретико-методологические Основы системы уголовных наказаний: понятие и признаки // Право и практика. 2020. №4. С. 88-92.
4. Прозументов Л.М., Ольховик Н.В., Карелин Д.В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление // Всероссийский криминологический журнал. 2020. №2. С. 305-312.

5. Федотова Е.Н. Классификация уголовных наказаний, назначаемых несовершеннолетним // Человек: преступление и наказание. 2017. №2. С. 295-300.
6. Кашуба Ю.А. Нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, утратившие силу: поиск их новых регулятивных возможностей // Человек: преступление и наказание. 2021. №1. С. 27-31.
7. Кадырова Н.Н. Проблемы системы уголовных наказаний в России // Вестник ЧелГУ. 2015. №13 (368). С. 90-93.
8. Валуйсков Н.В. Правовые проблемы предупреждения ювенальной преступности: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 21.

УДК 343

Туркина Диана Андреевна
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
Институт государственного и международного права
Россия, Екатеринбург
turkina.di@mail.ru
Turkina Diana
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Institute of State and International Law
Russia, Ekaterinburg

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ- ИНФЕКЦИЕЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация: в статье автор рассматривает одну из наиболее острых проблем, стоящая как перед международным сообществом в целом, так и перед каждой отдельно взятой страной. Сравняется уголовное законодательство разных зарубежных стран для совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, инфекционные заболевания, ВИЧ-инфекция, заражение, инфицируемый.

CRIMINAL LIABILITY FOR HIV INFECTION UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation: in the article the author examines one of the most acute problems facing both the international community as a whole and each individual country. The

criminal legislation of different foreign countries is compared to improve the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: criminal liability, infectious diseases, HIV infection, infection, infected.

ВИЧ (вирус иммунодефицита человека) – вирус, подавляющий иммунную систему, в настоящее время является не только медико-социальной проблемой, но и юридической. Мнения ученых разнятся относительно того, когда и как появилось впервые данное заболевание. Некоторые считают, что впервые ВИЧ-инфекция была обнаружена в 1981 году Майклом Готлибом в Лос-Анджелесе [1, с. 187], кто-то относит появление болезни к более раннему сроку – 1978 году, поскольку ВИЧ перешел от обезьян к людям в период между 1926 и 1946 годами. Однако точно мы можем знать одно – современная наука не выработала эффективных медицинских препаратов, которые бы с точностью на 100% предотвратили наступление смерти больного, варьироваться в данном случае может только время наступления летального исхода [2, с. 196], препараты продлевают жизнь человека, но ненадолго. Ежегодно число ВИЧ-инфицированных растет как в Российской Федерации (далее – РФ), так и за рубежом, в связи с чем данная проблема не утрачивает своей актуальности по сей день.

Уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией (статья 122 Уголовного кодекса РФ) в РФ была введена с самого начала принятия Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [3], то есть с 13 июня 1996 года, и со временем претерпевала некоторые изменения, направленные на ужесточение уголовного наказания. Рассмотрим более подробнее особенности данной статьи:

1. Вопрос об определении содержания непосредственного объекта по 122 статье УК РФ является дискуссионным. Некоторые ученые-юристы считают, что непосредственным объектом является здоровье потерпевшего, другие – жизнь [2, с. 196]. Лебедев В.М. считает, что непосредственным объектом

является жизнь и здоровье конкретного потерпевшего, которого другое лицо заведомо поставило в опасность заражения или заразило ВИЧ-инфекцией [4, с. 82]. Мы согласны с мнением Лебедева В.М. и придерживаемся такой же позиции, поскольку, как было сказано выше, ВИЧ-инфекция связана в большей степени с летальным исходом потерпевшего. Классифицируя объект по горизонтали, можно сказать, что основным объектом будет являться жизнь, дополнительным – здоровье (данный объект всегда страдает при причинении вреда основному).

2. Объективная сторона по части 1 статьи 122 УК РФ может выражаться как в действиях, так и бездействиях, которые, в свою очередь, выражаются в умышленном создании опасности заражения ВИЧ-инфекцией для другого лица. Способы могут быть разные: половое сношение, переливание крови, контакт поврежденных частей тела, однако способ не влияет на квалификацию. Таким образом, любые действия (бездействие), которыми создается возможность заражения, являются достаточными для объективной стороны этого состава преступления (заражение по части 1 статьи 122 не происходит). Преступление считается оконченным с момента возникновения опасности заражения ВИЧ-инфекцией [5, с. 175]. Состав преступления по данной части формальный.

Часть 2 статьи 122 предполагает действия, в результате которых другое лицо было заражено ВИЧ-инфекцией. Особенностью является то, что человек, который может заразить другого, знает о своей болезни. Поскольку данное деяние предусматривает последствия, которые имеют юридическое значение для квалификации, то состав преступления, в отличие от части 1, будет материальным. Преступление считается оконченным с момента заражения потерпевшего ВИЧ-инфекцией.

3. Субъектом по части 1 статьи 122 УК РФ является любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Им может быть как лицо, зараженное ВИЧ-инфекцией, так и любое лицо, которое может поставить человека в опасное состояние. Как отмечает Чучаев А.И., опасность заражения

могут создать не только инфицированные, но и, например, медицинские работники [5, с. 175].

Субъект по 2 и 3 части данной статьи – только вирусоноситель. По части 4 статьи 122 УК РФ субъектом является любое лицо, которое ненадлежащим образом исполняет свои профессиональные обязанности.

4. Субъективная сторона преступлений, предусмотренных частями 1-3, может характеризоваться как прямым, так и косвенным умыслом. Часть 4 – неосторожная форма вины.

Как известно, распространение ВИЧ-инфекции обрело в мире невиданный размах, изучение опыта уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией полезно в целях его использования при совершенствовании соответствующих норм российского законодательства.

Следует отметить, что уголовная ответственность за заражение, распространение каких-либо заболеваний, не только венерических, закреплена не во всех странах, а лишь в некоторых. Так, например, в Уголовных кодексах Германии, Франции, Кореи нет положений, которые бы признавали данное деяние преступлением. Анализируя Уголовный кодекс Швейцарии, статьи, посвященной заражению ВИЧ-инфекцией нет, однако в разделе «преступления и проступки против общественного здоровья» выделена общая статья за распространяет заразных болезней, опасных для человека [6]. Также в уголовном кодексе Республики Сингапур нет специальных норм, в которых регламентирована ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией. Как и в Швейцарии имеются статьи, в которых сформулирован запрет на распространение инфекции, опасной для жизни. Так, в ст. 269 УК Республики Сингапур предусмотрена ответственность за небрежное действие, которое может привести к распространению инфекционной болезни, опасной для жизни, а в статье 270 данного закона уголовно наказуемым признается заведомо умышленное действие (противоправное действие), которое может привести к распространению инфекционной болезни [7, с. 39]. Отличительной

особенностью является упоминание в законе термина «инфекционная болезнь», который имеет широкое значение. ВИЧ также является инфекционным хроническим заболеванием, следовательно, действие лица по умышленному заражению ВИЧ-инфекцией другого лица можно квалифицировать по данным статьям УК Сингапура. Особенностью уголовного законодательства Сингапура является то, что в него входит не только уголовный кодекс, но и другие специальные законы. В частности, к ним можно отнести «Закон об инфекционных заболеваниях» 1977 года [7, с. 41]. В статье 21А указано, что человек, который знает или подозревает наличие у себя инфекционной болезни, не должен подвергать других людей риску заражения. Лицо, нарушившее данное положение, считается виновным в совершении преступления. В данном законе ВИЧ-инфекции посвящен раздел 4: установление запрета ВИЧ-инфицируемому на вступление в сексуальные отношения (статья 23), запрет на донорство крови (статья 24). Перед сексуальной активностью ВИЧ-инфицируемый должен сообщить своему партнеру о риске заражения от него ВИЧ-инфекцией и партнер должен добровольно согласиться принять этот риск. Данное положение схоже с примечанием к статье 122 УК РФ, где лицо, совершившее преступление, предусмотренное частями 1 и 2 статьи 122, освобождается от ответственности, если лицо было предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения. Однако, отличия также имеются, санкция за нарушение статьи 23 «Закона об инфекционных заболеваниях» предполагает штраф в размере до 50 000 долларов США или тюремным заключением на срок до 10 лет или и тем, и другим одновременно, в то время как в РФ максимальное наказание по статье 122 УК РФ - лишение свободы на срок до восьми лет. Также в пункте 4 статьи 23 данного закона сказано, что лицо не должно считаться неспособным к сексуальной активности только по причине возраста, следовательно, возраст инфицируемого не будет иметь значения.

В целом, анализируя Закон Сингапура 1977 года, можно сказать, что большое внимание уделяется предотвращению распространения опасной инфекции уже на стадии заражения, конкретизированы правила того, что запрещено инфицируемому. Мы считаем, что на данные положения следует обратить внимание, исследуя проблемы противодействия преступному инфицированию вирусом человека в РФ.

Далее рассмотрим Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) [8]. В Китае особенно уделяется внимание преступлениям, которые связаны с инфекционными заболеваниями. Законодатель выделил данные статьи в отдельный раздел «преступления против общественного здравоохранения». В УК КНР прямо не указывается категория инфекционного заболевания. Данные категории перечислены в отдельном законе КНР «О профилактике и лечении инфекционных болезней» от 21 февраля 1989 г., в котором ВИЧ относится ко второй категории инфекционных заболеваний [7, с. 50]. В УК КНР, как и во многих других странах (Польша, Грузия), предусмотрен отдельный состав преступления, где объектом выступает здоровье населения, не закреплена отдельная ответственность за определенное заболевание. Данную позицию мы поддерживаем и считаем правильной по следующим причинам.

Обращаясь к российскому законодательству, а именно к Постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 "Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих", помимо ВИЧ указаны и другие не менее опасные заболевания: туберкулез, гепатит В, гепатит С, вирусные лихорадки, передаваемые членистоногими, вирусные геморрагические лихорадки, чума и другие. Данные заболевания также могут передаваться как половым путем, так и другими способами, однако в российском законодательстве не предусмотрена ответственность за них.

Таким образом, мы считаем, что вопрос об установлении уголовной ответственности в РФ за заражение опасными инфекционными заболеваниями не решен и остается открытым. В связи с этим, в целях совершенствования уголовного законодательства необходимо выделить в отдельный состав преступления, связанные с заражением не только ВИЧ-инфекцией, но и другими опасными инфекционными болезнями.

Список литературы:

1. Норвартян Ю. С. История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2016. №1-2 (18). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-otechestvennogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-zarazhenie-vich-infektsiey> (дата обращения: 26.11.2022).
2. Норвартян Ю. С. К вопросу о непосредственном объекте заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. №1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neposredstvennom-obekte-zarazheniya-venericheskoy-boleznyu-i-vich-infektsiey> (дата обращения: 26.11.2022).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 371 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. — М.: «КОНТРАКТ», 2012. — 624 с.

6. Уголовный кодекс Швейцарии. // URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran%В8.html?ysclid=lahxm4etxb316113286> (дата обращения: 16.11.2022).

7. Бурдинская А.Н. Преступное инфицирование вирусом иммунодефицита человека: уголовно-правовая и криминологическая оценка: дис. канд. угол. и кримин. наук: 12.00.08. - Владивосток, 2017. - 226 с.

8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. 2-е изд. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. — 312 с.

УДК 343.1

Фам За Хюи

Волгоградская академия МВД Российской Федерации

Факультет подготовки иностранных специалистов

Россия, Волгоград

Huyphamhnbk@gmail.com

Pham Gia Huy

Volgograd academy of the Ministry of internal affairs of Russia.

Faculty of training foreign specialists

Russia, Volgograd

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО ВЬЕТНАМА: ПРИНЦИПЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация: в статье анализируется содержание, определяются границы принципа ответственности за уголовное преследование и рассмотрение уголовных дел в соотношении с другими принципами при установлении основополагающих начал уголовно-процессуального права, выясняется значение и требования, которые предъявляют современные уголовно-процессуальные проблемы к корректировке содержания данного принципа.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовное дело, обязанность, принцип, преступление, расследование.

CRIMINAL PROCEDURE LAW OF VIETNAM: PRINCIPLES OF RESPONSIBILITY TO PROSECUTE AND HANDLE CRIMINAL CASES

Annotation: the article analyzes the content, defines the boundaries of the principle of responsibility for prosecuting and handling criminal cases in relation to other principles in establishing the fundamental principles of criminal procedure law, and

clarifies the meaning and requirements that modern criminal procedure problems pose for the content of this principle to be adjusted.

Key words: criminal procedure law, criminal case, obligation, principle, crime, investigation.

1. Contents of the principles of responsibility to prosecute and handle criminal cases

The criminal procedure process begins with the prosecution of a criminal case, which provides all of the "inputs" for the phases of criminal case resolution of the appropriate procedure-conducting organizations. However, if not managed appropriately, this "input" source may cause offenders to be left out and will slow down the state's response to crimes, decreasing the efficacy of crime protection and raising the possibility of harm to the rights and interests of those concerned [1, c.87]. As a result, it's important to make fair changes to social ties that develop during the first stages of a criminal case. The criminal justice and interrogation system in Vietnam affirms that the duty to prosecute and manage criminal cases is a core concept of the law and criminal process and that it has been there ever since the criminal procedure legislation was codified in 1988. First acknowledged in the institution "fundamental principles" (Article 13 Chapter 1) of the CPrC (further - CPrC) in 1988 [2], the responsibility for prosecuting and managing criminal cases is still regulated and defined in the second codification, also in the regulation "fundamental principles" (Article 13 Chapter 2) of the CPrC 2003 [3]. By the CPrC 2015, this principle is prescribed as follows: "When detecting acts or signs of crime, within the ambit of their tasks and powers, the competent procedure-conducting agency shall have to prosecute the case and apply the measures prescribed by this Code to identify the crime and handle offenders and legal persons committing crimes." [4]. The case can't be pursued outside of the reasons, rules, and procedures laid out in this code.

The objective standards of criminal procedure serve as directives for the development and implementation of criminal procedure legislation. These standards are responsible for prosecuting and managing criminal cases. The CPPrC acknowledges the obligations of the relevant procedure-conducting authorities in the implementation of legislative measures to prosecute criminal cases and carry out criminal prosecutions aggressively and successfully. The following topics are covered under the prosecutorial and case management duty principle:

First and foremost, it is the responsibility, obligation, and duty of a competent procedure-conducting organization to prosecute, handle, and examine criminals for criminal accountability.

Second, criminal proceedings must be opened and follow the legal justifications, directives, and processes when actions displaying indicators of criminality are discovered. The many procedural actions and phases of processes leading up to the criminal prosecution of criminals are referred to as "criminal case management," sometimes known as "criminal case resolution." They must pursue the case in order to handle criminal matters and assess offenders' criminal culpability. However, this concept places a special focus on the duty of prosecuting criminal cases owing to the significance of prosecution and the unique challenges of the prosecution stage.

Regarding the first part of the principle, it is the duty, obligation, and responsibility of the agency authorized to handle the processes to prosecute and manage criminal cases. The obligation of the state is affirmed in this material. When society attained a greater degree of civilization and switched from the accusatorial system to the interrogation process, the state was no longer passive in the function of the judge, according to the history of the interrogation method, but increasingly took on the responsibilities of prosecuting, investigating, prosecuting, and carrying out criminal judgments, becoming the focal point and aggressively initiating criminal proceedings when crimes were discovered. happen. In terms of criminal procedures, "the trial process is a social evolution." "Interrogation processes make social order

more secure than denunciation proceedings." [5, c.101]. The state's interests are where the new role of the state initially originates. Criminals break the social order established by the state to safeguard the interests of the state itself as well as relationships between people (private affairs). The state's social duty, or obligation, to society and its citizens is further shown by the fact that it is the primary target of criminal prosecution and case management. Since the state is now "responsible," it must prosecute and manage criminal cases and offenders (via the relevant authorities in the apparatus the state put up and authorized); this is no longer an activity, arbitrary behavior. As a duty and a necessity, the prosecution of a criminal case must be carried out actively, completely, and promptly; otherwise, it will result in the omission of the criminal, the failure to control the crime, and the failure to act against the criminal's interests. There will be no security for the nation, the community, or the individual. This concept "concurrently maintains that no agency, organization, or person may prosecute or manage crimes apart from competent procedure-conducting agencies." In other words, Vietnam's criminal process does not allow private prosecution and does not provide the authority to prosecute or prosecute offenses to anybody other than qualified authorities.

Regarding the second tenet of the principle, it is necessary to adhere to the legal justifications, directives, and processes when addressing criminal cases in general as well as when prosecuting them specifically. This requirement is intended to achieve the "dual goal" of preventing the risk of abuse of power by competent procedure-conducting agencies in the administration of criminal law and criminal proceedings. The "dual goal" refers to ensuring the effectiveness of legal proceedings as well as the effective use of procedural resources in the fight against crime. High procedural efficiency is necessary to achieve the first goal, which is to ensure the effectiveness of the proceedings [6, c.94]. With a high conviction rate, the gap between crimes committed and crimes discovered, between prosecution (input) and conviction and punishment (output), is minimal; criminals and offenders should not be disregarded. Only when procedural resources are not wasted on incidents that are

essentially minor violations can they be used effectively in the battle against crime. or may be dealt with in another way (redirect handling). If the issue of whether or not there is an indication of a crime is addressed correctly and early on, the criminal prosecution stage may, if done properly, considerably assist in accomplishing the aforementioned aim. Correctly answering the aforementioned question will guarantee that the legal system deals with the proper issues with the proper parties, while an early response will activate the criminal procedural machinery and prompt it to conduct an immediate investigation and take preventative action. Otherwise, this device will immediately cease and divert its efforts to other situations.

The second goal is to prevent any unauthorized interference with people's private lives. To achieve this, procedural power must be limited and controlled so that civil relationships and commercial transactions are not made illegal and initial investigative steps are not taken, as well as other pointless coercive and deterrent measures [7, c.58]. Open an inquiry based on a "complaint" from the public or any knowledge of a crime that has happened if procedures are permitted in order to "initiate the right to prosecute" (the It is certain that such criminal investigations will begin. Because there is now insufficient knowledge of the crime and it is still required to take prompt investigation action, there is a very real danger of procedural power abuse during the prosecution stage.

2. How other criminal procedural law principles in Vietnam relate to the obligation to prosecute and manage criminal cases

With the aforementioned meanings and contents, the responsibility for prosecuting and handling criminal cases can be regarded as one of the qualitative principles of the criminal control procedure model. This principle calls for the procedural apparatus to actively and proactively solve crimes, effectively control crimes, and not abandon criminals. Additionally, the CPrC's rules on grounds, orders, and procedures must be followed in the prosecution of all cases, including criminal ones, according to the principle. The idea of accountability for processing criminal matters and carrying out prosecutions is not new. However, it is clear from an

objective perspective that this principle—namely, the principle of guaranteeing the case's socialist legality—has both its own point and a point of junction with the principles of finding the case's objective truth. criminal process, legal standards for exercising the power to prosecute, and control over court operations

A basic and significant concept of the criminal process, the burden of evidence, is the topic of the principle of assessing the truth of the case, which is referenced in Article 15 of the CPrC 2015. The authorized procedure-conducting authorities are in charge of proving the offense, according to Article 15 of the CPrC 2015. The onus is on the accused to establish his innocence, although this is not required. When deciding that the subject of this obligation is the competent procedure-conducting agency, the aforementioned content corresponds with the first content of the principle of responsibility to prosecute and manage criminal cases.

However, we wish to highlight the idea of "duty to prove the blame" when it comes to the topic of demonstrating responsibility. The burden of proof falls on the party making the assertion rather than the party refuting it, or, in other words, on the claiming party rather than the negative party. Instead of concentrating simply on the responsibility of the accused to gather evidence to prosecute the offenders, we wish to stress both the need to accept and settle the case as well as the obligation to prevent and punish procedural apparatus offenses [8, c.245]. In addition to emphasizing the notion of "responsibility," the concept of responsibility for prosecuting and managing criminal matters also highlights the need to do so without dodging, disregarding, postponing, or acting irresponsibly. The obligation to include offenders in the agencies responsible for conducting the proceedings is a key component of the concept of responsibility for initiating and managing criminal cases, which is not covered by the principle of ascertaining the truth of the case.

Two areas of the People's Procuracy's responsibilities in the area of criminal process are mentioned in the principles for exercising the power to prosecute and monitor judicial actions (Article 20 of the CPrC 2015). In particular, the substance of the obligation to prosecute and manage criminal cases under this concept highlights

the duty to investigate criminal culpability and deal with individuals and legal organizations committing crimes as the content of the principle.

However, it may be claimed that exercising the right to prosecute and monitor judicial actions is the premise that establishes the status, function, and obligations of the People's Procuracy, a significant institution charged with carrying out procedures. In order to ensure that all criminal acts, offenders, and legal entities violating the law are detected and dealt with promptly and strictly, "the Procuracy exercises the right to prosecute and supervise the observance of the law in criminal proceedings, to decide on accusations, and to detect law violations." "Do not unduly upset innocent people while allowing crooks and offenders to get away with it." The state has the authority to bring charges. The state designates a department within its administrative structure to carry out the prosecution portion of this right. To put it another way, it is the responsibility and role of a certain state agency—the People's Procuracy in Vietnam—to exercise the right to bring legal action. In order to assess the offender's criminal culpability, present the offender for trial before the Court, and provide for their protection, the exercise of the right to prosecution entails carrying out the appropriate formalities in accordance with the rules of the criminal process legislation. rebut that accusation." [9, c.102]. The CPrC 2015 places emphasis on the People's Procuracy's exclusive duty to exercise the power to "decide on charges" in criminal cases. This is an "exclusive" and significant responsibility for the people's accuracy, with the need to ensure that not only the law is correct and the crime is not missed, but also that the right person, the right crime, and the right to refrain from unfairly blaming innocent people are all taken into account.

All criminal process activities must be conducted in line with the rules of the CPrC in order to uphold the concept of maintaining socialist legitimacy in criminal proceedings (Article 7 of the CPrC 2015). This includes refraining from addressing the causes of crime and from prosecuting, investigating, or ruling on grounds other than those set out in the CPrC.

Requesting competent procedure-conducting authorities to carry out procedural actions to resolve criminal matters is one manner in which this concept connects with the idea of responsibility for prosecuting and managing criminal cases. Legal requirements, directives, and procedures must be followed while handling information regarding crimes and prosecution. Criminal procedural law's various elements are covered under the broad premise of securing communist legitimacy in criminal procedures. The integrated value of the CPrC is the source of this principle's comprehensive character. Respecting the laws of the CPrC also entails respecting all of the criminal procedures' included principles, goals, and requirements. Legal Procedure. The obligation to prosecute and manage criminal matters, as stressed by the responsibility to prosecute and handle criminal cases, is not covered by the premise of maintaining communist legality in criminal procedures. criminal instances where evidence of criminal activity is found (requiring the initiative, activeness, and efficiency of the competent procedure-conducting agencies, but not only the compliance with the law of these agencies).

3. The obligation to prosecute and manage criminal matters, as well as the prerequisites for modernizing criminal procedural legislation

A competent procedure-conducting agency must be in charge of prosecuting and managing criminal matters according to the concept of accountability for criminal cases. This principle emphasizes the prosecution—the procedural stage—while also affirming the benefits and values of the criminal control procedural model throughout the full criminal case handling procedure. This fundamental tenet of criminal procedure law has been made explicit in both the creation and implementation of the laws. However, in order to improve the criminal procedural legislation as well as this concept in the contemporary environment of judicial reform and international integration, a number of concerns must be addressed.

In particular, as follows:

First, regarding the identification of the Court as the agency in charge of prosecuting and managing criminal cases, the principle of including the Court among

the competent procedure-conducting agencies places the Court in charge of prosecuting and managing criminal cases when it notices acts exhibiting criminal behavior. Accordingly, Article 153 of the CPrC 2015 provides that "the court (Trial Panel) shall make a decision to prosecute a criminal case or request the Procuracy to prosecute the criminal case if it shows during the trial at the court hearing that the offense was neglected." If we are thinking about the need to combat crime and not overlook it, then the fact that this court has jurisdiction is vital.[10]

However, prosecution is the first step in the impeachment process, and the court is acting in the accuser's role. Instead, the court should act as the subject being judged, standing in a detached and impartial position between the subject and the prosecution. accusers and defendants in exonerations. The awarding of the court's power to prosecute the case and other powers used during a criminal case's trial (such as returning files to seek more investigation, gathering and augmenting evidence, etc.) exhibit unique features. elements of the questioning process that make it difficult to distinguish between the subjects and the numerous criminal procedure functions provided. With this concept in mind, the court is not adhering to the trend of increasing litigation and inserting the litigation element into the conventional interrogation technique model in Vietnam in the context of the present judicial reform. The CPrC 2015 nevertheless specifies that the court also has the right to prosecute the case, acting as an impartial third party between the accuser and the acquitted to guarantee litigation in the trial. Criminal is a regrettable restriction. The obligation to prosecute criminal cases is the focus of the failure to separate the Court from other procedurally competent institutions, which should be taken into account for proper adjustment.

Second, the prosecution of criminal cases has a conflict between procedural theory and practice. According to the idea, criminal proceedings must be filed as soon as indicators of crime are discovered. The decision to pursue a criminal case is made when there are indications of a crime, which is the theoretical end point of the prosecution phase be filed as soon as indicators of crime are discovered. The decision

to pursue a criminal case is made when there are indications of a crime, which is the theoretical end point of the prosecution phase. When compared to the conclusion of previous procedural stages, the truth of the case is clarified in the least amount at the conclusion of the criminal case prosecution stage because the objective aspect of prosecuting the case is only the standard of evidence imposed for this stage of the proceedings, which is the first, is just to ascertain whether or not there are indications of a crime [11]. Even yet, some people hold the belief that "the choice to pursue a criminal case is the first milestone that permits the performance of legal actions and the implementation of investigative activities." "There is no case if there is no decision to prosecute."

However, procedural practice misunderstands the standard of proof required at the conclusion of the prosecution stage, which calls for much more clarity than the standard of determining "with signs of crime," i.e., increasingly demanding levels of performance in identifying, accusing, pursuing, and adjudicating criminals and offenders. There is a good aspect to this, requiring the appropriate authorities to pursue legal action to increase their feeling of accountability for managing and prosecuting criminal matters, but there is also a drawback that, if not well managed, will result in formal implementation. This adheres to the idea of decreasing input (reducing the number of denunciation statistics and crime reports, delaying the time of receiving denunciations and information, and extending the actual time for handling denunciations and information). Reporting crimes to assure security and clarity for future judgments about the prosecution of criminal cases as well as other procedural choices The aforementioned fact emphasizes the unrealistic aspect of the crime control model, which always calls for a high rate of criminal prosecution as well as a high rate of crime control. Only the previous legal standards are applied in operating a field where there is always a need for differences and objections between subjects performing different and even opposing functions in criminal proceedings. This is known as the prescriptive approach to the absolute value asymptotic standard of proof (determining the truth of the case comprehensively and completely).

Third, the duty to prosecute is delegated in each instance where criminal behavior is found. This task must be carried out without delay, and no crime must go unpunished. However, prosecution in particular, and criminal handling in general, are not appropriate in the current environment, where "the law has gradually become a tool for the people to resolve conflicts, a tool for the people to deal with conflicts, and to seek benefits for individuals, communities, and businesses." In the current criminal justice system, humanity, adaptability, and the economics of procedural actions are all being questioned. unintentional humaneness in the criminal policy imposed on offenders in less severe instances or under excessively demanding conditions; adaptability and adaptability in handling criminal cases as outlined in handling and re-directing offenders under the age of 18. In some situations, it may be possible to avoid negative outcomes, recover corrupt assets, and come to an amicable agreement regarding the criminal liability and civil rights of commercial legal entities committing economic and environmental crimes.

In these situations, flexibility in prosecuting and handling criminal cases should also be shown. The standards are also met by the enlargement of the scope of prosecution at the victim's request, including private prosecution as in several nations throughout the globe in situations of minor violations of a person's personal or property rights. on the financial aspects of litigation [12]. When crimes are uncovered, certain instances may not need to be prosecuted and treated as criminal cases in order to respect the mediation between the parties in particular kinds of criminal cases, including sex crimes and domestic violence.

The criminal strategy of actively battling crime while not giving up on offenders is therefore expressed in the principle of responsibility for prosecuting and managing criminal matters. The precise points and intersections of this principle convey the impression that crime control and the function of competent procedural authorities are requirements that are consistently upheld in Vietnamese criminal processes. Together, on the front lines of preventing and combating crime, we carry out the responsibility of determining the criminal culpability of criminals. The

establishment of the fundamental rules of criminal procedural law requires the existence of the prosecutorial accountability principle. However, part of the contents centered around the concept of law due to the background of judicial reform in the direction of growing litigation and new requirements on humanism, adaptability, and flexibility, as well as the economics of procedural activities. This regulation should also be taken into account and modified if necessary.

Список литературы:

1. Lê Cẩm, Nguyễn Ngọc Chí, Cải cách tư pháp ở Việt Nam trong giai đoạn xây dựng Nhà nước pháp quyền, Nxb Đại học Quốc gia Hà Nội, Hà Nội, 2004. Tr. 87./ Ле Кам, Нгуен Нгок Чи, Судебная реформа во Вьетнаме в период построения верховенства закона, Издательство Ханойского национального университета, Ханой, 2004. с.87.

2. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 7-LCT/HĐNN8, ngày 28.6.1988/Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №19/2003/QH11, 28 июня 1988 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-1988-7-LCT-HDNN8-37474.aspx> (Дата обращения: 01.12.2022)

3. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 19/2003/QH11, ngày 26.11.2003/Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №19/2003/QH11, 26 ноября 2003 года. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-To-tung-Hinh-su-2003-19-2003-QH11-51701.aspx> (Дата обращения: 30.11.2022)

4. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 101/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №101/2015/QH13 27 ноября 2015 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (Дата обращения: 01.12.2022)

5. Đào Hữu Dân, Mối quan hệ giữa cơ quan Cảnh sát điều tra với Viện kiểm sát trong điều tra vụ án hình sự, Luận án tiến sĩ Luật học, 2006, tr.101./ Дао Хуу Дань, Взаимоотношения органов следственной полиции и прокуратуры при расследовании уголовных дел, докторская диссертация по юриспруденции, 2006, с.101.

6. Phạm Hồng Hải, Mô hình lý luận Bộ luật tố tụng hình sự Việt Nam, Nxb Công an nhân dân, Hà Nội, 2003, tr.94./ Фам Хонг Хай, Теоретическая модель Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама, Издательство Народной общественной безопасности, Ханой, 2003 г., с. 94.

7. Mai Thanh Hiếu, Nguyễn Chí Công, Trình tự, thủ tục giải quyết vụ án hình sự, Nxb Lao động - xã hội, Hà Nội, 2008, tr. 58/ Май Тхань Хиеу, Нгуен Чи Конг, Порядок и порядок рассмотрения уголовных дел, Издательство «Труд и общество», Ханой, 2008, с. 58

8. Nguyễn Mạnh Hùng, Hoàn thiện các chức năng tố tụng hình sự trong tiến trình cải cách tư pháp ở nước ta, Nhà nước và pháp luật, 2009, số 9, tr.245./ Нгуен Мань Хунг, Совершенствование уголовно-процессуальных функций в процессе судебной реформы в нашей стране, Государство и право, 2009 г., № 9, с.245.

9. Vũ Mộc, Về thực hiện quyền công tố của Viện kiểm sát nhân dân trong tố tụng hình sự, thực tiễn và kiến nghị, Kỷ yếu đề tài cấp bộ: Những vấn đề lý luận và thực tiễn cấp bách của tố tụng hình sự Việt Nam, Viện kiểm sát nhân dân tối cao, Hà Nội, 1995. tr. 102./ Ву Мок, Об осуществлении народной прокуратурой права на судебное преследование в уголовном судопроизводстве, практика и рекомендации, Материалы по теме министерского уровня: Актуальные теоретические и практические вопросы уголовного судопроизводства Вьетнам, Верховная народная прокуратура, Ханой, 1995 г. с.102.

10. Nguyên tác trách nhiệm khởi tố và xử lý vụ án hình sự trong luật Tố tụng Hình sự Việt Nam. [Электронный ресурс] // URL: <https://kiemsat.vn/nguyen-tac-trach-nhiem-khoi-to-va-xu-ly-vu-an-hinh-su-trong-luat-to-tung-hinh-su-viet-nam-64790.html> (Дата обращения: 29.11.2022)

11. Một số bất cập thực hiện nguyên tắc tranh tụng trong BLTTHS năm 2015 [Электронный ресурс] // URL: <https://tapchitoaan.vn/mot-so-bat-cap-thuc-hien-nguyen-tac-tranh-tung-trong-blthhs-nam-2015> (Дата обращения: 29.11.2022)

12. Tòa án nhân dân tối cao, Báo cáo tổng kết công tác của ngành Tòa án nhân dân năm 2008, Hà Nội, 2009./ Верховный народный суд, Сводный отчет о работе отделения Народного суда в 2008 г., Ханой, 2009 г.

УДК 343.1

Фам Ньы Хан

Академия народной безопасности

Кафедра фундаментальной и профессиональной науки

Вьетнам, Ханой

nik.fam.89@mail.ru

Pham Nhu Han

People's Security Academy

Department of fundamental and professional science

Vietnam, Hanoi

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ВО ВЬЕТНАМЕ, КАКИЕ ТИПЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДАННЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ?

Аннотация: в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом 2015 года (далее - УПК 2015) доказательствами считаются электронные данные. Одним из значительных изменений, внесенных в УПК 2015 г., является включение «электронных данных» в качестве нового источника доказательств в главу о доказательствах. Это совершенно новая проблема, которая теперь официально признана правовой системой в качестве источника доказательств, который может быть использован для разрешения уголовных дел. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы доказательств в виде электронных данных, а также сбор и применение доказательств в виде электронных данных в уголовных процессах.

Ключевые слова: преступление, расследование, доказательство, электронные данные, уголовный процесс, уголовное дело.

VIETNAM'S CRIMINAL PROCEEDINGS , WHAT KINDS OF ELECTRONIC DATA IS CONSIDERED EVIDENCE?

Abstract: Evidence is defined as electronic data under the Criminal Procedure Code 2015 (further - CPrC 2015). One of the significant changes made to the CPrC in 2015 is the inclusion of «electronic data» as a new source of evidence in the chapter on evidence. This is a brand-new problem that is now formally acknowledged by the legal system as a source of evidence that may be utilized to resolve criminal cases. The article that follows examines a few aspects of the problem of evidence as electronic data, as well as the gathering and application of evidence as electronic data in criminal trials.

Keywords: crime, investigation, evidence, electronic data, criminal process, criminal case.

1. What types of electronic data are accepted as proof?

Evidence is a way to establish criminals and offenders and is used to ascertain other factors required for the proper resolution of criminal cases, therefore it is implied that it goes hand in hand with the effort to reduce crime. Evidence serves as both a tool for establishing the objective truth of the matter and a record of how that truth was discovered.

In criminal procedures, the investigating, prosecuting, and adjudicating authorities are only able to ascertain the facts of the case via evidence, which provides a foundation for deciding whether a crime has been committed. If a crime has been committed, and if it has, whether to pursue the appropriate legal action. In order to correctly resolve a criminal case, evidence is a way to support certain facts and phenomena while simultaneously rejecting and refuting events and phenomena that did not really take place or unimportant.

The CPrC 2015 specifies in Article 87 that one of the sources of evidence is: electronic data, demonstrating that, in the present, the source of evidence is electronic data, which plays an increasingly essential part in the process of proving the case. We must first define what constitutes evidence in order to establish the idea of evidence as electronic data [2, c.45]. Article 86 of the CPrC 2015 states that evidence is what is

actual, gathered in accordance with the order and methods specified by this Code, and utilized as a foundation for deciding whether or not a violation has been committed, the offender, and other crucial details that may affect how the case is resolved.

Thus, independent of its source, evidence has fundamental characteristics and features - this does not preclude electronic evidence. However, defining this idea is a little more difficult and confusing, since proof, according to the conventional perspective, must be tangible information that individuals can control, keep, and seize. However, this is not the case with electronic evidence.

Electronic data differs from the conventional paradigm even in the way that evidence is formed. Dialectical materialism holds that every crime committed in reality is detectable and verifiable by people. In accordance with the dialectical materialism theory, which holds that everything has the ability to reflect, human actions, including criminal ones, leave a trace in the real world. The physical evidence of a crime can take the form of fingerprints left at the scene, tools used in the crime, or the offender's handwriting [3, c.80]. It can also be stored in the memory of the victim or another person. This is not the case with electronic evidence because the formation (reflection), existence, and information-carrying mechanisms of electronic evidence are distinct from those of traditional evidence. Electronic evidence is also understood differently.

Dr. Tran Van Hoa, deputy director of the high-tech crime prevention police department, mentioned that «electronic evidence are evidence stored in the form of electronic signals in computers or in devices with digital memory related to criminal cases» [4, c.69]. The International Criminal Police Organization (Interpol) defines electronic evidence as information and data that have significance for pharmacological investigations stored or transferred by a computer, computer network, or any other digital electronic device. Establishing, seizing, and restoring electronic evidence must be done quickly yet cautiously; it calls for great precision and meticulousness.

Electronic data is defined as symbols, words, numbers, pictures, sounds, or similar forms generated, preserved, transmitted, or received by electronic means, according to Article 99 of the CrPC 2015. Electronic data is gathered from electronic sources such as transmission lines, computer networks, telecommunications networks, and electronic vehicles. Similar to this, the 2015 Civil Procedure Code established in Article 95 that there must be a content linked to identifying the source of any electronic data message proof. As proof that electronic data is present in the CrPC 2015, it may be claimed that electronic data messages include identical information.

Thus, there is evidence that information linked to criminal cases is stored as electronic signals in computers or other devices with digital memory. Three qualities must be present in this information: objectivity, relevancy, and legality [5, c.207]. The following conditions must be met before «electronic data» may be used as evidence to support a claim and establish its veracity: the data must be accurate and objective, and it must have been lawfully gathered for the purposes of the claim and the evidence.

Furthermore, since «electronic data» is kept in computers and digital devices, it must fulfill three additional unique criteria in order to constitute legal evidence, including: «objectivity» «: «as is» - there is no outside intervention in the data to be changed or deleted, and it must be «verifiable.»

In terms of application. Today, no person, organization, or company can separate computers and computer networks in the age of information technology and communication growth. As a result, high-tech user's illegal activities are becoming more popular, and their crimes are becoming more complex. As a result, recognizing evidence from electronic data is a step forward in our country's criminal procedures by exploring actions to show the crime process is more reliant on electronic evidence.

2. Gathering and using electronic data as evidence in criminal proceedings

Collecting evidence in a criminal case is the process through which investigators and legislators locate, recognize, seize, and preserve evidence using

acceptable procedures, tactics, and means. Not in violation of the law. Thus, the following actions are included in the content of evidence collecting activities: detection, recognition, seizure, and preservation of evidence.

According to Article 107 of the CPrC 2015, electronic media and data collection must be done in a timely and thorough manner, correctly reflect the circumstances, and be sealed right away after seizure. in accordance with the Law's rules. If the electronic data storage device cannot be seized, the agency authorized to handle the case must back up the relevant electronic data to the device, keep it as evidence, and simultaneously ask the agency to handle the case. Related businesses, agencies, and people must answer to the law for storing and maintaining the integrity of electronic data that has been backed up by qualified procedure-conducting organizations [6].

When electronic data is collected, blocked, or backed up from electronic means, computer networks, telecommunications networks, or transmission lines, the proper authority must make a record and put it in the file's case before hand.

Individual and organizations will have to restore, search, and evaluate electronic data when they get the decision to ask the competent authority to assess how to run the proceedings. Electronic data can only be recovered, searched, and evaluated on a copy; the results of the recovery, search, and evaluation must be turned to read, hear, or see.

Evidence shows that electronic data differs from other evidence in both the substance that it contains and the manner of identification, therefore this activity was carried out efficiently and had the intended impact in addition to adhering to the rules. Apply the basic guidelines for gathering, storing, preserving, restoring, analyzing, searching, and evaluating evidence to the letter while gathering, storing, restoring, analyzing, searching, and inspecting evidence. More has to be understood about topics like: not changing data saved on computers or in digital devices; The gathering and recovery of electronic evidence must be done by qualified specialists when they have access to original material that has been stored [7, c.106].

Additionally, the proper procedure must be followed while capturing data; must use verifiable, globally acknowledged hardware and software; must gather evidence to support the data recovery procedure; To achieve the same outcomes as those put out in court, it may be necessary to repeat the procedure.

Two criminal procedural standards must be adhered to while gathering electronic vehicles and data:

The legality must first be gathered and kept in compliance with the law: according to the criminal process for a search, a seizure, a record, photography, a drawing, and the preservation of electronic data to guarantee the legal value of electronic data and the requirements for using electronic data as evidence.

Second, authenticity is ensured prior to, during, and after data seizure, and data stored onto electronic vehicles during data seizure cannot be influenced by outside forces. updated data. There are enough reasons to support the claim that electronic data and evidence are valid, objective, true, and undamaged.

Therefore, the judicial agency's efforts such as gathering, maintaining, restoring, decoding, analysis, search, and evil evaluation are necessary for electronic data to have evidentiary value similar to «conventional records» For criminal proceedings, the proper sequence and processes must be followed while searching for, recording, sealing, seizing, and conserving electronic data evidence (computer hard drive, telephone phone Minh, USB, memory card, optical disc, camera, camera, email ...). When giving tangible evidence to data recovery professionals for copying, follow legal procedures to open seals and seals [8].

Legal specialists conduct a variety of electronic data evaluation tasks, such as copying, retrieving, decoding, analyzing, and searching for data held on storage devices used as tangible evidence.

The outcomes of the expert solicitation will provide a solid foundation for bringing the case and the accused to justice.

Electronic data is used in the process of verifying, analyzing, and utilising evidence. The subject offers electronic evidence to support itself in matters where the

value of the data evidence before the Court must be established: particularly when stopping, copying, restoring, decoding, analyzing, and searching don't alter the data.

The evidence significance of electronic data is recognized by Vietnamese law at the moment. However, in the contemporary environment, practically all transactions take place online, making it even more important to complete and enforce the proper execution of the law's electronic evidence requirements.

Список литературы:

1. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, số: 101/2015/QH13 ngày 27.11.2015 /Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам №101/2015/QH13 27 ноября 2015 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (Дата обращения: 01.12.2022)

2. Ngô Vĩnh Bạch Dương. «Nghĩa vụ chứng minh trong tố tụng». Tạp chí Nghiên cứu pháp luật. Số 07 (287) Tháng 4/2015. /Нго Винь Бак Зыонг. Бремя доказывания в уголовном процессе // Журнал Исследование права, 2015. – №7 (287). – с.45.

3. Нгуен Тхи Нгок Иен. Показания свидетеля и потерпевшего в уголовно-процессуальном праве Социалистической Республики Вьетнам // Актуальные вопро-сы науки: Материалы XXXVI Международной научно-практической конференции в 09 февраля 2018 г. – М.: Издательство «Спутник+», 2018. – с.80.

4. Trần Văn Hòa , Vấn đề dấu vết điện tử và chứng cứ trong Bộ luật Tố tụng Hình sự, Tạp chí Khoa học và Chiến lược, số chuyên đề 12/2014, Viện Chiến lược và Khoa học Bộ Công an, Hà Nội./ Чан Ван Хоа , Проблемы электронных следов и доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе, Журнал науки и стратегии, выпуск 12 2014 г., с.69.

5. Trần Minh Quân. «Sử dụng chứng cứ trong hỏi cung bị can – Những vấn đề lý luận, thực tiễn». Luận án tiến sĩ Luật học - Hà Nội, 2011. /Чан Минь Куан.

Использование доказательств в ходе допроса обвиняемого-теории и практики: дисс...канд. юрид. наук. – Ханой, 2011. с. 207.

6. Lưu Hưng - VKSND huyện Tiên Yên. Bài viết một số quy định về chứng cứ trong Bộ luật tố tụng hình sự năm 2015. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vksquangninh.gov.vn/tin-ho-t-d-ng-xd-nganh/xay-d-ng-nganh/2094-bai-vi-t-m-t-s-quy-d-nh-v-ch-ng-c-trong-b-lu-t-t-t-ng-hinh-s-nam-2015> (Дата обращения: 29.11.2022)

7. Nguyễn Nhật Lệ. «Nguồn chứng cứ trong Pháp luật Việt Nam». Luận văn thạc sĩ luật học, Khoa Luật, Đại học Quốc gia Hà Nội. /Нгуен Ньат Ле. Источники доказательств в уголовном процессе Вьетнам: дис... юрид. м-ра.– Ханой, 2014. – с.106.

8. Thu thập bảo quản chứng cứ là dữ liệu điện tử và những khó khăn vướng mắc. [Электронный ресурс] // URL: <http://vkscantho.vn/vkscantho/index.php/news/Trao-doi-nghiep-vu/Thu-thap-bao-quan-chung-cu-la-du-lieu-dien-tu-va-nhung-kho-khan-vuong-mac-3464/> (Дата обращения: 30.11.2022)

УДК 343.615.3

Фатьянов Антон Андреевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Институт публичного права и управления

Россия, Москва

a.a.fatyanov@yandex.ru

Fatyanov Anton

Moscow State Academy of Law

Institute of Public Law and Governance

Russia, Moscow

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗЪЯТИЕМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: в правоприменительной практике следователи часто сталкиваются с преступлениями, связанными с незаконным донорством, использованием и пересадкой органов. Однако в законодательстве имеются существенные пробелы, затрудняющие квалификацию таких преступлений. В данной статье привлекается внимание к озвученным проблемам с целью их разрешения и совершенствования уголовного законодательства для его соответствия текущему научному прогрессу, реальной действительности и здравоохранительному законодательству.

Ключевые слова: преступление, Уголовный Кодекс, квалификация, донорство, органы, ткани, трансплантация.

PROBLEMS OF CRIMES RELATED TO THE REMOVAL AND USE OF HUMAN ORGANS AND (OR) TISSUES

Annotation: in law enforcement practice, investigators often encounter crimes related to illegal organ donation, use and transplantation. However, there are significant gaps in the legislation that make it difficult to qualify such crimes. This

article draws attention to the voiced problems in order to resolve them and improve criminal legislation in order to comply with current scientific progress, reality and health legislation.

Key words: crime, Criminal Code, qualification, donation, organs, tissues, transplantation.

Для того чтобы применить уголовную ответственность к субъекту уголовного правоотношения, государству, в лице правоохранительных органов, нужно первоначально зафиксировать общественно опасное деяние и возбудить уголовное дело по определённым признакам состава преступления. Однако уже на этой стадии возникают трудности. Обязательным признаком любого преступления является противоправность. Но не всегда получается соотнести внешне выраженное общественно-опасное деяние с нормами Особенной части Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ) в силу отсутствия его криминализации (квалифицировать преступление). В частности, это касается преступлений, связанных с изъятием и использованием органов и (или) тканей человека. По данным МВД, таких преступлений зарегистрировано очень мало в силу озвученных причин, однако в объективной реальности существуют даже незаконные коммерческие организации, занимающиеся приобретением и сбытом органов и тканей человека [1].

Условно, в зависимости от степени общественной опасности, преступления, связанные с изъятием и использованием органов и (или) тканей человека, можно поделить на 3 категории: 1) предусматривающие деяния по принуждению к изъятию органов и тканей человека с насильственными признаками; 2) предусматривающие незаконные деяния по принуждению к изъятию органов и тканей человека без насильственных признаков; 3) предусматривающие незаконные деяния по использованию органов и тканей человека.

К первой категории относятся насильственные деяния, совершенные с целью изъятия органов и (или) тканей потерпевшего. В частности: убийство, которое можно квалифицировать по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, умышленное причинение вреда здоровью – тяжкого в случае изъятия органов по п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ, среднего или легкого при изъятии тканей человека по ст. 112, ст. 115 УК РФ (т.к. это вызывает кратковременное или длительное расстройство здоровья человека), а также принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия – по ст. 120 УК РФ [2]. Стоит отметить, что изъятие органов и (или) тканей при таких деяниях подразумевает их последующее использование для трансплантации, продажи или иных целей и существенно увеличивает общественную опасность. Поэтому наиболее целесообразным является добавление в ст. 63 УК РФ об отягчающих обстоятельствах пункта о «совершении преступления в целях изъятия органов и (или) тканей человека и их последующего использования».

Ко второй категории можно отнести незаконные деяния по изъятию органов и (или) тканей человека посредством шантажа, угроз, обмана, подкупа, злоупотребления правом или вследствие неисполнения обязанности у живого человека (*ex vivo*) и незаконные деяния по изъятию органов и тканей у трупа (*ex mortuo*). Согласно пункту 4 статьи 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ Об основах охраны здоровья граждан), изъятие органов или тканей у живого донора допускается только при наличии его информированного, добровольного, письменного согласия [3], и в соответствии со статьей 11 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – Закон о трансплантации), если донор уведомлен о возможных последствиях для здоровья, прошел всестороннее медицинское обследование и имеется заключение консилиума врачей, подтверждающее возможность изъятия у него органов или тканей [4]. Однако данные требования не всегда соблюдаются добросовестно.

Например, согласие донора может быть получено при помощи шантажа, угроз, обмана или подкупа. Если в случае получения согласия с угрозой применения насилия, преступление можно квалифицировать по ст. 120 УК РФ, то получение согласия посредством шантажа, обмана и подкупа не подпадает под диспозицию данной статьи. Поэтому видится необходимым ее дополнение, либо введение статьи 120¹ УК РФ, в диспозиции которой будут отражены эти обстоятельства для упрощения квалификации данных видов преступлений.

При непредоставлении пациенту обязательных в силу ст. 22 ФЗ Об основах охраны здоровья граждан сведений о последствиях для здоровья при донорстве органов и (или) тканей, а также в случае некачественного медицинского обследования донора, на основании которого было произведено изъятие органов и (или) тканей, врач может быть привлечен к ответственности. В данных случаях решающим фактором является субъективная сторона. Если врач совершил эти деяния умышленно, то будет привлечен к ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 159 УК РФ (если придерживаться концепции, выдвинутой рядом ученых, что органы и (или) ткани – это объекты гражданского оборота [5, с. 31]), по ст. 111, 112 или 115 УК РФ, по ст. 237 УК РФ. Если эти деяния совершены по неосторожности – в соответствии со ст. 293 УК РФ. Однако вопрос о том, является ли врач должностным лицом, и следственно, привлечения его к ответственности по данной статье, является дискуссионным. Профессор Акопов В.И. и Маслов Е.Н. утверждают, что медицинские и фармацевтические работники относятся к должностным лицам, если занимают руководящие должности, выполняя организационно-распорядительные функции (главный врач, зав. фармацевтическим предприятием, их заместители, зав. отделами, отделениями, лабораториями), а также лица, временно исполняющие эти обязанности, к которым относится дежурный врач, либо административно-хозяйственные функции (старшая медсестра) [6, с. 329]. О. Ю. Храбров является сторонником привлечения врачей по ст. 293 УК РФ только если существует прямая причинная связь

между действиями врача и наступившими неблагоприятными последствиями [7]. Судебная практика высших инстанций говорит об обратном: врач никогда не относится к категории должностных лиц [8]. Также, необходимо отдельно выделить фальсификацию результатов медицинского обследования. По поводу ответственности за фальсификацию медицинской документации высказывается ряд ученых [9, с. 147].

Существенным недостатком является отсутствие единого федерального реестра доноров органов и тканей (за исключением реестра доноров костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток, введенного в 2022 году). Как уже было сказано выше, допускается изъятие органов и (или) тканей у трупа. Более того, оно превалирует над изъятием органов и (или) тканей у живого человека. Важным моментом является констатация смерти потенциального донора. Моментом смерти человека является момент смерти его головного мозга или его биологической смерти (ст. 66 ФЗ Об охране здоровья граждан РФ). Заключение о смерти устанавливается консилиумом врачей на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга в соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 25.12.2014 № 908н. В состав консилиума врачей не могут быть включены специалисты, принимающие участие в изъятии и трансплантации органов и (или) тканей (с целью избежания личной заинтересованности). Существует практика преждевременного изъятия органов и (или) тканей у пациента, считающегося мертвым, смерть которого, по указанным в приказе признакам, еще не наступила [10]. В Российской Федерации действует презумпция согласия на изъятие органов и тканей у трупа, за исключением несовершеннолетних граждан (ст. 8 Закона о трансплантации). Поэтому умершее лицо должно при жизни изъявить волю о запрете на изъятие его органов после смерти в устной или письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации или нотариусом. Причем, такой запрет легализуется только в момент прикрепления к медицинской

документации. В случае его нарушения и последующего изъятия органов и (или) тканей у трупа, деяние следует квалифицировать по ст. 244 УК РФ.

К третьей категории относятся преступления, связанные с незаконным использованием человеческих органов и (или) тканей. Наиболее распространенными целями использования органов и (или) тканей являются трансплантация и купля-продажа. Трансплантация органов и тканей возникла в связи с развитием медицины и расширением возможностей для сохранения жизни человека, и не является противоправной. В случае утраты человеком жизненно-важного органа, либо невозможности его излечения, хирурги прибегают к данному процессу – удалению органа или ткани у одного лица (донора) и имплантации этого органа или ткани (трансплантата) другому лицу (реципиенту).

Согласно ст. 47 ФЗ Об основах охраны здоровья граждан, трансплантация органов и (или) тканей человека может быть применена, только когда другие методы лечения не могут обеспечить сохранность жизни пациента либо восстановление его здоровья. Во избежание злоупотребления правом и недобросовестности в частных клиниках, трансплантация осуществляется только в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения. Трансплантация, по пункту 2 данной статьи, допустима только в том случае, если по заключению врачебной комиссии донору не будет причинен значительный вред, и только по его добровольному согласию.

Врачебная комиссия в своей деятельности руководствуется приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 05.05.2012 № 502н [11]. Создается комиссия на основании приказа руководителя медицинской организации (п.5). Руководитель медицинской организации в рамках деятельности врачебной комиссии имеет статус председателя (п. 9) и наделен широкими полномочиями: а) он утверждает положение о врачебной комиссии, регламентирующее ее цели, задачи и функции, порядок работы,

учета и представления отчетности по итогам деятельности, а также состав врачебной комиссии; б) осуществляет контроль за деятельностью врачебной комиссии и ее подкомиссий. В этом случае не исключен коррупционный фактор – когда лицами, заинтересованными в донорстве органов, могут быть осуществлены подкуп руководителя медицинской организации, либо его вовлечение в деятельность организованной преступной группировки, который при такой широте полномочий имеет существенное влияние на всю деятельность комиссии. Например, председатель комиссии может оказать давление на врачей с целью утверждения заключения комиссии в виде документа специальной формы – протокола (п. 16), которое считается принятым при поддержке двух третей членов. Согласно приказу, решения комиссии фиксирует секретарь в специальном журнале. Протоколы решений врачебной комиссии подлежат хранению в течение 10 лет. Но стоит отметить, что не определена ответственность за его утерю, что зачастую становится преградой при расследовании данных категорий преступлений. Также, согласно судебной практике, существуют случаи, когда главврачом или его заместителями, с превышением полномочий, вносятся единоличные изменения в журнале о решениях комиссии [12]. Выписку из протокола решения врачебной комиссии не обязаны выдавать пациенту или иному лицу. Она выдается на руки пациенту либо его законному представителю только на основании письменного заявления, чем зачастую пренебрегают. На наш взгляд, для избежания произвола и превышения полномочий со стороны руководителей медицинских организаций (председателей комиссий), необходимо законодательно закрепить внешний контроль над деятельностью медицинской комиссии.

Каким же образом, в свою очередь, определяется значительный вред, если при изъятии органа человеку уже причиняется тяжкий вред здоровью по нормам УК? Согласно ст. 13 Закона о трансплантации, под значительным вредом донору понимается необратимое расстройство здоровья. Удивительно

то, что если здоровью пациента причинен вред в связи с нарушением порядка и условий трансплантации, то медицинская организация несет ответственность в соответствии с Гражданским Кодексом РФ, а не Уголовным (ст. 16 Закона о трансплантации). А незаконная трансплантация и вовсе не является криминализованным деянием.

Согласно статистике, наличие донорских органов способно удовлетворить требования только 22% реципиентов, а в «листе ожидания» они могут находиться от одного дня до нескольких лет [13]. Поэтому около 10% всех трансплантаций в мире происходит с использованием незаконно приобретенного донорского материала.

Согласно ст. 1 Закона о трансплантации, купля-продажа органов и (или) тканей человека запрещена под угрозой уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (в том числе медицинскими организациями – ст. 15 Закона о трансплантации). Данное положение отсылает нас к статье 127¹ УК РФ, в которой объектом преступления выступает именно свобода человека, а не его жизнь и здоровье. Под куплей-продажей человека подразумевается передача его (а не его органов) одним лицом другому лицу за материальное вознаграждение, а под иными сделками в отношении человека – другие противоправные действия, приводящие к передаче потерпевшего от одного лица другому лицу [14]. Принуждение донора к изъятию органов или тканей путем психологического воздействия без применения насилия также не подпадает под действие данной статьи, потому что наиболее похожим предусмотренным ей деянием – вербовкой – является поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ. В связи с этим данная формулировка ст. 127¹ УК РФ представляется нам весьма неудачной для вменения по ней преступлений, связанных с куплей-продажей органов и (или) тканей человека, а положение ст. 1 Закона о трансплантации – декларативным, так как не находит санкции в УК РФ. Спорное предположение выдвинул Кузнецов В. Ю.,

предложив назначать уголовную ответственность за куплю-продажу органов или тканей человека по ст. 175 УК РФ [15, с. 234]. Даже если и придерживаться этого мнения, то в статье идет речь только о приобретении и сбыте имущества. Следует ввести отдельную статью в УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за куплю-продажу, хранение, перевозку и иное незаконное использование человеческих органов и (или) тканей.

Таким образом, мы видим существенные пробелы в уголовном законодательстве в части регулирования преступлений, связанных с изъятием и использованием органов и тканей человека. Очевидно, что насильственное изъятие, изъятие посредством введения в заблуждение, а также незаконная трансплантация и купля-продажа органов или тканей человека представляют существенную общественную опасность. Для упрощения процессуальной деятельности необходимо криминализировать данные деяния, либо дополнив статью 63 и диспозиции статей 120, 127¹ УК РФ, либо введя новые статьи, предусматривающие уголовную ответственность за незаконную трансплантацию и куплю-продажу органов или тканей человека.

Список литературы:

1. Pravo-med.ru [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo-med.ru/>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // «Собрание законодательства РФ», № 25, июнь 1996.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», № 48, ноябрь 2011.
4. Закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-I (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // «Российская газета», № 4, январь 1993.

5. Фатхи В. И. О правовом статусе органов и тканей человека в гражданском обороте [Текст] / В.И. Фатхи // Юрист-Правоведь. 2020. № 4. С. 27-32.
6. Акопов В. И., Маслов Е. Н. Страдания Гиппократы: монография / — Ростов-на-Дону: Приазовский Край, 2006. 519 с.
7. Lexconsult.online [Электронный ресурс] // URL: <https://lexconsult.online/>.
8. Апелляционное постановление от 07.07.2020 № 22-57/2020 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Офиц. Сайт]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.10.2022).
9. Нагорная И. И. Уголовная ответственность за профессиональные преступления медицинских работников [Текст] / И.И. Нагорная // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 147-157.
10. Rbc.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/>.
11. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 05.05.2012 № 502н (ред. от 02.12.2013) «Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медицинской организации» // «Российская газета», № 141, июнь 2012.
12. Определение судебной коллегии по гражданским делам Брянского областного суда от 23.06.2015 № 332329/2015 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Офиц. Сайт]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.10.2022).
13. Ria.ru [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/>.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // «Российская газета», № 296, декабрь 2019.
15. Кузнецов В. Ю. О перспективах криминализации незаконного оборота органов, тканей и (или) клеток человека [Текст] / В.Ю. Кузнецов // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 234.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341.1/8

Орлова Татьяна Евгеньевна

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Международно-правовой институт

Россия, Москва

orlovat111@ya.ru

Orlova E. Tatiana

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

International Law Institute

Russia, Moscow

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ

Аннотация: данная статья содержит анализ понятия, теорий и форм международно-правового признания новых государственных образований во взаимосвязи с международной правосубъектностью. Рассматривая мировой практический опыт, автор предлагает меры по совершенствованию межправительственного и национального регулирования в обозначенной области.

Ключевые слова: международно-правовое признание, международная правосубъектность, декларативная теория признания, конститутивная теория признания, смешанная теория признания, признание де-факто, признание де-юре.

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF THE INTERNATIONAL RECOGNITION OF STATES

Annotation: this article analyzes the concept, theories and forms of international recognition of new state entities in relation to international legal personality. By considering world practice, the author suggests measures to improve intergovernmental and national regulation in the designated area.

Key words: international legal recognition, international juridical personality, declarative theory of recognition, constitutive theory of recognition, mixed theory, de facto recognition, de jure recognition.

Институт признания является старейшим в международном праве. Несмотря на увеличение с начала XX века количества государств почти в четыре раза, вопросы признания по сей день остаются дискуссионными, а правоприменение сильно различается от случая к случаю. Это можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, появление новых государств или кардинальная смена руководства — относительно редкое явление, происходящее неравномерно.

Во-вторых, образование новых государств и последующее признание их правосубъектности — процесс, всегда сопряжённый с конфликтом интересов как отдельных участников, так и целых групп членов международного сообщества.

В-третьих, основным фундаментом института признания остаются международно-правовые принципы, доктрины и обычаи, что никак не может быть эффективным регулятором общественных отношений [1, с. 3]. Отдельные аспекты данного явления регулируются многосторонними и двусторонними договорами, заключёнными между заинтересованными государствами, а также решениями международных организаций.

Понятие и теории признания в международном праве

По мнению филолога и старшего научного сотрудника ИЛИ РАН Д. В. Дмитриева под официальным признанием государства подразумевается, что это

государство согласилось считать существующим, действующим, имеющим законную силу [2, С. 1008].

Из этого следует, что для того, чтобы можно было говорить о признании, необходимо наличие следующих компонентов:

- 1) появление нового субъекта или изменение какого-либо факта, ситуации на международной арене;
- 2) предъявление одностороннего юридического акта со стороны государства.

Вопросы признания тесно связаны с международной правосубъектностью, ведь посредством акта признания констатируется факт вступления в правовое пространство нового государства и появление возможности установления дипломатических, экономических, культурных и иных отношений.

В настоящее время существует три теории признания государств: конститутивная, декларативная и смешанная.

Согласно конститутивной теории, признание порождает международную правосубъектность посредством превращения фактического состояния в юридическое [3, с. 178]. В частности, Л. М. Оппенгейм высказывал мнение, что «государство становится международным лицом и субъектом международного права только путем признания» [4, с. 137]. Новое государство не может существовать в международно-правовом поле без признания его группой ведущих государств. Слабость данной теории проявляется в неопределённости перечня и точного количества государств, которым следует принимать решение о признании того или иного государства. На практике встречаются ситуации, когда часть государств признаёт государство, а часть — нет. Выходит, что новое образование может являться субъектом международных правоотношений для одних государств и не обладать правосубъектностью для других.

Конститутивная теория нарушает принцип суверенного равенства государств, так как существование одних государств ставится в зависимость от

воли других. Из теории также следует, что непризнанное государство находится вне правового поля, а значит не подлежит защите от иностранной интервенции и ответственности за собственные противоправные деяния [5, с. 20]. Думается, что данная концепция была направлена на усложнение выделения новых суверенных государств в период национально-освободительной борьбы народов и побед социальных революций на территориях, вставших на путь приобретения независимости от иностранного господства. [6, с. 149]

В противовес конститутивной теории сторонники декларативной высказывают мнение, что признание не создаёт нового субъекта международного права, но является юридическим актом, который оформляет факт возникновения государства и вступления его в международные отношения. [5, с. 17] То есть новообразование приобретает правосубъектность уже в силу самого факта своего существования. Данного подхода придерживаются Е. М. Казаровец, Ф. Мартенс, Д. И. Фельдман и другие правоведы. Именно принцип суверенного равенства государств и принцип национального самоопределения лежат в основе декларативной теории, что исключает зависимость между государствами в вопросах признания [7, с. 23, 27].

Отрицательным моментом данной теории служит тот факт, что абсолютно любое образование, созданное с нарушением норм международного права, может претендовать на признание и правосубъектность. Однако неправильно принимать в ряды субъектов международных правоотношений заведомо несущие опасность мировому правопорядку новообразования (к примеру, ДАИШ).

Иными словами, признание призвано снизить международную напряжённость и установить добрососедские отношения. Поэтому оно не должно сводиться лишь к акту информирования, подразумевая под собой важные политические и юридические последствия.

Несмотря на это, декларативная теория закреплена в некоторых международных актах. Например, в статье 3 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. говорится, что «политическое существование государства не зависит от признания другими государствами. Ещё до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость, чтобы обеспечить своё сохранение и процветание, и, следовательно, организовать себя, как оно считает нужным, принимать законодательные меры по его интересам, администрировать свои услуги, а также определить юрисдикцию и компетенцию из её судов. Осуществление этих прав не имеет иных ограничений, чем осуществление прав других государств в соответствии с международным правом» [8].

Более состоятельной кажется смешанная теория, в которой органично сочетаются уже перечисленные подходы к проблеме признания государств. Учёный-международник В. А. Романов поясняет, что в любом акте признания присутствуют черты декларативного подхода, в то время как в условиях нарастания сепаратистских настроений в современном мире наблюдается возрастание роли конститутивного начала в институте международного признания [9, с. 363].

По мнению другого сторонника смешанной теории, дипломата и правоведа А. Федросса, процесс признания можно разделить на две стадии: констатацию государствами факта образования в перспективе устойчивого государства и факта установления с этим новым государством официальных отношений. Для первого из перечисленных актов характерна декларативность, а для второго — конститутивность [7, с. 30].

Но практика часто отличается от теории. Ни одно государство в мире не придерживается той или иной теории в чистом виде. Более того, даже Международный суд в своих решениях не раз останавливался на важности индивидуального подхода к решению соответствующих международных споров [10, с. 113]. Следовательно, сведение проблемы к выбору между двумя

противоположными теориями — чрезмерное упрощение многогранной правовой действительности.

Формы признания и их юридические последствия

Как правило, признание государства является молчаливым, так как такой метод отличается лёгкостью в оформлении межгосударственных отношений.

Под молчаливым признанием подразумевается совершение действий, явно свидетельствующих о признании. К примеру, установление дипломатических или консульских отношений с новообразованным государством, продолжение отношений с провозглашённым на территории прежнего новым государством или заключение двустороннего договора. В то же время, не рассматривается в качестве молчаливого признания участие не признающих друг друга государств в одной международной организации или международном договоре.

Признание де-факто — ещё одна форма международно-правового признания государства, проявляющаяся в неоднократных эпизодических контактах на правительственном и неправительственном уровнях. Это фактическое признание путем установления экономических отношений со спорным государством без установления дипломатических. Обычно данная форма используется, когда государство хочет подготовить почву для установления более тесных международных отношений или считает признание де-юре преждевременным решением.

Е. А. Коровин отмечал, что признание де-факто никоим образом не может противопоставляться «признанию юридическому (*expresse*). Строго говоря, в праве и его теории не может быть и речи о признании неюридическом» [11, с. 27].

Одним из самых известных примеров такой формы признания является признание Израиля со стороны США в 1948 г. Президент Гарри Трумен объявил об этом в день подписания Декларации о создании государства Израиль [12].

Признание де-юре — полное и окончательное признание. Оно предполагает долговременные отношения с признанием международной правосубъектности в полном объёме. Обычно сопровождается направлением заявления, подписанием декларации или соглашения об официальном признании и установлении дипломатических отношений.

Признание может быть оформлено актом признающего государства. Примером такого акта может служить Указ Президента РФ «О признании Республики Южная Осетия» [13]. В нём говорится, что, учитывая волеизъявление осетинского народа, необходимо признать Южную Осетию в качестве независимого и суверенного государства.

В качестве примера признания де-юре можно назвать ст. 7 Парижского мирного договора 1856 г., в которой Турция признаётся полноправным членом «европейской семьи» и участником «европейского правопорядка» [14, с. 9].

Отдельной специфической формой признания следует рассматривать признание *ad hoc* (от лат. — специально, по особому случаю). Оно имеет место, когда государство вступает со спорным государством в имеющие разовый характер отношения. Это происходит, например, с целью защиты прав и свобод граждан, находящихся на территории другого государства. Стоит отметить, что такие действия не влекут за собой выходящих за пределы данного особого случая правовых последствий. То есть признание предоставляется только в том объёме, в котором это необходимо для выполнения тех или иных мероприятий, а после их окончания прекращается [15, с. 142].

Примерами таких отношений могут служить связи между руководством Косово и Сербии, а также России и Чечни в период продолжающихся военных действий между ними.

Как правило, признание не принято брать обратно. Однако истории известны несколько таких случаев. Так, Франция взяла назад своё признание Финляндии в 1918 г. в связи финскими планами возведения на престол родственников Вильгельма II. Позже, когда в Финляндии установилась

республика, она стала признанной Францией повторно. А в 1938 г. Великобритания перестала признавать Эфиопию в качестве суверенного государства из-за итальянской аннексии данной страны [16, с. 145].

Проблемы частично признанных государств

Основная сложность на пути к выделению новых государств из уже существующих — противоречие международно-правового принципа суверенитета и территориальной целостности государства с правом народов на самоопределение.

Также к проблемам спорных государств относятся трудности, связанные с вступлением в международные договоры и организации. Например, присоединение к Уставу Организации Объединённых Наций невозможно без поддержки более половины стран-членов ООН, в том числе членом Совета Безопасности [17]. Зачастую политические интересы конкретных государств не охватывают признание правосубъектности того или иного государства.

Так как появление новых государств зачастую вызвано внутригосударственными или международными конфликтами, их дальнейшее существование может омрачаться периодическими провокациями со стороны несогласных стран-субъектов международного права. К сожалению, они нередко приводят к жертвам среди мирного населения.

Примером, иллюстрирующим данную проблему, являются напряжённые отношения Израиля с арабскими странами и вооружёнными формированиями. На данный момент 30 стран не поддерживают дипломатические отношения с Иерусалимом. В их число входят большинство членом Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества.

Часто получается так, что страны, из чьего состава выделились новые государства, отказываются признавать независимость новообразований и продолжают считать их территорию своей. Так произошло с Донецкой и Луганской Народными Республиками. Невзирая на результаты республиканских референдумов и признании независимости ДНР и ЛНР

Россией [18, 19], Сирией и КНДР [21], Украина продолжает считать территории новых республик своими. Именно поэтому вооружённый конфликт далёк от деэскалации.

У населения спорных территорий могут возникать проблемы, связанные с посещением государств-членов ООН. Дело в том, что их паспорта не являются документами, позволяющими пересекать границы стран. Однако известны случаи, когда, не признавая независимости, суверенное государство признавало отдельные документы, выдаваемые во исполнение законодательства частично признанного государства [22]. Признается и правосубъектность юридических лиц, зарегистрированных в соответствии с законодательством новообразования [23].

Приведённые выше доводы дают понять, что в современном мире всё большее значение приобретает не юридический, а политический аспект. Правовые нормы чаще имеют вторичный характер, что и порождает международную напряжённость, нарушения права и вооружённые конфликты [24, с. 467].

Отсутствие закреплённого в правовых актах объективного института международно-правового признания дестабилизирует ситуацию на мировой арене и мешает мировым интегрирующим процессам. Нестабильность спорных государств можно объяснить заторможенностью их операционных возможностей и медленным экономическим ростом. К ним также можно добавить низкий правовой статус, вооружённые конфликты и низкий уровень жизни людей, получающих гражданство несуществующего государства. Паспорта населения и дипломы выпускников учебных заведений спорных территорий обычно не имеют юридической силы для иностранных государств. Именно поэтому жители вынуждены жить в изоляции, что ещё больше усиливает экономические и демографические проблемы.

Однако нельзя говорить о проблемах, не предлагая пути их решения. В этих целях приведём наиболее научно обоснованные из них [25, с. 117]:

1. Кодификация института признания. Эта мера позволит обобщить существующую международную практику, избежать правовых коллизий и пробелов, а также выработать чёткий перечень критериев, необходимых для приобретения международной правосубъектности.

2. Совершенствование сотрудничества государств в области соблюдения мира и безопасности, а также внутригосударственной политики в вопросах реализации правовых норм института признания.

3. Возведение статуса акта признания со стороны существующих государств до правоустанавливающего и главенствующего на мировой арене.

4. Максимальное уменьшение политического значения международного признания.

В заключение приведём слова полномочного представителя Республики Абхазия в Приднестровской Молдавской Республике А. В. Ватамана: «Сегодня в мировой политике отсутствуют универсальные подходы к сотрудничеству с непризнанными государствами и критерии их признания в качестве суверенных государств. Это определяется тем, что в не оформившейся до конца системе международных отношений слишком много нерешенных правовых и политических вопросов, а затянувшийся переход от одной системы международных отношений к другой характеризуется фактическим несоответствием между объективным состоянием мира, качественно изменившимся за последнее время, и правилами, регулирующими отношения между странами.» [26, с. 46].

Внутренние и внешние проблемы России, связанные с существованием и признанием спорных государств

Все страны мира сталкиваются с проблемами, связанными с существованием и признанием спорных государств. Россия не является исключением. Ввиду многонациональности и многоукладности она регулярно становится субъектом процессов признания новообразований.

Так, отсутствие нормативно-правового регулирования взаимоотношений с частично признанными Абхазией, Приднестровской Молдавской Республикой и Южной Осетией не раз приводило к противоправным действиям чиновников разных уровней. Например, Северная Осетия выступала в качестве субъекта международного права в переговорах с Грузией по статусу самопровозглашённой Южной Осетии. Кроме того, Северная Осетия была представлена не только в переговорном процессе, но и в формате самой миротворческой операции отдельным воинским формированием, что противоречит Конституции Российской Федерации.

Д. и. н. А. А. Язькова констатирует: «Таким образом, в 1990-е годы... возникла сложная система отношений между центром и национальными республиками, постепенно присвоившими себе целый ряд полномочий, которыми не обладали по Конституции... Многие из этих республик отошли от ранее признанных ими конституционных норм, действуя независимо от федерального центра. Так, Дагестан, Татарстан, Тува, а также Краснодарский край без согласования с Москвой подписывали международные договоры и создавали собственные силы безопасности. Башкирия признала суверенитет никем не признанной Республики Абхазия (Грузия)» [27, с. 10].

Несмотря на отмену ряда незаконных актов региональных парламентов, полностью вызывающую сомнения нормотворческую деятельность субъектов РФ остановить не удавалось.

В 2005 году Абхазия вступила в Южно-Российскую парламентскую ассоциацию (ЮРПА) [28], включающую парламенты всех субъектов Южного федерального округа. Инициаторами данного акта выступили парламентарии Краснодарского края, которые хотели расширить связи с регионом. Обычно подобные действия объясняются желанием разрешения существующих проблем межграничного сотрудничества. На практике подобные политические действия часто вступают в противоречие с обеспечением политического и правового порядка в стране.

Итак, современная отечественная политология не выработала единообразных методов по решению противоречий непризнанных государств. В то же время, стоит отметить, что и западные коллеги ограничились только критерием политической целесообразности в вопросах признания Косово и непризнания Абхазии и Южной Осетии [29, с. 200].

Российский политолог А. Л. Погорельский утверждает следующее: «Без всякого сомнения, национальный интерес России заключается в том, чтобы поддерживать принцип нерушимости границ и территориальной целостности, где бы то ни было. Между тем, и этот принцип также не может быть абсолютным и универсальным и имеет собственные ограничения. В частности, если центральная власть и «титупная нация» подавляют права этнических меньшинств, игнорируют их право на автономию и... проводят политику жесткой ассимиляции, такое государство фактически теряет право на территориальную целостность. Происходит нарушение неотъемлемых прав человека, в том числе права на жизнь — при силовом подавлении национальных движений.

В данном случае сепаратизм превращается в частный случай реализации «права народа на восстание», в форму борьбы за выживание малых этносов, за их право на самобытность и самостоятельность» [30].

Именно поэтому стратегическую важность имеет выработка эффективных правовых подходов России к вопросу взаимоотношений с частично признанными и непризнанными государствами. Необходимо, чтобы этот процесс проходил с участием как научных кругов, так и иных заинтересованных лиц, например госслужащих. Только такие последовательные меры помогут избежать негативного влияния на спорные регионы со стороны иных ведущих субъектов международных отношений.

Итак, непризнанные государства, несмотря на свои малые размеры, играют важную роль на международной арене. Приведём несколько рекомендаций, которые следует учитывать в отношении новообразований.

Во-первых, государства-субъекты международного права должны исходить из того, что у них есть полное право признавать или не признавать такое образование. С точки зрения равноправия народов — это не только право, но и обязанность, однако не безусловная.

Во-вторых, недопустимо вмешиваться в процесс самоопределения. Нельзя прибегать к оккупации нового государства, к присоединению его либо к объединению с ним (в том числе в форматах федерации, конфедерации, ассоциации, протектората и т. п.). Вместе с тем заключение с ним международного договора (о ненападении, сотрудничестве, взаимной помощи и пр.) не будет являться нарушением норм международного права.

Что касается конкретно России, то изначально признание ею «непризнанных» республик могло бы произойти в форме *de facto*, как наиболее мягкой. К примеру, в рамках широкоформатных межгосударственных договоров об экономических и торговых отношениях, гуманитарной помощи и др.

России наиболее выгоден индивидуальный подход к каждой непризнанной территории, что обеспечит более полную реализацию национальных интересов, позволит использовать самые эффективные стратегии урегулирования существующих конфликтов.

Список литературы:

1. Гасымов Ф. Р. Признание государств и правительств, современная международно-правовая теория и практика. Дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2005. 21 с.
2. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35000 значений: Более 70000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель. 2003. 1582 с.
3. Лукашук И. И. Международное право. М.: «Волтерс Клувер». 2005. 415 с.

4. Оппенгейм Л. М. Международное право. М.: Государственное издательство иностранной литературы. 1948. Т. 1. 408 с.
5. Казаровец Е. М. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве. М. 1958. 23 с.
6. Джантаев Х. М. Формы и виды признания в современном международном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. М. 2011. С. 148–163.
7. Фельдман Д. И. Современные теории международно-правового признания новых государств. Казань. 1963. 103 с.
8. Конвенция о правах и обязанностях государств (Межамериканский), 26.12.1933 (Конвенция Монтевидео). // URL: <https://wa.nt.am/ru/archives/1719>.
9. Толстых В. М. Курс международного права: учебник. М.: «Волтерс Клувер». 2009. 1056 с.
10. Хасанов А. А. Современные подходы к теориям признания новых государств в международном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М. 2016. С. 109–114.
11. Коровин Е. А. Современное международное публичное право. М.: Госюриздат. 1926. 176 с.
12. Этот день в истории: 1948 год — провозглашение государства Израиль // EurAsia Daily. 2017 // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/14/etot-den-v-istorii-1949-god-provozglashenie-gosudarstva-izrail>.
13. Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» // Собрание законодательства РФ, № 35, ст. 4012, сентябрь 2008.
14. Grant T. The recognition of states: law and practice in debate and evolution. London. 1999. Pp. 231.
15. Международное право: Учебник / Отв. ред. Г. И. Тункин. М.: «Юридическая литература». 1974. 590 с.

16. Бекашев К. А. Международное публичное право. М.: «Прспект». 2007. 784 с.
17. О членстве | Организация Объединенных Наций // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/about-un-membership>.
18. Указ Президента РФ от 21.02.2022 № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ, № 9 (часть I), ст. 1297, февраль 2022.
19. Указ Президента РФ от 21.02.2022 № 72 «О признании Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства РФ, № 9 (часть I), ст. 1298, февраль 2022.
20. Сирия решила признать независимость ЛНР и ДНР // ТАСС. 2022 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15072785>.
21. КНДР стала пятой страной, признавшей ДНР и ЛНР // ТАСС. 2022 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15207891>.
22. Словакия признала новые косовские паспорта // Lenta.ru. 2008 // URL: <https://lenta.ru/news/2008/11/28/slovakia/>.
23. О Поручениях Президента России Правительству РФ в отношении Абхазии и Южной Осетии // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/342137.
24. Ryngaert C., Sobrie S. Recognition of States: International Law or Realpolitik? The Practice of Recognition in the Wake of Kosovo, South Ossetia and Abkhazia // *Leiden Journal of International Law*. 2011. Vol. 24, iss. 2. Pp. 467–490.
25. Медникова А. А. Анализ проблематики института признания государств // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 7 (125). С. 114–117.
26. Ватаман А. В. Формирование новой системы международных отношений и непризнанные государства // *Власть*. 2015. № 2. С.44–47.
27. Язькова А. А. «Слоёный пирог» национальной политики // *Россия в глобальной политике*. 2008. Т. 6. №1. С. 46–58.

28. Делегация Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия отбыла в Ростов // Народное Собрание — Парламент Республики Абхазия. 2021 // URL: <https://parlamentra.org/novosti/1757.html>.

29. Камкия Б. А. О проблеме конституционно-правовой реформы в Республике Абхазия: сравнительно-правовой аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 197–205.

30. Выгоден ли России сепаратизм? // РИА Новости. 2006 // URL: <https://ria.ru/20061219/57242058.html>.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.92

Тихонин Иван Алексеевич
Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов
tihonin.ivan@mail.ru
Tikhonin Ivan
Saratov state law academy
Institute of Law Enforcement activity
Russia, Saratov

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ОКАЗАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация: в 2014 году КоАП РФ был дополнен статьей, предусматривающей ответственность юридических лиц за оказание финансовой поддержки терроризму. Нововведение привлекло внимание ученых и до сих пор требует всесторонней научной оценки и принятия своевременных мер для разрешения сложившихся проблем. Отмечаются положительные тенденции в конструировании организационно-правовых мер противодействия терроризму.

Ключевые слова: финансирование терроризма, оказание финансовой поддержки терроризму, ответственность юридических лиц, административная ответственность, терроризм.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES FOR PROVIDING FINANCIAL SUPPORT TO TERRORISM

Annotation: in 2014, Code of Administrative Offences was supplemented with an article providing for responsibility for the providing financial support to terrorism. The innovation has attracted the attention of scientists and still requires a

comprehensive scientific assessment and timely measures to resolve the existing problems. There are positive trends in the construction of organizational and legal measures to counter terrorism.

Key words: financing of terrorism, providing financial support to terrorism, responsibility of legal entities administrative responsibility, terrorism.

Ученые занимают совершенно разные позиции относительно времени зарождения такого явления, как терроризм: античность, исламская традиция Хошагин, опричнина [1], пост-Наполеоновская Реставрация и т.д. Безусловно, его история крайне богата и требует тщательного изучения, ведь насилие в той или иной форме сопровождало человечество на всех этапах его развития и требовало, в том числе и правовых рычагов сдерживания, которые обрели колоссальное значение в борьбе с современным терроризмом.

Современный терроризм характеризуется глобализацией, омоложением контингента [2], совершенствованием тактики получения финансовых ресурсов для осуществления террористической деятельности, основательной организованностью, военно-технической оснащенностью и структурированностью [3; 14]. Безусловно, процесс цифровизации общества успешно используется представителями террористических формирований, что осложняет работу правоохранителей и требует ответных мер. Кроме того, на данном этапе терроризм выступает инструментом геополитики в сфере экономического влияния, о чем свидетельствует география цветных революций [4].

Однако стоит отметить, что существование любой террористической ячейки немыслимо без финансов, которые являются базой их деятельности. Оплата действий лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность, содержание лагерей террористов, организация учебного процесса, приобретение оружия, связи, транспортных средств и т.д. невозможно без надлежащего финансирования [3; 137], что обуславливает актуальность

совершенствования, в частности, административно-правовых механизмов противодействия данной угрозе как элемента антитеррористической политики государства. В соответствии с публичным отчетом о национальной оценке рисков финансирования терроризма за 2017-2018 гг., подготовленным Федеральной службой по финансовому мониторингу, финансирование терроризма из законных источников в Российской Федерации характеризуется низким уровнем риска. Однако отмечается, что угроза финансирования возникает в случае приобретения юридическим лицом материальных средств (недвижимости, транспорта и т.д.) для их дальнейшей передачи в распоряжение террористов. Крайне высок риск перемещения средств с использованием банковских счетов и банковских карт, однако отмечается низкая частота использования классических денежных переводов (в т.ч. с использованием счетов юридических лиц) в силу их высокой прозрачности [5]. Таким образом, рассматриваемая проблема является актуальной и требует достойного ответа.

В отечественном законодательстве понятие финансирования терроризма предусмотрено Федеральным законом «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ, и в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ, относится к террористической деятельности. В качестве основных элементов финансирования терроризма выступают предоставление, сбор средств и оказание финансовых услуг. Понятие финансовых услуг закреплено в Федеральном законе «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ.

Обратимся к истокам оказания правового противодействия финансированию терроризма. 9 декабря 1999 года в Нью-Йорке была принята Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, которая легла в основу правового механизма подрыва экономической базы террористической деятельности. Статья 5 Конвенции указывает на необходимость применения к юридическим лицам соразмерных и действенных

уголовных, гражданско-правовых или административных санкций, которые могут быть финансовыми [6]. Об ответственности юридических лиц за публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовку, подготовку террористов, сопутствующих преступлений (в т.ч. содействие) упоминается в Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма», ратифицированной Россией в 2006 году. Отмечается, что ответственность юридических лиц имеет место не в ущерб ответственности физических лиц, совершивших соответствующие преступления [7].

Полагаем, что следствием решения отечественного законодателя о поддержании международных тенденций стало дополнение Кодекса об административных правонарушениях РФ нормой, предусматривающей ответственность юридических лиц за финансирование терроризма. Таким образом, 5 мая 2014 в КоАП РФ была введена статья – 15.27.1 «Оказание финансовой поддержки терроризму», субъектами которой являются юридические лица.

Следствием введения данной статьи стали активные дискуссии среди ученых-юристов и практиков. В частности, С. В. Бородин считает, что данная статья не соответствует правовой природе административных правонарушений, которые не отличаются повышенной общественной опасностью [8].

Отметим, что по сей день по данной норме отсутствует судебная практика (во всяком случае, в открытом доступе), что свидетельствует о недоработке или отсутствии механизма привлечения к ответственности по рассматриваемой статье. Кроме того, осложняет ситуацию латентность данного правонарушения, обусловленная использованием террористами достижений современных науки и техники. Н.Г. Канунникова в своей работе, посвященной актуальным проблемам административной ответственности за оказание финансовой поддержки терроризму, справедливо указывает на необходимость расширения санкции данной статьи за счет включения такого вида наказания, как приостановление деятельности организации, с чем трудно не согласиться,

но можно поспорить. Так, О.Д. Марков отмечает существование эффективных механизмов перекрытия каналов финансирования и прекращения деятельности юридических лиц Росфинмониторингом [9]. Однако предложение ввести административную ответственность физических лиц за оказание финансовой поддержки без осознания реальных мотивов преступников считаем нецелесообразным, т.к. в таком случае отсутствует их вина в содеянном [10].

Таким образом, центральная проблема, касающаяся данной нормы, заключается в отсутствии механизма привлечения по ней к ответственности. Обобщение данных финансовой разведки в рамках национальной оценки рисков финансирования терроризма и их расширение следует использовать для основных положений методики расследования и привлечения к ответственности за рассматриваемое правонарушение, которые будут включать криминалистическую характеристику административного правонарушения, а на основе данных положений – планирование административного расследования. Подобные меры благоприятно скажутся на эффективности действующего правового поля.

В целом, результаты анализа рассматриваемой темы наглядно продемонстрировали наметившиеся тенденции к поэтапному созданию адекватной организационно-правовой модели борьбы с финансированием терроризма в Российской Федерации, безусловно требующие дальнейшего исследования и совершенствования [11]. Подобные работы ведутся и позволят снизить уровень террористической активности в России в будущем [12].

Список литературы:

1. Будницкий О.В. Терроризм в Российской империи: краткий курс / Олег Будницкий. – Москва: Эксмо, 2021. - С. 127-128.
2. Демчук, Д. А. Особенность современного терроризма / Д. А. Демчук // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации

межнациональных и этноконфессиональных отношений : Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 21 октября 2021 года / Науч. редактор Н.А. Никиташина, отв. ред. В.Н. Козлова. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2021. – С. 43-48. – EDN HOTTFN.

3. Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. – изд. стереотип. – М.: КРАСАНД, 2021. – 464 с.

4. Буттаева, А. М. Характерные особенности экстремизма и терроризма на территории современной России / А. М. Буттаева, В. Г. Кругляков // Духовное наследие мусульманских богословов в контексте проблем XXI века : Материалы II Международной научно-образовательной конференции, Махачкала, 24–28 ноября 2020 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2021. – С. 80-87. – EDN WUAZFB.

5. Национальная оценка рисков финансирования терроризма 2017-2018 гг. – Публичный отчет // Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу / URL: <https://www.fedsfm.ru/fm/nor> (дата обращения: 26.11.2022).

6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42234/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 26.11.2022).

7. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS N 196) [рус., англ.] (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) (с изм. от 22.10.2015) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=31785#1NSrKOTSGiONq94j2> (дата обращения: 26.11.2022).

8. Бородин С.В. Концепция уголовно-правовой политики через призму системного подхода // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 53.

9. Марков О.Д. Административная ответственность за финансирование терроризма / О.Д. Марков // Наука и образование on-line / URL: <https://eescience.ru/item-work/2019-2283/> (дата обращения: 28.11.2022).

10. Канунникова, Н. Г. Актуальные проблемы административной ответственности за оказание финансовой поддержки терроризму / Н. Г. Канунникова // Научное обозрение : сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 июля 2021 года. – Пенза: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021. – С. 90-93. – EDN YOFPHY.

11. Мурадян С.В. Уголовно-правовое и административно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма // Мудрый юрист / URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/52535-ugolovno-pravovoe-administrativno-pravovoe-regulirovanie-borby-finansirovaniem> (дата обращения: 28.11.2022).

12. Юнусов, В. В. Эффективность привлечения к административной ответственности за оказание финансовой поддержки терроризму / В. В. Юнусов // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14. – № 4. – С. 137-140. – DOI 10.19073/2306-1340-2017-14-4-137-140. – EDN ZSSUIF.

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 340.114.5

Исаев Илья Денисович

Саратовская государственная юридическая академия

Институт прокуратуры

Россия, Саратов

ilya_73@outlook.com

Isaev Ilya

Saratov State Law Academy

Institute of Public Prosecutor's Office

Russia, Saratov

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРАВОСОЗНАНИЯ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация: статья посвящена актуальному вопросу деятельности органов прокуратуры – формированию профессионального правосознания прокурорских работников. Рассмотрены действующие нормативные правовые акты в сфере воспитательной работы органов прокуратуры, а также методы и формы ее осуществления. Предложены варианты по совершенствованию патриотического воспитания прокурорских работников, а также более эффективная модель его правового регулирования.

Ключевые слова: правоохранительные органы, прокуратура, воспитание, патриотизм, правосознание.

**FEATURES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL LEGAL
AWARENESS OF PROSECUTORS IN MODERN CONDITIONS**

Annotation: the article is devoted to the topical issue of the activities of the prosecutor's office – the formation of professional legal awareness of prosecutorial staff. The current regulatory legal acts in the field of educational work of the prosecutor's office, as well as methods and forms of its implementation are considered. The options for improving the patriotic education of prosecutors are proposed, as well as a more effective model of its legal regulation.

Key words: law enforcement agencies, prosecutor's office, education, patriotism, legal awareness.

Самым простым и распространенным определением правосознания является следующее: «Правосознание — это одна из форм общественного сознания, отражающая общественные отношения, которые регулируют или должны быть урегулированы нормами права, чье содержание и развитие обуславливается условиями существования общества» [1, с. 141].

В теории права не сложилось единого понимания правосознания прокурорских работников как самостоятельного подвида профессионального правосознания, что затрудняет выработку конкретных рекомендаций по совершенствованию механизма защиты прав человека.

В современных условиях возрастают требования, предъявляемые к уровню профессионального правосознания юристов, в том числе прокурорских работников, призванных обеспечивать соблюдение и защиту прав граждан. От уровня профессионального правосознания напрямую зависят нормотворческий и правоприменительный юридические процессы в российском государстве, что определяет его особую роль в юридической практике.

Кроме того, прокурорский работник обязан обладать высоким уровнем правовой активности. Опираясь на мнение Н.И. Матузова о правовой активности [2], определяем данное правовое явление как «позитивное правовое поведение в целях формирования единого правового пространства, укрепления законности и правопорядка». Только высокий уровень правосознания может

гарантировать правовую активность, так как грамотный работник будет осуществлять служебную деятельность добросовестно, ориентируя на это и коллег, и граждан, которые обращаются в прокуратуру (объясняя им законность или незаконность чьих-либо действий), и поднадзорные объекты (используя акты прокурорского реагирования как инструмент устранения нарушений и укрепления правопорядка).

Актуальность исследования подтверждает позиция Генеральной прокуратуры РФ о необходимости уделять повышенное внимание морально-патриотическому воспитанию прокурорских работников, которая выразилась в издании приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 г. № 510 «Об утверждении концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» [6] (далее – Концепция). В приказе описываются цели и задачи воспитательной деятельности, а также методы ее осуществления. Стоит подчеркнуть, что объектами государственно-патриотического воспитания, согласно п. 1.4 Концепции являются не только действующие прокурорские работники, но и студенты, обучающиеся по договорам о целевом обучении с органами прокуратуры Российской Федерации. Данная концепция опирается и на нововведенные в преамбулу Конституции Российской Федерации положения о почитании памяти предков, любви и уважения к Отечеству. Также можно заметить, что Генеральный прокурор России ориентирует на проведении мероприятий, связанных с увековечением памяти о Великой Отечественной войне. Особой целью указанных положений является формирование у работников прокуратуры мировоззрения на основе высокого уровня культуры и правосознания, нацеленного на противостояние деструктивным действиям, направленным на оскорбление патриотических чувств, попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения и забвения исторической правды и памяти, духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, норм морали, защиту от негативного информационно-

психологического воздействия. Данная Концепция в полной мере отвечает существующему запросу общества на консолидацию в защиту историко-культурных ценностей нашего государства. Кроме того, если прокурорский работник разделяет патриотические ценности, то совершение противоправных действий (дисциплинарных проступков, коррупционных преступлений), то есть деяний, противных воли государства, будет противоречить его же моральным принципам. Следовательно, делаем вывод об обоснованности существования Концепции и необходимости ее дальнейшего развития путем разнообразия методов патриотического воспитания, которые соотносятся с современными реалиями.

Прокуратура Российской Федерации – это правоохранительный орган государства, состоящий из высокопрофессиональных юристов. Так, согласно ч. 1 ст. 40.1 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5] (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»), прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам высшее юридическое образование, и обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности. Данное положение определяет основные требования к прокурорским работникам, необходимые для эффективной реализации функций прокуратуры и подчеркивает сам статус органов прокуратуры, так как зачастую, элемент самоопределения (в нашем случае соотношения себя с сообществом прокуроров) во многом отражается при формировании не только социальной культуры человека, но и правовой. Необходимость соблюдения высоких требований к себе как к участнику профессионального сообщества положительно влияет на воспитание должного правового поведения.

Среди форм правовоспитательного процесса, применяемых в системе органов прокуратуры, реализуются такие как: 1) правовая пропаганда; 2) правовое обучение; 3) организованная юридическая практика.

Обратим внимание, что к средствам правовой пропаганды прокурорских работников относят семинары, лекции, круглые столы по проблемным вопросам правоприменительной практики.

С целью повышения правовой культуры прокуроров существуют и письменные источники правовой информации: информационные письма, обзоры правоприменения, обзоры изменений федерального законодательства, обобщения работы прокуратур, печатные средства массовой информации, которые являются официальными источниками опубликования нормативных правовых актов – «Российская газета», «Парламентская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации», также и обзоры судебной практики – «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации». В прокуратуру каждого уровня направляются специализированные научные издания, учредителями которых выступает Генеральная прокуратура России: журналы «Законность», в котором в том числе публикуются все издаваемые приказы Генерального прокурора, «Прокурор», «Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации», «Следственная практика», «Криминалист», а также методические рекомендации по совершенствованию прокурорского надзора, разрабатываемые научными сотрудниками Университета прокуратуры Российской Федерации.

Прокуратурой Российской Федерации реализуются и средства правового самовоспитания своих работников. Особенной формой является выполнение индивидуальных заданий, которые направляются определенным работникам нижестоящих прокуратур. Как правило, это практические вопросы, но возможны и теоретические задачи. Далее выполненное задание отправляется в вышестоящую прокуратуру. На основе проверки заданий издается

информационное письмо с анализом допущенных ошибок при выполнении подобных заданий.

В качестве одной из форм правового воспитания в органах прокуратуры реализуется и правовое обучение. Заметим, что правовое обучение будущие прокурорские работники проходят, еще будучи студентами, так как получение юридического образования уже предполагает сформированный базовый уровень профессионального правосознания. Кроме того, в силу ч. 1 ст. 41 ФЗ «О прокуратуре РФ», проводится аттестация прокурорских работников для определения соответствия прокурорских работников занимаемой должности и в целях повышения квалификации, укрепления служебной дисциплины. Прокурорские работники регулярно проходят программы повышения квалификации со сдачей экзаменов. Данная деятельность определяется приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 22.12.2021 г. № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» [7], в котором Генеральный прокурор приказывает уделять особое внимание развитию у молодых специалистов навыков прокурорской деятельности, обеспечивать индивидуальное планирование профессиональной подготовки, совершенствовать институт наставничества.

Повышение квалификации является важным институтом правового воспитания, особенно в условиях информатизации общества, которая влияет на скорость реакции законодателя на изменяющиеся социальные процессы в обществе. Быстрота изменений законодательства проявляется в принятии новых нормативных правовых актов.

Предполагаем, что повышение квалификации, направленной на улучшение навыков работы со специализированными информационными системами при тренде цифровой трансформации органов прокуратуры, также косвенно влияет на повышение уровня правосознания прокурорского работника. Объясним тем, что в переходный период цифровой трансформации

работники должны заполнять отчетные данные, как на бумажном носителе, так и на цифровом. В связи с этим, если работник умеет грамотно работать с информационными системами, ему не нужно уделять значительную часть своего рабочего времени техническим аспектам работы, и он может больше времени уделять изучению действующего законодательства, правоприменительной практики, научных работ.

В целях улучшения профессиональных, деловых и личных качеств прокурорского работника приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 г. № 114 утверждены и введены в действие Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации [8], формами реализации которой являются семинары, лекции, доклады и их обсуждение, индивидуально-воспитательные беседы, наставничество, самообразование. Основным отличием концепции государственно-патриотического воспитания и концепции воспитательной работы в органах прокуратуры является то, что последняя направлена на формирование именно высоконравственного профессионального правосознания, первая же в основном декларирует воспитание долга и уважения к Отечеству. Кроме того, приказ Генерального прокурора РФ № 114 выделяет несколько направлений воспитательного процесса: 1) профессиональное (то есть непосредственно профессиональное правосознание); 2) историко-патриотическое; 3) психологическое (эмоциональный аспект правосознания занимает значительную роль в его развитии). Выделение именно данных направлений напрямую связано с особенностями прокурорской деятельности, которые проявляются в, во-первых, правоприменении, во-вторых, служении обществу и государству, в-третьих, интенсивной моральной нагрузке.

Однако, стоит заметить, что нормы Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации в некоторых случаях дублируют нормы приказа

Генерального прокурора РФ № 114, следовательно, считаем целесообразнее издание качественного правового акта в форме приказа Генерального прокурора Российской Федерации, который будет включать в себя и патриотические методы воспитания, и профессиональные (то есть содержащие положения о способах повышения профессионального правосознания), чтобы избежать возникшего дублирования.

Кодекс этики прокурорского работника содержит достаточное количество норм, направленных на формирование положительных психологических компонентов профессионального правосознания, так как обязывает прокурора бороться с любыми нарушениями закона, принимать эффективные меры к защите прав и свобод человека и гражданина. Также Кодекс запрещает вмешиваться в деятельность других государственных органов, используя свое служебное положение. Подобные аспекты предполагают развитие благоприятной эмоциональной стороны правосознания, так как воспитывают чувство справедливости и веры в закон. Между тем, эмоциональная сторона правосознания очень важна, так как в случае ее слабости, правоприменитель склоняется к противоправным действиям и ошибочным решениям. Если у прокурорского работника имеется низкий уровень нравственно этических качеств, происходят грубые нарушения — к примеру, прокурорские работники допускают выборочность при соблюдении российского законодательства, а также имеют пренебрежительность по отношению к выполнению процессуальных предписаний [3]. Все это приводит к тому, что прокуратура пренебрегает своей основной функцией — надзором за исполнением законов.

С.О. Курбатов отмечает, что «субъекты права, обладающие низкой правовой культурой либо характеризующиеся ее отсутствием, нередко стремятся к получению и овладению знанием права, но не в целях правового самовоспитания, а в целях возможности оправдания нарушения прав посредством использования пробелов в законе» [4, с. 21]. Данное высказывание

в полной мере отражает значимость высокого уровня правосознания прокуроров.

Для выявления качества служебных и моральных критериев, а также возможности развития профессионализма необходимо изучение социальной природы правосознания прокурорских работников.

В заключение, отметим, что прокурорская деятельность предполагает активную творческую роль правосознания субъекта. В широком смысле творческий аспект проявляется в изучении и применении нужных правовых норм, а в узком смысле в подготовке актов прокурорского реагирования, которые не имеют установленного образца. Ежедневно прокурорские работники усваивают новые знания в юридической практике. В органах прокуратуры уделяется значительное внимание повышению правосознания своих работников, что подтверждается наличием приказов Генерального прокурора, а также разработанными в них методами и формами развития навыков прокурорской деятельности. Прокурорские работники, безусловно, обладают всеми необходимыми знаниями, которые отвечают современным требованиям правовой науки.

Список литературы:

1. Ильин, И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы, – М.: Русская книга. – 1994. – 624 с.
2. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности "Юриспруденция" / Н. И. Матузов, А. В. Малько ; Саратовский филиал ин-та государства и права Российской акад. наук. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Юристь, 2007. – 540 с.
3. Дружина, О. С. Нравственно-этические аспекты поддержания государственного обвинения / О. С. Дружина. – Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы XV Междунар. науч. конф. (г.

Казань, декабрь 2020 г.). – Казань : Молодой ученый, 2020. – С. 59–62. – URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/384/16176/> (дата обращения: 06.12.2022).

4. Курбатов, С. О. Прокуратура России как субъект правовоспитательного процесса // Вестник Пермского университета. – Юридические науки. – 2014. – №2 (24). – С. 18–26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokuratura-rossii-kak-subekt-pravovospitatelnogo-protssessa> (дата обращения: 06.12.2022).

5. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 20.10.2022) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.12.2022).

6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 г. № 510 «Об утверждении концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.12.2022).

7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 22.12.2021 г. № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.12.2022).

8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.12.2022).

УДК 343.823

Парнякова Светлана Алексеевна
Раевская Анастасия Евгеньевна
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург
svetlana.parnyakova@gmail.com
nasty.raevskaya.2000@mail.ru
Parnyakova Svetlana
Raevskaya Anastasia
St. Petersburg Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Russia, Saint-Petersburg

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ТРУД ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация: администрации исправительных учреждений должны создавать все необходимые условия для эффективного привлечения заключённых к труду путем создания рабочих мест и соблюдения трудовых прав осужденных. На данный момент из-за неудовлетворительного материально-технического обеспечения, отсутствия должного внимания со стороны администрации и нежелания осуждённых трудиться и получать низкую заработную плату, организация труда в местах лишения свободы оставляет желать лучшего. Именно поэтому прокурорский надзор за соблюдением законодательства, регулирующего труд осужденных, приобретает особое значение на сегодняшний день.

Ключевые слова: прокурорский надзор, труд осуждённых, трудоспособные осуждённые, исправительные учреждения, нарушение трудовых прав.

CURRENT PROBLEMS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE OBSERVANCE OF THE LAWS REGULATING WORK OF CONVICTS

Annotation: correctional facility administrations should create all the necessary conditions for the effective involvement of prisoners in work by creating jobs and observing their labor rights. At the moment, due to unsatisfactory logistical support, lack of proper attention from the administration and the unwillingness of convicts to work and receive low wages, the organization of work in places of deprivation of liberty leaves much to be desired. That is why the prosecutor's supervision of compliance with the legislation regulating the work of convicts is very important today.

Key words: prosecutor's supervision, work of convicts, able-bodied convicts, correctional facilities, violation of labor rights.

Отбывая наказание в местах лишения свободы, осужденный сохраняет за собой право на защиту прав и интересов, охраняемых законом, однако большинство прав люди, оказавшиеся изолированными от общества, могут реализовывать исключительно через администрацию того учреждения, в котором они находятся. В свою очередь на администрацию учреждения возлагается обязанность по соблюдению прав содержащихся в нем лиц, которая зачастую не выполняется.

По статистическим данным на 1 января 2022 г. количество лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, составило 439453, что на 26443 человек меньше по сравнению с 2021 годом [1]. Несмотря на сокращение количества лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, их число остается значительным, что свидетельствует о необходимости особенно трепетного отношения к защите прав и свобод данной категории лиц.

Для того чтобы уделить должное внимание прокурорскому надзору за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих

наказание, его регулированию посвящена отдельная глава Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Все осужденные делятся на две категории: первые являются трудоустроенными в исправительном учреждении, вторые по каким-либо причинам таковыми не являются. В 2021 году прослеживается тенденция, по которой численность осужденных к лишению свободы, привлеченных к труду, увеличилась и составила 63,4% [2]. Высокого уровня достиг и показатель трудоспособных осужденных, имеющих материальные обязательства по приговору суда – 85,8%. Всего привлечению к труду подлежало 128 тыс. человек [4], что подчеркивает актуальность надзора прокурора за исполнением законодательства, регламентирующего труд осужденных к лишению свободы.

Таким образом, лица, подвергнутые наказанию в виде лишения свободы, должны быть привлечены к труду, который определяется администрацией исправительного учреждения. Считается, что, будучи привлеченным к труду, осужденный сможет прийти к достижению целей наказания. На международно-правовом уровне труд относится к положительному элементу содержания заключенных [5]. Необходимо отметить, что в данном случае отсутствуют противоречия положению Конституции РФ, которое не допускает принудительный труд [6].

Прокурор при осуществлении пенитенциарного надзора должен проверять надлежащее исполнение обязанности, возложенной на администрации исправительных учреждений, по привлечению осужденных к труду, поскольку она находится в прямой взаимосвязи с обязанностью осужденных трудиться. При этом неукоснительному соблюдению подлежат нормы трудового и уголовно-исполнительного права.

Первое нарушение, которое зачастую оказывается в материалах проверки у прокурора, – это невыполнение администрацией исправительного учреждения обязанности по привлечению трудоспособных лиц к подлежащему оплате труду. Причиной тому становится нежелание администрации предпринимать

какие-либо действия по созданию рабочих мест, которое к тому же сопровождается плохим материально-техническим состоянием пенитенциарного учреждения. Значительное количество мест лишения свободы создано из когда-то существовавших воинских частей, в связи с чем производство организовывается в учреждении на ограниченной территории. Следовательно, и привлеченными к оплачиваемому труду оказывается незначительное число заключенных. К сожалению, только эта небольшая часть способна самостоятельно обеспечивать себя продуктами питания и предметами первой необходимости, остальных же, не имеющих собственного заработка осужденных вынуждено содержать государство. Кроме того, они не в состоянии возместить иски потерпевших от преступлений, что делает принцип неотвратимости наказания нерабочим.

Еще одну проблему непривлечения осужденных к лишению свободы затрагивает в своих работах М. С. Нурбаев. Заключенный не имеет возможности сохранить свою квалификацию, что рассматривается как «дополнительное» наказание, поскольку в будущем лицо может быть лишено работы, что, с большой вероятностью, станет причиной девиантного поведения [7]. Данный факт, по мнению авторов, свидетельствует о невыполнении такой задачи уголовно-исполнительного права, указанной в ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, как оказание помощи осужденным в социальной адаптации.

При проведении проверки прокурорам следует обращать внимание на соблюдение администрацией учреждения правил охраны труда, техники безопасности, санитарии и продолжительности рабочего времени. Зачастую администрации исправительных учреждений забывают о необходимости регулярного обучения осужденных и проверки их знаний в профессиональной сфере. Несомненно, этому способствует еще и тот факт, что осужденных на непродолжительные сроки просто не успевают должным образом обучить определенной профессии. Вместе с тем, в силу ненадлежащего материально-

технического обеспечения исправительных учреждений администрация не может предоставить осужденному безопасные условия труда, которые полностью бы отвечали требованиям законодательства. Такие нарушения становятся причиной травматизма осужденных, привлеченных к труду, в том числе с летальным исходом. Так, из-за несоблюдения администрацией исправительной колонии-поселения №40 в Иркутской области требований охраны труда в процессе трудовой деятельности погибли двое осужденных, которые отравились парами токсичных газов при спуске в колодец. По данному факту было возбуждено уголовное дело [8].

Более того, как показывает прокурорская практика, нередки случаи нарушения режима труда и отдыха осужденных: их рабочая неделя составляет более 40 часов, что не соответствует положениям ст. 91 Трудового кодекса РФ. Следствием этого является переутомление работника, что может привести к несчастному случаю на производстве, и его профессиональное выгорание.

Нельзя не отметить, что в случае, когда осужденные осознают возможность возникновения угрозы их жизни и здоровью в процессе осуществления труда из-за нарушения администрацией требований техники безопасности и охраны труда, им недоступен такой механизм защиты трудовых прав, как прекращение работы, поскольку это является злостным нарушением режима в соответствии с ч. 6 ст. 103 УИК РФ. Осужденные не имеют права таким образом оказывать влияние на работодателя, что, с нашей точки зрения, является несправедливым и требует внесения изменений в ст. 103 УИК РФ. Однако невозможно не брать во внимание характер деятельности всех исправительных учреждений, поэтому согласимся с мнением М.Н. Кустова о том, что «запрет организовывать и проводить забастовки должен быть сохранен» [9, с. 660].

Еще одним пунктом, требующим проверки, является оплата труда осужденных. Анализ результатов прокурорских проверок свидетельствует о большом количестве нарушений в данной сфере. В основном они связаны с

несвоевременной (реже, чем каждые полмесяца) и неполной выплатой заработной платы, а также игнорированием администрациями исправительных учреждений обязанности дополнительно оплачивать труд осужденных в ночное время, выходные и праздничные дни, сверхурочные работы. Данным фактам прокурорам, с нашей точки зрения, необходимо уделять особое внимание, так как из-за подобных нарушений со стороны работодателя осужденный лишается возможности исполнить свои материальные обязательства, наложенные на него приговором суда, в полном объеме и в скором времени. Вместе с тем, такие незаконные действия работодателя способны вызвать волну недовольств среди осужденных, что может привести к погромам и бунтам.

При осуществлении надзора за исполнением законов, регулирующих труд осужденных к лишению свободы, необходимо проводить системные прокурорские проверки и применять следующие меры реагирования: представление, протест, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, а также постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. В случае незаконного применения к осужденному дисциплинарного взыскания прокурор вправе его отменить постановлением.

Меры могут быть приняты не только по отношению к администрации пенитенциарного учреждения, но и непосредственно к осужденным. Так, в отношении лиц, имеющих исполнительные листы и наотрез отказавшихся трудиться, несмотря на примененные администрацией исправительного учреждения меры дисциплинарного взыскания (например, выдворение в ШИЗО), прокурорами направляются иски о возмещении затрат на содержание заключенных [10, с. 84].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что надзор за соблюдением прав привлеченных к труду осужденных к лишению

свободы имеет особую актуальность на сегодняшний день. Он способствует защите конституционных прав и законных интересов граждан, находящихся в местах лишения свободы.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, № 20, ст. 3397, май 2021.

2. Fsin.gov.ru [Электронный ресурс] // URL : <https://fsin.gov.ru/>.

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, № 20, ст. 3397, май 2021.

4. Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам № Rec (2006) 2-REV «Европейские пенитенциарные правила» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание, № 8 (218), 2020.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 22 янв. 2014 г. № 111-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ресина Андрея Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьей 157 Трудового кодекса Российской Федерации».

6. Нурбаев М. С. Организационно-правовые основы привлечения к труду осужденных в местах лишения свободы Федеральной службы исполнения наказаний России : монография. М., 2015.

7. В колонии погибли двое заключенных [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5435152>.

8. Кустов М.Н. Актуальные проблемы нарушения требований законов, регулирующих труд осужденных / М.Н. Кустов // Человек: преступление и наказание. 2017. №4. С. 657-661. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-narusheniya-trebovaniy-zakonov-reguliruyuschih-trud-osuzhdennyh>.

9. Кустов М. Н. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при привлечении к труду осужденных в пенитенциарных учреждениях / М. Н. Кустов // Криминалист. 2016. N 2 (19). С. 81-85. URL : <https://www.procuror.spb.ru/k1919.html>.

УДК 347.963

Смирнова Светлана Александровна
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург
svet_smir@rambler.ru
Smirnova Svetlana
Saint-Petersburg law institute (branch) of
«University of the Office of the Prosecutor
of the Russian Federation»
Russia, Saint-Petersburg

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ

ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ТРУД ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация: В статье анализируются особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о труде осужденных администрациями исправительных учреждений. Рассматриваются положения норм права, мнения ученых и материалы правоприменительной практики. Автор приходит к выводу, что прокурорский надзор в сфере соблюдения трудовых прав осужденных является результативным механизмом защиты законных интересов данной категории лиц. Тем не менее, в анализируемой сфере имеются определенные трудности. На основании изучения указанных источников сделаны соответствующие выводы и приведены возможные пути разрешения выявленных проблем.

Ключевые слова: прокурорский надзор, защита трудовых прав граждан, пенитенциарный надзор, труд осужденных, привлечение осужденных к труду, уголовно-исполнительное право.

FEATURES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE FIELD OF ENFORCEMENT OF LAWS REGULATING THE WORK OF CONVICTS

Annotation: The article analyzes the features of prosecutorial supervision over the implementation of labor legislation of those convicted by the administrations of correctional institutions. The provisions of the law, the opinions of scientists and materials of law enforcement practice are considered. The author comes to the conclusion that prosecutorial supervision in the field of observance of the labor rights of convicts is an effective mechanism for protecting the legitimate interests of this category of persons. However, there are certain difficulties in the analyzed area. Based on the study of these sources, the relevant conclusions are drawn and possible ways of solving these problems are given.

Key words: prosecutor's supervision, protection of citizens' labor rights, penitentiary supervision, convicts' labor, involvement of convicts in labor, penal enforcement law.

В силу п. 1.3 Приказа Генерального прокурора от 16.01.2014 №6, прокурорам необходимо исходить из того, что предусмотренная Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации обязанность осужденных трудиться неразрывно связана с обязанностью администрации исправительных учреждений привлекать осужденных к общественно полезному труду в соответствии с нормами уголовно-исполнительного и трудового законодательства [3].

Прокуроры в рамках надзорной деятельности взаимодействуют с разнообразными сферами общественных отношений. С целью соблюдения прав осужденных, законного и справедливого исполнения наказания, надзор за деятельностью администраций учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры. Деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере носит комплексный характер, так как прокурорам необходимо руководствоваться нормами двух отраслей права: уголовно исполнительного и трудового

законодательства, а также при проведении проверок применять требования федерального законодательства о прокурорском надзоре.

В соответствии со ст. 32 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» Предметом надзора являются законность нахождения лиц в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исправительно-трудовых и иных органах и учреждениях, исполняющих наказание и меры принудительного характера, назначаемые судом; соблюдение установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, порядка и условий их содержания; законность исполнения наказания, не связанного с лишением свободы [2].

Проведение исследования в сфере соблюдения законов администрациями учреждений, исполняющих наказание, нуждается в анализе теоретических источников. Так, вопросам прокурорского надзора за исполнением законов, регулирующих труд осужденных, посвящено множество научных исследований.

Вместе с тем, как полагает М.Н. Кустов, осуществляя пенитенциарный надзор, прокурорам необходимо исходить из того, что предусмотренная Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, обязанность осужденных трудиться неразрывно связана с обязанностью администрации исправительных учреждений привлекать осужденных к общественно полезному труду в соответствии с нормами уголовно-исполнительного и трудового законодательства. Однако, как показывают проверки, проведенные специализированными прокуратурами, осуществляющими надзор за деятельностью исправительных учреждений, указанные обязанности как самими осужденными, так и администрациями исправительных учреждений исполняются ненадлежащим образом. Большое количество нарушений, выражающихся в несоблюдении продолжительности рабочего времени

осужденных к лишению свободы, правил охраны и оплаты труда, техники безопасности и производственной санитарии, выявляются прокурорами при проверке производств, действующих на территории исправительных учреждений [7, с. 82].

Особого внимания прокуроров в ходе проверки заслуживает обоснованность производимых удержаний из заработной платы, так как осужденные к лишению свободы, получающие заработную плату (пенсии и иные доходы), возмещают потраченные на них государством средства, связанные с питанием, предоставлением одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены. Прокурорам также не следует оставлять без внимания тот факт, что учреждение, в котором лицо отбывает уголовное наказание вправе удерживать из его заработной платы иные суммы на основании исполнительных листов, в том числе связанные с возмещением ущерба, причиненного преступлением, выплатой алиментов и др. [8, с. 196].

Полагаем необходимым выделить потенциальные, закономерные и наиболее типичные нарушения в анализируемой сфере. Без сомнения, к ним отнесем: нарушения обязанности по трудоустройству, невыплата заработной платы, продолжительность рабочего дня сверх установленных пределов, нарушение права на отдых. Кроме того, администрациями исправительных учреждений зачастую не учитываются особенности труда лиц отдельных категорий осужденных.

Для формирования обоснованных выводов следует обратить внимание на правоприменение норм в исследуемой сфере. Так, материалы правоприменительной практики показывают острую неэффективность ряда норм уголовно-исполнительного законодательства России.

К примеру, в сентябре 2020 года Красноярской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проведена проверка соблюдения закона при привлечении осужденных к труду администрацией колонии поселения. В ходе проверки работниками прокуратуры осуществлен

выезд в колонию, проведен обход рабочих объектов, на которых привлечены к труду осужденные, изучена соответствующая документация учреждения. По результатам проведенной проверки в деятельности администрации выявлен ряд нарушений уголовно-исполнительного и трудового законодательства, в том числе нарушения установленного порядка привлечения осужденных к труду на работы, определяемые администрацией исправительного учреждения, несоблюдение правил охраны труда и техники безопасности. В целях устранения выявленных нарушений закона специализированной прокуратурой принят комплекс мер прокурорского реагирования - начальнику исправительного учреждения принесены 2 протеста на правовые акты о привлечении осужденных к труду; начальнику пенитенциарного учреждения внесено представление об устранении нарушений законов. В отношении виновного должностного лица исправительного учреждения возбуждено дело об административном правонарушении по части 1 статьи 5.27.1 КоАП РФ [6].

В сентябре 2018 года Хабаровской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проведена проверка соблюдения должностными лицами исправительной колонии действующего уголовно-исполнительного и трудового законодательства РФ. Работниками специализированной прокуратуры установлено, что в производственной зоне в выходные дни более 70 осужденных осуществляли трудовую деятельность, однако, согласно табелям учета рабочего времени, сведения о явке осужденных, привлеченных к труду, на работу в выходные дни отсутствуют, то есть рабочее время осужденных учитывалось не в полной мере. 28.09.2018 органами прокуратуры возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ. Государственной инспекцией труда в Хабаровском крае по результатам рассмотрения постановления прокурора исправительное учреждение признано виновным в совершении данного административного правонарушения, назначено наказание в виде предупреждения. Кроме того, прокурором внесено представление начальнику исправительного учреждения

об устранении нарушений закона, по результатам рассмотрения которого приняты меры, направленные на устранение выявленных нарушений [4].

Учитывая специфику надзора, следует акцентировать внимание на недостатках уголовно-исполнительного законодательства в сфере регулирования труда осужденных.

В части распорядка дня, приведем ч. 1 ст. 103 УИК РФ, которая гласит, что время начала и окончания работы (смены) определяется графиками сменности, устанавливаемыми администрацией исправительного учреждения по согласованию с администрацией предприятия, на котором работают осужденные [1].

Полагаем необходимым зафиксировать в данном абзаце норму следующего содержания: «Соответствующий график сменности должен учитывать требования трудового законодательства в части максимальной продолжительности рабочего дня, а также выходных и нерабочих праздничных дней. Администрации органов, исполняющих наказание, обязаны направлять проекты графика начала и окончания работ в органы прокуратуры с целью проверки их на соответствие требованиям трудового законодательства».

Учитывая, актуальность проблемы охраны труда и профилактики производственного травматизма в соответствующих учреждениях, исполняющих наказание, следует закрепить обязанность администрации исправительного учреждения уведомлять органы прокуратуры о любом несчастном случае на производстве, произошедшем с осужденными, вне зависимости от наступивших последствий. Регламентация соответствующей обязанности будет способствовать повышению эффективности надзорных мероприятий в рассматриваемой сфере.

В частности, прокурорам при проверке соблюдения законодательства о труде необходимо наладить диалог с самими осужденными. Предполагается, что именно в ходе личной беседы могут быть выявлены истинные проблемы осуществления трудовой функции данных категорий лиц.

Значимым направлением является осуществление прокурорского надзора в сфере охраны труда отдельных слаботзащищенных категорий лиц, которыми следует отнести женщин и несовершеннолетних. Если в части регулирования труда несовершеннолетних регламентация соответствующих ограничений на применение их труда нашла отражение в уголовно-исполнительном законодательстве, то в части труда осужденных женщин имеются пробелы.

Сложно не согласиться с мнением преподавателя Самарского института ФСИН А.Г. Кашибадзе, изучающего в своем исследовании вопросы правового регулирования трудовой деятельности женщин в колониях поселения. Так, исследователь полагает, что основной вопрос применения законодательства в сфере труда осужденных женщин - соотношение уголовно-исполнительного и трудового законодательства. Сегодня трудовое законодательство применяется субсидиарно, и это вызывает немало споров, поскольку УИК РФ регулирует данный правовой институт поверхностно, но и трудовое законодательство также пробельно [5].

Полагаем, что права и гарантии осужденных женщин в сфере труда следует максимально адаптировать к требованиям трудового законодательства. Для этой цели надлежит внести изменения в уголовно-исполнительное законодательство.

Важно отметить, что в силу ч. 4 ст. 103 УИК РФ, перечень работ, на которых запрещается использование труда осужденных, устанавливается Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений [1].

Как представляется, данная норма может существовать только в условиях соответствующей оговорки, защищающей труд женщин. На сегодняшний день в ст. 103 УИК РФ соответствующие ограничения установлены исключительно для несовершеннолетних. В связи с этим, разумно ч. 4 ст. 103 УИК РФ дополнить нормой в следующей редакции: «Следует учитывать ограничения, предусмотренные при применении труда женщин. Так, администрациям исправительных учреждений необходимо руководствоваться требованиями в

части ограничения труда женщин в определенных сферах деятельности, предусмотренного федеральным органом государственной власти. Ограничивается применение труда осужденных женщин на работах, связанных с подъемом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы».

Объективные критерии говорят о допустимости внесения изменений в ст. 103 УИК РФ, которые, безусловно, будут способствовать повышению эффективности прокурорского надзора в сфере защиты трудовых прав осужденных женщин. Данная норма может быть признана правовым основанием применения средств прокурорского реагирования.

С целью успешного осуществления прокурорского надзора в сфере труда осужденных женщин уместно внести изменения в Федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Так, в ст. 32 указанного нормативного правового акта следует добавить абзац в следующей редакции: «При осуществлении надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, необходимо проверять соблюдение прав и обязанностей в сфере труда осужденных. Особое внимание следует уделять реализации законодательства в сфере труда осужденных женщин и несовершеннолетних».

Как следствие, отметим, что прокурорский надзор в сфере соблюдения трудовых прав осужденных необходимо признать результативным механизмом защиты законных интересов данной категории лиц. С целью разрешения проблемных вопросов допустимо внести изменения в ряд действующих правовых норм, которые неминуемо окажут позитивное воздействие на осуществление деятельности органов прокуратуры по надзору за трудовыми правами указанных поднадзорных субъектов. Прокурору, при проведении проверок за соблюдением трудовых прав осужденных, следует уделять особое внимание такому способу получения необходимой информации как личные беседы с представителями указанной категории работников. Учитывая

актуальность проблемы охраны труда и профилактики производственного травматизма в соответствующих учреждениях допустимо закрепить обязанность администрации исправительного учреждения уведомлять органы прокуратуры о любом несчастном случае на производстве, произошедшем с осужденными, вне зависимости от наступивших последствий. Впрочем, находясь на стыке двух отраслей права, уголовно-исполнительного и трудового, прокурорский надзор в данной сфере является приоритетным направлением деятельности прокуратуры.

Список литературы:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 30 апр. 2021 г. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1. текст с изм. и доп. на 30 апр. 2021 г. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2014 №6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Единый портал прокуратуры РФ URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act> (дата обращения: 16.06.2022).
4. В ходе прокурорской проверки выявлен факт ненадлежащего ведения учета рабочего времени осужденных // Новости прокуратуры РФ URL: <https://procrf.ru/news/683257-v-hode-prokurorskoj-proverki.html?> (дата обращения: 02.05.2022).

5. Кашибадзе А.Г. Труд осужденных женщин в колонии-поселения // Вестник науки. 2019. №5 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-osuzhdennyh-zhenschin-v-kolonii-poseleniya> (дата обращения: 17.06.2022).

6. Красноярской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в ИУ приняты меры по устранению нарушений закона при привлечении к труду осужденных в ФКУ КП-19 ГУФСИН России по Красноярскому краю // Единый портал прокуратуры РФ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/mass-media/news?item=54247992 (дата обращения: 02.05.2022).

7. Кустов, М. Н. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при привлечении к труду осужденных в пенитенциарных учреждениях / М. Н. Кустов // Криминалисть. – 2016. – № 2(19). – С. 81-85.

8. Кустов, М. Н. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением законов, регулирующих труд осужденных / М. Н. Кустов // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Рязань, 18–19 ноября 2020 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 195-198.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.146

Балмашнов Егор Александрович

Питиримова Анна Олеговна

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

egor020601@mail.ru

a.o.pitirimova@mail.ru

Balmashnov Egor

Pitirimova Anna

Ural State Law University, named after V. F. Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ КРИПТОВАЛЮТЫ, ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается проблема обращения взыскания на криптовалюту. Авторы анализируют криптовалюту как объект гражданских прав, нормативные правовые акты в исследуемой области законодательства, судебную практику. Делается вывод о недостаточности правового регулирования, неурегулированности порядка обращения взыскания на такой специфический объект гражданских прав. В качестве примера приводится опыт Республики Беларусь, заурегулировавшей такой порядок. Делается вывод о необходимости дополнения Федерального закона “Об исполнительном производстве” соответствующими нормами.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, криптовалюта, цифровые отношения, обращение взыскания, цифровые права.

PROBLEMS OF PERFORMING EXECUTIVE ACTIONS IN RELATION TO CRYPTOCURRENCIES, DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Annotation: this article discusses the problem of foreclosure on cryptocurrency. The authors analyze cryptocurrency as an object of civil rights, regulatory legal acts in the studied area of legislation and judicial practice. The conclusion is made about the insufficiency of legal regulation, the unsettled order of foreclosure on such a specific object of civil rights. As an example, the experience of the Republic of Belarus, which regulated such an order, is given. It is concluded that it is necessary to supplement the Federal Law “On Enforcement Proceedings” with relevant norms.

Key words: digital financial assets, cryptocurrency, digital relations, foreclosure, digital rights.

В современном обществе процесс цифровизации охватывает все возникающие отношения. Одним из главных направлений является развитие цифровой экономики. Цифровые активы все больше укореняются во всех сферах общественной жизни, так как на фоне общей тенденции перехода к цифровому образу жизни все чаще люди предпочитают пользоваться онлайн банковскими счетами и оплачивать покупки с помощью цифровых валют и иных новых финансовых инструментов, включая криптовалюту. Данный процесс вызывает необходимость правового регулирования.

В течение трех последних лет были предприняты попытки урегулирования цифровых отношений.

Статья 128 ГК РФ закрепляет систему объектов гражданских прав. Среди таковых ГК выделяет вещи и иное имущество. К последнему относится, среди прочего, имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). В частности, в 2019 году в

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ) была введена ст. 141.1, которая закрепила определение “цифровых прав”, а также были внесены изменения в ст. 129 ГК РФ, которая закрепила цифровые права как объекты гражданских прав. Согласно изменениям, цифровые права относятся к имущественным правам. В свою очередь, цифровые права законодатель определяет, как обязательственные или иные права. При этом они должны обладать двумя характерными признаками, во-первых, такие права должны быть указаны в законе, во-вторых, содержание и условия осуществления в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Такой подход законодателя к легальному определению говорит о том, что в последующем будут приняты законы, конкретизирующие норму [2]. Так, 1 января 2021 вступил в силу закон Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 № 259-ФЗ. В нём прописаны правила выпуска цифровых активов и передачи прав на них — в частности, говорится о криптовалюте, или, как она названа в тексте, «цифровой валюте». Кроме того, для целей Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" цифровая валюта была признана имуществом.

Наша судебная практика, длительное время отрицавшая криптовалюту, впервые признала эту последнюю имуществом (что характерно) в деле о банкротстве [4]. Так, в мае 2018 г. Девятый арбитражный апелляционный суд обязал должника предоставить доступ к крипто кошельку финансовому управляющему. В судебном постановлении указано, что любое имущество (!) должника, которое имеет экономическую ценность для кредиторов, не может произвольно исключаться из конкурсной массы. Такой подход судов вполне укладывается в рамки традиционного понимания объектов гражданских прав

(правоотношений) как благ, т.е. предметов и явлений, способных удовлетворять потребности субъектов [5].

Порядок обращения взыскания на имущество должника подробно урегулирован гл. 8 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Наиболее общие правила закреплены в ст. 69, далее законодатель закрепил нормы, регламентирующие либо отдельные исполнительные действия, связанные с обращением взыскания (оценка имущества, передача под охрану, реализация, зачет встречных однородных требований), либо особенности порядка обращения взыскания на отдельные категории имущества (денежных средств, имущественных прав, дебиторской задолженности).

Между тем, обращение взыскания на криптовалюту не регулируется законом. Хотя требование исполнимости судебных актов предполагает возможность принудительного осуществления судебных решений в отношении криптовалюты, которые, как уже было указано, все-таки время от времени принимаются нашими судами. До настоящего времени в российское законодательство не внесены нормы, регулирующие осуществление принудительного взыскания на криптовалюту. Например, сложной представляется процедура обнаружения данного имущества судебными приставами-исполнителями. В соответствии с положениями Федерального закона № 259-ФЗ устанавливается обязанность лица по декларированию данных о владении криптовалютой, однако даже при наличии таких сведений о ее наличии у должника механизм фактического обнаружения и изъятия данного имущества не урегулирован законодателем. Помимо этого, не определен порядок ареста, оценки и реализации такого имущества. Очевидным представляется и то, что для осуществления принудительного взыскания на криптовалюту необходимо не только специальное техническое оснащение, программное обеспечение, но также и определенный уровень специальной технической подготовки самих судебных приставов-исполнителей. Несмотря на

формирование неоднозначной судебной практики, в которой судами криптовалюта также признается в качестве имущества должника, на которое возможно обращение взыскания, в современном российском исполнительном праве отсутствуют механизмы приведения таких актов в исполнение. Взыскателям остается лишь надеется на добровольное исполнение должниками своих обязательств, в противном случае права взыскателей остаются незащищенными, что препятствует реализации их конституционного права на судебную защиту, отрицательно влияет на исполнимость судебных актов[1].

В тоже время Республика Беларусь взяла курс на создание правового регулирования порядка обращения взыскания на криптовалюту.

Во исполнение Указа Президента от 14.02.2022 № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» Минюст Республики Беларусь принял постановление от 14.04.2022 № 67, которым были внесены изменения в Инструкцию по исполнительному производству [3]. Оба документа вступают в силу одновременно — 17 мая 2022 года.

Новый порядок предусматривает особенности ареста, оценки и реализации криптовалюты, принадлежащей должнику (абз. 3 п. 1 постановления № 67). Для обращения взыскания судебный пристав-исполнитель выносит постановление о наложении ареста на криптовалюту и при необходимости переводит ее на виртуальный кошелек ОПИ или субъекта торговли, специализированной организации, о чем выносит постановление о переводе криптовалюты.

Криптовалюта передается на реализацию без оценки ее стоимости. Реализацией на договорной основе занимается субъект торговли или специализированная организация. Реализация осуществляется через оператора криптоплатформы и (или) оператора обмена криптовалют с их согласия. Стоимость реализованной криптовалюты составляет фактическую сумму денежных средств, зачисленных на счет ОПИ после реализации.

В случае отказа оператора криптоплатформы и (или) оператора обмена криптовалют реализовать арестованную криптовалюту арест снимается, иные ограничения (обременения) отменяются на основании постановления судебного пристава-исполнителя и криптовалюта возвращается должнику.

Нереализованная по исполнительному документу о конфискации имущества должника, об обращении имущества должника в доход государства иным способом криптовалюта должнику не возвращается.

Такие усиленные меры принимаются в отношении должников, уклоняющихся от уплаты штрафа, назначенного по приговору суда (абз. 8 п. 1 постановления № 67). В случае неуплаты штрафа в установленный срок без уважительной причины и уклонения от уплаты штрафа при наличии реальной возможности его уплатить судебный пристав-исполнитель будет официально предупреждать должника о замене штрафа более строгим наказанием. В настоящее время при таких же условиях должник предупреждается только о недопустимости противоправного поведения.

Если после вынесения официального предупреждения должник продолжит злостно уклоняться от уплаты штрафа, судебный исполнитель направляет в суд представление для решения вопроса о его замене арестом или ограничением свободы в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 50 УК.

Представляется, что рассмотренные вопросы надлежит урегулировать и отечественному законодателю. Однако сделать это следует не подзаконным нормативным актом, как это сделано в Республике Беларусь, а законом (точнее – посредством внесения изменений в Закон об исполнительном производстве), поскольку принудительное исполнение – сфера, связанная с существенным ограничением конституционных прав граждан (прежде всего, права собственности). Регулирование ее должно осуществляться в насколько это возможно более демократической и гласной процедуре. Законотворческий процесс в представительных органах государственной власти в этом смысле представляется наиболее подходящим.

Список литературы:

1. Лошкарев А. В., Кузьмичева Ю. В. К вопросу об обращении взыскания на криптовалюту и электронные денежные средства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №10-3 С. 133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obraschenii-vzyskaniya-na-kriptovalyutu-i-elektronnye-denezhnye-sredstva> (дата обращения: 01.11.2022).
2. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы Российского права. 2020, Т. 15, № 6.
3. Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 14.04.2022 г. № 67. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 21.04.2022, 8/37905 // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22237905&p1=1&p5=0>.
4. От признания до отрицания: как суды решают дела с криптовалютой // URL: <https://pravo.ru/story/239374/>.
5. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021.

УДК 347.9

Глухова Ксения Дмитриевна
Корогод Анастасия Викторовна
Санкт-Петербургский Юридический Институт (филиал) Университета
Прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург
ms.gluhova2001@mail.ru
Anastasia.korogod@mail.ru

Gluhova Kseniya
Korogod Anastasia
St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation
Russia, St.Petersburg

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ДОСУДЕБНОГО ПОРЯДКА ДЛЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается досудебный порядок в арбитражном процессе с точки зрения урегулирования споров в арбитражном процессе с точки зрения положительных и отрицательных характеристик существующего правового регулирования, авторы также рассматривают проблему целесообразности распространения данного института на значительную часть гражданско-правовых споров. Предпринимается попытка выведения критериев для четкого определения категорий дел с обязательным досудебным порядком, а также предлагаются пути усовершенствования института.

Ключевые слова: арбитражный процесс, обязательный досудебный порядок, гражданско-правовые споры, пути усовершенствования института досудебного порядка, критерии категорий дел

THE ADVISABILITY OF ESTABLISHING MANDATORY PRETRIAL PROCEDURE FOR CIVIL LEGAL DISPUTES IN ARBITRATION PROCESS AND MAIN PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

Annotation: the article contains review of the mandatory pretrial procedure in arbitration process, advantages and disadvantages of its legal regulation. The authors consider the advisability of proliferation this construct for a large part of civil legal disputes. There is an attempt to find out standards for clear definition of civil legal disputes with mandatory pretrial procedure and ways for improvement the construct.

Key words: arbitration process, mandatory pretrial procedure, civil legal disputes, ways for improvement the mandatory pretrial procedure, standards for clear definition of civil legal disputes

В общем виде под досудебным порядком урегулирования споров принято понимать одну из форм защиты гражданских прав, которая заключается в попытке урегулирования спорных вопросов непосредственно между предполагаемыми кредитором и должником по обязательству до передачи дела в арбитражный суд. То есть, характерная особенность данного порядка состоит в том, что сторонам предоставляется возможность с помощью взаимных действий разрешить возникшие разногласия без вмешательства судебных органов. Если юридическое лицо или гражданин находит в действиях другой стороны нарушение своих прав, он направляет к нарушителю обязательств требование об устранении нарушений в определенный срок, на что получатель претензии предпринимает необходимые меры к устранению, если находит выводы первой стороны обоснованными.

Из изложенного вытекает первое преимущество досудебного порядка, которое заключается, во-первых, в попытке примирить стороны без судебного разбирательства, что приводит к более быстрому и взаимовыгодному разрешению возникших между сторонами разногласий, а, во-вторых, у сторон

появляется возможность обеспечить свои доводы необходимым доказательственным материалом перед обращением в арбитражный суд.

Также, необходимо сказать о возможности субъектов при заключении различного рода договоров предусмотреть в качестве первоначального шага разрешения споров условие о досудебном порядке. В данном случае такое условие будет являться обязательным для сторон по конкретному договору, а право у заявителя на предъявление иска в арбитражный суд появится только в случае отклонения претензии другой стороной или в случае неполучения ответа в установленный договором срок.

Согласно ч. 5 ст. 4 АПК РФ, сторонам предоставляется срок для принятия мер по досудебному урегулированию спора равный 30 календарным дням, если иной срок не установлено законом или договором. По мнению законодателей, такое положение должно способствовать оптимальному распределению судебной нагрузки путем развития альтернативных способов разрешения споров без судебного разбирательства, а также повышению эффективности правосудия в целом путем снижения количества судебных споров в арбитражном суде. Однако судебная практика показывает, что при применении досудебного порядка часто возникают некоторые сложности.

Во-первых, это связано с тем, что истец в течение 30 дней остается без права на обращение в суд, а также лишается возможности применения предварительных обеспечительных мер. Ответчик в данном случае обладает преимуществом, так как в предоставленный длительный срок может предпринять действия, направленные на создание определенных препятствий для дальнейшего разрешения спора в суде, если является недобросовестной стороной. Решение данной проблемы видится в некотором сокращении срока, достаточного для добровольного удовлетворения требований добросовестным ответчиком.

Вторая сложность, встречающаяся в правоприменительной практике, связана с применением данного института в случае, если местонахождение

ответчика неизвестно. Статья 26 АПК гласит о том, что у истца есть возможность подать иск к ответчику, место нахождения или место жительства, которого неизвестно, в арбитражный суд по месту нахождения его имущества. Однако, в данном случае, направление претензии и соблюдение досудебного порядка не представляется возможным. Данный факт только усугубляет ситуацию, так как арбитражный суд возвращает исковое заявление, в случае, если установит, что истцом не был соблюден досудебный порядок, если такой порядок по закону является обязательным.

Также, в правоприменительной практике нередко возникают проблемы при проверке доказательств соблюдения досудебного порядка, которые должны быть подтверждены документально. Во-первых, перечень документов, которые лицу необходимо приложить для подтверждения соблюдения досудебного порядка, законодательством не установлен, что вызывает вопросы касательно достаточности документов и добросовестности сторон. Во-вторых, недостаточность данных документов или вовсе их отсутствие приводит к невозможности рассмотрения дела по существу в арбитражном суде.

Таким образом, реализация на практике положений о соблюдении досудебного порядка сопряжена с рядом проблем, несмотря на имеющуюся положительную цель введения института, а потому важным является вопрос о необходимости распространения данных положений на значительное количество экономических дел в императивном порядке.

Досудебный порядок в качестве обязательного для всех категорий дел элемента права на передачу спора на разрешение арбитражного суда существовал и ранее. Он был закреплён в АПК 1992 г., далее конкретизирован Постановлением Верховного Совета РФ от 24.06.1992 г. № 3116-1 «Об утверждении Положения о претензионном порядке урегулирования споров», но потом отменён с введением нового АПК 1995 г., который указал на конкретные случаи необходимости соблюдения досудебного порядка – в случае

установления в федеральном законе для отдельных категорий дел или при указании его в качестве обязательного по соглашению сторон в договоре.

Причиной такого изменения в тот период исследователи называют необходимость пересмотра существующих положений о досудебном порядке для «повышения уровня оперативности судопроизводства», что было закреплено в распоряжении Президента РФ от 21.12.1993 № 775-рп «О совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов». Но программа «Развития судебной системы России» на 2007-2012 годы указывала уже на обратное – снижение нагрузки судей за счет внедрения, в том числе досудебных способов урегулирования споров.

Таким образом, ч.5 ст. 4 АПК РФ в редакции ФЗ от 02.03.2016 № 47-ФЗ вернула существовавшую модель правового регулирования, установив по общему правилу обязательность осуществления мер по досудебному урегулированию для всех споров, возникающих из гражданских правоотношений с изъятием для конкретных категорий дел, указанных там же.

Но Федеральным законом от 01.07.2017 № 147-ФЗ опять был существенно ограничен круг дел с обязательным досудебным порядком, куда и на настоящий момент относятся, не считая случаев прямого указания на основания в федеральных законах, только гражданско-правовые споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения

Одновременно в этот период в качестве основания для возвращения искового заявления в п.5 ч.1 статьи 129 АПК РФ было введено несоблюдение претензионного или иного досудебного порядка, если он является обязательным. Это спровоцировало рост как количества возвращенных исковых заявлений с 4,4 % (73 тыс.) в 2015 г. до 7,1 % (121,1 тыс.) в 2016 году, так и количества, оставленных без движения.

В то же время отмечается снижение данного показателя, начиная с 2017 г., что связано с тенденцией судов не чинить формальных препятствий для

реализации права на защиту сторон, т.к. наличие недочетов в претензии становится средством затягивания разрешения спора со стороны ответчика. Так, в одном деле суд оценил в качестве злоупотребления направлением ответчиком ходатайства об оставлении иска без рассмотрения по причине соблюдения претензионного порядка только в части требований через год после подачи иска.

Нестабильность законодательного и правоприменительного подхода к правовому регулированию случаев обязательного досудебного урегулирования споров отражает наличие определенных проблем и двойственное отношение к досудебному порядку как эффективному инструменту разрешения споров между участниками гражданского оборота. Так, одной из причин неопределенности в установлении оснований является сложность в определении четких критериев, которые позволили бы точно определить категории дел, для которых досудебный порядок обязателен, исходя из целесообразности.

Одним из критериев касательно гражданско-правовых споров может служить категория иска, с которым одна из сторон планирует обратиться в суд. Так, если судебное решение является необходимым и единственно возможным с точки зрения законодательства юридическим фактом для возникновения, изменения или прекращения правоотношений, то досудебный порядок бесполезен, т.к. не ведет к необходимым правовым последствиям. В пример можно привести иски о признании права, преобразовательные иски, а также определенные категории исков о присуждении, например, дела, связанные с признанием оспоримой сделки недействительной, дела об обращении взыскания на заложенное имущество (п.1 ст. 349 ГК РФ). Следовательно, разумным является установление обязательного досудебного порядка только в том в случае, если потенциальное исковое требование состоит в принудительном осуществлении права в рамках иска о присуждении, и если

данное требование может быть удовлетворено в добровольном порядке и при этом не противоречить законодательству.

С этой точки зрения изменения 2017 г. являются целесообразными, т.к. среди исков о присуждении большей определенностью обладают требования, выраженные в денежной форме, что повышает вероятность разрешения спора без дальнейшего обращения в суд. Кроме того, условие о возникновении требования из договора, иной сделки по общему правилу способствует тому, что существующие правоотношения между сторонами могут стать основой для урегулирования возникшего конфликта до обращения в суд в рамках обязательного досудебного урегулирования.

Таким образом, можно было бы выделить критерий наличия договорных отношений, но существующее законодательство устанавливает обязательный досудебный порядок, в том числе для части требований, возникающих из внедоговорных отношений – в рамках неосновательного обогащения, хотя для требований о возмещении вреда в порядке 59 ГК РФ такое условие отсутствует в силу исчерпывающего характера перечисления оснований в абз.1 ч.5 ст. 4 АПК РФ. Следовательно, договорная природа правоотношений не является определяющим фактором в определении необходимости соблюдения досудебного порядка.

Проблема установления единых критериев обусловлена, в том числе тем, что регулирующая данные правоотношения норма сформулирована в части установления оснований в качестве отсылочной, что, вызывает проблемы по отнесению определенных материально-правовых институтов к досудебному порядку в процессуальном плане.

Так, Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» установлен штраф в размере 50 % в случае удовлетворения иска в пользу потребителя, если до этого им направлялась претензия исполнителю услуг, и последний в добровольном порядке ее не удовлетворил. Но при этом, согласно судебной практике такое направление претензии обязательным досудебным

порядком в смысле ч.5 ст.4 АПК РФ не является. Данное толкование с одной стороны, защищает интересы потребителя с точки зрения упрощения процедуры защиты собственных интересов, а с другой стороны, свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к досудебному урегулированию споров.

Одним из показателей недостаточности законодательного регулирования является большое количество изъятий, закрепленных в судебной практике Верховного Суда РФ. Таким образом, существующий на настоящий момент способ установления обязательного досудебного порядка урегулирования гражданско-правовых споров нуждается в реформировании с точки зрения выработки единых критериев, позволяющих оперативно оценить необходимость соблюдения данного порядка в качестве одного из условий для предъявления иска.

Так, на наш взгляд, полное устранение обязательного досудебного порядка не соответствует цели содействия становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному урегулированию споров. Тем не менее, можно ограничить установление обязательного досудебного порядка для гражданско-правовых споров исключительно делами по искам о присуждении денежных средств по требованиям, возникшим из договора, а также случаями согласования условия о необходимости соблюдения досудебного порядка сторонами в договоре.

Таким образом, устранение отсылочного характера на иные федеральные законы, с одной стороны, значительно ограничит возможность установления иных оснований и нивелирует необходимость соблюдения уже существующих при внесении соответствующих изменений, например, по спорам при изменении, расторжении договора, при заключении договора в обязательном порядке и т.д., но с другой стороны позволит сосредоточить использование института по отношению только к тем делам, в которых добровольное исполнение обязательства ответчиком относительно реально.

Кроме того, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что институт досудебного порядка урегулирования в качестве обязательного может стать эффективным способом разрешения гражданско-правовых споров до подачи искового заявления, что позволит как уменьшить нагрузку на суд, так и упростить решение конфликтов между контрагентами, но существующее правовое регулирование касательно срока, порядка и оснований также не отвечает потребностям гражданского оборота, и потому досудебный порядок зачастую служит лишь дополнительным препятствием.

В связи с этим целесообразным, на наш взгляд, представляется усовершенствование норм законодательства в данной области.

Во-первых, повысить эффективность применения досудебного порядка урегулирования споров возможно путем сокращения срока для добровольного принятия мер до 14 дней, что позволит избежать совершения нежелательных действий со стороны недобросовестного ответчика.

Во-вторых, следует законодательно закрепить конкретный перечень документов, прилагаемых истцом для подтверждения соблюдения досудебного порядка, что позволит избежать проблем с определением достаточности документов и впоследствии невозможности рассмотрения дела по существу.

Что касается направления претензии ответчику, местонахождение которого неизвестно, судам следует принимать во внимание, во-первых, попытку истца установить его местонахождение, а во-вторых, проверить, направлялась ли претензия по ранее известному последнему местонахождению ответчика.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022) // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»

3. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 22.07.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2016 году [электронный ресурс]. – URL: http://www.arbitr.ru/statisticheskie_dannie/ (дата обращения: 05.11.2022)

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.08.2018 N Ф05-12881/2018 по делу N А41-12226/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. А.Ф. Воронов. Претензионный или иной досудебный порядок урегулирования споров в арбитражном процессе // Право в Вооруженных силах. - № 11. 2003.

7. К. Никитин. Досудебный порядок: хорошо забытое старое // ЭЖ-Юрист - №03 (954) – 2017.

8. А.В. Пчелкин. Непрерывность и дискретность в развитии института досудебного претензионного порядка разрешения экономических споров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnost-i-diskretnost-v-razvitii-instituta-dosudebnogo-pretensionnogo-poryadka-razresheniya-ekonomicheskikh-sporov> (дата обращения: 26.09.2022).

УДК 347.9

Зубровская Влада Любомировна
Тюменский государственный университет
Институт государства и права
Россия, Тюмень
stud0000195864@study.utmn.ru
Zubrovskaya Vlada
Tyumen State University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen

МЕДИАЦИЯ КАК ОСНОВА БАЛАНСА ЦЕННОСТНОГО ПРАВОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация: целью авторского исследования является изучение роли медиации и ее важности в мирном урегулировании правовых споров. Научная новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении медиации в свете современной проблематики с учетом текущей нагрузки на судебную систему. Результатом настоящего исследования стал вывод о необходимости популяризации медиации как способа разрешения правовых споров мирным путем, в частности, в области семейных правоотношений. Практическая значимость научной статьи заключается в том, что авторские предложения могли бы значительно снизить нагрузку с судов, способствовать сохранению семей и отношений внутри них.

Ключевые слова: медиация, гражданский процесс, примирение сторон, семейные споры, семейно-брачные отношения, примирительные процедуры.

MEDIATION AS THE BASIS OF THE BALANCE OF THE VALUE LEGAL DIMENSION

Annotation: the purpose of the author's research is to study the role of mediation and its importance in the peaceful settlement of legal disputes. The scientific novelty of this study is to consider mediation in the light of modern issues, taking into account the current burden on the judicial system. The result of the research was the conclusion about the need to popularize mediation as a way to resolve legal disputes peacefully, in particular, in the field of family relations. The practical significance of the research lies in the fact that the author's proposals could significantly reduce the court load, contribute to the preservation of families and relationships within them.

Key words: mediation, civil process, reconciliation of the parties, family disputes, marital relations, conciliation procedures.

Медиация — это альтернативный способ разрешения правовых споров, в частности в области семейных правоотношений. В соответствии со статистикой, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации «в 2022 году граждане стали инициировать больше семейных споров (535 000 против 480 000 исков в 2021 году)», что повысило нагрузку на федеральные суды общей юрисдикции. В рамках настоящей статьи рассмотрим следующие проблемы: причины, по которым медиация является не востребовавшимся способом урегулирования споров; почему преимущества медиации и ее положительное влияние, в частности, на семейные правоотношения уступают судебному порядку разрешения правовых споров [16].

Целью настоящего исследования является проверка гипотезы: медиация — эффективный способ разрешения правовых споров мирным путем, и, соответственно, необходимо популяризировать данную процедуру.

Под медиацией следует понимать альтернативную процедуру мирного урегулирования споров с участием нейтрального посредника [2]. Это прежде всего добровольные переговоры, целью которых является взаимовыгодное соглашение конфликтующих сторон. Начать процедуру медиации можно до

обращения в суд, а также на любой стадии судопроизводства или уже в исполнительном производстве. Данная процедура действует на основе принципов: добровольности, сотрудничества, равноправия сторон, конфиденциальности, беспристрастности и независимости медиатора [2].

Медиация как способ мирного урегулирования споров появился в отечественном законодательстве не так давно по сравнению с западными странами. Нормативно-правовой акт, регулирующий данный институт (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ, далее — Закон о медиации) вступил в силу 1 января 2011 года [2]. Следовательно, спустя 11 лет прямого действия Закона, представляется возможным оценить эффективность его применения.

В настоящее время медиация постепенно развивается, входит в механизм разрешения и урегулирования правовых споров как альтернативный способ. Так, в начале пути – в 2015 году, с помощью медиации были урегулированы споры в 1115 делах, из них 240 в области семейных правоотношений [6].

Однако, в 2021 году одних только поданных в суд исковых заявлений по семейным спорам составило 480 тысяч, а общее число гражданских и административных дел — 30 585 775 [7]. Согласно Отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел, 728 дел было окончено с помощью примирительных процедур, что составило 0,002% от общего количества дел [8]. Наблюдается тенденция, свидетельствующая о том, что медиация — невостребованный способ урегулирования споров в российском обществе. Это обусловлено рядом следующих причин.

Процедура разрешения конфликта сторон в форме медиации не привычна российскому гражданину, она уступает судебному порядку, с которым многие граждане знакомы. Даже слово «медиация», от лат. *mediatio* — «посредничество», является необычным и не подсказывает своего значения русскоговорящему человеку, который сталкивается с ним впервые [14]. Так,

согласно проведенному в Калининградской области исследованию в 2021 году, среди опрошенных лиц от 25 до 40 лет только 5% сообщили, что знают о медиации как альтернативном способе мирного урегулирования правового спора [10, с. 296]. Граждане применяют такую процедуру только в исключительных случаях, когда им подробно разъяснили ее сущность, порядок и преимущества. И разъяснили эти сведения компетентные лица, которым граждане доверяют, например, судьи и юристы-практики.

С другой стороны, граждане, знающие о данном способе урегулирования спора, могут не доверять ему, в связи со сроком существования. Судебная защита действует уже несколько веков, в то время как медиация существует почти 12 лет. Считается, что с помощью подачи искового заявления гражданин (истец) «ищет» защиту своих прав в суде. Поэтому, лицу, чье предусмотренное законом субъективное право, нарушено, тяжело довериться чему-то новому, привычнее обратиться в суд и положиться на его решение.

Кроме того, не в каждом субъекте РФ востребована медиация. Специалистов-медиаторов немного, особенно, высококвалифицированных. Так, в 2018 году Пленум Верховного Суда РФ внес изменения в Закон о медиации, в частности о том, что медиаторами могут быть судьи, состоящие в отставке [5]. Следовательно, юристам-практикам также следует повышать квалификацию в области медиации с целью пополнения состава профессиональных медиаторов.

Однако, исследователи Н.В. Сухова и И.В. Сухов, в связи с имеющейся проблемой нехватки профессиональных медиаторов из числа юристов-практиков, предлагают включать в состав медиаторов должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, руководителей трудовых коллективов и общественных организаций, так как урегулирование конфликтов непосредственно затрагивает данных субъектов [11, с. 34].

Законодательство о медиации требует доработки, о чем утверждает Сухова, Н. И. в научном исследовании. Закон о медиации не содержит разъяснений по процедуре проведения урегулирования конфликта мирным

путем [12, с. 219]. Закон также не содержит конкретной формулировки, исключающей принятие судом иска к рассмотрению, если стороны договорились о процедуре медиации на досудебной стадии урегулировании спора [12, с. 220]. Все это негативно сказывается на развитии института медиации в России.

Добровольность и сотрудничество – принципы применения медиации, то есть стороны сами должны прийти к выводу, что им необходимо мирное урегулирование спора. Однако в большинстве случаев граждане озлоблены и принимают друг друга за врага. Каждая из сторон верит в свою правоту и не желает уступать, идти на компромисс. Как верно отмечает Дячук М.И., целью деятельности медиатора является восстановление субъективной справедливости [9, с. 145]. Медиатор здесь выступает организатором сотрудничества. Однако, его роль будет исполнена, когда стороны, участвующие в споре, самостоятельно решат начать процедуру медиации.

Таким образом, зачастую незнание и недоверие к медиации как способу мирного урегулирования споров, несовершенство законодательства, а также напряженные отношения между сторонами мешают ее применению. На наш взгляд, это является существенным упущением как для самих граждан, так и для государства, поскольку медиация имеет ряд преимуществ.

Прежде всего, неоспоримым преимуществом медиации является урегулирование спора в более короткие сроки (до 6 месяцев). В то время как судебное разбирательство может затянуться на годы. Считаем, что сторонам не хотелось бы разрешать свой конфликт несколько лет, особенно если он напряженный. Поэтому медиация является крайне выгодным вариантом с точки зрения экономии времени и иных ресурсов (материальных, психологических).

Медиация позволяет соблюсти конфиденциальность, когда стороны не желают рассмотрения спора в суде и разглашения в ходе судебного разбирательства частной информации. А также, когда конфликт только отчасти

затрагивает нарушение субъективного материального права, предусмотренного законодательством Российской Федерации.

Как показала практика, судебная система РФ достаточно загружена, и дела поступают одно за другим [7, 8]. Судьи часто физически не могут уделить делу большое количество времени. В то время как не все споры стандартны, некоторые из них могут являться довольно сложными и запутанными. Фактические обстоятельства и детали таких споров в полном объеме понятны только участникам конфликта. При процедуре медиации рассмотрение спора более тщательное – стороны сами приходят к компромиссному решению, излагают все позиции, которые они хотят рассмотреть, поэтому ничто не упускается из вида.

Стоит отметить, что суд в первую очередь полагается на предписание закона, а затем на интересы сторон. В то время как медиация помогает достичь сторонам взаимовыгодного решения. Нельзя приравнивать медиатора и судью. Подходящей характеристикой медиатора служит то, что он – посредник, он лишь помогает сторонам достичь компромисса. То есть, медиатор в отличие от судьи, не решает вопросы права, степень вины, решение по спору принимается самими сторонами, которые сохраняют доброжелательные и деловые отношения.

Следующим преимуществом медиации является то, что стороны не платят государственную пошлину и судебные издержки, а только оплачивают услуги медиатора. Стоимость услуг может казаться отдельным категориям граждан непосильной, однако, получаемый результат равноценен стоимости, так как экономятся время, ресурсы, достигается нужное взаимовыгодное решение. Кроме того, медиативное соглашение, как и решение суда, имеет силу исполнительного документа.

Считаем, что медиация должна быть законодательно закреплённой и процессуально урегулированной процедурой, но более простой по сравнению с судебным разбирательством. То есть, при исчерпании средств медиации или

нежелании сторон прибегнуть к ней, у граждан остается право на судебную защиту, которым они смогут воспользоваться и начать уже более сложный, по сравнению с медиацией, судебный процесс.

Исследователи Н.В. Сухова и И.В. Сухов пришли к выводу о том, что необходимо искать стратегию для совершенствования и закрепления института медиации в российском правовом поле, например в качестве обязательного досудебного порядка или в виде правовой помощи, что практикуется в европейских странах [11, с. 32]. Также исследователи отмечают, что введение медиации в качестве обязательного досудебного этапа позволило бы значительно снизить нагрузку с судебной системы. Однако, ввиду сложностей организационного характера, количества медиаторов в субъектах РФ реализация данной идеи откладывается [11, с. 29].

Медиация может быть крайне полезной при разрешении семейных споров, которые являются одними из самых сложных, как по фактическим обстоятельствам, так и по эмоциональным составляющим конфликта. Семейные отношения выделяются среди иных правовых отношений тем, что они построены на чувствах: любви, заботе, поддержке, взаимопонимании. На наш взгляд, медиация наиболее лучшим образом подходит для разрешения семейных споров, — это мягкий способ урегулирования конфликта, стороны стремятся к достижению компромисса. М.И. Дячук утверждает, что медиатор, как профессионал, обладает специальным инструментарием, который позволяет ему обращаться к эмоциям, тревогам, переживаниям, ценностям людей; быть бережным и внимательным по отношению к участникам спора [9, с. 144]. В урегулировании семейных конфликтов это дает преимущество по сравнению с судебным порядком разрешения споров.

Семейные споры – это не только конфликт супругов по поводу расторжения брака и сопутствующим этому вопросам (алиментам, деления совместно нажитого имущества, определения места жительства детей и др.). Семейными спорами также могут быть конфликты между детьми и

родителями; семейные споры могут касаться воспитания детей. Разрешение таких конфликтов в судебном порядке имеет повышенную эмоциональную нагрузку на участников процесса, а также требует достаточной информации из частной жизни сторон, которой не всегда хочется делиться в суде. Важно отметить, что в данном случае мы не берем во внимание: конфликты о злоупотреблении наркотическими средствами или спиртными напитками, применении насилия; преступления, совершенные членами семьи, то есть, те дела, в которых участие государственных органов является необходимым.

Считаем, что семейные споры должны решаться путем сотрудничества, а не состязательности сторон. Разрешение семейного конфликта в суде может только обострить отношения между близкими людьми. Согласно Конституции РФ, «семья находится под защитой государства» [1]. Государство заинтересовано в том, чтобы семейные узы сохранялись и крепчали, а семейные конфликты были урегулированы именно мирными способами.

Подводя итоги настоящего исследования, сделаем следующие выводы. Медиация является эффективным механизмом урегулирования правовых споров и средством управления конфликтными ситуациями, возникающими между людьми. Институт медиации в Российской Федерации следует развивать и популяризировать. Для этого необходимо:

1. Просвещать граждан о таком способе мирного разрешения споров как медиация, о возможности применения примирительной процедуры до обращения в суд и начала судебного процесса. Например, проводить встречи и круглые столы для граждан с медиаторами, юристами-практиками, а также разъяснять гражданам сведения об этом институте непосредственно в суде (устно, в виде информационных стендов, на официальном сайте суда). Для развития медиации в России необходима поддержка не только юридического сообщества, но и государства в лице государственных органов, а также СМИ.

2. Повысить количество медиаторов из числа профессиональных юристов в субъектах РФ, а также качество их подготовки, для надлежащего

исполнения роли посредника. Например, в Тюменской области действует АНО Западно-Сибирский региональный Центр медиации и права, который проводит обучающие курсы повышения квалификации в области медиации, а также инициирует различные социальные проекты помощи для урегулирования правовых споров, ежегодно проводит круглые столы и встречи с населением.

3. Дополнить законодательство о медиации нормами и положениями, устанавливающими процессуальный порядок проведения процедуры медиации. А также, следует императивно определить случаи, когда медиация допустима к применению, а когда нет, то есть противоречит интересам других лиц.

4. Необходимо законодательно установить случаи, когда медиация обязательна перед обращением в суд (с сохранением права на судебную защиту). Ввиду особенностей семейных конфликтов, процедура медиации может стать довольно эффективным и ресурсосберегающим механизмом, способствующим снижению конфликтных настроений сторон и достижению компромисса, особенно если спор касается детей. Например, в странах Европейского Союза действует Директива №2008/52/ЕС, которая устанавливает обязательный характер процедуры медиации при разрешении отдельных категорий гражданских дел и выступает как обязательное условие для доступа к судам [13].

5. Помимо прочего, необходимо оснащать суды специальными помещениями для примирительных процедур. Так, в 2015 году в Калининском районном суде города Тюмени впервые была открыта примирительная комната по инициативе Западно-Сибирского регионального центра медиации и права. В настоящее время в Тюмени уже открыто более пяти таких комнат [15].

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портале правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, № 0001202210060013.

2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2010 г., № 31, ст. 4162.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г., № 46, ст. 4532.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 1, ст. 16.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 18.01.2018 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. // URL: <https://www.vsrp.ru/files/26356/> (дата обращения: 29.11.2022).

6. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ за 2015 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/ (дата обращения: 29.11.2022).

7. Судебная статистика [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 29.11.2022).

8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции за 2021 год

[Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 29.11.2022).

9. Дячук, М.И. Медиация - потребность современности [Электронный ресурс] // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. №1 (55). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-potrebnost-sovremennosti> (дата обращения: 29.11.2022).

10. Н.В. Самсонова, Ю.В. Долгушина. Проблемы востребованности медиации как основа просветительской деятельности с населением [Электронный ресурс] // МНКО. 2021. №3 (88). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vostrebovannosti-mediatsii-kak-osnova-prosvetitel'skoy-deyatelnosti-s-naseleniem> (дата обращения: 29.11.2022).

11. Сухова Н.В., Сухов И.В. Современные тенденции развития примирительных процедур: Российский и сравнительный контексты [Электронный ресурс] // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. №1 (72). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-primiritelnyh-protsedur-rossiyskiy-i-sravnitelnyy-konteksty> (дата обращения: 29.11.2022).

12. Сухова, Н. И. Несбалансированность закона о медиации // Развитие института медиации как инструмента повышения правовой культуры граждан: Сб. материалов VI Международной научно-практической конференции (30 октября 2020). — Саратов: Издательский центр «Наука». 2020. 218-221 с.

13. Щеблыкина, Д. В. Медиация, как альтернативная процедура урегулирования спора: зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Интернет-конференции Сибирского юридического института. // URL: <https://conf.siblu.ru/mediaciya-kak-alternativnaya-procedura-uregulirovaniya-spora-zarubezhnyu-opyt> (дата обращения: 29.11.2022).

14. Академик [Электронный ресурс]. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/857430> (дата обращения: 29.11.2022).
15. Западно-Сибирский региональный центр медиации и права [Электронный ресурс]. // URL: <https://zsrcmp.ru/about-mediation.html> (дата обращения: 29.11.2022).
16. Статистика Суддепа: суды общей юрисдикции [Электронный ресурс] // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. // URL: <https://pravo.ru/news/243398/> (дата обращения: 29.11.2022).

УДК 347.918

Кряжевских Ксения Александровна

Родионов Лев Игоревич

Уральский государственный юридический университет

имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

zvezda5361@mail.ru

79655182528lev@gmail.com

Kryazhevskikh Ksenia Alexandrovna

Rodionov Lev Igorevich

Ural State Law University named after V.F.Yakovlev

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

К ВОПРОСУ О НЕАРБИТРАБЕЛЬНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В ПУБЛИЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Аннотация: в данной статье авторами исследуется вопрос неарбитрабельности корпоративных споров в публичных акционерных обществах. Для признания компетенции арбитража необходима как субъективная, так и объективная арбитрабельность. Российское право не предусматривает прямого запрета на арбитраж внутрикорпоративных споров в ПАО. Авторы делают вывод о фактическом существовании такого запрета.

Ключевые слова: арбитрабельность, публичное акционерное общество, третейское разбирательство, арбитраж, арбитражное соглашение.

TO THE QUESTION OF NON-ARBITRABILITY OF CORPORATE DISPUTES IN PUBLIC JOINT-STOCK COMPANIES

Annotation: in this article, the authors investigate the issue of non-arbitrability of corporate disputes in public joint-stock companies. To recognize the competence of arbitration, both subjective and objective arbitrability are required. Russian law does not provide for a direct ban on arbitration of intra-corporate disputes in a PJSC. The authors conclude that such a ban actually exists.

Key words: arbitrability, public joint stock company, arbitration, arbitration agreement.

Российское законодательство предусматривает альтернативные судебному разбирательству в государственных судах способы разрешения корпоративных споров, особое место среди которых занимает передача спора в третейский суд (арбитраж) [1]. В качестве преимуществ третейского разбирательства традиционно отмечают его гибкость для сторон, которые имеют возможность самостоятельно выбрать арбитров и договариваться об иных вопросах, касающихся процедуры арбитража. Кроме того, арбитраж привлекает участников гражданского оборота своей конфиденциальностью, которая не допускает опубликование решение без соответствующего согласия сторон. Отдельным преимуществом отмечается рассмотрение спора в арбитраже арбитрами, которые являются специалистами в определенной правовой сфере. Такая особенность выгодно отличает третейские суды от государственных, где судьи зачастую не специализируются на отдельных отраслях коммерческого права [2].

На возможность передачи корпоративных споров в арбитраж существенным образом повлияла реформа третейского законодательства, проведенная в 2017 году в результате принятия Федерального закона от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» (далее - Закон об арбитраже). С этого момента все корпоративные споры были поделены законодателем на три группы: безусловно арбитрабельные, условно арбитрабельные и неарбитрабельные корпоративные споры [3].

Под арбитрабельностью понимают такое свойство спора, которое позволяет ему быть предметом третейского разбирательства [4; 5]. Действующее российское законодательство признает споры, имеющие существенный публичный интерес, неарбитрабельными. Указанный запрет закреплен в ч. 2 ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и в ч. 2 ст. 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Следовательно, для признания компетенции арбитража на рассмотрение того или иного спора необходима как субъективная арбитрабельность (наличие прямого волеизъявления сторон), так и объективная, то есть отсутствие законодательного запрета. Статья 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации содержит закрытый перечень споров, которые не могут быть рассмотрены в рамках третейского разбирательства. Применительно к корпоративным спорам законом исключается возможность передачи в арбитраж категорий споров, перечисленных в п. п. 1-5 ч. 2 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Однако несмотря на то, что российское право не предусматривает прямого запрета на арбитраж внутрикорпоративных споров в ПАО, полагаем, что такой запрет фактически существует.

По мнению Каримуллина Р. И., споры, связанные с публичными обществами и АО с числом акционеров – владельцев голосующих акций не менее одной тысячи не могут быть предметом третейского разбирательства, поскольку в их уставы прямо запрещено включать арбитражные соглашения [6, с. 19].

Арбитражное соглашение представляет собой заключаемое в письменной форме соглашение сторон, в соответствии с которым определяется круг споров, которые подлежат передаче на рассмотрение в конкретную арбитражную институцию или же в арбитраж *ad hoc*. Это, в частности, следует из части 1 статьи 7 Закона об арбитраже. Часть 7 статьи 7 Закона об арбитраже запрещает

заключать арбитражное соглашение путем его включения в устав публичного акционерного общества. Каких-либо запретов, которые касались бы непосредственно корпоративных споров в ПАО, в этой статье не содержится.

Исходя из этого, логично предположить, что арбитражное соглашение по этой категории споров может быть заключена любым иным допустимым способом. Например, путем заключения арбитражного соглашения между участниками ПАО в виде отдельного документа. Кроме того, статья 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации содержит закрытый перечень споров, которые являются неарбитрабельными. Внутрикорпоративные споры в ПАО в названном перечне не содержатся. Следовательно, можно было бы сделать вывод о том, что включение арбитражной оговорки в устав является лишь одним из способов заключения арбитражного соглашения, ведь законодатель не предусмотрел иных запретов, ограничивающих включение арбитражной оговорки по корпоративным спорам в ПАО в договор.

Однако, заключение такого соглашения фактически невозможно, поскольку в силу непрерывного обращения акций ПАО на бирже круг участников общества постоянно меняется. В связи с этим неминуем риск того, что целый ряд акционеров не будет являться сторонами такого соглашения. В то время как по смыслу Закона об арбитраже, в том случае, когда участник корпорации предъявляет иск от имени общества в суд, для арбитрабельности таких споров арбитражное соглашение должно быть заключено между юридическим лицом и участниками юридического лица, а также иными лицами, которые являются истцами или ответчиками в таких спорах. Следовательно, отсутствие согласия на арбитраж хотя бы одного из акционеров является препятствием для арбитража корпоративного спора. Такой запрет не лишен оснований, поскольку арбитражное разбирательство даже между отдельными органами ПАО неизбежно будет затрагивать права и интересы всех его участников.

Таким образом, в российском праве фактически сложился запрет на арбитраж внутрикорпоративных споров в ПАО, даже несмотря на то, что Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 225.1 не содержит данной категории споров в перечне неарбитрабельных. Это прямо следует из телеологического толкования части 7 статьи 7 Закона об арбитраже. Полагаем, что законодатель ввел запрет на включение арбитражных оговорок в устав с целью защитить интересы акционеров, которые могли бы быть нарушены в случае рассмотрения данных споров в третейских судах, а не в государственных. Это связано с тем, что они бы не имели возможности присоединиться к арбитражному разбирательству, поскольку не являлись бы сторонами такого арбитражного соглашения. Исходя из этого можно сделать вывод, что корпоративные споры в ПАО неизбежно затрагивают интересы третьих лиц, что исключает возможность рассмотрения таких споров в арбитраже. Следовательно, целью законодателя было введение запрета на арбитраж внутрикорпоративных споров в ПАО.

Список литературы:

1. Федоров А. М. Арбитрабельность корпоративных споров // Вопросы российской юстиции. 2020. №9. С. 1286-1291.
2. Жукова, Г. К. Реформа арбитражных законодательств зарубежных стран // Вестник международного коммерческого арбитража. 2011. № 2(4). С. 108-114.
3. Асосков А. В. Разрешение корпоративных споров в третейских судах: основные результаты законодательной реформы // Закон. 2017. №. 5. С. 67-77.
4. Скворцов О.Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации: учебник для вузов. 239 с.
5. Еремин В.В. Подходы к определению арбитрабельности: соотношение арбитрабельности, подведомственности и компетенции // Актуальные проблемы российского права. 2019. С. 85-107.

6. Каримуллин Р. И. Арбитраж корпоративных споров // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2(13). С. 13-51.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 346

Казакевич Екатерина Игоревна
Московский государственный университет
Юридический факультет

Россия, Москва

kazakeka@mail.ru

Kazakevich Ekaterina Igorevna
Moscow State University

Faculty of Law

Russia, Moscow

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ: ИСТОКИ РАЗВИТИЯ И ВЫЗОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в работе обращается внимание на становление законодательства в области персональных данных в России, а также на современный этап его развития в условиях формирования цифровой экономики. Автор рассматривает изменения законодательства о защите персональных данных, принятые после утверждения национальной программы «Цифровая экономика России» и дает им оценку. В работе также обращено внимание на внесенные в Государственную Думу Российской Федерации законопроекты в области обработки персональных данных и сделан вывод об их эффективности.

Ключевые слова: права человека, неприкосновенность частной жизни, персональные данные, цифровые технологии, цифровая экономика.

LEGISLATION IN THE FIELD OF PERSONAL DATA IN RUSSIA: THE ORIGINS OF DEVELOPMENT AND CHALLENGES OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Annotation: the article focuses on the formation of legislation in the field of personal data in Russia, as well as the current stage of its development in the context of the digital economy. The author reviews changes in legislation on personal data protection adopted after the approval of the national program “Digital Economy of Russia” and evaluates them. The paper also analyzes the bills submitted to the State Duma of the Russian Federation in the field of personal data processing and makes a conclusion about their effectiveness.

Key words: human rights, privacy, personal data, digital technologies, digital economy.

Право человека на неприкосновенность частной жизни является одним из общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Обеспечение реализации этого права напрямую связано с обеспечением конфиденциальности различного рода информации о человеке, в том числе персональных данных. Конфиденциальность должна обеспечиваться при осуществлении третьим лицом любых действий с персональными данными человека: сбора, накопления, систематизации, хранения, передачи, удаления и проч., то есть при любой форме обработки персональных данных.

Правовое регулирование обработки персональных данных возникло с развитием информационных технологий, в частности, средств для сбора и анализа персональных данных, а также аналитических практик. Данные постепенно стали важным объектом для ведения предпринимательской деятельности. Н.А. Дмитрик отмечает, что периодом повышенного внимания к указанной сфере общественных отношений стали 1970-ые гг. [1, с. 11]. Так, в 1970 г. в одной из земель Германии - Гессене - был принят первый закон о защите данных, а на уровне государства первый закон был принят в 1973 г. в Швеции. Впервые на проблему обеспечения прав и свобод человека при обработке персональных данных на международном уровне было обращено при принятии Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной

обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге (Франция) 28 января 1981 г.) (далее - Страсбургская конвенция 1981 г.).

Наиболее прогрессивное законодательство о защите персональных данных создано в Европейском союзе, где на данный момент действует Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС» (Общие положения о защите данных или General Data Protection Regulation) (далее - GDPR), который пришел на смену Директиве 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 24.10.1995 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном перемещении таких данных». GDPR был воспринят в качестве модели правового регулирования обработки персональных данных многими государствами мира, в том числе в нем содержатся аналогичные с национальными законодательствами правовые конструкции. Так, В.В. Долинская отмечает наличие ряда смежных правовых конструкций в моделях правового регулирования персональных данных в Европейском союзе и России, например [2], по вопросу принципов обработки персональных данных, концепции получения согласия пользователя на обработку и иных вопросов.

Таким образом, правовое регулирование обработки персональных данных является важной частью правовых систем современности. Лица, осуществляющие обработку персональных данных (действие или совокупность действий с персональными данными, перечисленные в начале настоящей работы), они же операторы персональных данных, наделены специальным правовым статусом. Также определенный объем правомочий закрепляется за субъектом персональных данных. Устанавливается система контроля и надзора за соблюдением требований законодательства в области персональных данных.

В Российской Федерации первые правовые нормы в указанной области были сформулированы в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ (далее -

Закон об информации 1995 г.). Согласно ст. 2 указанного закона информация о гражданах (персональные данные) - сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Также статьей 11 Закона об информации 1995 г. установлено, что перечни персональных данных должны быть закреплены на уровне федерального закона, а персональные данные относятся к категории конфиденциальной информации. В законе был установлен принцип получения пользовательского согласия для обработки персональных данных, а также общие принципы сбора и использования информации о гражданах.

В 2006 г. был принят ныне действующий Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в предмет регулирования которого персональные данные уже не вошли. Так, согласно ст. 9 указанного правового акта порядок доступа к персональным данным граждан (физических лиц) устанавливается федеральным законом о персональных данных. Одновременно был принят Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» (далее - Закон о персональных данных), который и в настоящее время является законом специального регулирования в области отношений, связанных с обработкой персональных данных человека.

В качестве целей принятия указанного закона было определено обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина (статья 2 Закона о персональных данных). Принятие отдельного законодательного акта в области персональных данных было обусловлено ратификацией Страсбургской конвенции 1981 г. [3], поэтому новый закон содержит широкий перечень положений, гарантирующих защиту права на неприкосновенность частной жизни в рассматриваемом контексте. При принятии нового правового акта законодатель также руководствовался объективной необходимостью в унификации правового регулирования вопроса обработки персональных данных на территории Российской Федерации, т.к. до принятия закона

обработкой занималось большое количество различных по правовому положению, объему полномочий операторов, действующих на основе несогласованных законодательных актов. Также одной из целей принятия закона стало формирование единого правового механизма защиты прав человека при обработке его персональных данных. В момент принятия Закон о персональных данных характеризовался как базовый, ключевой в рассматриваемой сфере и оценивался как «эффективный механизм противодействия повсеместному нарушению прав физических лиц в отношении их персональных данных, совершенному путем незаконного распространения сведений, содержащихся в информационных системах органов государственной власти и негосударственных организаций» [4, с. 2].

Таким образом, законодательство в области персональных данных в современный период включает в себя Конституцию Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, Закон о персональных данных и другие законы, в которых определены особенности обработки отдельных категорий персональных данных (например, персональных данных работника, персональных данных, обрабатываемых при осуществлении нотариальных действий, персональных данных пассажиров при осуществлении воздушных перевозках и проч.).

В целом можно отметить, что Закон о персональных данных имеет широкий предмет правового регулирования, включает в себя отношения, связанные с обработкой персональных данных, осуществляемой органами государственной власти, юридическими и физическими лицами с использованием средств автоматизации или без их использования (если в таком случае обработка соответствует характеру действий, совершаемых с использованием средств автоматизации) (ст. 1 Закона о персональных данных). В 2011 г. в закон были внесены дополнения в части уточнения законодательно установленной возможности использования средств автоматизации в информационно-телекоммуникационных сетях [5], а также законодатель

разъяснил положение закона об обработке персональных данных без средств автоматизации.

В период действия Закона о персональных данных он неоднократно подвергался изменениям, обусловленным изменением общественных отношений, входящих в предмет его регулирования. На данный момент действует редакция № 27, вступившая в силу согласно Федеральному закону от 14.07.2022 № 266-ФЗ (далее - Закон № 266-ФЗ) [6]. В период повсеместного распространения цифровых технологий также происходят изменения во многих сферах жизни общества, в том числе в области обработки персональных данных. Право в изменяющихся условиях призвано, согласно позиции С.С. Алексеева [7, с. 160-161], обеспечивать всеобщий устойчивый порядок общественных отношений, а также достижение определенности в обществе и гарантированного результата. Сегодня многие государства взяли курс на развитие цифровой экономики, в период развития которой в повседневную жизнь активно внедряются цифровые технологии. Поэтому именно право в сложившихся новых условиях призвано реагировать на вызовы цифровой трансформации. Трансформация общественных и экономических отношений происходит в том числе благодаря постоянному генерированию цифровых данных, в которые входят и персональные данные. Все это требует принятия новых решений для обеспечения реализации права человека на неприкосновенность частной жизни, на что было обращено внимание в начале статьи. К тому же на уровне Конституции Российской Федерации в 2020 г. были выделены в отдельный вопрос ведения Российской Федерации вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства (пункт «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации).

Также хотелось бы подчеркнуть основополагающее значение принятой в 2019 г. Правительством Российской Федерации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее - национальная программа), окончание реализации которой запланировано к 2024 году. В

национальной программе в качестве приоритетных были определены такие цели государственной политики в области обработки персональных данных, как создание благоприятных условий для обработки, установление порядка обезличивания данных, уточнение вопросов ответственности и порядка получения согласия на обработку. После принятия указанной программы во многих сферах правового регулирования произошли изменения, в том числе в законодательстве в области персональных данных. Далее в статье предлагается проанализировать ключевые изменения, внесенные в законодательство в области персональных данных после принятия национальной программы по развитию цифровой экономики в России и обусловленные распространением цифровых технологий.

Во-первых, после долгих дискуссий законодатель легитимировал в 2020 г. такую новую категорию персональных данных, как «персональные данные, разрешенные для распространения» (ст. 10.1 Закона о персональных данных), а также исключил из Закона о персональных данных категорию «персональные данные, сделанные субъектом общедоступными» путем принятия Федерального закона от 30.12.2020 г. № 519-ФЗ (далее - Закон № 519-ФЗ) [8]. Рассматривая данный вопрос, хотелось бы отметить, что до внесения изменений в закон содержались две смежные категории персональных данных, которые можно было распространять: персональные данные, сделанные общедоступными самим субъектом или по его просьбе (п. 10 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных), а также персональные данные, внесенные в общедоступные источники с согласия субъекта (ст. 8 Закона о персональных данных). Как отмечает А.О. Абышко российская правоприменительная практика в области применения указанных категорий персональных данных носила разнонаправленный характер [9]. Безусловно, можно отметить потенциал неконтролируемого использования, отличного от целей первоначального распространения, персональных данных для различных целей, в том числе для повышения эффективности работы цифровых сервисов,

создания новых продуктов. Однако такое использование должно учитывать наличие у субъекта персональных данных средств контроля за находящимися в открытом доступе собственными данными. Именно для решения этой задачи были внесены изменения в законодательство. Оставшаяся ст. 8 Закона о персональных данных не будет противоречить новой категории данных, так как она распространяется только на те ресурсы, которые создаются в целях информационного обеспечения (например, справочники и подобные ресурсы).

Анализируя последствия создания новой категории персональных данных, хотелось бы отметить, что установление возможности «нецелевого» распространения информации может противоречить одному из принципов, положенных в основу Закона о персональных данных еще при его принятии: принцип обработки данных, ограниченной достижением конкретных, заранее определенных и законных целей (ч. 2 ст. 5 Закона о персональных данных). Можно также обозначить проблему реализации субъектом права на прекращение распространения его персональных данных. Несмотря на преимущества установления указанного права, сфера его действия ограничена только отношениями, урегулированными новой ст. 10.1 Закона о персональных данных. Хотелось бы обратить внимание на сложность реализации указанной нормы в целом. Так, согласно ст. 10.1 Закона о персональных данных субъекту необходимо давать отдельное согласие на распространение его персональных данных, а также операторы должны обеспечить ему возможность выбора конкретных категорий данных, разрешенных или не разрешенных для распространения. Также должна быть обеспечена правовая и техническая возможность по установлению субъектом персональных данных запретов, условий их обработки, а также по немедленному прекращению передачи. Установлен запрет на отождествление согласия с молчанием или бездействием. Обязанности по предоставлению доказательств законности распространения информации переложены на плечи операторов. Представляется, что для реализации указанного законодательного положения потребуется достаточно

финансовых ресурсов операторов. Также заполнение субъектом персональных данных достаточно подробного согласия на распространение может просто не быть востребованным со стороны субъектов персональных данных. Хочется верить, что этот механизм будет применяться на практике. Уже сейчас можно увидеть подобное «расширенное согласие» на зарубежных интернет-сайтах, позволяющее осуществлять «детальный» контроль за обработкой персональных данных.

Во-вторых, в законодательство в области персональных данных были введены нормы, касающиеся вопросов обезличивания персональных данных. На мой взгляд, в вопросе обеспечения прав человека в процессе оборота массивов цифровых данных обезличивание призвано играть весомую роль. Так, при наличии доступа только к обезличенным данным нельзя идентифицировать их субъекта, однако такие данные можно использовать свободно в предпринимательской деятельности для анализа. По смыслу Закона о персональных данных процесс обезличивания данных, осуществляемый во исполнение установленных требований и методов, распространяется только в сферах государственного (муниципального) управления и здоровья граждан.

Стоит отметить, что в 2020 г. Федеральным законом от 24.04.2020 № 123-ФЗ (далее - Закон № 123-ФЗ) [10] был введен п. 9.1 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных, в котором были установлены условия обработки обезличенных данных: соответствие цели повышения эффективности государственного (муниципального) управления и целям, обозначенным в законах о специальных экспериментальных правовых режимах. Последнее положение касается только двух экспериментальных правовых режимов, установленных Законом № 123-ФЗ (так называемый эксперимент по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве), а также Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных

правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [11]. Как мы видим, пока обезличивание распространяется только на сферы общественной жизни, связанные с государственным управлением и, таким образом, только на некоторых операторов. Некоторые авторы скептически относятся к новой категории «персональных данных, полученных в результате обезличивания» [12], так как она создает риск правовой неопределенности, а также способствует возникновению риска посягательства на право человека неприкосновенность частной жизни (например, из-за отсутствия гарантий от утечки информации). Однако, на мой взгляд, такие изменения являются только первым этапом в дальнейшем более активном использовании обезличенных персональных данных.

В-третьих, изменения законодательства, связанные с цифровой трансформацией общества, коснулись нормы, устанавливающей основы законодательства Российской Федерации в области персональных данных (ст. 4 Закона о персональных данных). Законом № 266-ФЗ в 2022 г. было введено положение об обязательном согласовании с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее - Роскомнадзор) принятия нормативных актов органами государственной власти и Банком России в определенных случаях (в частности, в п. 3.1 ст. 4 Закона о персональных данных): при трансграничной передаче персональных данных, обработке специальных категорий персональных данных, биометрических персональных данных, персональных данных несовершеннолетних и др. Возможность трансграничной передачи данных обусловлена развитием в том числе цифровых технологий. Введением указанной нормы также подчеркивается важность в обеспечении согласованного правового регулирования в области персональных данных как на законодательном, так и на подзаконном уровнях.

В-четвертых, значительной корректировке было подвергнуто законодательное положение, регулирующее вопросы условий направления и

содержания уведомления в Роскомнадзор об осуществляемой оператором обработке персональных данных в 2022 г. (изменения в п. 2 ст. 22 Закона о персональных данных согласно Закону 266-ФЗ). Теперь оператор обязан направлять уведомление в случаях обработки персональных данных в соответствии с трудовым законодательством; в случае обработки данных, включающих только фамилии, имена и отчества субъектов; обработки данных в целях однократного пропуска субъекта на территорию оператора или в иных аналогичных целях, а также в других ранее не требующих направление уведомления случаях. Также до внесения изменений оператору разрешалось не направлять уведомление в Роскомнадзор в случаях обработки персональных данных, сделанных их субъектом общедоступными. Однако так как норма о такой категории персональных данных была исключена из закона, о чем было сказано выше, то это означает, что в случаях обработки «персональных данных, разрешенных для распространения», а также «персональных данных, внесенных в общедоступные источники» необходимо направлять уведомление оператором. С другой стороны, был расширен перечень условий, когда разрешена обработка данных без уведомления применительно к данным, включёнными в информационные системы, созданные в целях защиты безопасности государства и общества. Такие изменения свидетельствуют о высокой значимости обеспечения прав и свобод человека при обработке персональных данных. Для законодателя важен сам факт знания о проведении обработки данных оператором, внесения оператора в реестр операторов, но, например, не форма самого уведомления. Так, содержание уведомления было значительно уменьшено (изменения в п. 3 ст. 22 Закона о персональных данных).

Важными изменениями законодательства в области персональных данных, обусловленными обеспечением права человека на неприкосновенность частной жизни в период цифровой трансформации, стали нормы, обеспечивающие информационную безопасность. В частности, в 2020 г.

Федеральным законом от 30.12.2020 № 515-ФЗ пункт 6 ч. 2 ст. 19 Закона о персональных данных был дополнен такими мерами оператора, направленными на обеспечение безопасности данных при обработке, как необходимость проводить обнаружение, предупреждение и ликвидацию последствий компьютерных атак на информационные системы персональных данных, а также осуществлять реагирование на компьютерные инциденты [13]. Как верно отмечает А.И. Савельев [14, с. 177], ст. 19 Закона о персональных данных в целом конкретизирует порядок исполнения ключевой обязанности оператора, заключающейся в реализации различных мер правового, организационного и технического характера.

В 2020 г. при формировании законодательных инициатив, направленных на повышение уровня защиты конфиденциальности сведений о должностных лицах государственных органов, уже готовились изменения в п. 6 ч. 2 ст. 19 Закона о персональных данных. Предполагалось внесение норм об организации взаимодействия операторов с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации компьютерных атак на информационные ресурсы РФ (далее - ГосСОПКА) [15], однако на тот период они реализованы не были. Законопроект не был принят, полагаю, в связи с высокими сложностями его реализации с технической стороны вопроса. Однако следует обратить внимание, что законодатель сменил свою точку зрения, обусловленную важностью рассматриваемых общественных отношений. В 2022 г. уже упомянутым Законом № 266-ФЗ были установлены законодательные положения, дополняющие конкретным содержанием п. 6 ч. 2 ст. 19 Закона о персональных данных. Частями 12-14 ст. 19 был установлен порядок взаимодействия оператора с ГосСОПКА, в том числе его обязательное информирование о компьютерных инцидентах, повлекших передачу персональных данных. Рассматривая в целом необходимость взаимодействия операторов с органами государственной власти в целях обеспечения безопасности прав и свобод человека при обработке персональных данных,

можно также отметить включенную в Закон о персональных данных ст. 23.1. об установлении федерального государственного контроля (надзора) за обработкой персональных данных. Предметом его ведения является деятельность оператора по соблюдению обязательных требований.

Можно также отметить некоторые точечные изменения законодательства, вызванные цифровой трансформацией. К ним можно отнести введение Законом № 266-ФЗ в 2022 г. новых критериев «предметности» и «однозначности» применительно к согласию субъектов персональных данных на обработку в п. 1. ст. 9 Закона о персональных данных. Представляется, что введение новых критериев является скорее актом закрепления уже применяемых на практике критериев, осуществляемых в соответствии с иными нормами законодательства о персональных данных. К указанным изменениям, обусловленным развитием цифровой экономики, можно также отнести обязанность оператора, осуществляющего сбор персональных данных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее - ИТС), публиковать свою политику конфиденциальности не только в соответствующей ИТС, но и на страницах принадлежащего оператору сайта в Интернете. Данное изменение внесено Законом № 266-ФЗ в 2022 г. в п. 2 ст. 18.1 Закона о персональных данных.

Таким образом, в работе были рассмотрены ключевые изменения Закона о персональных данных, связанные с реализации национальной программы «Цифровая экономика России». Хотелось бы отметить, что рассмотренные изменения, безусловно, еще не завершены. В органах законодательной власти проводятся активные дискуссии по вопросу дальнейшего реформирования законодательства в области обработки персональных данных с целью обеспечения прав и свобод человека в области. На данный момент на рассмотрении Государственной Думы находится несколько перспективных законопроектов.

Например, законопроект № 211535-8 «О государственной информационной системе «Единая информационная система персональных данных, обеспечивающая обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» предполагает принятие отдельного Закона о государственной информационной системе [16], к целям организации которой относятся идентификация и (или) аутентификации физических лиц при помощи использования биометрических персональных данных. Данным законопроектом подчеркивается значимость создания информационных систем, генерирующих большой массив данных под государственным надзором.

Важными в обеспечении безопасности прав человека и государственных интересов является, на мой взгляд, также законопроект № 763517-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 18 Федерального закона «О персональных данных» (в части установления обязанностей владельца значимого информационного ресурса)» [17]. Этим законопроектом предполагается внесение изменений в Закон об информации 2006 г. путем установления правового статуса значимого информационного ресурса и его владельца. Важность установления правового статуса указанного ресурса обусловлена развитием в стране информационной и коммуникационной инфраструктуры. В Закон о персональных данных предполагается внесение запрета на использование такими ресурсами технологий обработки данных, имеющих в составе базы данных, находящиеся не в России, что можно рассматривать эффективным с точки зрения не только личной, но и государственной информационной безопасности.

Также можно отметить внесенный в Государственную Думу законопроект № 992331-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» [18]. Его принятие следует охарактеризовать как

имеющее большую перспективу в вопросе развития обезличивания персональных данных, т.к. он утончит полномочия Роскомнадзора по утверждению требований и методов обезличивания персональных данных. Законопроектом № 416052-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» предусмотрено дополнение ст. 7 Закона о персональных данных [19]. В частности, в целях согласованности законодательных положений. Вводящих специальные категории персональных данных, законопроект предлагает установить в ч. 2 Закона о персональных данных положение о том, что «обеспечение конфиденциальности персональных данных не требуется в отношении персональных данных, сделанных общедоступными субъектом, полученных оператором в результате обезличивания персональных данных, или подлежащих опубликованию или обязательному раскрытию».

Таким образом, правовое регулирование в области персональных данных в России в рамках реализации концепции национальной программы «Цифровая экономика» подвергается постоянному и прогрессивному изменению по различным направлениям. Этот процесс реформирования законодательства происходит и в данный момент, ведь окончание реализации национальной программы запланировано на 2024 г.

На мой взгляд, произведенные и готовящиеся изменения в правовом регулировании в области персональных данных можно оценивать как эффективные, направленные на создание реальных механизмов защиты конфиденциальности как субъектов персональных данных, так и государства в соответствии с меняющейся реальностью. На основе указанных в работе измененных положений законодательства в области персональных данных можно проследить широкий охват общественных отношений, попадающих в предмет его правового регулирования, что отмечается правоведами [20]. Поэтому законодатель обращал и будет обращать пристальное внимание на вопросы обеспечения неприкосновенности частной жизни человека в контексте обеспечения конфиденциальности его персональных данных.

Список литературы:

1. Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 43 - 82.
2. Долинская В.В. Защита прав в сфере персональных данных в России и ЕС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 22 - 29.
3. Федеральный закон от 19.12.2005 № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» // Парламентская газета. № 227. 22.12.2005.
4. Петров М.И. Комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2007. 160 с.
5. Федеральный закон от 25.07.2011 № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» // Российская газета. № 162. 27.07.2011.
6. Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть III). ст. 5233.
7. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. Москва: БЕК, 1995. 320 с.
8. Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I), ст. 58.
9. Абышко А.О. Конец общедоступных персональных данных в России? К вопросу о Федеральном законе от 30 декабря 2020 года № 519-ФЗ // Закон. 2022. № 3. С. 97 - 107.
10. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания

необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 27.04.2020. № 17. ст. 2701.

11. Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020, № 31 (часть I). ст. 5017.

12. Ефремов А., Южаков В. Эксперименты в сфере цифровых технологий в условиях пандемии: потенциал, текущее состояние и проблемы // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 13. С. 31 - 38.

13. Федеральный закон от 30.12.2020 № 515-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть I). ст. 54.

14. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2021. - 468 с.

15. Законопроект № 107043-1 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности» // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1070431-7> (Дата обращения: 30.10.2022).

16. Законопроект № 211535-8 «О государственной информационной системе «Единая информационная система персональных данных, обеспечивающая обработку, включая сбор и хранение биометрических

персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» // СОЗД ГАС «Законотворчество». - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/211535-8> (Дата обращения: 30.10.2022).

17. Законопроект № 763517-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 18 Федерального закона «О персональных данных» (в части установления обязанностей владельца значимого информационного ресурса)» // СОЗД ГАС «Законотворчество». - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/763517-7> (Дата обращения: 30.10.2022).

18. Законопроект № 992331-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» // СОЗД ГАС «Законотворчество». - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/992331-7> (дата обращения: 30.10.2022).

19. Законопроект № 416052-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и статью 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части уточнения порядка обработки персональных данных по поручению оператора, а также уточнения требований по обеспечению безопасности обрабатываемых персональных данных)» // СОЗД ГАС «Законотворчество». - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/416052-6> (дата обращения: 30.10.2022).

20. Purtova N. The law of everything. Broad concept of personal data and future of EU data protection law // Law, Innovation and Technology. 2018. Vol. 10. Iss. 1. P. 41.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73

Гумаров Василь Халилович
Лисковец Варвара Анатольевна
Финансовый университет при Правительстве РФ
Юридический факультет
Финансовое и налоговое право
Россия, Москва
v.molotov159@gmail.com
varylisk06@gmail.com

Gumarov Vasil
Liskovets Varvara
Financial University under the Government of Russian Federation
Law faculty
Financial and tax law
Russia, Moscow

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО МЕХАНИЗМА ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Аннотация: в статье рассмотрены финансовый механизм хозяйствующего субъекта, налоговое и финансовое планирование. Проанализированы основная нормативно-правовая база по обеспечению функционирования финансового механизма и способы снижения финансовой нагрузки на хозяйствующего субъекта и преодоления существующих рисков и тех правовых последствий, которые следуют за ними.

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовый механизм, хозяйствующий субъект, налоговые и финансовые риски, финансовые инструменты.

REGULATORY AND LEGAL SUPPORT FOR THE FUNCTIONING OF THE FINANCIAL MECHANISM OF THE BUSINESS ENTITY

Annotation: the article analyzes the financial mechanism of a business entity, tax and financial planning. The main regulatory and legal framework for ensuring the functioning of the financial mechanism and ways to reduce the financial burden on an economic entity and overcome existing risks and the legal consequences that follow them are considered.

Key words: financial security, financial mechanism, business entity, tax and financial risks, financial instruments.

Хозяйствующий субъект, реализуя свою деятельность, всегда несёт риски. В число таких рисков входят налоговые и финансовые риски. За каждым риском стоят материальные и нематериальные издержки, подрывающие стабильное развитие хозяйствующего субъекта.

Чтобы эффективно управлять финансовыми и налоговыми рисками, надо применять различные финансовые механизмы и инструменты, знать нормативное обеспечение функционирования финансового механизма [2].

Финансовый механизм хозяйствующего субъекта (далее – ХС) – это совокупность способов управления финансами ХС. Он включает методы финансового планирования и формы управления финансами.

Объектом финансового планирования является финансовая деятельность ХС в целом.

Методы финансового планирования – метод экстраполяции, нормативный, математическое моделирование, балансовый метод.

Метод экстраполяции – финансовые показатели определяются на основе выявления их динамики, в расчетах исходят из показателей отчетного периода, корректируя их на относительно устойчивый темп изменений [5].

Отдельного рассмотрения требует механизм эффективности налогообложения, который позволяет обеспечить нормальное финансовое

функционирование хозяйствующего субъекта и сэкономить финансы хозяйствующего субъекта [4]. Этот механизм можно раскрыть через снижения налогового бремени путём использования налоговых льгот и преференций, налоговых резервов, отсутствие кредитования бюджета.

Можно выделить такие характерные черты финансового механизма, как:

1. Системность, под которой понимается взаимодействие элементов финансового механизма между собой, их взаимосвязь;

2. Позитивно ориентированный подход, суть которого в том, что от реализации механизма ожидается позитивный финансовый результат, повышающий эффективность хозяйствующего субъекта [6].

3. Воздействие на финансовые аспекты деятельности, так как сферой приложения финансового механизма есть отношения, которые связаны как с накоплением, так и расходованием фондов денежных средств [8].

Составляющие финансового механизма отличаются большим разнообразием, так как разные авторы их определяют по-разному. Можно выделить такие составляющие:

1. Финансовые методы, которые включают в себя финансовый учет, анализ, планирование, прогнозирование;

2. Финансовые рычаги. Здесь можно указать курсы валют, процентные ставки, а также цены;

3. Финансовые инструменты, включающие финансовые документы, что обращаются на рынке. Здесь можно указать ценные бумаги, деньги, опционы;

4. Информационное и нормативно-правовое обеспечение.

Нормативно-правое обеспечение финансовой безопасности осуществляется через регулирования механизмов финансовой безопасности посредством:

1. Федеральные законы;

2. Нормативно правовые акты;

3. Положения (стандарты) по бухгалтерскому учету;

4. Методические материалы, рекомендованные к применению регулятором;

5. Внутренние стандарты, регламенты, методики, инструкции, положения, приказы.

Перечислим необходимые федеральные законы:

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте»;

2. Федеральный закон от 07.08. 2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Перейдем к рассмотрению судебной практики, чтобы показать для чего нужно финансовое и налоговое планирование и те правовые последствия, которые могут за ним следовать. Часто налоговые органы не признают расходы (доходы), а за ними и вычеты, опираясь на экономическую обоснованность хозяйственных операций хозяйствующих субъектов[3].

Всё это может вести к взысканию недоимки, пени и штрафам, к примеру, по налогу на прибыль организаций и НДС. Чтобы избежать указанных выше правовых последствий, необходимо избегать взаимозависимости и подконтрольности контрагента, а также вести реальную предпринимательскую деятельность.

Проиллюстрируем на Постановлении АС ВВО от 20.06.2022 по делу № А43-51763/2019 ООО «Тракт-Авто», в котором налоговая оспаривает предоставленные транспортно-экспедиционные услуги организации со стороны контрагентов, указывая на то, что налогоплательщик их выполнял самостоятельно, а следовательно, неправомерно применило вычеты по НДС и учло услуги в расходах при исчислении налоговой базы по налогу на прибыль организаций.

Суд удовлетворил требования налогоплательщика, указав, что налоговым органом не доказано как движение денежных средств по кругу и их обналичивания, так и подмененный экономический смысл операций между организацией и контрагентами.

Действительно, трудно доказать необоснованность расходов. Как закреплено в Определении КС РФ от 1 октября 2009 г. № 1270-О-О оценка целесообразности и эффективности деятельности налогоплательщика лежит на самом налогоплательщике, поскольку налогоплательщик осуществляет предпринимательскую деятельность на свой страх и риск.

Можно сделать вывод, что налоговые органы не вправе проверять целесообразность деятельности налогоплательщика в соответствии с принципом свободы экономической деятельности за исключением случаев явного искусственного увеличения расходов без экономического смысла с целью снижения налоговой базы по налогу на прибыль организаций, но при этом бремя доказывания лежит не на налогоплательщике.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: от 13.07.2015 № 214-ФЗ, №232-ФЗ // Консультант Плюс. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 N 1270-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кислой Любови Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 221 и пунктом 3 статьи 237 Налогового кодекса Российской Федерации" // Вестник Конституционного суда, 2009.

3. Берганова, А. А. Финансовая безопасность организаций: понятие, сущность, факторы и условия ее обеспечения / А. А. Берганова, В. И. Авдеева // Актуальные проблемы развития финансового сектора : материалы V Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 ноября 2017

года. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2017. – С. 43-49.

4. Злотникова, Г. К. Обеспечение экономической безопасности организации - гарантия устойчивого финансового состояния организации / Г. К. Злотникова // Современные направления повышения конкурентоспособности регионов и предприятий : сборник материалов Международной научно-практической конференции на базе Владимирского филиала ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, 19 февраля 2016 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Научный консультант", 2016. – С. 47-51.

5. В. В. Ковалев // Теория статистики с элементами эконометрики в 2 ч. Часть 2 : учебник для вузов / [и др.] ; ответственный редактор В. В. Ковалев. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 348 с.— ISBN 978-5-534-04023-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/490799> (дата обращения: 01.12.2022).

6. Козлюк, Н. В. Роль финансового анализа и бизнес-планирования для обеспечения экономической безопасности организации / Н. В. Козлюк, Ю. И. Бородина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 12(139). – С. 25-30.

7. Коренева, А. С. Роль финансового анализа в обеспечении экономической безопасности организации / А. С. Коренева // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита : Материалы X Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием, Курск, 26 апреля 2018 года / Ответственный редактор Е.А. Бессонова. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2018. – С. 121-126.

8. Мельников Алексей Евгеньевич К вопросу о понятии финансового механизма // УЭКС. 2017. №7 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-finansovogo-mehanizma> (дата обращения: 01.12.2022).

9. Фарманова, Г. А. Финансовая устойчивость как фактор обеспечения экономической безопасности организаций / Г. А. Фарманова, С. А. Чернова // *Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании : сборник статей Международной научно-практической конференции, Тюмень, 05 июня 2019 года. – Тюмень: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2019. – С. 159-164.*